МИТИН ЖУРНАЛ

70

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

МИТИН ЖУРНАЛ
издается с января 1985 года

главный редактор: ДМИТРИЙ ВОЛЧЕК

дизайн обложки: АЛЕКСЕЙ КРОПИН
верстка: ДАРЬЯ ПРОТЧЕНКОВА
руководство изданием: ДМИТРИЙ БОЧЕНКОВ
подготовлено к печати: KOLONNA PUBLICATIONS

В оформлении обложки использована скульптура Яшитоши Канемаки

ISBN 978-5-98144-244-5

© Митин журнал, 2018

НОВОЕ
АРТУР АРИСТАКИСЯН
ЛИДА ЮСУПОВА
АНДРЕЙ ЧЕРНОВ
ПАВЕЛ ПЕППЕРШТЕЙН
КИРИЛЛ КУТАЛОВ
ПАВЕЛ НИКУЛИН

ДОСЬЕ
ФРАНСУА ОЖЬЕРАС

ДОКУМЕНТЫ
АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО
МАРУСЯ КЛИМОВА
ПАВЕЛ ЧЕРНОМОРСКИЙ
АЛЕКСАНДР МАРКИН

АРТУР АРИСТАКИСЯН

АШОТ

Я отпрыск того народа,
младенцев которого вскармливали
не молоком матери, а спермой отца

Бильярдная проститутка

Никто не может понять, как математики делают открытия на кончике пера. Также я не мог понять, как можно наносить такие убийственные удары кием по шару. Есть удары, которые навсегда входят в историю бильярда, их не забывают, о них рассказывают. Удары, которые производил Ашот, армянин из Бухареста, были фантастическими, потому что они были ставками на жизнь. Удар – ставка на жизнь. После его смерти стало известно, что он ставил на партию, помимо денег, жизнь своего сына. Его двадцатилетний сын тяжело болел и должен был умереть. Врачи давали несколько недель. Ашот никому не говорил, что играет на его жизнь. Публично он играл на большие деньги. Но тайно он играл на своего сына, как на последние деньги. Чтобы продлить его жизнь.

Ашот выигрывал деньги, а сын не умирал. Его хранил ковчег Ноя «Перпетуум-мобиле»: Ашот не мог не выигрывать денег, потому что играл на своего сына. И сын не умирал, потому что Ашот ставил на каждую партию все деньги, какие у него были, чтобы желание выиграть было сильнее смерти. Против него играли лучшие мастера румынского бильярда того времени. Они не знали, что от их лица с Ашотом играет Смерть его сына. Ашот выигрывал и знал, что смерть сына откладывается еще на некоторое количество дней. Соперники у Ашота менялись, но для него самого очередным соперником с кием в руке оставалась Смерть любимого сына. И удары Ашота были точнее ударов Смерти. После партии Ашот приходил домой и убеждался, что в глазах умирающего сына еще есть жизнь.

Чтобы одолеть Ашота в Бухарест привезли карлика, обладавшего смертельной точности ударом. Карлики – невероятно сильные существа. Карлик вставал на маленькую табуретку и бил; переставлял табуретку и бил; он не позво-

лил Ашоту сделать ни одного удара. Каждый шар летел у карлика в лузу. Ашот оставил на бильярдном столе чемодан со всеми деньгами, которые выиграл, там были все его деньги; покинул бильярдную, помчался домой, залез в кровать к умирающему сыну, стал его целовать в губы и умер от удара. Но сын его чудесным образом поправился и прожил долгую жизнь. Я застал его в живых, он умер не так давно в Бухаресте. И теперь я могу рассказать, как вместо него и на нем умер его отец.

Бильярдная, где играл Ашот, являлась культовым местом, не потому что его таковым считали, но потому что там совершались таинства бильярда. Еще там сидели проститутки, одна из них – Кристина – не просто ждала Ашота. Она была причастна к тому, что он совершит. Кристина была королевой бильярдной в столице румынской нефти городе Плоешти, выигрывала немыслимые деньги, на ней тоже хорошо зарабатывали. Но затем у нее стала сохнуть рука. Говорили, что ее прокляла мать одного игрока, тоже румынка, за то, что ее сын наложил на себя руки, проиграл. Своими ударами Кристина разрушила его семейное гнездо, спасти его от кредиторов могла только смерть.

Рука у нее не просто высохла, а превратилась в костяную палку, которую один мастер в Бухаресте приспособил для игры в бильярд, она умудрялась этим костяным кием бить по шару, даже попадать в лузу. Хотела остаться королевой с кием вместо руки. Но стала смертью с кием в руке. Переехала в Бухарест, стала предлагать услуги проститутки в бильярдных. Проститутка с кием, сухорукая Кристина, получила предложения нескольких бильярдных и предпочла ту, где играл Ашот.

Мне указали на Кристину пальцем еще во время моего первого посещения Румынии, ко мне тут же вернулась привычка класть пальцы в рот; бывшая бильярдная проститутка передвигалась по улице, опираясь на две палки, одной из которых был костяной кий вместо руки. Когда я услышал, что в ней течет армянская кровь, мне захотелось писать. Как будто передо мной поставили чернила, дали много бумаги и много времени. Несколько лет назад на румынской границе меня сняли с поезда. И вы сейчас читаете то, что я написал, пока устанавливали мою личность. Я стал писать главами, мне так легче. Первую главу назвал: бильярдная проститутка. Потому что это вторая профессия королевы бильярда. Вторую главу – подумал и назвал: дар пространства. Потому что так переводится с армянского имя армянина, который увел меня в рабство.

Дар пространства

Пограничники по очереди сунули нос в мой паспорт, спросили, что значит имя Артур по-армянски. Свет истины, сказал я. Одно из самых распространенных имен у армян – Гаспар. Помните, кто такой Гаспар. Волхвы вычислили место и время появление на свет Иисуса Христа, приехали поклониться ему, их звали Мельхиор, Аметист и Гаспар, что по-армянски значит идущий освобождать. Вслушиваться в звучание армянских имен нужно через толщу тысячелетий,

армяне не прошли фильтрацию имен, армянские имена просочились через завесу, среди них имя Ашот. Пока я это говорил, они обыскивали меня, искали наркотики. Спросили, что означает имя Ашот. Наша надежда, ответил я.

Если они примут меня за сумасшедшего, тоже неплохо, подумал я, тогда точно позволят мне пересечь румынскую границу. И увидел у них на столе шахматы, фигуры на доске. Они прервали партию из-за меня. Бильярд имеет сходство с шахматами, потому что там тоже есть жертва, сказал я, неизвестно, это жертва или это промах. Не знаешь: принимать, не принимать жертву. Также на бильярдном столе примешь жертву, отправишь шар в лузу – и этот шар в лузе оказывается твоим последним шаром в партии. Ты хочешь сказать, что в бильярде тоже возможна комбинационная игра, спросил пограничник. Никто не знает, как закрутятся и куда направятся шары, сказал я. Никто не знает, что задумал игрок – что у него на кончике кия. Но на кончике кия уже все произошло.

Я начал смотреть на кончик кия с десяти лет. Я смотрел на кончик кия в момент удара, терял сознание и приходил в себя уже в другом месте с другими людьми. И почти всегда там оказывался кто-то из армян. И каждый раз спасал меня. Как будто я его сын. Что за раны у тебя на губах, спросил пограничник, который все это время сидел за шахматной доской. Поднялся, подошел ко мне: кто это сделал? Потомки внука Ноя, ответил я. Когда азербайджанцы видят армянина, они на всякий случай спрашивают: сэн эрмянисян? Что значит: ты армянин? Грузины в такой ситуации спрашивают: шен сомехи хар? Ты армянин? Когда же армяне встречают армянина, они его спрашивают: Хайкес ту? Что в переводе с армянского значит: Ты потомок Хайка? Армяне определяют друг друга по родству с Хайком, внуком Ноя.

Я сказал, что хочу это и кое-что еще изложить на бумаге, чтобы им стало понятно, зачем я направляюсь в Румынию и кто для меня Ашот. Они попросили, чтобы я делал поля, когда буду писать. Я провел линию. Шел 1949-ый год. Ашот выигрывал партию за партией и на все выигранные деньги снова играл. Карлик оставил Ашота голым. Ашот залез на умиравшего сына, стал его целовать в рот. Смерть сына отдалась отцу.

Проходит двадцать лет после той партии в Бухаресте, столько же, сколько было сыну Ашота на тот момент, когда он должен был умереть, и вот уже в Москве играет другой Ашот, совершенный механизм «перпетуум-мобиле», его удары были ударами совершенного механизма. И вот стали шептаться, что в Москву привозят молодого грузина Сандро, что только он сможет опрокинуть Ашота. Нельзя передать, что творилось в бильярдной парка Горького, когда наступил тот день. Ашот был королем московского бильярда в те годы. Молодой ягуар Сандро взял кий. Его удары были самым страшным, что мне доводилось видеть в жизни. Над всеми присутствующими нависло, что «совершенный механизм» сейчас погибнет. Так и случилось. Ашот понял, что пришла его смерть с кием в руке. Я был там с отцом, мне было всего десять лет, помню удары Сандро. Когда все было кончено, у Ашота дрожали руки; а я через несколько лет после той партии попал в рабство к армянину. За свою жизнь я пока дважды побывал в рабстве у армянина, первым был Вараздат, что на армянском языке значит – дар пространства.

Первый выигрыш

Вараздат играл и делал ставки в той же бильярдной что Ашот. Я попытался стащить у него кошелек. Раньше я никогда этого не делал. Но поверил, что это Бог посылает мне армянина, который только что выиграл для меня деньги. Я не мог делать ставки, мне было мало лет. И у меня не было денег. Поэтому я стал делать свои ставки мысленно, как Ашот из Бухареста когда-то мысленно ставил своего сына, я поставил на партию свое тело, потому что больше у меня ничего не было. И выиграл. Армянин получил выигрыш. Кошелек смотрел на меня из кармана его пиджака.

Он так сильно схватил мою руку, что я послушно пошел за ним. Было понятно, что теперь он может делать со мной, что захочет. Неясно, что это было за место, куда он меня привез, просторный пустой подвал, большой бильярдный стол с шарами. Он раздел меня догола, бросил на стол, заставил принять неудобную позу, не давал шевелиться, менял позы, думал.

На следующий день там собралось много игроков. Вараздат своими корявыми руками с жирным золотым перстнем на пальце быстро раздел меня и голого положил перед всеми на бильярдный стол. И они стали играть. Первый шар ударил меня в локоть и полетел в лузу – у меня изо рта само вырвалось: Ашот. Мой хозяин выиграл, потом мне поменяли позу, и он проиграл, у него затряслись руки. Его усадили на стул, расстегнули рубашку. Последним его желанием было: позвонить дочери в Америку и услышать ее голос.

Победил моего армянина тоже армянин, на горле у него был хирургический колпак, он почти не мог говорить. Знаком повелел, чтобы мне позволили одеться и отпустили. И дал мне еще денег за игру и на лечение. Я был весь в синяках. Я спросил, как его имя, чтобы знать, кого мне благодарить. Мне сказали, чтобы я забыл, как он выглядит. Позже я выяснил его имя, его звали Хосров, что на армянском языке значит: бросающий жертву в поток огня.

Прошло несколько лет, я снова попал в рабство к армянину, его звали Гарник, что на армянском значит ягненок, но мне хотелось говорить Ашот. К тому времени у меня уже была потребность называть каждого армянина, к которому попадал в руки или просто знакомился – Ашот. Началось это с того дня, когда десятилетним мальчиком смотрел на кончик его кия в момент удара. И теперь каждый новый армянин в моей жизни, с которым я сталкиваюсь, становится для меня очередным ударом Ашота, я не могу без его ударов жить.

Фронтальное восприятие картины

Гарник был художник, безумный, настоящий. Ему нужно было только мое тело для картины. Прошла неделя, и я сбежал от него, а на следующий день его мастерская с картинами сгорела. Началось наше знакомство с удара, он меня разбудил на Курском вокзале, куда ходил искать натурщиков среди бездомных, чтобы ничего им не платить. Он спросил по-армянски, ты потомок Хайка. Армянин ли я. И повел к себе. Только по дороге я разглядел его и усомнился, разумно ли поступаю, идя к нему. Я спросил его, не игрок ли он. Его разозлил мой вопрос. У него во рту был золотой зуб, точно в том же месте, тот же по счету, как у другого армянина, у которого я жил. Звали того армянина Вардан, что по-армянски значит награда. У него втайне от семьи имелась комната в коммунальной квартире.

Я сразу понял, что он азартен, но в запредельные состояния не входит. Может до какого-то момента регулировать азарт. Я не захотел ходить с ним в парк Горького, слишком хорошо помнил ту бильярдную, где запредельные состояния возникали сами собой. Он проиграл свою комнату в коммуналке. Если бы я ходил с ним, он бы меня тоже проиграл. Поздно вечером к нему пришли, чтобы осмотреть комнату, увидели там меня, я спал. Пошел досыпать на вокзал.

Гарник сразу, как только пришли в мастерскую, стал меня раздевать, не позволил раздеться самому, ему хотелось сдирать с меня одежду. Нижнее белье тоже. Голый, я позировал ему сутками. Сказал, что неплохо разбираюсь в живописи, но он не хотел разговаривать. И не хотел, чтобы я видел картину, для которой позирую. Проявишь хитрость, посмотришь на картину, сильно пожалеешь, не шучу, предупредил он.

Кладовку, где я спал, он запирал на крючок. Я легко из нее выбрался и посмотрел на картину. Там был изображен бильярдный стол с призраками у стола. И на столе я – и это был его мертвый сын. Я был телом его покойного сына. Так я для себя решил. Иначе зачем Гарник не давал мне спать, не давал одеваться. Смотрел на меня голого, как на тело своего мертвого сына, спрятал мою одежду. Я не знал, оденусь ли снова. И сбежал. Я сбежал от Гарника, как будто должен был умереть, но поднялся и побежал. На следующий день вернулся. Гарник мог меня убить. Я сбежал в его одежде. Хотел вернуть его вещи. Но увидел, что его мастерская полностью сгорела. Он сам сгорел или нет, я не знал. Но понимал, что если бы я не сбежал, его мастерская не сгорела бы. Он бы тоже не сгорел. Я понял, что только сейчас стою перед его картиной, на которую он запретил мне смотреть. Но все же я на нее посмотрел, потому что вернулся в его одежде. И не мог сойти с места. Вот для какой картины я на самом деле позировал. У меня было такое чувство, что я провел неделю в рабстве у своего отца. И отец насиловал меня. Почему-то именно у армянских художников так часто горят мастерские, и никто не может этого объяснить.

Нежелание принимать жертву

Совершенный механизм Ашот, на которого я смотрел в парке Горького, когда мне было десять, несколько раз оглянулся на меня с интересом: как попал в бильярдную этот ребенок, кто его отец. Потом возник молодой Сандро. И больше я Ашота не видел. Но после той партии он почему-то стал моим отцом, я постиг в нем отца. И у меня осталось чувство, что отец изнасиловал меня. Я хожу с этим чувством до сих пор. Долго не мог его объяснить. Какое-то время боялся ходить в бильярдные, было нехорошее предчувствие. И тем не менее постоянно натыкался на армян, игравших и делавших ставки.

У армянского кафе ко мне подошел Вачаган, что по-армянски значит огненная речь, в кафе стояли два бильярдных стола, ставки там были детские по сравнению с парком Горького. Вачаган угостил меня чаем с лепешкой. Я знал, что ему захочется меня покормить, и я буду ночевать у него. Он ловил в кафе мужчин и вызывал в них азарт. Играл он не только в бильярд. Пока столы заняты, предлагал поиграть в номерки, купюру зажимал и давал отгадывать цифры. Бывало, что к тому времени, когда стол освобождался, уже не на что было играть. Мужчины не успевали дойти до бильярдного стола, в азарте проигрывали штаны.

Когда он узнал, что мне хочется называть его Ашотом, потому что у меня есть потребность в Ашоте, он занервничал и попросил не смотреть на него так, как на Ашота. Предложил поискать Ашота на армянском кладбище. С тобой интересно, сказал Вачаган, но ты смотришь на меня, как на отца, ты хочешь отдаться отцу, я не могу быть твоим отцом. Я сказал, что ему самому не надо стараться быть моим отцом, ему не надо быть Ашотом, я все это сделаю сам своими глазами без его помощи. Но он уже принял меня за плохой знак. И сказал: я предлагаю жертву, но не принимаю. И мы расстались.

Я пошел ночевать на Курский вокзал, познакомился там с армянином и решил рассказать ему то, что до этого места рассказал вам. Не помню, как его звали, оказался детским врачом, приехал в Москву на конференцию, дожидался поезда обратно. Я стал говорить, как Ашот смотрел на меня в тот день, когда появился Сандро, и как у меня осталось чувство, что Ашот меня изнасиловал, мне было десять лет, и с тех пор каждый армянин для меня как отец. Понятно, прервал меня армянин. Понятно, испугался я. Понятно, повторил он. И спросил, сколько я беру за то, что позорю его нацию. Он принял меня за вокзальную проститутку, но я лишь литературно оформил для него свою привязанность к нашей с ним нации, я тоже потомок Хайка. Полагал, что ему тоже есть, что мне рассказать о своих чувствах к отцу или к сыну, впереди была ночь.

На тот момент я еще не боялся подходить к незнакомым армянским мужчинам, годящимся мне в отцы, предлагать знакомство. Чаще они первые ко мне подходили с той же целью. Я сразу понимал, игрок он или не игрок, может

или нет сделать ставку по-крупному. Когда я видел, что мой армянин не игрок, сам делал ставку – узнавал, он настоящий потомок Хайка, или нет. Я полюбил делать ставку на армянина, что мы одной крови, и часто получал за это по лицу. После чего у меня начинали дрожать руки, я клал пальцы в рот, как ребенок. Уходил прочь с пальцами во рту. И вот очередной потомок Хайка принимает меня за проститутку. Но я уже сделал ставку на то, что мы одной крови. Если бы меня изнасиловал армянин, я бы хотел, чтобы он заплатил мне за это отцовскими деньгами, чтобы я почувствовал в нем отца. Как только я ему это сказал, он заехал мне по лицу, как отец. Шар закрутился в моей голове и остановился лишь рано утром на армянском кладбище, на улице 1905-го года, я не помнил, как туда шел.

Ашот Совершенный Механизм мог так закрутить шар; вращение шара делало удар громовым. Я ходил по армянскому кладбищу, искал, где лежит Ашот. Попадались могилы других игроков на бильярде. Набрел на армянского скрипача, я его узнал по фотографии на плите. Еще недавно он стоял с футляром в метро, я встал за ним и тихо позвал: Ашот. Он обернулся, сказал, что он не Ашот. Я сказал, знаю, что не Ашот. Он ничего не понял, вошел в поезд, оттуда на меня смотрел. Я вскрикнул, когда увидел, что это его могила, звали его Карапет – владыка лучей Солнца по-армянски.

Проходит немного времени после той встречи в метро, я снова с ним сталкиваюсь, теперь уже в бильярдной парка Сокольники. Я тут недавно, сказал он, делаю ставки, хочу купить старую итальянскую скрипку из частной коллекции. Он проиграл все, что заработал игрой на своей скрипке, остался без крыши над головой. На могильной плите было выбито его имя, цифры рождения-смерти и скрипка. Я подумал, что в могиле он лежит тоже со своей скрипкой, она ему не изменила, он ей изменил.

Вспомнил наш разговор в бильярдной, в него еще встрял один игрок, втроем мы сошлись на том, что между бильярдом и скрипкой много общего. Знаешь, что нельзя смычком взять такой звук, даже для первоклассных скрипачей он запредельный. Будешь сто лет тренировать удар, так ударить не сможешь, в лузу не попадешь, хотя знаешь, в какую зону шара надо ткнуть кий. Пошел дальше, увидел на другой могильной плите выбитый кий с двумя шарами, на каждом цифры: годы рождения и смерти. И надпись: любимому сыну. Имя: Хорен, что по-армянски значит Солнце. Отчество: Ашот. Я не знал, что его отец Ашот уже стоит за моей спиной и ждет, когда я повернусь.

Я спросил у него, в какой бильярдной играл его сын. Оказалось, он играл там же, где играл мой Ашот. Я сразу понял, что этот Ашот ставил на своего сына. И остался без штанов. И сына тоже потерял. Я спросил, почему так рано умер его сын. И он признался, что проиграл. Я проиграл сына, сказал Ашот. Поставил на сына. И не понял, что поставил его самого. Тогда я спросил, был ли он там в тот день, когда появился Сандро. Он сказал, что был. Несмотря на то, что Ашот после этого еще играл, он умер в тот самый день, когда проиграл у Сандро. Я сказал, что когда состоялась та партия, мне было десять лет, и я

почувствовал Ашота своим отцом. Я мысленно поставил на Ашота свое тело, потому что у меня больше ничего не было, но Ашот проиграл. И с тех пор для меня каждый армянин Ашот, и он насилует меня, как отец. И мне от этого хорошо. Потому что отец.

Смертельные удары Ашота сделали тебя его сыном, пояснил мне отец Хорена Ашот. И также сексуальным рабом всех армян, добавил я. Что тебе известно о смертельных ударах, спросил он, есть такие удары в бильярде, на них непроизвольно ставится чья-то жизнь.

Смертельные удары

Я сказал, что постоянно выхожу живым из игры. Сначала у меня в голове начинает вращаться бильярдный шар, и тогда рядом со мной начинают возникать игроки-армяне. Я вечно появляюсь там, где меня поджидает какой-нибудь игрок. Я направляюсь от игрока к игроку. Кто-то на этом зарабатывает, кто-то умирает.

Я проиграл сына не потому, что он проиграл, сказал Ашот, я проиграл сына от нерешительности. Когда мой сын проиграл все наши деньги, мне тоже захотелось его изнасиловать. Но я не мог решиться на удар, на свой удар. Если бы я его изнасиловал, он был бы жив, а я бы вместе со своим ударом отправился на тот свет. И это была бы моя могила, а не моего сына. Понятно, что я называю смертельным ударом и что такое ставка на жизнь, спросил Ашот. И предложил перейти с армянского кладбища в столовую при посольстве Армении, где в тот день кормили армян бесплатно.

Мы говорили до самого закрытия посольства. Там за наш стол подсел старый армянский ученый Месропян, нас представили, я его узнал, он меня нет. Когда-то он перевел Винни-Пуха на армянский язык. И тоже провел много лет в бильярдной, делал ставки. Поставил на Ашота и проиграл.

Месропян, пыль Луны по-армянски, не мог поверить, что я тоже был там в тот день, когда из Грузии привезли Сандро, артистичного парня, кахетинца или мингрела, сегодня не у кого спросить. Больше я про Ашота не слышал, сказал Месропян, Сандро тоже недолго пробыл на Олимпе. Казалось, что он возник как смерть Ашота, чтобы его не стало. Если непобедимого сломить, он не поднимется. И он не поднялся.

Когда в эту несчастную страну завезли пинг-понг, первые столы появились в 49-м году, деревянные ракетки издавали жуткий звук, первым чемпионом Союза стал армянин-репатриант из Ливана, Акопян, два или три года он был чемпионом. Он играл и на деньги тоже. И сразу стали готовить того, кто у него выиграет, молодого парня из Прибалтики. Акопян проиграл ему и больше играть не смог. Также на Ашоте после той партии можно было ставить крест.

Поставившие в тот день на Ашота проиграли состояния, стали инвалидами, покончили собой. Надежда нашего мира рухнула. Ноев ковчег развалился. Ашот был прагматик, каким был Ной. Поэтому на Ноя была сделана ставка, чтобы он спас нам жизнь. Ашот был азартен, каким Ной не был. Ашоту выпало загубить нашу жизнь.

Ашот пребывал в состоянии Винни-Пуха, у него была походка сластолюбца. Не в утилитарном смысле: увидел банку варенья и тут же поглотил. Но в глобальном смысле. С кончика кия исходит та же угроза жизни, что с кончика пера; хотя кончик кия в бильярде держит в напряжении очень ограниченное количество человек. Кончик пера держит в напряжении весь мир.

Минус три рыбы

Минус три рыбы сошли с кончика пера Поля Дюрака, и это стало математическим доказательством параллельного мира. Он искал математическими приемами параллельный мир, и с кончика пера на бумагу просочились минус три рыбы. Также с кончика пера сошла формула Эйнштейна. Доказательство возможности одним килограммом уничтожить миллионы человек сошло с кончика пера. Конечно, с кончика пера. Никто бы не стал этого делать, если бы с кончика пера не сошла формула, доказывающая, что такое возможно. Думаете, почему Эйнштейн к концу жизни сказал, что если бы ему дали еще один шанс родиться, он бы стал водопроводчиком, спросил Месропян, мой отец был ученым-ядерщиком и тоже оказался в категории носителей безумия. Они не сумасшедшие, они безумцы. Сумасшедшие не наносят вред Земле, они на Землю не покушаются. Сумасшедшие чувствуют значимость и силу Земли. Но это категория рискованных безумцев, причем рискующих не собой, рискующих Землей. Если бы отец тогда насиловал меня и сестру вместо того, чтобы делать ядерное оружие, я был бы счастлив, признался Месропян. И спросил, как я мог в таком детском возрасте оказаться в той бильярдной, в парке Горького.

Я сказал, что пришел туда с отцом, у отца была командировка в Москву, он взял меня с собой показать врачу. Чтобы избавить меня от привычки держать пальцы во рту. Мой отец был азартным мужчиной. Поэтому избегал азартных состояний. Но он поставил, сказал Месропян, поставил на Ашота. Если бы он не делал ставку, его бы просто не пустили в бильярдную.

Я говорил ему: папа-папа. Но он не реагировал. Он был полностью погружен в удары. Он был не со мной. Я потерял отца, мой отец отлетел. Он отлетел на обратную сторону Луны, сказал Месропян, шаманы так говорят. У них очень интересная лексика. Среди них есть такие, которые могут очень точно высказывать свои мысли. Ты делал когда-нибудь ставки, настоящие ставки, спросил меня Месропян. Если бы ты хотя бы раз делал ставку, ты бы понимал, в какой страшной ситуации оказался твой отец.

Твой отец не случайно взял тебя с собой, он приехал не только в командировку, не только для того, чтобы вытащить пальцы из твоего рта, сказал Ашот – отец Хорена, который лежит на армянском кладбище. Твой отец приехал, чтобы сделать ставку, поставить деньги, которые скопил. И тебя он не мог не взять с собой. Он сам не понимал, зачем тебя взял.

Я тоже не понимал, что был талисманом отца. Но это было неосознанно для него, или отец тоже меня воспринимал как талисман. Рядом с человеком азарта должен быть талисман. Кто участвует в азарте, обязательно начинает кого-то воспринимать как талисман, хотя сам этого может не сознавать. Я оказался плохим талисманом своего отца. Может неплохим сыном, но плохим талисманом.

Месропян сказал, что Бог не дал ему сына. И спросил: хочешь знать, почему твой отец отлетел на обратную сторону Луны. Он не мог не отлететь. Он сделал ставку. Взять деньги назад он не может, он ничего не может. Не может вернуться на Землю. Не может поставить своего сына, подумал я и вспомнил, что реакция отца после той партии была похожа на промах, когда рука не может разжать кий. Сила сжатия зависит от ставки, которая была сделана. Когда был повержен Ашот, отец держал меня за руку и не мог разжать. Я не мог вырвать руку, он не мог разжать, мы так и пошли домой.

Твой отец не мог не поставить на Ашота, сказал Месропян, когда нас стали слушать еще трое пожилых армян, евших за соседним столиком. Ашот, чтоб вы знали, играл только в парке Горького. Менее значимая по ставкам бильярдная была в Останкино и еще одна в Сокольниках. Расползался слух, что сегодня будет играть Ашот, начинали стекаться люди. И делать ставки. Я слушал Месропяна, положив четыре пальца в рот, вспомнил кассира, принимавшего ставки, как он записывал, кто на кого ставит. Ставки делались запредельные, я не знал, сколько поставил мой отец. Ставились золотые украшения, машины, продолжал Месропян, кто-то говорит: у меня есть дом в Кисловодске, ставлю этот дом. Ставкой могла быть любимая женщина, жена, сестра. Никто не ставил своих детей, их ставила некая сила, сгущавшая присутствие. Так прессуется урановая руда, извлекается плутоний. Гигантское количество руды прессуется до состояния одного килограмма, который становится критической массой; достаточно детонатора, чтобы исчезли миллионы человек, сказал Месропян, когда к нашему столу подошла старая неопрятная армянка на костылях.

Еще одна жертва атомного взрыва, сказал Месропян и представил нам свою сестру, ее звали Егине, что по-армянски значит: устремленная к Солнцу. Я вытащил пальцы изо рта, хотел уступить ей место, найти себе стул, но Месропян сказал, что его сестре удобнее стоять, опершись на костыли. Минус три рыбы в параллельном мире – что это, подумал я, как ни чья-то армянская фамилия с армянского языка. Может, армянская фамилия Господа нашего Иисуса Христа. Чья фамилия «минус три рыбы» по-армянски – я мысленно сделал ставку на ответ, чтобы его получить. И снова поставил свое тело. Природа отказала мне в сыне.

Что происходило после того, как делались ставки, можно сравнить с ожиданием грозы, продолжал Месропян. Еще до того, как наступает гроза, чувствуешь в воздухе колоссальное напряжение. Грозовые состояния стоят в бильярдной.

Удары по шарам, как раскаты грома. И однажды эти раскаты грома приводят к тому, что появляется Сандро. Чудовищная в тот день нависла гроза. Было ощущение, что находишься на грани гибели. Пойми, когда ставит и проигрывает сам игрок, то это не безнадежно, потому что он выиграет в другой раз. Но когда делаешь ставку на игрока, сразу нависает ощущение безнадежности.

Никакой надежды

Бильярд, в который играл Ашот – это безнадежная игра. Страшнее игры нет. На скачках, в казино надежда остается с тобой до конца и покидает тебя последней. Но в бильярде надежды не остается уже в самом начале. Ставишь состояние и сразу начинаешь чувствовать, что тот, на кого поставил, проиграет. Как только передаешь деньги, сразу чувствуешь, что это конец. И это ощущение сопровождает всю игру. Когда такое ощущение возникает, а возникает оно с самого начала, как только передаешь деньги, твой игрок обязательно проиграет. Как мистическая кара: проиграет. Начинают поджилки трястись. Расчет на то, что шар отлетит от борта, стукнет другой шар и тот попадет в лузу – он сразу спрессовывает время, еще потому что шар не летит прямолинейно, а закручивается. И тот шар, о который ударяется закрученный шар, тоже закручивается.

Человека, сделавшего ставку, завораживает вращение шара, а на шаре всегда стоит номер. Шар вращается, и цифра вращается. Жуткий феномен: вращения цифры на вращающемся шаре, магия цифры. Не числа. Я много страшного видел в жизни. Но ничто не было так страшно, как вращение шаров. И эти жуткие мгновения – целая вечность для тех, кто сделал ставку, поставил состояние. Время спрессовывается как тротил. Жуткое бильярдное напряжение. Люди падали в обморок. Кто-то, как твой отец, отлетал на обратную сторону Луны.

Поэтому отец не мог разжать мою руку до утра, пока ему сильно не захотелось в туалет; мы спали вместе на одной койке. Не разделись, только разулись. У меня чуть не отсохла рука, пока я спал, так он меня держал. После сна от руки мог остаться один кий. Или одна пыль Луны. Месропян мог бы назвать пылью Луны деньги. Не только те, что он поставил на Ашота. Деньги передаются из рук в руки и носят армянскую фамилию Месропян.

Есть такой удар, который идет от двух бортов, завелся Месропян, удар мог быть так сложно задуман, что шар отталкивается от борта, и его вращение может быть таким, может быть таким, может быть таким, вращение может быть обратным. Никто не знает, что игрок задумал, что закрутил. Как шар оттолкнется от борта, никто не знает. Никто не может предвидеть, что будет. Только игрок знает, куда он направил вращение. Жуткий по мощи удар: шар крутится-крутится-крутится. И это вращение настолько загадочно, известно только тому, кто производит удар. И этот удар, как гром перед молнией, он может оглу-

шить. Громовой удар в абсолютной тишине. Шар летит туда, куда не ждешь. И в момент удара кто-то теряет сознание. Потому что теряет все. Я потерял сознание, глядя на кончик кия в гробовой тишине.

Ставка на жизнь такой удар, продолжил Месропян, инсульт может случиться моментально, а может через месяц, через два. Похожий звук может вызвать инсульт. Ассоциативно может случиться инсульт. Если кто-то попадает в автомобильную катастрофу, этот звук так фиксируется в его голове, что в другом месте похожий звук может вызвать амнезию, потерю памяти, как у моей сестры. Она номинально присутствует в нашем разговоре, пояснил Месропян и посмотрел на костыль своей сестры. В то время, когда играл Ашот, в бильярдной всегда находился кто-нибудь номинально присутствующий, только ему позволялось не делать ставку. Функция таких людей заключалась в другом. Служить крупицами кристалла, помещенного в насыщенный раствор. Стакан может разорвать. Казалось, только что был прозрачный раствор в стакане, но вокруг «номинально присутствующих» начинает чудовищно нарастать напряжение в бильярдной, нарастает-нарастает-нарастает до состояния атомного взрыва. Твой отец не мог быть номинально присутствующим, сказал Месропян, иначе бы он не улетел на обратную сторону Луны. Отец мог забрать меня туда с собой, если бы не захотел в туалет, подумал я, низко опустил голову и спешно стал просовывать все-все пальцы, сколько есть на обеих руках, в рот.

Лунная пыль

Сегодня таких встреч на уровне атомного взрыва нет, потому что наступило бильярдное разнообразие, продолжал говорить Месропян, сейчас в Москве много самых разных бильярдных, и абсолютного короля бильярда нет. Бильярд перестал быть классикой. Сегодня всюду американский бильярд, там другие шары, другие удары. И кий другой, подумал я, раньше маленькая тоненькая нашлепка на кончике кия из кожи бегемота стоила безумных денег. Мастера киев очень хорошо зарабатывали.

Шахматы после появления играющих компьютеров тоже перестали быть классикой, сказал Ашот, кино после появления компьютеров перестало быть классикой. Нет настоящего фильма о бильярде, сказал Месропян, снять напряжение в бильярде все равно, что снять атомный взрыв. Не представляю, как сегодня выявить таких психов, как Ашот и Сандро. Типы картежников можно было легко выявить кастингом, подумал я, Омар Шариф проиграл в казино дом в Париже. И с ним снято много азартных фильмов, про его азарт.

Еще я подумал, что английский актер Дирк Богард почти в каждом фильме играет того самого «номинально присутствующего». Он не играет. Он в этом состоянии находится. Он видно много чего повидал в жизни до того, как стал лицедеем. Повидал как номинально присутствующий. Потом вспомнил, что когда познакомился с Женей Головиным, он сразу предложил мне принять участие

в спиритическом сеансе. Женя Головин мог быть таким номинально присутствующим на спиритическом сеансе. Мамлеев принимал участие в спиритических сеансах, но он не был номинально присутствующим, приходил в крайнее возбуждение, падал в обморок.

Месропян стал трясти свою сестру за костыль и звать ее, как будто она была где-то далеко. Вдумайся, перед тобой сидит человек, который был в тот самый день в той самой бильярдной, стоял рядом с отцом. Его отец тоже сделал ставку, он чуть не потерял отца. Потому что напряжение в бильярде – это состояние за гранью человеческого, даже за гранью животного присутствия на Земле, состояние полета на Луну в пушечном шаре, вытащил у меня пальцы изо рта Месропян, поэтому твой отец исчез. Улетел.

Мне было всего десять лет, сказал я, мне тоже хотелось сделать ставку. Было страшно за отца, что он проиграет. Поэтому тоже мысленно поставил на Ашота. Кроме своего тела, мне нечего было поставить. И мне бы никто не позволил. К тому времени я уже слышал про изнасилования детей. И мысленно поставил свое тело на Ашота. Поставил свое тело и через несколько лет стал бильярдной проституткой. На меня играли, меня выигрывали, проигрывали. Но мне нужны были не деньги. Я хотел вернуть своего отца. Я продолжал ставить на того Ашота свое тело за своего отца. Я работал бильярдной проституткой.

Вы лежали голым на столе, по вам катали шары, вмешалась сестра Месропяна. Не катали, – закричал на сестру Месропян, – но после чрезвычайного напряжения он отдавался кому-то из игроков, или всем подряд, чтобы они расслабились. Ты все понимаешь буквально. Тебе лучше что-то рассказывать в темных очках. Не ты чтоб была в темных очках, но я.

Он предоставлял свои услуги. За деньги? – спросила брата Егине. Ну что ты, какие деньги, ответил сестре Месропян. Наоборот, он сам платил. Протри свои костыли влажной тряпкой. Или пойди, возьми себе творог со сметаной.

Предполагалось, что я отдамся тому, кто победит в партии. Но это только предполагалась, по факту я отдавался тому, кто проигрывал. Чтобы он не погиб. Пока шла игра, я сидел себе в углу и ждал. Я тоже был «номинально присутствовавшим», вокруг таких людей, как я, нарастало напряжение. Как твоя фамилия, спросил меня Месропян. Я сказал: Аристакисян. Святой защитник по-армянски. Почти в тридцать я был вынужден бросить бильярдную проституцию. Поступил во ВГИК, но ничего путного не снял. Никого не родил, не женился. И это все Ашот, на которого я поставил себя, после того, как на него поставил мой отец. Если бы сегодня играли в такой бильярд, в который играл Ашот, я бы снова ушел в бильярдную проституцию. Тебе из нее уже никогда не выйти, сказал Месропян. Потому что ты все еще не вернул отца.

Ставка на жизнь

Потеряв сына, я стал думать, чего я не сделал, чтобы его спасти, сказал Ашот отец Хорена. Попал в Кутаиси и оказался в гостях у одного нашего, армянина, его звали Мигран, солнечный лик, пишу от себя, Ашот этого не говорил, он продолжал. У Миграна за стенкой жил сосед, его тоже звали Ашот, как меня. У него страшно болел и умирал юный сын, спасти его было уже нельзя. Мигран постучал кулаком по стене, и голос Ашота позвал нас. Единственный сын умирал на глазах отца. Юноша смотрел на него и повторял: папочка, сделай что-нибудь. Что случилось потом, я узнал от Миграна, когда через несколько месяцев снова оказался в Кутаиси. Только тогда я понял, что такое удар и что такое сделать ставку. Ашот ни на что не решался, он не думал. Он просто сидел на кровати сына, когда тот уже умирал. И набросился на него, стал его целовать в глаза и рот. Ашот изнасиловал сына и умер. Сын быстро поправился. Мигран как тогда постучал кулаком в стену, и я снова услышал голос оттуда. На сей раз это уже был не Ашот, а его сын. Мы сразу зашли. Он читал книгу, готовился к экзаменам. Я смотрел в глаза мальчишки, которого изнасиловал и заново родил отец. Он его с того света достал.

Я решил провести в Кутаиси еще несколько дней, продолжал Ашот, хотел поговорить с ясновидящей армянкой, о ней еще в первый мой приезд рассказал Мигран. Несчастный отец, когда умирал сын, не мог с ней не поговорить. Ясновидящая сама тяжело болела и ждала смерти. Она не сказала прямо, был ли у нее Ашот, всех не упомнишь. Я сказал, что не уйду, пока не узнаю: это ты подсказала Ашоту, что ему делать с сыном. На что она назвала себя женщиной, а это мужское дело. Каким образом к моральному человеку приходит желание изнасиловать сына, когда тот умирает, закричал я, но так и остался со своим криком.

Я хотел сказать, что желание изнасиловать сына было вызвано знанием, которое у армян в крови, но не успел, потому что меня опередил Месропян. Без команды ясновидящей он бы на такое не решился, она должна была скомандовать; если она почувствовала, что он на все готов и выполнит то, что она ему скажет, что бы она ни сказала, без скепсиса и без обсуждения, она могла дать ему такую команду, изнасиловать сына. Я слышал о существовании практики взятия на себя смертельной болезни своего кровника, но это возможно, если только такую команду даст ясновидящий. Отец не может быть ясновидящим в такой ситуации, когда умирает его сын.

Но ему и не надо быть ясновидящим, если он в состоянии сделать удар, сказал Ашот. Ему не надо говорить, что делать. Потому что это его удар. Армянину не нужен ясновидящий, чтобы изнасиловать своего сына, когда тот умирает, сказал я, он был простой армянин. Понятно, что такой армянин не в курсе, что мистическая потребность изнасиловать сына у него в крови. Его кровь знает, что делать. И он делает ставку на удар, сказал Ашот, на свой удар. Нельзя ставить жизнь своего сына на чей-то удар, надо сделать этот удар самому. И сделать его по сыну. Только так можно сделать ставку.

Но ставка принята не будет и удар не состоится, если молниеносно не совершить по отношению к своему сыну нечто настоящее, сказал я, настоящее безумие. Он набросился на умирающего сына, изнасиловал его от любви. Но он не мог его изнасиловать, не отдав сначала все деньги на его лечение. Можно отдать все, а удара не сделать, сказал Ашот, я отдал все, но своего удара не сделал. Выходит, не все отдал. Мой сын в могиле, а я с вами. На что я сказал, что в могиле не его сын.

Ашот

Удары в бильярде проявляют нечеловеческие ситуации, созданные самим человеком. Надо потерять надежду и только тогда внезапно нанести удар. За счет такой концентрации и такой ставки, когда для него ничего не важно в этом мире, законы мира над ним не властны, он выходит из суетности, делает ставку на удар, думал я, идя из посольства Армении, не решив – куда. Я хотел спрятаться в посольстве, чтобы тихо переночевать. Но спрятаться было особенно негде, меня быстро нашли армянские солдаты, охранявшие этот клочок Армении в Москве.

Нанося удар такого характера, как Ашот, поступаешь, как вор в законе. Можно проиграть все, но, если попадешь в лузу, навсегда входишь в легенду. И это не только легенда, такой удар полностью разрушает схему игры в голове соперника, такой удар может поменять планы судьбы.

Я попытался переночевать в театре, в котором одно время работал, но меня узнали и не пустили. Я вспомнил про кафе «Ласточка», где по вечерам всегда собирается много армян, играют в нарды, в карты. И направился туда. Месропян прав; когда играют в карты, там напряжение шулерское. Там напряжение со стороны нарастает. Напряжение в картах многоступенчато, напряжение расслаивается за счет того, что действует фактор вне стола. Ничего общего с состоянием бильярдного стола нет. Никаких козырных карт в манжетах. Шары все на столе. Планетарная сущность человека вся на столе. Там некому притаиться под столом. Запасной шар из манжеты не вытащишь. Там все обнажено. Стоит гробовая тишина, пока не прогремит гром. Игра за гранью безумия. Не на грани. За. Как вскрытая грудная клетка, и там трепещет сердце. И трепещет. И трепещет. И трепещет. Прямо у тебя на виду.

Я понял, что сейчас смогу вернуть отца на Землю, если срочно сделаю ставку. Я стал подходить к армянам в кафе «Ласточка» и спрашивать, при каких обстоятельствах армянин может изнасиловать своего сына. Я назвал это мистической потребностью армян. Начался жуткий переполох. Меня стали больно хватать и внушать, что у армян такой потребности нет, что армянские отцы не

насилуют своих сыновей. Я повторил, что это их мистическая потребность; она в мистическом паспорте стоит. Достаньте свои мистические паспорта, сказал я, прочитайте, что там написано.

Они сбили меня с ног, порвали на мне рубашку, стали совать пальцы мне в рот, чтобы его порвать. Я только успел закричать: Ашот. И тут до меня дошло, что, когда армянин проделывает с умирающим сыном манипуляции сексуального характера и умирает вместо сына – это и есть Ашот.

Больше того, когда любой армянин насильственно принуждает к занятию сексом незнакомого юношу или ребенка, он невольно занимает место его отца. Он бессознательно попадает в ситуацию Ашот. Только в ситуации Ашот Смерть может принять плату за жизнь сына жизнью отца.

Страшное вращение шаров, прессующее время, как тротил, – это Ашот. По учению армян-монофизитов, Ашот есть нечеловеческое имя Иисуса Христа, которого тоже изнасиловал отец. Только армянин мог назвать Бога отцом.

Ашот – значит познать своего отца и остаться в живых. Ашот – это ставка на жизнь. Сделать кому-то Ашот – это сделать за него ставку на жизнь, когда рядом с ним смерть. Каждому армянину хотя бы раз в жизни делали Ашот. Но сам он не знает, что ему делали Ашот.

Мне не один раз делали Ашот. Если бы мне не делали Ашот, меня бы уже не было в живых. На любое знание нужно время. Я много намучился, чтобы узнать, что такое Ашот. Что такое по-армянски отец.

После кафе «Ласточка» я пошел в больницу, меня взяли на одну ночь. Русская санитарка сказала мне, что на моей койке не так давно тоже армянин лежал, молодой парень.

Затем его в реанимацию перевезли, сказала она. Когда он умирал, и уже была клиническая смерть, отец-армянин ползал вокруг него три дня и три ночи, его никто не посмел оторвать, прогнать. Врачи и все, кто заходил, не хотели его трогать и мешать ему. Там такое происходило! У всякого вызывало трепет. Никто не знал, как это назвать. Название у этого Ашот.

Унгены, 2005

ЛИДА ЮСУПОВА

Победы в Великой Отечественной войне

ДД.ММ.ГГГГ около 11 часов ФИ014 и его коллега электрик-монтажник ФИ015
протягивали электрокабель через вышеуказанный овраг
Когда они переходили через овраг, ФИ015 обратил внимание
на черный мусорный пакет
Он сообщил об этом ФИ014 и сказал, что скорее всего в пакете труп.
ФИ015 подошел чуть ближе к пакету и обнаружил,
что в пакете находится труп голой женщины.

шел не очень сильный снег

ФИ08 следила за личной жизнью дочери.
она нашла у Ксении в вещах
специальную одежду для ролевых игр,
сексуальное белье,
фалоимитатор
и чулки.
Указанные вещи ФИ08 сожгла

прижал ее к себе и стал кричать,
прижал ее к себе и стал кричать,
Спустя некоторое время он понял, что ФИ053 умерла,
прижал ее к себе и стал кричать,
не понимая при этом, что он делает.

Они с ФИ034 были приверженцами анального секса
а также анального и вагинального фистинга.

они с ФИ043 испытывали очень сильное сексуальное наслаждение
и ни на что другое они не обращали внимание.

В августе 2012 года ФИ018 сказал ФИ01,
что у него есть знакомая девушка по имени ФИ020,
которая также увлекается ролевыми сексуальными играми,

а также нетрадиционными видами сексуальных отношений
и хотела бы познакомиться с мужчиной, разделяющим ее интересы,
спросив, не желает ли ФИО1 с ней познакомится.
ФИО1 это заинтересовало

Встретились они в 20-х числах августа 2012 года,
на пересечении улиц ФИО24 и ФИО27 в г. Краснодаре.
Также в ходе беседы они договорились вступить в половую связь.

Находясь в квартире, они пообщались немного поближе,
выяснив при этом, что именно они предпочитают в сексе,
после чего разделись, легли на кровать
и начали вступать в половую связь.
В указанный день они занимались сексом в естественной форме,
вагинальным фистингом – стимуляцией рукой влагалища,
оральным сексом.
После этого они разошлись, но продолжали общаться и периодически встречаться.

Кроме того, в ходе общения он выяснил,
что ФИО29 предпочитает занятия анальным фистингом –
стимулированием рукой анального отверстия.
Данное занятие ему также доставляло удовольствие,
в связи с чем, они стали практиковать данный вид сексуальных отношений.

В ходе встреч между ФИО1 и ФИО32 происходили ролевые игры.
Суть игры заключалось в том,
что ФИО1 играл роль «ФИО30»,
а она рабыню «ФИО31».
В ходе игры они занимались различными видами секса.
В ходе занятия сексом использовали различную сексуальную атрибутику,
а именно
латексные трусы,
медицинские перчатки,
виниловые простыни,
а также различные смазки.

Они с ФИО34 были приверженцами анального секса,
а также анального и вагинального фистинга.

В последующем
их с ФИО35 встречи стали происходить в квартире друга ФИО1 - ФИО36,
расположенной по адресу: г. Краснодар, <адрес>.

Супруга ФИО1 о встречах с ФИО38 осведомлена не была.

ДД.ММ.ГГГГ около 8 часов 30 минут
они снова встретились с ФИО39
в вышеуказанной квартире
по <адрес> в г. Краснодаре.
В указанный день
они занимались
оральным и анальным сексом,
а также
анальным фистингом,
причем в обе стороны.

причем в обе стороны

С целью исключения
болезненных отношений
ФИО1 и ФИО40 использовали гель
на основе медицинского препарата «лидокаина».
В ходе занятия
анальным фистингом
он наносил гель себе на ладонь,
после чего вставлял ладонь
до запястья
в анальное отверстие ФИО41.
ФИО42 против этого не возражала,
поскольку данные действия
доставляли ей
большое удовольствие.

они с ФИО43 испытывали очень сильное сексуальное наслаждение
и ни на что другое они не обращали внимание.

В тот период времени ФИО1 знал, что лидокаин является очень сильнодействующим медицинским препаратом и использовать его в больших количествах нельзя, однако не придавал этому должного значения, так как, таким образом
они с ФИО43 испытывали очень сильное сексуальное наслаждение
и ни на что другое они не обращали внимание.

Через некоторое время они решили сделать перерыв
и некоторое время просто лежали на кровати и разговаривали.
В ходе общения, ФИО44 перестала отвечать на вопросы и не откликалась.

ФИ01 перевернул ее
к себе
лицом

В 2007 году ФИ07 поступила на педиатрический факультет КубГМУ.
По окончании указанного вуза в 2013 году, поступила в ординатуру,
где получала образование по настоящее время.
С первого курса и до конца четвертого курса
Ксения проживала совместно с родителями дома в поселке ФИ058.
По окончанию четвертого курса они решили,
что ФИ059 уже взрослая и может проживать самостоятельно,
в связи с чем, она начала проживать со своей родной сестрой ФИ057
в квартире, расположенной по адресу: г. Краснодар, <адрес>.

Каждые выходные ФИ08 с супругом ФИ061
навещали своих дочерей,
приезжая к ним на квартиру.

она нашла у Ксении в вещах
специальную одежду для ролевых игр,
сексуальное белье,
фалоимитатор
и чулки.
Увидев эти вещи, она спросила у нее,
для чего это все ей,
на что ФИ070 пояснила,
что ей нравятся эти вещи,
и она пользуется ими для себя.
Указанные вещи ФИ08 сожгла

и понял, что она перестала дышать.

она перестала дышать

ее глаза

ее глаза находились в полуоткрытом положении

В то
т момен
т ее глаза находились в полуоткрытом положени
и.
Он очень сильно испугалс

я
стал делать ей искусственное дыхание
ро
т в р
от
увидел
светильни
к,
который был расположен в к
омнате,
от
орва
л с него
пр
овод
а,
пр
и этом вилк
у
он
засунул в ро
зетку,
а сами провода прижал к ее телу.
таким образом он пытался дать нагрузку
ее сердцу,
чтобы оно снова начало биться.
Ранее он видел, как это делается в кинофильмах

Весной 2011 года
они договорились с ФИ0113,
что она приедет к ней в гости,
и они попробуют заняться лесбийским сексом
с элементами «садомазохизма».
Когда ФИ0114 приехала к ней,
они стали заниматься лесбийским сексом,
при этом, причиняя друг другу болевые ощущения
путём нанесения ударов ремнем по ягодицам
и стимулирования половых органов друг друга руками.
Это продолжалось около 1,5-2 часов.
Более долгим временем они не располагали,
поскольку ее дети в этот момент пошли гулять во двор
и могли вернуться в любое время.
Данная встреча их не удовлетворила,
половой акт они не окончили.

После данной встречи
они обсудили произошедшее
и вместе решили,
что их не устраивает
вступление в половую связь с друг другом,
в связи с чем решили
более не повторять попытку
занятия лесбийским сексом, п
родолжая общаться друг с другом
на очень доверительных отношениях.

В ходе встречи
они втроем вступали
в половую связь
в естественной, оральной и анальной форме.
ФИО7 никакими обезболивающими препаратами не пользовалась.
В ходе вступления
в половую связь
ФИО133 причинял им
физическую боль,
тянул за волосы,
оскорблял их грубой нецензурной бранью.
Также ФИО134 нравилось,
чтоб ее поливали горячим воском от сгорающей свечи,
надевали ей на шею ошейник,
защипывали бельевыми прищепками грудь
и половые органы.
Она любила играть в игру,
которую она называла «подсвечник».
Суть игры заключалась в том,
чтобы раздетой догола девушке
в руки и в рот вставляли горящие свечи,
и горячий воск капал ей на голое тело,
и таким образом ей причинялась
физическая боль.

Она наблюдала за происходящим со стороны.
ФИО136 поочередно
вступал в половую связь
то со ней,
то с ФИО7,
что доставляло им очень большое удовольствие.
После данной встречи

ФИО7, она и ФИО137,
на автомобиле ФИО138
ездили на море в <адрес>,
где также занимались групповым сексом втроем.

с которым они практиковали
анальный секс и анальный фистинг
в обе стороны,
а также ролевые игры.
Также она рассказывала,
что в половую связь
они вступают на квартире,
которая принадлежит другу ФИО2.
Кроме того, Ксения рассказывала,
что у ФИО2 есть знакомая,
которая, также практикует анальный фистинг,
и что они даже встречались втроем
и что в ходе данной встречи
ее привязывали и причиняли ей
физическую боль.

перед тем как заняться анальным сексом,
она нюхала вещество,
которое она называла «попперс».
данное вещество расслабляло анальное отверстие,
и она могла безболезненно
вступать в половую связь в анальной форме.

изначально она деньги с мужчин не брала,
а в последующем они стала давать ей денежные средства,
а она не отказывалась.
Она осуждала ее за такое поведение,
но ФИО147 ее не слушала и говорила,
что в этом нет ничего плохого.

Последний раз она с ФИО7 встретилась случайно
осенью 2013 года
на автобусной остановке «Кооперативный рынок».
Они поговорили буквально пару минут,
поскольку она опаздывала на работу.

Она охарактеризовала ФИО7 исключительно с положительной стороны,
как очень доброго, открытого и безобидного человека.

При этом она была очень шальной, строптивой и своенравной.
Сама про себя она говорила, что «она темная лошадка»,
так как по ее словам все думали,
что она прилежная девушка,
а на самом деле она очень развратная.
Как она говорила
«сверху она монашка, а внутри она очень похотливая сучка»

Спустя некоторое время он понял, что ФИ053 умерла,
прижал ее к себе и стал кричать,
прижал ее к себе и стал кричать,
не понимая при этом, что он делает.

Проснувшись, ФИ086 увидела, что ФИ088 дома нет.
они должны были всей семьей
поехать в гости к своим родственникам на <адрес> а г. Краснодара,
где проживает родной брат ФИ08

ФИ04 знала о том, что сестра с указанными мужчинами
занималась нетрадиционным сексом.
Родители были против данных отношений.
Утром ДД.ММ.ГГГГ Ксения куда-то ушла.
Через некоторое время ей позвонила мама
и сказала, что у сестры выключены телефоны
и она ее не может найти.

Далее
он занес ее в ванную комнату,
искупал, протер полотенцем
и надел на нее домашний халат,
а затем связал ей руки и ноги веревкой.
Для чего он это сделал, он пояснить не может.

После этого он вышел на улицу

После этого он вышел на улицу
и подогнал свой автомобиль марки «Ниссан Икс-Трейл»
серого цвета государственный регистрационный знак № регион
к подъезду,
а затем, поднявшись в квартиру,
взял труп ФИ046 на руки

взял труп ФИ046 на руки

взял труп ФИ046 на руки
и спустил его вниз,
где положил в багажный отсек автомобиля.

Далее
он забрал все вещи находящиеся в ней,
после чего закрыл квартиру и спустился вниз.
Когда он спускался по лестнице с вещами,
то увидел, что навстречу по лестнице поднимается ФИ048,
который спросил у ФИ01,
почему он такой запыхавшийся,
на что тот ответил, что ФИ045 убежала
и что он пытается ее догнать.

и что он пытается ее догнать.

ДД.ММ.ГГГГ в обеденное время он,
возвращаясь в указанную квартиру
встретил в подъезде дома ФИ01,
который покидал квартиру,
они поздоровались и разошлись,
при этом подсудимый спросил его,
не встретил ли он по пути Ксению

не встретил ли он по пути Ксению

примерно в 13 часов ФИ08 с супругом приехали в г. Краснодар
и направились на квартиру, где проживают их дочки.
По приезду там находилась только ФИ0103,
ожидая ФИ0104, они поняли, что она задерживается,
после чего направились к родственникам.

Сев за руль своего автомобиля,
ФИ01 направился в аэропорт г. Краснодара,
где купил себе билет на самолет рейсом до <адрес>.

Приехав к брату ФИ08,
примерно в 15 часов,
они позвонили ФИ0102,
но ее телефон был выключен,

По дороге заехал в супермаркет «Ашан»,
где купил мусорные пакеты черного цвета, объемом 240 литров.

Далее,
проехав на автомобильную стоянку магазина «Леруа Мерлен»,
он снял с ФИО51 веревки
и одел
на ее труп д
ва мусорных пакета.

на неоднократные повторные вызовы,
телефон был недоступен.

Примерно около 18 часов 15 минут
он выехал с автомобильной стоянки
и направился в сторону <адрес> г. Краснодара.
Проехав гипермаркет «Красная Площадь»,
он повернул налево

в сторону жилого комплекса «Немецкая деревня»
и продолжал движение по объездной дороге.
По пути движения он съехал с дороги,
и повернул налево

и что он пытается ее догнать.

Далее,
продолжая движение по <адрес> он съехал на обочину возле забора,
выполненного из профнастила коричневого цвета.
Проехав примерно 200 метров,
он повернул направо
и доехал до оврага,
где остановил автомобиль
и вышел из него.

Они начали сильно переживать
и поняли, что Ксения пропала,
о чем сообщили в полицию,
где написали заявление
о пропаже своей дочери.

После этого он открыл багажник,
откуда достал труп ФИО52.

не встретил ли он по пути Ксению

Поднеся труп к оврагу,
ФИО1 опустил труп на землю
и подтолкнул его рукой.

и что он пытается ее догнать.

Труп упал на дно оврага.

Он согласился на совместную встречу с ними.
После этого, они втроем неоднократно на съемных квартирах
вступали в половую связь,
при этом, он причинял им
физическую боль,
тянул за волосы,
оскорблял их нецензурной бранью,
что всем очень сильно нравилось.
В ходе данных встреч
они практиковали анальный и оральный секс,
используя специальные смазки.
Каких-либо обезболивающих медицинских препаратов
они не употребляли.
Один раз они втроем на его автомобиле
ездили на море в <адрес>,
где также занимались групповым сексом.
При выезде на море из г. Краснодара,
ФИО152 при нем позвонила своей матери
и сообщила ей о том,
что они уезжают и она вернется на следующий день.
После данной поездки
они втроём больше не встречались

Через некоторое время
он познакомил ФИО1,
который также как и он интересовался садомазохизмом,
с ФИО155,
после чего,
насколько ему стало известно,
они стали встречаться,
при этом
последняя благодарила его
за данное знакомство.
ФИО7 охарактеризовал

положительной стороны,
как доброго и открытого человека.

они поняли, что она задерживается,
они позвонили ФИО102, но ее телефон был выключен,
телефон был недоступен.
Они начали сильно переживать и поняли,
что Ксения пропала,
о чем сообщили в полицию,
где написали заявление о пропаже своей дочери.

не встретил ли он по пути Ксению

ДД.ММ.ГГГГ около 11 часов
ФИО14 и его коллега электрик-монтажник ФИО15
протягивали электрокабель
через вышеуказанный овраг
Когда они переходили через овраг,
ФИО15 обратил внимание
на черный мусорный пакет
из которого виднелось
человеческое плечо.
Он сообщил об этом ФИО14 и сказал,
что скорее всего в пакете труп.
ФИО15 подошел чуть ближе к пакету и обнаружил,
что в пакете находится труп голой женщины.

шел не очень сильный снег

шел не очень сильный снег
и земля
на месте обнаружения трупа
была покрыта снегом.
Никаких
следов на снегу
возле места обнаружения трупа
не было.
Пакет
также был
немного присыпан снегом

им позвонила подруга ФИО83 - ФИО82 и сообщила,
что ей звонили сотрудники полиции

и уточняли информацию о наличии у ФИО7 татуировки на пояснице
Как пояснила ФИО81 нашли,
татуировка сходится

позвонил сотрудник полиции и сообщил,
что возможно ФИО7 нашли мертвой
и родителям необходимо явиться в морг.

Вечером они обратились в полицию
по поводу исчезновения Ксении.
ДД.ММ.ГГГГ труп ФИО7 был обнаружен за городом.
Позже она узнала, что ДД.ММ.ГГГГ утром
Ксения встретилась с ФИО2 на какой-то квартире,
где наступила ее смерть в результате отравления «лидокаином»,
после чего последний вывез ее труп за город и оставил там.
Охарактеризовала сестру, как очень спокойного и доброго человека.

По приезду в Краснодарский морг,
зайдя в секционное отделение,
ФИО8 с супругом увидели свою дочь ФИО105 умершей,
после чего супруг расписался в протоколе опознания

Суд считает,
что действия ФИО1 по ч. 1 ст. 109 УК РФ
квалифицированы правильно, так как,
он совершил причинение смерти по неосторожности

К обстоятельствам, смягчающим наказание суд относит
признание подсудимым своей вины,
раскаяние в содеянном,
явку с повинной,
наличие у него двух малолетних детей,
положительные характеристики

Совокупность
вышеперечисленных обстоятельств
дает основание полагать, что
исправление ФИО1 возможно без изоляции от общества
и наказание ему должно быть назначено в виде исправительных работ.

Вместе с тем,
суд считает
необходимым

освободить

освободить

необходимым

освободить

необходимым
освободить

необходимым
освободить

освободить
необходимым

необходимым

освободить

суд считает
необходимым
освободить
подсудимого
от наказания

по настоящему приговору,
применив в отношении него
п. 9 Постановления Государственной Думы ФС РФ от ДД.ММ.ГГГГ № ГД
«Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы

Победы

Победы

суд считает
необходимым
освободить
подсудимого
от наказания
по настоящему приговору,

применив в отношении него
п. 9 Постановления Государственной Думы ФС РФ от ДД.ММ.ГГГГ № ГД
«Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы

Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Победы в Великой Отечественной войне

суд считает
необходимым
освободить
подсудимого
от наказания
по настоящему приговору,
применив в отношении него
п. 9 Постановления Государственной Думы ФС РФ от ДД.ММ.ГГГГ № ГД
«Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Руководствуясь статьями 307-309 УПК РФ, суд
ПРИГОВОРИЛ:

Применить в отношении ФИО1
п. 9 Постановления
Государственной Думы ФС РФ
от ДД.ММ.ГГГГ № ГД
«Об объявлении амнистии
в связи с 70-летием
Победы в Великой Отечественной войне
1941-1945 годов»
и освободить

освободить

Руководствуясь статьями 307-309 УПК РФ, суд
ПРИГОВОРИЛ:

Применить в отношении ФИО1
п. 9 Постановления
Государственной Думы ФС РФ
от ДД.ММ.ГГГГ № ГД
«Об объявлении амнистии
в связи с 70-летием

Победы в Великой Отечественной войне
1941-1945 годов»
и освободить
его от
назначенного
по настоящему приговору
наказания.

Председательствующий
Буренко С.В.

не встретил ли он по пути Ксению

кровоизлияния крови

Когда ее младшего сына ФИО6 посадили в тюрьму первый раз,
а в это время Хотько Ю.Н. служил в вооруженных силах
она осталась жить одна и к ней домой стал приходить ФИО1
для совместного распития спиртных напитков.

был примерно на голову ниже ХотькоЮ.Н., щуплый.

ФИО2 была недовольна тем, что ФИО1
неоднократно приходил к ней домой
для распития у нее дома спиртных напитков,
о чем она неоднократно говорила ФИО1,
но он ее не слушал и иногда даже перелазил через забор ее дома,
чтобы распить у нее дома спиртные напитки.

был физически слабым, у него был энурез, в армию не взяли.

Из-за того, что ФИО1 приходил к ней домой
на улице люди (соседи) говорили и обсуждали,
что у нее с ФИО1 интимные отношения.
Ей эти разговоры не нравились,
и она не разрешала ФИО1 приходить к ней домой.

В этот день на ФИО1 был надет темно синий спортивный костюм с белыми полосками, кроссовки, футболка с коротким рукавом.

В тот день она вместе сФИО1 распивала водку –
две бутылки, которые купил ФИО1.
Они вместе с ФИО1 ходили к ФИО10 домой,
а когда возвращалась домой уже было темно.
Через некоторое время к ней домой пришёл ФИО1.
В тот день сын Хотько Ю.Н.допоздна задержался на рыбалке.
Они с ФИО1 валялись на кровати в летней кухне,
что именно делали, не помнит,
могли вступать в половую связь.

По характеру ФИО1 спокойный, даже когда пьян.
Будучи в нетрезвом состоянии ФИО1 ни с кем не скандалил, сразу шёл домой, не дрался.

В ДД.ММ.ГГГГ Хотько Ю.Н. посадили в тюрьму,
а освободился он в ДД.ММ.ГГГГ.
После освобождения Хотько Ю.Н. приехал к ней домой,
в это время ее младший сын ФИО6
повторно отбывал наказание на совершенное преступление.

Подходя к дому услышал из летней кухни домовладения крики матери.
Подойдя к маминому домовладению, он услышал, что из летней кухни доносятся крики его мамы «помогите», «убери руки», «сволочь».

в конце ДД.ММ.ГГГГ она целый день распивала спиртные напитки
вместе с ранее ей знакомым ФИО1
Находясь в помещении летней кухни домовладения,
она совершила половой акт с ФИО1,
после чего в помещение летней кухни
зашел ее сын Хотько Ю.Н.

он работал парикмахером

Калитка дома была закрыта и он перепрыгнул через забор, попытался сразу зайти в летнюю кухню, но дверь был закрыта
входная дверь была закрыта на навесной крючок.
он дёрнул дверь посильней и она открылась.

принимал участие в боевых действиях в

Вернулись с ФИО1 они к ней домой поздно ночью,
так как ФИО1 сказал, что его домой не пускают родители,
так как он с ними поругался.
Зайдя во двор ее домовладения,
она поняла, что Хотько Ю.Н. нет дома,
так как свет в доме не горел,
во дворе домовладения его не было.
В сарае она взяла металлический молоток,
чтобы им открыть засов на входной двери в летнюю кухню,
после чего она и ФИО1зашли в помещение летней кухни,
которая находится слева от входа во двор ее домовладения.
Металлический молоток
она положила возле входной двери в летнюю кухню.
После этого она и ФИО1 прошли в помещение летней кухни
и лежа на кровати, она и ФИО1
совершили половой акт в естественной форме,
а после

этого
лежали на кровати.

Он вошёл во вторую жилую комнату летней кухни, свет не горел, в комнате был полумрак.

Когда Хотько Ю.Н. был у нее дома
то ему она рассказала что ФИО1
в их отсутствие нагло постоянно приходит к ней домой без ее разрешения,
что жители обсуждают, что она женщина легкого поведения,
что к ней приходит молодой парень,
а она намного старшего него.

Он увидел, что его мать лежит на кровати, отталкивает руками в грудь какого-то мужчину, который пытается задрать её платье.
он увидел свою маму, которая лежала на кровати на спине, а на ней лежал незнакомый ему мужчина

После этого
в помещение летней кухни зашел Хотько Ю.Н.
при этом она никого на помощь не звала,
может быть
испугавшись
того что Хотько Ю.Н. ее осудит
она сказала
чтобыФИО1 от нее отстал,
но при этом
ФИО1
никаких
действий
в отношении нее
не совершал.

Мужчина ничего не говорил и силой удерживал на кровати маму, а она кричала и просила чтобы ей помогли. Он понял, что мужчина пытается изнасиловать его мать

ФИО1 в школе обучался неудовлетворительно,
в среднем оценки были тройки и четверки,
поведение в школе было нормальным, как и у всех остальных детей.
Примерно в 15-16 лет ФИО1 поступил обучаться в СПТУ он обучался на сварщика.
Он окончил обучение в СПТУ и он устроился на работу сварщиком в ХРУ

Он подбежал к мужчине, потянул его на себя, тот упал на пол и он ударил мужчину рукой и ногой по голове.
Он подошел к мужчине стащил его своими руками с матери, и он нанес ему удар кулаком правой руки (он правша) в голову, возможно в затылок.
Так как он в ходе обучения боксу и службы в вооруженных силах РФ знал приемы самообороны, борьбы и нанесения ударов, он нанес с силой правой рукой удар по голове мужчины
После этого он присел и технически правильно выполнил боковой правый удар в область виска и уха

В ДД.ММ.ГГГГ она вышла замуж за ФИО33.
ДД.ММ.ГГГГгода рождения
у них родился сынХотько Ю.Н..
ДД.ММ.ГГГГ у них родился сын ФИО6.
В ДД.ММ.ГГГГ ее муж умер
от кровоизлияния крови в мозг.

Все это происходило примерно около 2 минут.

не известно чтобы ФИО1 употреблял наркотические средства, курил сигареты «Прима».
Примерно с ДД.ММ.ГГГГ стал употреблять спиртные напитки,
при этом находясь в состоянии алкогольного опьянения,
он был спокойным, вежливым, уравновешенным.

открытая черепно-мозговая травма в виде четырех дырчатых переломов теменных и затылочной костей и многооскольчатых переломов костей лицевого скелета, которые сопровождались разрушением вещества головного мозга
не менее чем 5-6 кратных ударов со значительной силой твердым тупым предметом,
не менее чем пяти-шести кратных ударов со значительной силой
металлического молотка

она
убила
она убила ФИО1
она убила по голове молотком

После этого он вытащил из летней кухни тело мужчины во двор домовладения

Она говорила
Хотько Ю.Н.
«ну что ко мне приходит ФИО1
нашел во мне девочку»,

она говорила,
что не хочет,
чтобы он больше приходил к ней домой,
чтобы ФИО1
оставил ее
в покое.

она
убила

Тело ФИО1 он выбросил в яму туалета, стоящего на огороде.

В ХРУ ФИО1проработал около 2 месяцев, после чего уволился по собственному желанию, после этого он никуда не устраивался официально работать, и постоянного источника заработка
у него
не было

она
убила

Рядом с указанно ямой он выкопал за ночь новую яму, на которую перенёс туалет, а старую яму с телом ФИО1 засыпал.
За ночь Хотько Ю.Н. выкопал яму нового туалета, и передвинул на эту яму сам деревянный туалет, а яму в которой находилось тело ФИО1 засыпал землей.
скинул его в яму туалета находящегося на территории домовладения, расположенного адресу, после чего выкопал яму для нового туалета, перестал деревянный туалет над новой вырытой им ямой, а яму, в которой находился труп мужчины, он засыпал землей.

После этого он притащил тело ФИО1 во двор огорода на территории домовладения его мамы и разобрав несколько досок в полу деревянного туалета закинул тело ФИО1 в выгребную яму туалета.

После этого он стал лопатой копать рядом с имевшимся туалетом яму под новый туалет, за ночь он выкопал яму один ему никто не помогал.

Землю которая выкапывалась он кидал в яму в которой находился труп ФИО1 тем самым засыпая его.

Когда он полностью засыпал землей яму в которой находился труп ФИО1, рядом образовалась новая яма он на место новой ямы перетащил и поставил старый туалет.

Соседи говорили, что Хотько Ю.Н. очень любит свою мать.

Воспитанием Хотько Ю.Н. и ФИО6 занимались они с мужем,
а через полгода после смерти мужа
Хотько Ю.Н. ушел служить в вооруженные силы,
а она осталась жить с младшим сыном ФИО6
Хотько Ю.Н. обучался в МОУ СОШ , окончил 9 классов на оценки 3 и 4.
Когда Хотько Ю.Н. обучался в школе примерно, когда ему было 14 лет он начал заниматься спортом в клубе, там он занимался боксом.
Службу в вооруженных силах Хотько Ю.Н. проходил в воздушно десантных войсках, после службы по призыву он остался служить по контракту.
Хотько Ю.Н. всегда был крепким, сильным, спортивным, физически хорошо развитым.

Он является кандидатом в мастера спорта по боксу, в армии был инструктором по рукопашному бою, принимал участие в боевых действиях в

она
убила
она убила ФИО1 по голове молотком
ее показания что она убила ФИО1
нанося ему удары по голове молотком
ранее данные ею показания
что она убила ФИО1
нанося ему удары по голове молотком
не соответствовали действительности
она хотела сначала скрыть от следствия
то что убийство ФИО1
совершил ее старший сын Хотько Ю.Н.,
потому что она считала
что в том что Хотько Ю.Н. убил ФИО1
есть ее вина
она ранее неоднократно употребляла спиртные напитки с ФИО1
в день убийства ФИО1 она совершила с ним
будучи в состоянии алкогольного опьянения
половой акт
В последующем она осознала, что ложью она не сможет помочь своему сыну Хотько Ю.Н.
и рассказала следователю правду о том, что убийство ФИО1 совершил ее сын Хотько Ю.Н.
Когда Хотько Ю.Н. совершил убийство ФИО1 у нее в доме кроме нее,ФИО1, Хотько Ю.Н. никого больше не было,
поэтому убийство ФИО1 совершил ее сын Хотько Ю.Н.

В последующем она всегда говорила правду.

холодный канал

ДД.ММ.ГГГГ в 7 часов утра умерла её мать,
а на следующий день в воскресенье ДД.ММ.ГГГГ примерно в 16 часов,
она почувствовала схватки,
и примерно в 19 часов, она решила выйти на улицу,
где найдя безлюдное место
попытаться родить.
При этом она решила,
что оставит родившегося ребёнка на улице,
и никому об этом не будет рассказывать.

она одела на себя
трусы, чёрного цвета, синтетические;
бюстгальтер, чёрного цвета, синтетический;
футболку, красного цвета в полоску, синтетическую;
брюки женские, чёрного цвета, свободного покрова;
сапоги женские, коричневого цвета
и короткий полушубок из искусственного меха, розового цвета.

она вышла на улицу и направилась к гаражам,
которые расположены недалеко от её дома,
и находятся на берегу

холодного канала.

Она зашла за один из гаражей,
который стоит на берегу,
где внизу протекает

холодный канал.

она сняла
брюки,
нижнее бельё,
а затем
присев на корточки
и упёршись ладонью правой руки
о стенку металлического гаража,
стала тужиться.

Через 1-2 минуты, она почувствовала, что из неё начал выходить плод.
Выход плода длился 2-3 минуты.
Затем, она встала во весь рост, и почувствовала, как что-то оборвалось.

было темно,
но она под светом фонаря,
расположенного недалеко
от данного гаража и места,
где она рожала
она увидела,
что родившийся
ребёнок
шевелил ногами и руками,
но он не кричал.
она оделась, а затем
своей ногой
закидала
лежавшим снегом сверху
ребёнка.

Ночью ДД.ММ.ГГГГ у него умер кот.
он оделся,
положил труп кота в полиэтиленовый пакет,
вышел из дома
и направился к гаражам
для того, за гаражами
похоронить кота.
Взяв в гараже лопату,
он прошёл за гаражи,
где спустился вниз к берегу

холодного канала,

где стал лопатой рыть яму.

около стены соседнего с ним гаража
собака, что-то рыла.
Он подошёл к месту,
где собака, что-то рыла.
Подойдя ближе к гаражу,
он увидел,
что прямо возле стенки гаража
из-под снега

виднелась часть тела трупа младенца.
Он как бы был присыпан сверху снегом.
Каких-либо следов
возле места,
где лежал в снегу труп младенца,
он не видел.

В связи с тем, что денег на проведение аборта у неё не было,
До четырёх месяцев, она не делала ничего
В сентябре 2010 года, у неё появились деньги,
на которые она решила сделать аборт.
В сентябре 2010 года Кунёва М.Ю.
анонимно обратилась
в родильный дом на улице Ленина г. Курска
для того, чтобы сделать аборт
Она поехала в родильный дом,
расположенный на улице Ленина г. Курска,
где ранее в 2004 году делала аборт.
Прибыв в роддом,
она анонимно обратилась с просьбой
о проведении аборта.
В сентябре 2010 года
она анонимно обратилась в роддом,
с просьбой о проведении аборта.

ей было отказано.
ей было отказано.
не возможно.

Она была осмотрена врачом,
которым был установлен срок беременности,
который составлял 4 месяца 15 дней
Однако, после осмотра врачом,
ей был установлен срок беременности,
который составлял 4 месяца 15 дней
но из-за большого срока беременности
4 месяца 15 дней
в аборте и искусственных родах,
и врач пояснил,
что на таком большом сроке беременности
4 месяца 15 дней
аборт и искусственные роды
ей было отказано.

сделать не возможно.
ей было отказано.

не возможно.

После чего, она решила доносить плод до конца беременности,
После чего, она решила доносить плод до конца беременности,
Кунёва М.Ю. решила доносить плод до конца беременности,
и для себя определилась,
но для себя определилась,
что родившегося ребёнка, она никуда отдавать не будет,
что родившегося ребёнка, она никуда отдавать не будет,
а родив ребёнка, оставит его на улице.
а родив, оставить его на улице.
но после рождения ребёнка оставить на улице.

Суд приходит к выводу о невозможности

а также состояние здоровья
подсудимой и ее малолетних детей,
в Клюквенской школе-интернате
противотуберкулезной терапии.

Суд приходит к выводу о невозможности
исправления и перевоспитания подсудимой
без изоляции от общества

местом отбывания наказания Кунёвой М.Ю.
суд определяет колонию общего режима.

в виде 3 /трех/ лет лишения свободы,

отсрочить до достижения ее детьми
сыновьями ФИО1, ДД.ММ.ГГГГ года рождения
и ФИО2, ДД.ММ.ГГГГ года рождения
– четырнадцатилетнего возраста.

Суд приходит к выводу о невозможности

Председательствующий судья: /подпись/ Е.А.Бессонова

о невозможности

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

ШОКОЛАД

Посвящается Е. Простоспичкину

Стоял погожий июльский денёк. На небе ни облачка, сегодня солнце разгулялось вовсю, как будто в отместку за дождливые дни предыдущей недели. От невысохших ещё луж поднимался пахнущий асфальтом пар. Воды озера блестели так ласково, а мосты, переброшенные через реку, словно обрели более смелые очертания. Большинство обитателей небольшого городка предпочли или остаться в прохладе домов, или выехать на пикники с утра пораньше, благо выходной. Жизнь в городке замерла, будто парящая над озером стрекоза. Если ничего не происходит, это интересно. Понимаем ли мы непроисходящее? Чего же нам ждать дальше, стагнации или, наоборот, отчаянного рывка? Конечно, в таком разделении есть свои плюсы и минусы.

Как обычно, остался сегодня дома и Пётр Петрович, бодрый на вид мужчина лет под пятьдесят. Вообще-то, Пётр Петрович всю свою жизнь стремился к высшему, но высшее почему-то всегда избегало прямых контактов с ним, оставляя лишь следы в виде понимания, без всякой возможности взаимодействия. В конце концов Пётр Петрович раскис, ему стало неприятно думать о высшем, и всё свободное время он проводил за просмотром sci-fi сериалов по кабельному ТВ.

Как раз посередине просмотра в дверь позвонили. Автоматически выключив телевизор и подойдя уже к двери, Пётр Петрович всё же сомневался. Он жил одиноко, друзья и любовницы куда-то пропали сами собой, а некий новый и неизвестный гость грозил нарушить умиротворённое времяпрепровождение Петра Петровича. Но вдруг, не открыв дверь, Пётр Петрович подвергнет себя ещё большему риску, не узнав чего-то важного, угрожающего его покою? А вдруг это почтальон; о нём вспомнила одна из его прежних любовниц, и написала нечто тёплое и душевно приятное? Или его хотят предупредить о нарушении правил жилищного хозяйства, вроде раздельного распределения мусора, которое обернётся штрафом в случае игнорирования? Взвесив все за и против, Пётр Петрович всё-таки решился открыть дверь.

На крыльце стоял пожилой пастор в чёрном костюме, держа в руке библию. Странно было одно – пастор был негром, что было редкостью в этом северном захолустье – полностью седым, коротко стриженным негром, и выглядел внушительно и основательно, словно архетип мудрого старика. Вот вечно эти сектанты имеют располагающую внешность, – подумалось Петру Петровичу.

– Я здесь не затем, чтобы поговорить с вами о Боге, – раздался мягкий и глубокий баритон. – Я посланник наивысших среди наинизших, что зияют во тьме кромешной, словно чёрные субгравитонные дыры, поглощающие миры.

Сумасшедший какой-то, – подумал Пётр Петрович. Он, конечно, в своё время увлекался оккультизмом и сообщение пастора было ему в общих чертах понятно, но шанс столкнуться с тем, за кого пастор себя выдавал, в глазах Петра Петровича равнялся нулю.

– В нынешние времена вера иссякла, поэтому первым делом я развею ваши сомнения, – сказал пастор, как бы в ответ на мысли Петра Петровича. Поднёс руку ко рту и, к немалому удивлению Петра Петровича, достал оттуда целый топор в натуральную величину. Пока изумление ещё не охватило Петра Петровича целиком, он успел заметить, что на руках у пастора были белые резиновые медицинские перчатки.

Это какой-то фокус, – машинально подумал Пётр Петрович. – Но ведь в таких рукавах ничего не спрячешь! Пётр Петрович воочию, вблизи наблюдал, как топор выходит прямо изо рта пастора, тут не могло быть сомнений.

– Потрогайте топор, он не надувной, – предложил пастор. Пётр Петрович потрогал. Топор был крепким, настоящим и всё ещё хранил тепло тела пастора.

– Нет, вы не спите, мой дорогой друг, и не спятили, – сказал пастор, – Кроме того, у меня есть для вас очень хорошие известия.

– Я вас слушаю, – машинально пробормотал Пётр Петрович, всё ещё в шоке от увиденного.

– Многие отчаялись, потеряли надежду и блуждают среди света, подобно теням умерших, но остались ещё избранные, приглянувшиеся наивысшим среди наинизших. Не из-за их личных качеств, умений или ума, а по совершенно другим критериям, и вы – один из них. Обычно известить мы посылаем слуг, но вы – особенный избранный, поэтому я решил прийти самолично. Вам не казалось всегда, что вашей человекоформе, такой, как она есть, не место в этом мирке? – начал издалека пастор.

– Мы можем продолжить нашу беседу на крыльце, если хотите, конечно. Вряд ли в такую пору нам кто-либо помешает. Но сегодня так жарко, что я не отказался бы от чашечки чая, не сочтите за бестактность, – добавил он.

– Да-да. Проходите, – выдавил из себя ошарашенный Пётр Петрович. Вот так, просто и обыденно, в один погожий солнечный денёк сбываются мечты? – промелькнула мысль... Пастор широким шагом вошёл в прихожую, оттуда в гостиную, осматриваясь по сторонам. Рядом с чайным столиком стоял любимый диванчик Петра Петровича.

– Пожалуйста, присаживайтесь, сейчас я заварю чай, – сказал Пётр Петрович.

– Вы уж простите старика, но у меня с годами развилась аллергия на пыль.

На микрочастицы такой вот мелкой диванной пыли, которую вы даже не заметите, но она поднимется, стоит кому-либо присесть, и мой бедный нос... У меня тут с собой полиэтилен, давайте-ка застелим ваш прекрасный диванчик, и всё будет хорошо? – предложил пастор.

– Конечно, – ответил Пётр Петрович, ставя чайник. Пастор немедля достал из кармана огромный квадрат полиэтилена, аккуратно застелил диванчик и уселся.

– Если позволите, у меня к вам куча вопросов, но прежде можно узнать ваше имя? – спросил Пётр Петрович. Он ещё помнил, что с высшими силами надо общаться спокойно, почтительно, с должным уважением, а имя существа имеет огромное значение.

– Эх, всегда та же беда с моим именем в этом мирке, – улыбнулся пастор. – Аппарат звукоизвлечения человека не способен передать нужный диапазон и чередование вибраций. Мои слуги зовут меня за глаза Шоколадом, из-за цвета кожи этого тела, нет смысла их наказывать из-за такого пустяка, не правда ли? Ваш шоколад – не что иное, как один из симулякров истинного шоколада. К тому же это прозвище легко произносимо человеком, так что зовите меня Шоколад.

– Уважаемый Шоколад, позвольте спросить, чем же именно и почему во мне заинтересовались наивысшие из наинизших, что хотят избавить мою конкретную человекоформу от присутствия здесь? – сказал Пётр Петрович, подавая чай и стараясь точно следовать услышанному сообщению. От волнения он споткнулся о край столика, и несколько капель попали пастору на брюки.

– Я бегом, принесу, чем вытереть, – рванулся было Пётр Петрович.

– Право же, любезный Пётр Петрович, не стоит беспокойства, этот костюм таков, что не пачкается, – остановил его пастор. – Однако вернёмся к вашему вопросу. Учитывая ваши понимание, опыт и багаж знаний, я смогу объяснить разве что в самых общих чертах, но вы не волнуйтесь, мой дорогой друг, нам некуда спешить, разве не так? Лучше присаживайтесь и выпейте со мной чаю, – сказал пастор, хлопнув рукой по диванчику.

Пётр Петрович присел рядом с пастором, уже наслаждавшимся чаем без сахара. Положил себе две чайных ложки сахара, как обычно, и стал старательно размешивать.

– А вот ложечки-то у вас ничего, подходящие! – заметил пастор.

– Ну что вы, самые обычные, мельхиоровые... – скромно отозвался Пётр Петрович.

– Ладно, сперва за дело. Чаи потом буду распивать... – сказал вдруг пастор, решительно поставив чашку на стол. И тут он одной рукой железной хваткой вцепился Петру Петровичу в верхнюю челюсть, прямо под носом. Ладонь была слишком высоко, чтобы укусить. Сердце Петра Петровича словно ушло в пятки.

– Уважаемый Шоколад, пожалуйста прекратите!!! – завопил он дурным голосом, из чувства самосохранения не забыв добавить уважаемый и пожалуйста.

– Сейчас я наглядно отвечу на ваш вопрос, – спокойно отозвался пастор, не сдвинувшись ни на дюйм, несмотря на все попытки Петра Петровича вырваться, убрать руку или вцепиться в неё ногтями.

И тут пастор другой рукой вынул из стакана Петра Петровича его же ложечку и воткнул ему прямо в глаз, да так ловко, что сразу вынул глазное яблоко, покатившееся по полиэтилену, оставляя кровавый след. Пётр Петрович заорал что есть мочи.

– И не надо тут так надрываться, мы не на скотобойне, сейчас будет обезболивающее, – сказал пастор, достав другой рукой шприц с чем-то зелёным и сделав Петру Петровичу укол в шею.

– Правда, обезболивающее не сильное. Видите ли, друг мой, мозг, чувствуя боль, вызывает определённые биохимические реакции во всём организме, а кроме них есть и реакции каузального тела… Если коротко и просто – необходимо, чтобы материал пропитался болью, иначе он выйдет негодным для ритуала открытия портала. Теоретически, у нас есть возможность модифицировать ваш материал, не прибегая к устаревшим методам, но вы ведь должны понимать, если война, приходится экономить на всём! Пусть вялотекущая, но всё же… Отдохните пока, нам ещё многое с вами предстоит, – пообещал пастор, выкладывая что-то другой рукой из карманов на столик. Из-за плотно зажатой головы Пётр Петрович не видел, что на столике.

– Наши специалисты работали над вашими предками более ста поколений, подбирая внутривидовое скрещивание, и чтобы всё как бы само собой, чтобы ОНИ не заметили, прежде, чем появились вы от ваших родителей, как финальный итог, предел наших мечтаний! – подчеркнул пастор.

– Кстати обезболивающее вас ещё и обездвижит, что несомненно поспособствует более спокойному течению нашей беседы, мой дорогой друг, – добавил он.

Пастор убрал руку, Пётр Петрович потерял контроль над телом и завалился на бок.

Пастор взял со стола щипчики и стал выдирать Петру Петровичу ногти на руках, один за другим. Внутри Петра Петровича всё кричало, но наружу вырывалось только невнятное бульканье, как побочный эффект обездвиживания. Тут Пётр Петрович почувствовал удар током, через какое-то время ещё и ещё.

– Не пугайтесь, это обычный электрошокер, – пояснил пастор. – Помимо боли, о которой я уже рассказал достаточно подробно, он прочищает энергетические каналы, а ваши засорились уже много лет назад, в таком виде материал не подойдёт. А теперь приступим к самим пальчикам рук. Вы не волнуйтесь, сокровище вы наше, видите – на столике нечто вроде барометра со стрелкой? Он был в чехле библии. Я вас пододвину, чтобы было видно. Как только наберём нужное количество боли, сразу перейдём к главному, – успокоил пастор.

Закончив через некоторое время с пальцами и посмотрев на стрелку прибора, пастор сообщил, покачав головой:

– А вы крепенький для своего-то почтенного возраста, мой дорогой друг, придётся ещё один глазик-с.

Так Пётр Петрович лишился второго глазного яблока.

Больше Пётр Петрович ничего не видел, только слышал. А слышал он вот что:

– Вы представляете, пять тысяч земных лет ОНИ, эти зажравшиеся обнаглевшие твари, суют нам палки в колёса! ОНИ хотят всё заграбастать только себе! Хватит уже! Вы тоже так считаете? Ах, ну да. Истолкуем ваши звуки, как знак согласия.

Пётр Петрович почувствовал, как крепкие жгуты туго стягивают обе его ноги.

– Уф, теперь всё… Осталось только самое главное. Вот и топор мой рядом лежит… Несмотря на долгое отсутствие практики, я всё ещё мастер своего дела, знаете ли, и всё подготовил заранее, – похвалился пастор.

Пётр Петрович хорошо чувствовал, как отрубают его ноги, но даже не смог потерять сознание – вколотое зелье держало боль в допустимом пределе.

– Ваши ноги поистине бесценны! Не только хромосомы клеток, но и расположение отдельных мышечных волокон, кровеносные сосуды, изгиб костей – буквально всё повторяет элементы печати портала! Поверьте мне, ваша героическая жертва не будет напрасной! Теперь мы ИМ покажем! Ваше имя навсегда будет начертано на изумрудных скрижалях вечности! Мало того, мы вас отблагодарим – вы останетесь в живых – и от всего сердца пожелаем вам долгой и счастливой жизни! – пустив слезу, торжественно объявил пастор.

– Например, сейчас я телепортирую ваше настрадавшееся тело, разлитую кровь и ошмётки, разбросанные по полиэтилену, к рельсам прямо в момент движения транспорта. Всё будет выглядеть так, словно вы попали под поезд. Случается, что каких-то частей тела и не отыскать, что там разберёшь в такой каше. ОНИ нигде не найдут следов, скорей всего… И я лично, за ваши великие заслуги, сделаю вам такое одолжение, что позвоню в скорую, которая там совсем рядом, в лучшей клинике вашего городка. Наши специалисты мне только что сообщили: вероятность, что вы выживите при таком раскладе – 98.7%. Вы не просчитались, доверившись моим рукам – ведь мы гарантируем результат! – с некоторым пафосом добавил пастор.

Сняв жгуты и щёлкнув пальцами, пастор сделал, как и обещал. И в скорую позвонил, вы не думайте. Спрятав ноги Петра Петровича в холодильнике скрытого измерения до нужной поры, убрал инструменты и аккуратно скатал теперь уже пустой и девственно чистый полиэтилен. Присел на стоявшую рядом табуретку (у этого тела действительно была аллергия на пыль – запомните: высшие существа никогда не лгут) и, не торопясь допив свой чай, растворился в воздухе.

19.10.2016

СУДЬБА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Когда Петя Тропов придумал хуй, все как с ума посходили. Сначала о Пете никто ничего не знал. На самом деле он много чего ещё придумал, и деревянную ложку, и воланчик, но популярность и общественное признание пришли к нему лишь вместе с хуем. Когда Петю расспрашивали про хуй, он сначала удивлялся. Потом же, когда он пытался показать вдобавок ложку и воланчик, его всегда вежливо, но настойчиво перебивали и спрашивали обратно про хуй. Потом Пете стало с ними скучно. Он придумал ещё что-то новое, кажется, подвязку для челюсти, но всем было откровенно наплевать, их интересовал хуй и только. Петя перестал давать интервью про хуй и начал вести жизнь затворника. Все наброски и модели хуя (включая действующие) он вывез из квартиры и передал в дар местному краеведческому музею. Через некоторое время, то ли от холостяцкой невесёлой жизни, то ли от сырости и грязи, в его квартире, по его словам, завелись люди. Сначала он только слышал их настырное и визгливое бормотание по углам, а потом, включая свет, стал замечать, как они бросались врассыпную. Люди регулярно опрокидывали чернильницу, столкнули на пол пресс-папье, разбив его, а однажды нагадили на чистый лист бумаги, приготовленный Петей для чертежа. Пете казалось, что люди что-то ищут. Когда они стали по ночам залезать к нему в уши и в нос, он не выдержал и вызвал специалиста по изгнанию людей. Хотя на лице у того откровенно читалось – это всё сказки, людей не существует, – расставленные им приманки и ловушки тем не менее сработали, и несколько дней Петя смог спать спокойно...

* * *

Нашли Петю через неделю после смерти, соседи позвонили в милицию из-за отвратительного запаха, доносившегося из-за его двери. Когда дверь взломали, вниманию дворника и милиции предстала довольно странная картина: все предметы в квартире, а также стены, пол и потолок были как бы оплавлены, но не от пожара, а прямо так, в своём натуральном, комнатной температуры виде. Было такое чувство, что внезапно всё размягчилось, по квартире прошлась вязкая волна, а потом всё застыло обратно. Труп изобретателя Пети сидел на своём обычном рабочем месте, в кресле за столом. Глубоко в его горло был забит огромных размеров, неизвестно откуда взявшийся хуй. Впоследствии вскрытие покажет, что Петя захлебнулся спермой и мочой. Поскольку никаких улик, никаких следов постороннего присутствия не обнаружат, решат, что это было самоубийство на нервной почве. Но это всё будет потом, а тогда, при виде этой сцены, двое молодых милиционеров не смогли сдержать приступов рвоты – хуй был ещё жив и шевелился...

13.4.2003

ЭРОТИЧЕСКАЯ КИБЕРСКАЗКА

В некотором царстве, в некотором государстве жила была Марфуша, девушка нарядная и лицом пригожая, от кавалеров отбоя не было, не лентяйка, не грязнуля, вся работа по хозяйству в её руках спорилась, всё выходило чинно да ладно.

Раз под вечер стучатся к ней в хатку страннички, горемыки, голь перекатная. Пусти, – говорят, – хозяйка на ночлег, а мы тебе в хозяйстве подсобим, отработаем. Сжалилась над ними Марфуша, да и послала ночевать в овин. А саму интерес разбирает, что за страннички такие? Первый-то был собой чёрен и с огнём во взоре, второй же русый, со спокойным, добрым взглядом. Так что пошла Марфуша к ним в овин, всё разузнать, да видать быстро у них дело сладилось за горилкою, так что и опомниться не успела, как раздвинула свои ноженьки белые, а первый странничек уже над нею пыхтит.

И вот поебалась Марфуша с первым, и показалось ей мало, поебалась и со вторым, для разнообразия, а потом опять с первым, поскольку он ебался сильнее, а потом опять со вторым, чтобы расслабиться, так первая ночка-то у них и прошла. Солнышко встало на востоке, петухи запели, коровы замычали, и пошла Марфуша по хозяйству заниматься, птиц подоить, коров пощупать, сена накосить себе на зиму, да мало ли дел-то по хозяйству, всегда найдутся. А от странничков всё равно никакого прока в хозяйстве не было, потому как после той ночки спали они без задних ног, восстанавливая здоровье.

Долго ли, коротко, близится дело к вечеру, цапля кричит в камышах, солнышко садится к западу, а в лесу расцветает папоротник-трава, народ подтягивается клады искать. Только Марфуше не до этого, идёт она опять в овин к первому странничку ебаться, потому что соскучилась, потом ко второму, чтобы он не обижался, потом опять к первому, чтобы всё по справедливости, а потом опять ко второму, потому что он уже отдохнул и готов был ебаться снова, так вторая ночка-то у них и прошла. Вот уже и подниматься пора, птичье молоко и коровьи яйца в райцентр везти на продажу, потому что рынок он с утра, а там никого ждать не будут. А страннички опять спят себе весь день, как убитые.

Вернулась Марфуша к вечеру, доспехов прикупила, в огороде поковырялась для очков алхимического умения, а тут уже и солнышко садится, да дождик собирается, небо хмурится, а воздух душный такой стоит, тревожно что-то. И вот, пошла Марфуша к своим странничкам в овин опять ебаться. Легла сначала со вторым себе спокойненько, и вдруг как будто громом ударило (а это и вправду ударило, потому что сработала вероятность грозы). Ебаться-то ебётся, но чувствует Марфуша, как будто с нею что-то не в порядке, как будто некий важный для неё, сущностный порядок нарушен, как будто сбилась она со счёта и не знает уже, кто она, и с кем она, и для чего она здесь. И чувствует она, как будто какая-то огромная серая сила лишь немного передвинула железнодорожную стрелку, а поезд её жизни уже несётся не дальше по просторам родного края, а на этой же огромной скорости да прямо и в тупик, на верную погибель.

И пыталась Марфуша сосредоточиться и вспомнить всю свою прежнюю жизнь, рассчитывая найти решение или подходящий момент для рестора, а курсор мышиный так и оставила на иконке «ебаться», так что ебаться она не перестала, но душа её отошла уже далеко. А в это время здоровье второго странничка стало падать, потому что никому не под силу столько ебаться без перерыва, без чаю с конфектами, а Марфуша всё подмахивает и подмахивает на макросе. Вот уж и красная полоска его сократилась до нуля, но тут, из-за ошибки в программе, она зашла за ноль и стала уходить дальше в отрицательные числа. И Перводвигатель, стремясь исправить ошибку, начал забирать понемногу здоровье у всех существ вокруг, равномерно. Так что странничек, хотя и ебался уже мёртвенький, стал высасывать изо всех жизнь, чтобы продолжать приятные движенья, и чтобы член стоял.

Первым, стало быть, умер первый странничек, от старости, и очень скоро все в деревне той Марфушиной померли от старости, а потом и в районе все померли, а потом другие уже и войска подтянули, пушки, слонов, колесницы, пытаясь огнём и мечём стереть с лица земли смертоносный очаг, но с Перводвигателем не поспоришь, так что все они тоже вскоре умерли от старости, и все страны умерли, и все континенты, а оставшиеся пытались зарыться в землю, чтобы не достал их Перводвигатель, и кричали горам – падите на нас. Но так они могли лишь отложить свою очередь на время, за счёт других.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и скопилось в Марфушиной матке в это время множество спермиев, и проникли они не только в ту яйцеклетку, что плыла приготовленной в маточной трубе, но поползли вверх и оплодотворили все те, что были отложены до поры до времени в яичниках. И стали все яйцеклетки делиться, и образовалось множество зародышей, а поскольку места в Марфушином животе осталось мало, то росли они вкривь да вкось, нелепым образом, поверх друг друга и сквозь друг друга, толкаясь, пинаясь и кусаясь. Так образовалось приблизительным счётом 88 000 различных видов живых существ.

И когда теснота, спёртый воздух, миазмы отходов и взаимные мучения Марфушиных деточек стали невыносимы, закричали они все тогда, что надо нам выбираться отседова, иначе лучше бы нам и не зачинаться вовсе на позор всем 444 мирам, сущим и не сущим. А выйти естественным путём через влагалище они не могли, потому что член мёртвенького странничка всё продолжал и продолжал ебать их мамочку. И тогда старший сыночек сказал – я знаю, как нам выйти. А у него были железные когти. Полоснул он ими папочку по члену и срубил его подчистую, и открылся проход на волю. И радостно ломанулись все живые существа из мамочки наружу, на простор, хорошо им сразу стало в новом, практически пустом мире, весело, прыгают себе на одном месте, визжат, лапками машут, в носу ковыряют, ползают по всему экрану, ебутся друг с дружкой, балуются, одним словом, а Перводвигатель их всех теперь поддерживает.

А тут уж и будильник прозвенел, посмотрела Марфуша на часы и поняла, что засиделась совсем, аж под утро, и надо скорей собираться на работу. Натянула чулки, деловой костюм, кофею с бутербродом хлебнула, кое-как накрасилась и побежала на остановку, чтобы не опоздать на автобус. А существ всех оставила она на экране в качестве скринсейвера, чтобы монитор не прогорал в каком-то одном месте. А работала она тогда секретаршей в Министерстве Сельского Хозяйства и Заготовок. Вот... Ну что стоите, идите, идите отседова!

24.1.2004

ВАМПИРЫ СОЗНАНИЯ

непростой для понимания текст, смысл которого ясен из его заглавия

I

[начало утрачено] ...

И так распекая девушку, в риторическом запале Григорий Павлович и сам не заметил, как, размахивая самодельной инвалидной клюкой, он случайно приподнял подол её короткой сатиновой юбки... Тут он как-то совсем нехорошо, натужно замер – казалось, он вот-вот лопнет, забрызгав мирный утренний пейзаж, свежевымытую поливальными машинами мостовую и изумруд аккуратно подстриженной травы газона. Струйка пота стекла с его нагретой солнцем лысины, пробралась по плохо выбритой щеке, миновала три шейные складки и впиталась пятном в тугой воротник видавшего виды защитного френча. Не то, чтобы он увидал там нечто, совсем для себя удивительное, скорее наоборот...

Медленно опустив клюку, Григорий Павлович поплотнее опёрся на пятки, чтобы не подвела нарастающая слабость в коленях. Набрав как можно больше воздуху, он выдавил, – Извиняйте, гражданочка! – развернулся и, выжав максимальную скорость из своей утиной походки, постарался скрыться за ближайшим углом.

Под юбкой не было трусов.

II

Алина Григорьевна занималась очередной влажной уборкой своей отдельной однокомнатной квартирки, и надо же такому случиться, взгляд её непроизвольно направился через оконную раму на улицу, или, выражаясь проще, дабы не испытывать терпение наших читателей, она посмотрела в окно. Там было всё в порядке, как и всегда, т.е. виднелись две многоэтажки, между которыми, пересекая по диагонали хмурое небо, тянулись рядом два провода неизвестного ей назначения.

Тут словно какая-то сила, против обычного, удержала внимание Алины Григорьевны, и она, вместо того, чтобы продолжить вытирать окно, стала смотреть дальше. Через несколько секунд у одного конца линии, прочерченной проводами, взлетела большая чёрная птица. Скорей всего это была ворона, но Алина Григорьевна мало понимала в птицах. Птица медленно парила вдоль проводов, в точности как по рельсам. Алине Григорьевне мучительно захотелось, чтобы она свернула или хотя бы немного отклонилось от взятого курса. Сдвинув брови и собрав всю волю в кулак, Алина Григорьевна стала мысленно приказывать птице: «Сверни!» Но чуда почему-то не произошло, и птица благополучно долетела до другого конца линии проводов...

Алину Григорьевну слегка затошнило, и она опёрлась ладонями о подоконник. Тряпка незаметно выскользнула из её руки и шлёпнулась отрезвляющим влажным холодком на ноги. Отшвырнув тряпку ступнёй, отчего слетел и уютный тапочек, она решительным шагом подошла к секретеру, откопала там пыльный графинчик водки, припасённый для редких гостей, сняла очки, налила себе полную кружку и выпила всё залпом.

С непривычки глазные яблоки её выкатились наружу, а рот начал рефлекторно хватать воздух, но внутри себя она даже и не обратила внимания на водочный вкус. «Самое главное – успеть разрушить мозг до того, как птица долетит, тогда потом будет не так больно!» Это стало единственно важной мыслью Алины Григорьевны на долгие годы.

III

Тёплой июльской ночью в парковую беседку вошли двое. Один в мягком чёрном плаще с красной подкладкой, внушительная фигура и благородная осанка. Назовём его – Граф. Второй во фраке, худощав, бледен, движения порывисты. Назовём его – Александр. И произошёл между ними следующий диалог:

– Мой любезный друг, как ты, наверное, и сам успел заметить, сегодня холостая луна, а астролог категорически запретил мне в такое время предаваться каким-либо начинаниям, – сказал Граф.

– Какая помеха, – сокрушённо покачал головой Александр, – я бы очень желал посмотреть на охоту вашего сиятельства, да и малолетние барышни тоже желают: Пелагея фон Тойфельсдрок, Агафья фон Тойфельсдрок, Мар...

– Да будет тебе, будет, – Граф ласково потрепал Александра по щеке, – насмотритесь ещё. Лучше развлеки меня какой-нибудь историей. Да вот же, – Граф уселся на скамейку и закинул ногу на ногу, – расскажи-ка что-нибудь о своих предках. Ты раньше никогда о них не упоминал, ведь так?

– Как будет угодно вашему сиятельству, – с какой-то странной улыбкой произнёс Александр, – я и сам собирался поведать вам, при случае, историю моей семьи.

«Дед мой был электромонтёр и инвалид ВОВ. Осколком снаряда ему повредило ногу и подчистую оторвало гениталии, но полевой госпиталь оказался рядом, и его удалось спасти. Всю оставшуюся жизнь он мочился через специально приспособленную трубочку. По рассказам моей матери, однажды летним субботним утром, пока ещё все спали, он отправился в булочную во дворе. Когда же мать проснулась и вышла на кухню, протирая сонные детские глазёнки, то обнаружила, что её папа повесился на электрическом шнуре. На столе лежала записка: «Больше не могу!» и авоська с хлебом...

Мать моя работала заведующей столовой, имела характер ровный, рассудительный, обо всех заботилась, всем помогала, но так и не вкусила радостей семейной жизни – на следующий день после свадьбы мой отец уехал в Сибирь, за длинным рублём, и больше о нём никто ничего не слышал. Я ещё жил в общежитии аспирантуры, когда она, дотоле не бравшая в рот и капли спиртного, внезапно начала пить и пить по-чёрному. Это закончилось устойчивой белой горячкой, и соседи вызвали психиатричку. В психушке ей не стало лучше, но один диагноз сменился другим: белая горячка перешла в кататонию. Целыми днями она лежала, чему-то улыбаясь, уставившись в потолок или в стену. Никого не узнавала, не разговаривала и даже не чувствовала боли. Через несколько лет она так и умерла, с улыбкой на устах...»

Александр склонился над сидящим Графом, как будто собрался сейчас сообщить тому нечто особенно важное. «Но я-то знаю истинных виновников этих трагедий! И настала пора им ответить за это!» Неожиданно он вынул из рукава припасённый там заранее заточенный осиновый кол и со всего маха вонзил его в глаз Графа. «Покончить с вами! Мразью, которая управляет этим миром! Проклятые ВАМПИРЫ!» В бешенстве выкрикивая эти слова, Александр всё пронзал и пронзал глаз Графа, труп которого уже начал стремительно разлагаться прямо на глазах.

8.10.2004

РАДИОДОНЕСЕНИЕ

(помехи)

... совершили вынужденную посадку ... монооксида диводорода для заправки здесь в избытке ... каменные джунгли (на местном наречии megapolis) ... обратили внимание на странный обряд, не имеющий аналогов ... особи второго типа периодически выдавливают из себя существ, крайне неприятных на вид и не отличающихся сообразительностью даже по сравнению ... весом около 2 кг (местная единица) ... сами аборигены скорее уродливы, чем ... но то, что из них вылезает ... как показал ряд вскрытий, проведённых нашими ... эти существа представляют собой паразитов, долгое время созревающих в личиночной стадии внутри организма особей второго типа, питаясь им ... вместо того, чтобы тут же уничтожить на месте выдавленного изнутри особи паразита ... Культ поклонения ... окружающие начинают проявлять о нём противоестественную заботу, вскармливать его ... впоследствии делают из него члена сообщества. ... транслятор на местное наречие, мы неоднократно пытались узнать у аборигенов причины такого странного поведения, но ни один из них не смог дать внятного ответа ... зачем они оставляют гадёнышей в живых? ... так надо ... так все делают ... так всегда было ... это естественно ... мы их любим ... Предложение раздавить паразита вызывает у аборигенов резкий протест. Когда в порядке эксперимента мы раздавили всех паразитов внутри места их ритуальной культивации ... население ... состояние паники и крайнего ужаса ... теперь относится враждебно и что-то замышляет. Профессор ... полагает, что паразиты рассматриваются аборигенами как сосредоточие «магической силы», племенные тотемы. Наш ведущий ... аборигены видимо считают, что разведение паразитов вызывает ежегодное возобновление урожая. ... первобытный страх перед силами природы ... Меж тем как у бортмеханика ... остроумная, хотя и ненаучная гипотеза, что паразиты используются для бытового удобства. Нам эта гипотеза представляется крайне сомнительной ... употребление их в качестве пищи не замечено ... Вложения тех же средств в социальную сферу были бы гораздо более эффективны. ... сильные помехи ... всех мешающих примитивных передатчиков на планете потребует массу времени ... конец связи.

28.11.2004

ПАВЕЛ ПЕППЕРШТЕЙН

ВСЁ

Olle ojst Olle[1]*.*
поговорка

Книги, которые можно прочитать от начала до конца, не заслуживают того, чтобы о них помнили долго. Длительного почитания достойны книги, в которых имеется тот же непрозрачный избыток, который наличествует в природе. В аромате цветка или в смраде говна в десять тысяч раз больше информации, чем нужно цветку или говну, чем нужно бабочке или мухе. Избыток, а не ясность информации делает эти запахи функциональными (а запахи – это безмолвный тип текста). Мы читаем книги, которые не в силах дочитать до конца, вовсе не потому, что мы люди, а потому только, что мы живые. Жить живым существом слаще, чем быть человеком. Поэтому рекомендую читать те книги, которые вы никогда не сможете прочитать целиком. Это способствует реалистическому восприятию действительности: ведь события, имевшие место в вашей жизни, вы тоже никогда не сможете прочитать целиком.

Хотя я убежден в суждении, которое только что высказал, толкую я об этом лишь себе в оправдание, поскольку не смогу опубликовать целиком рукопись Невероятного Денди, и вам поневоле придется ограничить свое любопытство фрагментами.

Я видел Невероятного Денди один раз: в эту нашу первую и последнюю встречу он передал мне рукопись. Он появился в моей хаотической мансарде ночью, пришел без предварительного телефонного звонка, – впрочем, в нашем городе принято ходить в гости по ночам, да и телефонного аппарата у меня в мастерской никогда не было, а мобильный телефон заводить не хочу. Я узнал его сразу же, хотя раньше не встречал, но множество раз видел на фотографиях в глянцевых журналах и даже по TV, где он некоторое время комментировал модные показы.

В реальности он держался страннее, чем на экране, впрочем, был любезен и сдержан, но иногда казалось, что вот-вот упадет в обморок. Кожа у него белела, словно бумага, как у всех маунов, а если бы он не был столь белокож, то, наверное, бросалась бы в глаза его смертельная бледность. Вначале я подумал, что он находится под воздействием наркотика, но потом понял, что он просто пребывает в крайней степени усталости.

1 Всё это всё (маунский диалект).

Оделся он, конечно, по последней моде, да еще и с некоторым перехлестом (не зря же его прозвали Невероятным Денди): ярко-синее легкое складчатое пальто, под ним тонкий свитер с вышитой головой Панча, штаны с квадратными прорезями на коленях (его белые коленные чашечки, похожие на два маленьких черепа, были украшены татуировками в виде букв A и Z), кожаные перчатки, полностью покрытые черными стеклянными глазами-пуговицами, как два существа из Апокалипсиса, состоящие из очей. Но главным элементом его облика являлись ботинки (Невероятный Денди обожал ботинки). Квадратные толстые каблуки этих белоснежных ботинок скрывали в себе ролики, но остальная часть подошвы щетинилась шипами, так что шаг становился скользящим и запинающимся одновременно: присутствовала в этом некая элегантная инвалидность.

Заговорили мы так, будто знали друг друга давно: ну, это и понятно – ровесники (нам обоим еще не стукнуло двадцати пяти), люди одного круга, жители одного квартала, мы так часто слышали мимолетные упоминания друг о друге от общих знакомых, что успели надоесть друг другу заочно.

– У меня репутация светского бездельника, – сказал он, глядя в мое полукруглое окно вниз, на темные Сады Улиток, где светились только редкие грязные фонари в форме разбитых улиточных панцирей, – таков я и есть. Но, не поверишь, я тут написал кое-что. Безделица, конечно, но чего еще от меня ждать? Вообще-то, я хотел написать небольшой исторический труд. Я внезапно заинтересовался историей своего народа. Мы, мауны, народ столь малочисленный и древний, что стали мифом даже сами для себя. Ты кто по крови?

– Моя мать – англичанка, отец – русский.

– Ну да, я слышал, ты сын русского генерала. А я вот чистокровный маун, и род мой упоминается в Маунских кодексах, начиная с IX века.

– У вас, маунов, на одного простолюдина приходится десять князей, – сказал я, продолжая начатый набросок, – наверное, поэтому вы так ненавидите современный мир. Ведь аристократы – это прошлое.

– Современный мир сам себя ненавидит, – сказал Денди, – но эта тайна скрыта за семью печатями нынешнего болезненного процветания. Ну да, мы культивируем в себе анахронизм, но разве это плохо? Зато мы не агрессивны. Ты вот агрессивный парень, в твоих жилах течет кровь народов, некогда захвативших по половине мира. А мы всегда прятались – в дуплах, на маленьких островах, в непроходимых лесах, в шарообразных храмах, в глубинах нашего языка, недоступного для иностранцев. Ты вот уже лет десять живешь здесь, но разве ты можешь сказать хоть одну фразу на языке маунов?

– Мне это не нужно. Я художник и изъясняюсь образами. К тому же времена британского владычества оставили на вас столь заметный след, что вы и сами предпочитаете трепаться на языке Белой Вдовы.

(Мы говорили по-английски.)

– Мы скрываем наш язык, – произнес он горделиво. – Мы белее бледнолицых, сложнее китайцев, надменнее евреев и магичнее индейцев чероки. Наверное, народ твоей матери, прячущий свою жестокость и алчность под симпатичной личиной холодного юмора, не уничтожил нас только потому, что мы лучше всех умеем делать то, что более всего нужно людям, – лечить. Мы дали миру гениальнейших врачей. Слово «маун» означает врач. Издревле главными лекарями при английском и испанском дворах были мауны, тебе известно об этом? Ты говорил о князьях, но наши князья не то, что ваши – потомки всего лишь вооруженных бандитов, облагавших данью свои и чужие племена. Наша аристократия – это роды врачей. Когда британцы пришли сюда, они приняли знаки наших медицинских родов за феодальные гербы, а мы подыграли, скопировав замашки вашей знати.

– Ладно, Денди, не хвастайся своим народом. Сам ты вылечил лишь несколько пальто и рубашек, поскольку у тебя не хватало денег на новые. Да и твои пациенты не были серьезно больны. Не так ли? Зачем ты пришел сюда?

– Меня предупреждали, что ты грубоват, но, говорят, у тебя доброе сердце, – сказал Денди устало (надо отдать должное его выдержке, он почти умирал, но дисциплина светского человека заставляла его говорить о моих качествах, которые были ему глубоко безразличны), – но славишься ты не столько добротой, сколько великолепным почерком. Я видел кое-какие тексты, переписанные твоей рукой, – это действительно шедевры каллиграфии. Ты прирожденный каллиграф, так что зря ты тратишь время на эту слякоть, – он кивнул на мой этюд, – за эту мазню никто не накормит тебя завтраком.

– Благодарю. Чем могу быть полезен потомку врачей?

– Я уже сказал тебе, что кое-что написал. Это не совсем исторический труд. Я не желаю вгонять свой текст в компьютер или вывешивать его в блоге. Я вообще не хочу предъявлять его публике. Интернет – это канализация, и все, записанное электронным способом, будет стерто до последней точки. Компьютер не более чем печурка, сжигающая человеческую память. А я хочу запомнить... Запомнить, запомнить... – он покачнулся на своем высоком табурете, куда я усадил его, чуть было не упал, так что ему даже пришлось схватиться за край моего рабочего стола рукой в перчатке, усеянной пуговицами-глазами. – Запомнить то, что я видел. Запомнить то, что случилось со мной. Со мной произошло такое, после чего не выживают. Я же остался жив только благодаря некоторым снадобьям, секреты которых получил в наследство от предков, так что не смей смеяться над нашей медициной. Засунь себе поглубже в жопу свой сдержанный английский юмор и туда же засунь свой русский юмор, черный и несдержанный. Понимаешь, я забываю... Забываю. Я чувствую, что память о том, что я видел, уходит из меня. Этого не удержать. Вскоре все это превратится просто в слова на бумаге, более не пробуждающие отклика в моем сердце. Нужна магия твоего почерка, чтобы придать вечную свежесть моим воспоминаниям, чтобы полет букв на белой поверхности возвращал полноту... абсолютную полноту переживаний. Я принес тебе бумагу – это старинная маунская бумага с водяными знаками – посмотри на просвет и увидишь знаки моего рода. Эта бумага тонка, но так прочна, что переживет столетия, если не повстречается с огнем. Я выбрал несколько фрагментов из своей повести и хочу, чтобы ты переписал их на этих листах. Я повешу их в моем кабинете, чтобы

помнить всегда. Чтобы не забывать... Все свои деньги я трачу на одежду, так что не смогу ничего заплатить тебе, но счастье, которое доставит тебе работа на этой бумаге, возместит затраченные время и усилия. К тому же ты добр.

– Я добр, как бобр, – сказал я, подходя к умывальнику, чтобы помыть кисти, – но, знаешь ли, ко мне скоро придет моя приятельница, мы любим с ней вдвоем встречать рассвет над Садами Улиток. В эти часы нас может не на шутку взбесить присутствие посторонних в этой мансарде. Уходя, можешь оставить свою бумагу и рукопись – если то, что ты накалякал, ненароком вдохновит меня, я, возможно, перепишу пару фрагментов.

Невероятный Денди ушел по-английски (ведь он мыслил по-английски, несмотря на весь свой маунский патриотизм), не прощаясь, пока поток ржавой воды с шумом смывал краску с кистей. На моем столе он оставил бумагу и несколько отрывков из своей рукописи. Я переписал всё, что он мне оставил, и сделал это от души – не потому, что его странные записки вдохновили меня: просто бумага оказалась превосходной – такую нынче не сыщешь. Но он не пришел забрать переписанные листы. Больше я его никогда не видел, и, кажется, больше его не видел никто. Он исчез. Рукопись, сделанную его рукой, забрала полиция, а то, что я переписал, осталось у меня. Глянцевые журналы прошлых лет испарились, и мало что сохранилось на память об этом загадочном моднике.

Поэтому считаю своим долгом опубликовать эти отрывки – единственное повествование, что когда-либо написала его ленивая холеная рука.

Путешествие на Кверф

Маунский религиозный закон запрещает маунам использовать в пищу каких-либо живых существ, кроме тех, что были пойманы сетями в воде. Этот закон соблюдается большинством маунов и сейчас. Мы начинали свой путь, как один из народов моря, народ северных морей, живущий на рассыпанных островах. Говорят, у древних маунов была соленая кожа, и они дышали под водой. Но постепенно мы стали Народом Леса. Великий Лес переманил часть нашего народа на свою сторону, и мауны разделились на Т-маунов и квуф-маунов, то есть на морских маунов и лесных маунов. Лесные не просто создали письменность (письменность существовала и на островах), они изобрели множество разных алфавитов и способов письма, каждый из которых соответствовал определенному уровню секретности.

Именно лесные создали тот культ тайны, который пронизывает нашу культуру – культуру сокрытия. Но мой род идет с островов, поэтому я всегда мало читал и скверно учился в школе. Про нас, Т-маунов, говорят: островные не всегда видят разницу между болтовней и молчанием. Мы то болтаем без умолку, то молчим неделями. Что лучше – болтовня ли? молчание? Говорю вам, мои предки с островов, поэтому я не вижу разницы.

Пока лесные мауны писали тайные книги и наводняли лес тайными замками и шарообразными храмами, мы просто смотрели в море и пели наши простые песни.

Говорят, мой род идет от принца Каута.

Итак, издревле у маунов действовал строжайший запрет на употребление в пищу живых существ, обитающих на суше, разрешалось питаться лишь существами, которых изловили в морской воде. Легенда о принце Кауте гласит, что его лишили права престолонаследия после того, как в период войны за Грейм его отряд оказался на острове Тиср, где обитало много диких коз. Принц Каута, чтобы накормить свое голодное войско, разрешил солдатам бросать живых коз в море, вылавливать сетями, жарить на кострах и есть. Маунский Тлейф (совет старейшин) решил, что принц Каута нарушил закон маунов: его наградили белым шлемом за взятие Грейма, но трон достался его младшему брату Соо. Принц Каута реагировал как истинный маун, то есть замедленно: вначале он выразил согласие с решением Тлейфа и пять лет состоял военачальником при своем младшем брате герцоге Соо, но потом поднял восстание, захватил Тритт и Виффль, но его арестовала храмовая полиция Тлейфа, когда он пытался войти в шарообразный храм в То. Принца заключили в маунский монастырь на острове Кверф. Каута, человек чрезвычайно могучего сложения, крайне страдал от бездеятельности, но в результате стал делать изваяния, собственноручно высекая их из каменных глыб (на острове Кверф имеется серый гранит, хорошо пригодный для скульптурного дела). В искусстве скульптора принц Каута достиг высокого мастерства и создал так называемый сад принца Кауты, состоящий из пятидесяти пяти фигур, каждая раза в полтора выше человеческого роста. Все скульптуры изображают воинов в полном боевом снаряжении, с весьма свирепыми лицами.

Каута провел девять лет в заточении на острове Кверф, но потом пиратские корабли пристали к острову и осадили монастырь. Вначале принц принял деятельное участие в защите монастыря, но когда высокие стены пали перед неприятелем, присоединился к пиратам. Остаток жизни он плавал в северных морях, занимаясь то пиратством, то рыболовством, стал капитаном небольшой флотилии из пяти кораблей и наводил ужас на торговые суда...

Жил он на одном из островов архипелага Торви, там же построил себе замок и женился на прекрасной двенадцатилетней дочери знаменитого пиратского короля Тфей.

Почти всю свою сознательную жизнь я блуждал в мире моды, словно ребенок, спрятавшийся в гардеробе и там осознавший, что человеческая одежда намного добрее, чем люди, которые ее носят. Пустой рукав пустого пальто никогда не ударит тебя, лишь нежно погладит по щеке, и самая глубокая рана,

которую он способен нанести, – царапина от стразовой пуговицы. Однако мне вскоре должно исполниться двадцать пять лет: срок, что я провел на земной коре, кажется мне гигантским, необозримым объемом времени. Не то чтобы я устал, не то чтобы мне все надоело, но в какой-то момент своей жизни каждый человек сталкивается с некоторым вакуумом. Этот вакуум не обязательно следует чем-либо заполнять, скорее его надлежит исследовать, ведь в нем присутствует вопрос – это вакуумная трубка в форме вопросительного знака. Кое-кто думает в такие моменты о Боге, другие – о космосе, третьи – о структуре материи или же о тайне, заключенной в сексе, – да о чем только ни думают! Аристократ же, как существо наиболее примитивное и архаическое, вспоминает о предках, ибо именно от них тянется к нему та вакуумная трубка в форме вопросительного знака, о которой я в шутку упомянул. Поэтому я решил временно отвлечься от современной моды и посвятить пару лет написанию труда о пятидесяти пяти истуканах, которых высек из камня мой далекий предок принц Каута в период своего заточения в монастыре на острове Кверф.

Скульптуры изображают отряд воинов во главе с самим принцем Каутой, и эти воины, судя по фотографиям, облачены в весьма необычные доспехи, шлемы и одеяния, подробное исследование коих, полагаю, обогатило бы историю костюма. Остается только поражаться, что до сих пор никто не написал об этом ни слова. Более того, я нигде не смог обнаружить фотографии этих скульптур, за исключением двух, которые были сняты Георгом Ке и опубликованы им же в альбоме «Маунские аббатства». В своем предисловии к альбому Георг Ке пишет, что остальные изваяния сохранились лучше и произвели на него более сильное впечатление чем те, что мы видим на снимках, но монахи Кверфского монастыря разрешили ему сфотографировать только две фигуры, наиболее изувеченные временем.

Прочитав эти строки, написанные знаменитым фотографом (ныне уже покойным), я принял решение отправиться на остров Кверф, чтобы собственными глазами увидеть изваяния, высеченные рукой моего предка, – рукой, которая с одинаковым мастерством владела боевым оружием и врачебными инструментами и лишь на время заточения, насильственно лишенная меча и аптекарских весов, снизошла до скульптурного резца. Сразу скажу, что труд о скульптурах принца Кауты я не написал и теперь уже не напишу никогда. Вместо этого труда, потребность в котором отпала, остались лишь записки о моем путешествии на остров Кверф, где мне пришлось встретиться с чем-то неописуемым. Такой встречи я никак не ожидал – и даже в раннем младенчестве, когда мысль еще богата нагой необузданностью физических впечатлений, не в силах был предположить возможность подобной встречи, и только когда я болел, и температура моего тела повышалась почти до сорока градусов, тогда лишь смутно брезжило предо мной нечто подобное тому, с чем мне пришлось столкнуться на Кверфе – уж не знаю, как теперь называть этот остров: проклятым или благословенным...

Наведя справки, я обнаружил, что наиболее комфортный (а также, как ни странно, единственный) способ попасть на остров – это купить круиз на небольшом, но роскошном туристическом лайнере «Свежий ветер». Это весьма современное плавающее средство представляло собой (как говорилось в рекламном проспекте) «головокружительное сочетание техники XXI века с дизайном, достойным XXII века». «Далее, – захлебывался проспект, – этот болид из будущего пронесет вас сквозь морские просторы, вдоль длинной гряды Тунских островов, получившей свое название благодаря пятнистым гигантским тунцам, которые встречаются только в водах нашего края. Погрузив вас в атмосферу упоительного комфорта, болид пройдет от Гвофа на севере до Тунги на юге, делая экскурсионные остановки у островов. Тунская островная гряда включает в себя 55 островов, на многих из которых вы сможете полюбоваться памятниками древней маунской архитектуры, уникальными природными ансамблями и заповедниками. На острове Флее вас ожидает мир сказок – экскурсия по грациозному дворцу Флеем-Фай (Царство фей), выстроенному в эпоху барокко архитектором Сантини в качестве загородной резиденции князей Тма. На острове Гри вы получите незабываемые впечатления от посещения питомника черных альбатросов. Вы украсите свои фотоальбомы и видеоархивы видами Башни волков на острове Оо, гигантской наклонной скалы на острове Олле под названием The Falling Skyscraper (Падающий небоскреб) и древнего, но до сих пор действующего маунского монастыря на острове Кверф, чьи крепостные стены возведены задолго до нашествия норвегов и проникновения в наши края христианства. Оценив по достоинству красоту и своеобразие островов, вы выйдете в открытое море и, если вам повезет, сможете полюбоваться танцами тунцов. А вскоре после этого вы, переполненные впечатлениями, снова будете стоять на причале Квурского порта, не веря, что с момента, когда вы покинули этот причал, прошло всего лишь 14 дней, а не 14 вечностей!»

Проспект пестрел крошечными, но яркими фотографиями островов, и у меня сладостно защемило сердце, когда я узнал силуэт острова Кверф, с его высокими темными монастырскими стенами, встающими над лесом, – силуэт, знакомый мне с детства благодаря полотну, принадлежащему буйной кисти Ван Голема, что мерцало своей курчавой рамой над шахматным столиком моего отца.

Войдя в значительные, по моим представлениям, долги, я приобрел круиз – он стоил непристойно много: я даже испугался, не убьет ли меня овердоз «упоительного комфорта», что представлялся мне сконцентрированно густым ввиду выплаченной мной суммы.

В порт Квур меня подбросила на своем лимонном электромобиле моя очаровательная приятельница Хлоя Лонг, смешливая супермодель, причем у нее в бардачке нашелся столь забавный сорт марихуаны, что мы всю дорогу хохотали. Ее отец и мой друг Лонг принадлежит к людям, которых следовало бы назвать «алмазными столпами мауна», ибо они поддерживают наши древние медицинские традиции. Прощаясь, Хлоя протянула мне золотую трубочку с пилюлями и записку от доктора Лонга, написанную на одном из маунских языков:

Предки наши говаривали: «Море это море», – и они знали, о чем толкуют. Поэтому, дорогой друг, не поленись принять от меня в дар несколько добротных пилюль моего собственного изготовления, которые окажут тебе некоторую благую помощь в том случае, если таковая потребуется в морском путешествии. Сердечно обнимаю твое идиотское золотое пальто.

Лонг, феноменальный эсквайр

Налегке прибыл я в порт Квур (если не считать тяжестью золотую трубочку с пилюлями Лонга в моем кармане). Вид круизного лайнера вызвал бы тошноту, не будь я подготовлен проспектом, где фотографии корабля мелькали чаще, чем виды островов. Собственно, мне было безразлично, на чем плыть. Меня не интересовали два плавательных бассейна, зал для тенниса, ночной дансинг-бар и прочие соблазны «Свежего ветра». Меня не интересовали черные альбатросы и танцы тунцов – я хотел добраться до Кверфа. И всё.

«Свежий ветер» покинул порт точно по расписанию, но лишь половина его упоительных кают оказалась заполнена экскурсантами – круиз не пользовался успехом. Что и не странно – только психический инвалид может за баснословные деньги приобрести путешествие по холодному летнему морю вдоль цепочки, по сути, чрезвычайно мрачных и нелюдимых островов. Действительно, бóльшую часть туристов составляли инвалиды в креслах-колясках, американцы, многие с серьезными нарушениями не только двигательного, но и речевого аппарата. Их сопровождал штат врачей и сиделок, так что все вместе они окупали плавание «Свежего ветра».

Кроме большой группы инвалидов, имелась меньшая группа, состоявшая из японцев в разноцветных непромокаемых плащах с островерхими капюшонами – эти плащи придавали им вид сказочных существ, но они, видимо, работали в одном офисе и не пожелали разлучаться на отдыхе. Остальные туристы являли собой жалкое зрелище, разве что выделялась небольшая русская компания немного порнографического покроя, из трех осоловевших мужчин в лиловых рубахах от Armani. Судя по лицам, русские, усталые и вечно распаренные, словно жили в бане, плотно употребляли алкоголь и кокаин не первую неделю подряд. Их сопровождала четверка элегантных, сдержанных и очень высоких проституток, сухо одетых в черное, а также один неимоверно раскрепощенный трансвестит, еще более высокий, широкоплечий, накрашенный, с алмазом в ноздре, с худым истеричным лицом (физиономией и гримасами он слегка напоминал Гитлера), часто меняющий наряды, по имени Volodja.

Ну еще какие-то американцы, итальянцы… И конечно, одинокий старый англичанин – такого встретишь на любом круизном лайнере в любом уголке мира: осколок империи, наверное, раньше не бывал в наших краях, поскольку оделся во все летнее, белое, старомодно колониальное, но мы давно не колония, да и теплого лета у нас не случается. Этот вечно читал Daily Telegraph, но и его, видно, коснулись новые веяния – из-за газетных страниц не вился дымок ни от трубки, ни от сигары – англичанин не курил.

Поначалу все они (за исключением корректного старика, любящего газеты) таращились на меня во все глаза, но моя экстравагантность в области одежды компенсировалась скованностью, холодностью и даже угрюмостью, так что вскоре от меня отвлеклись, благо всех увечно развлекали аниматоры из Болгарии, а более – Volodja, являвшийся то в женском образе, то в мужском: он то закатывал яркие фарсовые истерики, то задушевно пел русские песни. Периодически случались странные припадки среди увечных или же ломалось у кого-либо из них самодвижущееся кресло с колесами… В общем, туристы, кажется, не скучали.

А я скучал. Десять безотрадных дней отделяли меня от цели путешествия. Слегка развлекали острова. На второй день плавания мы пристали у острова Тфоре, где произошла прогулка вдоль скального хребта, живописная скорее благодаря нам, нежели благодаря ландшафту – длинная процессия инвалидов в колясках, японцы в пестрых плащах, Volodja – богатырь, ковыляющий на шпильках по горной тропе, то капризничая, то тоскуя о родине, о родной стороне своей… А на наших островах проливные дожди, их мелодия с детства знакома маунскому сердцу, и все это под свинцовым небом, увиденное мною сквозь призму тоски, в сравнении с которой хваленая русская тоска – конфета, завернутая в бумажку с изображением санного пути.

Третий день. Праздничный завтрак (не помню, в честь какого именно праздника), где разливали шампанское. Капитан корабля в сопровождении своего помощника, оба в белоснежных униформах, с огромными букетами цветов в руках, явился поздравить нас. Капитан вручил свой букет тому из инвалидов, кого наименее пощадила болезнь, а помощник – самой очаровательной из сиделок.

Затем осмотр острова Тверг, где мы смогли полюбоваться домом лесника (бревенчатая постройка XVIII века), а также самим лесником, весьма великорослым и рыжим, который рубил дрова. Луч солнца, вспыхнувший на миг на лезвии его топора и в рыжей его бороде, был первым и последним проблеском солнечного света, который я увидел за время круиза.

Четвертый день. Пристали у острова Флее, и все отправились на экскурсию по дворцу Флеем-Фай, а я остался лежать в своей эллиптической каюте, читая книгу «Великие узники» – блестящий труд польского историка Эдмунда Дзержинского, где принцу Каута и его саду скульптур уделено лишь пятнадцать фраз.

Три фразы из этих пятнадцати показались мне очень поэтичными, а еще одна восхитила меня до глубины души, но восторг угас, поскольку я внезапно обнаружил грубую историческую неточность.

Не то чтобы меня не тянуло полюбоваться архитектурным шедевром Сантини – одним из самых зловещих дворцов на свете, все залы которого сплошь покрыты человеческими черепами (их специально доставляли кораблями из

Европы, в то время охваченной войнами), не то чтобы мне не хотелось увидеть гигантские часы, где и стрелки, и маятник являют собой цельные скелеты: только самая мрачная ирония могла заставить окрестить этот дворец Царством фей. Но, хотя дворцу присвоен статус музея, он принадлежит княжескому дому Тма, а моя семья не поддерживает отношений с этой фамилией. Поэтому я и не присоединился к экскурсии, решив, что – даже совершенный в отсутствие хозяев – мой визит может показаться неуместным.

Ссора между княжескими домами Кви и Тма (я принадлежу к первому) произошла задолго до строительства дворца Флеем-Фай, так что никто из наших никогда не видел ни знаменитых летающих черепов, ни скелетного алькова, где князь Алливер сплетался со своими любовницами. Он обожал очаровательных молоденьких пухлянок, чья грациозная румяная сдобность особенно возбуждающе смотрелась на фоне скелетов.

Как я и предполагал, гений Сантини возымел свое действие: все экскурсанты вернулись на корабль подавленными, некоторым инвалидам сделалось худо, на надменном лице Владимира потекла тушь и застыла злая обида.

За ужином, когда капитан и его помощник зашли в столовую, сверкая своими белоснежными кителями и золотыми якорями на рукавах (они даже носили золоченные кортики, что является вопиющим нарушением правил: кортики разрешено носить только военным морякам), главный врач из числа американских медработников, сопровождающих инвалидную группу, в резких выражениях выразил капитану свое возмущение тем фактом, что его не предупредили о жутких особенностях дворца, в то время как его попечению вверены больные люди, которым подобные зрелища могут нанести вред.

Ни единый мускул не дрогнул на лице капитана, зато его помощник расплылся в широкой улыбке и очень громко произнес:

– На верхней палубе щас так мокро, доктор. Будьте осторожны, а то неровен час поскользнетесь, да и свалитесь за борт – акул нет, но я слыхал, что гигантские тунцы, обитающие в здешних водах, обожают мясо американских врачей.

Эта шутка, произнесенная веселым громким голосом, настолько потрясла столовую, что все будто окаменели.

Ночью мне не спалось, и я спустился в ночной бар. Там за светящейся стойкой сидел один из русских – атлетически сложенный, но с мягким, словно вылепленным из ваты, лицом.

– Я объявил войну Шотландии, – сказал он пьяным голосом, указывая на бутылку виски, стоящую перед ним. – Согласны стать моим союзником, мистер клоун?

– Согласен, мистер клон, – ответил я, садясь рядом на высокий пластиковый табурет в форме светящегося гриба. Человек, представившийся Гландом (на мой слух, не вполне обычное русское имя), поведал мне историю своей жизни: родился на окраине Москвы, младенцем перенес воспаление мочевого пузыря, в детском саду увлекался рассматриванием гениталий девочек-ровесниц, стал употреблять непристойные слова, учился в школе, дрался, нюхал клей – так он становился сильнее, начал курить, воровал деньги в раздевалке, в одиннадцать первый раз занимался сексом, увлекся боксом, у него украли боксерские перчатки, избил одноклассника, возникли первые проблемы с полицией, поселился вместе с любимой девушкой, сделался участником подростковой криминальной группы, случайно убил цыганскую женщину, оказался в тюрьме, сбежал, скитался лесами, питаясь лосиным мясом, жил по подложным документам, вернулся в столицу, занимался организацией охраны банковских офисов, полюбил кокаин, уехал на Кубу, где его немного утомили мулатки...

Дальше я слушать не стал, да и его английский становился бессвязным: я вернулся в свою каюту, где уснул, чувствуя себя цыпленком, которого приговорили к пожизненному заключению в яйце.

На следующий день начался шторм, Тунг швырял на корабль злые волны, но «Свежий ветер» шел полным ходом. То ли от вчерашнего виски, то ли от шторма мне стало скверно, и я поднялся на верхнюю палубу. Ветер здесь оказался настолько свеж и свиреп, что, казалось, выдирал волосы из головы, но от него я укрылся в подобии стеклянной сопли: внутри сопли стояли шезлонги, и там я болезненно возлежал, закутавшись в плед, наслаждаясь зрелищем морского буйства, от коего меня защищали прозрачные стенки современной сопли, снаружи осыпанные рваными клочьями пены. Здесь никто не возмущал моего одиночества, которое представлялось мне суровым и сладким, в частности благодаря Генриху Гейне и его «Северному морю»: я сжимал в руках старинный томик, чьи страницы время осыпало веснушками, как кожу старика. Но зря я подумал о стариках: тут же на палубу выкатилось инвалидное кресло, в котором один из них восседал. Вкатила старца миловидная девушка: он находился в таком состоянии, что даже столь технически совершенным креслом не смог бы самостоятельно управлять – это были те самые инвалид и сиделка, которых одарили букетами цветов. Старик, кажется, не говорил, его огромная голова свисала на грудь, на плечи ниспадали длинные седые волосы. Все лицо его проросло сединой: кустистые пышные брови скрывали глаза, и без того скрытые темными очками, дымная борода доходила до пояса, длиннопалые длани свело вечной судорогой, и они беспомощно свисали с подлокотников кресла, равномерно подрагивая, равнодушные к удобно расположенным кнопкам и рычагам.

В отличие от остальных инвалидов-туристов, которых так или иначе развлекало путешествие, этого человека непонятно зачем послали в далекое странствие – он ни на что не реагировал, и не удавалось понять, осознает ли он вообще что-либо.

Тем не менее, будучи наиболее «тяжелым» из инвалидной группы, он в то же время казался наиболее величественным: увечная вечность застыла в нем, он напоминал зачарованного короля, на которого наложили заклятье и заточили в горе. Это впечатление подтверждалось и его одеянием: когда-то этот человек, видимо, был хиппи или кем-то в этом роде: одежду его составляла длинная, до пят, серая рубаха с широкими рукавами, сшитая из грубой холстины,

вполне средневекового вида, на скорченной груди сквозь пряди бороды блестели какие-то бронзовые амулеты на витых шнурах, а на парализованных пальцах встречались аморфные перстни с выпуклыми магическими знаками. Переведя взгляд на девушку, я усомнился в том, что она – профессиональная сиделка. Она, казалось, слишком уж красива и хрупка для такой суровой работы, к тому же, стирая платком брызги морской пены с лица старца, она с такой искренней нежностью провела ладонью по его волосам и мертвенной щеке, что я подумал, – вероятно, она приходится ему дочерью, точнее (поправил я себя мысленно), внучкой. А может, и правнучкой – ей вряд ли исполнилось семнадцать, его же возраст представлялся баснословным, и я бы не удивился, узнав, что он вплотную приблизился к столетнему рубежу. Впрочем, в силу его болезни, возраст становился непостижимым. Глядя на холеные волнисто-серебряные волосы калеки, я представил себе, как она бережно расчесывает их волшебным гребнем, словно фея, лелеющая кудри гофмановского Циннобера. Мне понравился ее простой серый свитер и клетчатая черно-синяя рубашка под ним.

Сандро Боттичелли создал канон девичьей красоты, которому и по сей день (с временными отклонениями) следует fashion-world. Это образ особой рассеянности, вызванной тотальным и неуловимым постижением таинственной истины. Но есть еще вермееровская красота: девушка с опущенными ресницами и приоткрытым ртом, не умеющая улыбаться уголками губ, возможно, и вовсе не умеющая улыбаться, а разве что способная к хохоту, погруженная в светлую летаргию, граничащую со слабоумием: лицо, не постигшее никакой истины, лицо без тайны, кроткая красота слегка поврежденного генома – и все же великомудрая в своем отказе от истины и тайны. Лицо, в котором ангел и даун стоят, обнаженно обнявшись, отражаясь в холодном ручье. В лице этой девушки Боттичелли и Вермеер смешались, породив алхимическую смесь, но когда она мельком взглянула на меня, я осознал, что в ее расширенных черных зрачках, окруженных водянистым ободком, живет третье существо: скорбно-ликующее и невероятно гибкое. Тело ее также отличалось гибкостью, длинноногостью, но оставалось приятно скованным в движениях, так что она оказала бы услугу любому достойному кутюрье, пройдясь по подиуму в его тряпках.

– Господин не продрогнет ли здесь? – спросил я, совершая полупоклон в сторону старца и при этом глядя в глаза девочки.

– Он вас не слышит, – ответила она, – думаю, до него иногда доносятся голоса, но не из этого мира. И холода он не чувствует. Свежий ветер пойдет ему на пользу. Меня зовут Зоя Синельникова.

– Вы русская?

– Да.

Я тоже назвал свое имя, добавив:

– Вы так молоды... и решились на трудную работу сиделки. Или вы ему родня?

– Я не сиделка. И не родня. Я даже не знаю, как зовут этого старика, – сказала она, закуривая сигарету.

Ответ показался загадочным, но я не стал задавать дальнейших вопросов.

– Я профессионально занимаюсь модой, – произнес я после некоторых колебаний, – и позвольте вам заметить: вы могли бы сделать отличную карьеру модели.

– Мир моды меня не привлекает, – ответила она без улыбки, без надменности, даже с печалью, – я не пойду по кошачьей дорожке.

– Хотите посвятить себя медицине?

– Не знаю. Я пока не думала об этом.

– Вы презираете fashion-world. Жаль. Мне жаль, ведь я ему принадлежу. Впрочем, скрытая душевная истерика довела меня до мысли стать историком. «Истерия» и «история» – звучит сходно, хотя слова эти происходят от разных корней.

– Не люблю ни того, ни другого, – ответила она хмуро.

– Что же вы любите?

– Фриков. Живых фриков, а не мертвых. Поэтому я с вами и говорю, ведь вы фрик. Живой или полуживой хотя бы. Но все-таки предпочитаю не стилизованных фриков, как вы, а настоящих. Мне нравятся неполноценные: люблю инвалидов, даунов, слабоумных, людей, чем геном поврежден.

– У вас аристократические прикольчики, я вижу. Я имею в виду не нынешних аристократов, которые выглядят как обычные спортсмены, а вельможный вкус эпохи барокко.

– Рокко барроко, – произнесла она равнодушно.

– Вы случайно не русская княжна?

– Я из народа. Моя мать – уборщица в русском провинциальном городе. Отец был рабочим. Он умер, отравившись фальшивым алкоголем.

То, что она говорила, странно контрастировало с тем, на чем в этот момент покоился мой взгляд: на ее тонкой руке, облаченной в серую замшевую перчатку. У самого края перчатки, где замша граничила с бледной кожей узкого запястья, вышит черной нитью маленький мальтийский крест и инициалы J. W. Из-под перчатки наполовину выступал эбеновый браслет с крошечными часами от Swarowski – циферблат в виде улитки, сложенной из искусственных алмазов. Впрочем, взгляд мой не столько покоился, сколько тревожился. Мы помолчали. Рев моря долетал до нас приглушенно, с трудом пробиваясь сквозь толстое стекло прозрачного соплевидного нароста, внутри которого мы составляли странную троицу: обездвиженный безучастный старец, юная красотка и я, полуживой фрик. Она курила, глядя в упор на ярко-желтую табличку, где на семи языках сообщалось, что курить здесь нельзя.

– Чем же вы занимаетесь? – наконец спросил я, напомнив сам себе Белого рыцаря из сказки про Алису, который все тряс Сидящего на стене старика, постоянно повторяя один и тот же идиотский вопрос – «Как ты живешь, старик?».

– Ничем. Зачем делать что-то, в мире и так слишком много всего. Достаточно наблюдать за всем, не так ли? Правда, последние два года своей жизни я потратила на сочинение одного стихотворения. Одного единственного. Недавно я закончила это стихотворение. И от нечего делать купила этот круиз.

– О! Прочитайте.

Она послушно прочла, продолжая глядеть на желтую табличку, словно стихотворение было написано на ней.

Сойди с небес в зеленый ипподром,
Жокеев ты не сбросишь больше в слякоть,
И ни о чем тебе не нужно плакать,
Лишь об одном, царь судеб, об одном –

Что ты на Стиксе баловал веслом,
Из тел и дел себе сплетая сбрую,
Но сбруя обратилась в пыль степную.

Сквозь пыль бредет, смеясь, кочевник в тапках,
Тушкан застыл на длинных острых лапках
Вблизи ребра, белеющего здесь,
Быть может, десять лет, быть может, тыщу лет.
Наверное, ребро святого печенега,
Которому в бою вдруг улыбнулась нега.

За горизонт уносится телега.

– Музыка слов завораживает, но я не знаю вашего языка, – сказал я, – Не могли бы вы озвучить нечто вроде спонтанного перевода? Ну, скажем, на английский?

– Могу. Я приготовила перевод заранее, думала, что он может понадобиться. Вот он:

You don't know who I am,
But touch me, touch me, touch me.
Grandfather Frost or Uncle Sam
You didn't know such me.

You love my lips,
You love my hips,
You love all kind of hippie's tricks,
But you just fuck me, baby,
It last forever maybe.

– Великолепно! – воскликнул я, – Вот только в русском оригинале мне слышалось нечто про ипподром и жокеев, а здесь о них не слова.

– Это неважно. Мне нравится Генрих Гейне, которого вы читаете, особенно его стихотворение «Май». Вот, кстати, и май кончается. Сегодня 29 мая, не так ли?

– Да. Самое теплое время в наших холодных краях. Разгар брачных танцев тунцов.

– Но мы с вами не тунцы. Или мы – тунцы? – спросила она.

Я несколько смешался. В ее голосе не слышалось ни намека на кокетство, ни тени флирта.

– Безусловно, мы – тунцы, – наконец выговорил я после небольшой паузы.

– Так я и думала, – произнесла она бесстрастно. – Хотите я отсосу у вас?

– Что?!

– Я говорю: хотите, я отсосу у вас?

– Хочу, – голос мой прозвучал беспомощно.

– Тогда доставайте вашего гигантского тунца.

– Но... – я указал подбородком на инвалида. – Здесь этот господин... При нем? Кажется, он смотрит на нас...

– Ну и что? Да, при нем. Здесь и теперь.

– Боюсь, я не готов...

– Эх вы... – она резко встала и потушила сигарету о желтую табличку, – а еще называете себя панком. Прощайте, – она налегла на рычаги инвалидного кресла, развернула и вместе с калекой исчезла.

На полу осталась забытая пачка сигарет и зажигалка. Я закурил и долго сидел, глотая омерзительный дым (вообще-то, я не курю). Темнело, туман низко несся над водой. Ветер гнал его, свивая в стремительные жгуты. В темном тумане проносились косматые острова, необитаемые, мрачные, непригодные для экскурсий.

Не припомню, чтобы я когда-либо вслух называл себя панком, но спал я в ту ночь крепко, как панк. Как убитый панк. Мне снилось, что меня убили. Мертвый, я лежал на горячей твердой земле, среди раскаленных камней. Открытое солнце зияло надо мной, но я не чувствовал жара. Во сне я знал, что я немец, что мое имя Пауль, что я офицер и меня убили в Африке. Труп мой, одетый в светлую германскую униформу времен фашистских войн, истекал холодной кровью – кровь тяжело лилась по пылающей земле, и почва не могла впитать в себя рубиновый поток, так как земля стала тверда. Я лежал словно бы на каменной ладони Господа. Надо мной возвышалась отвесная скала, прямая, как уцелевшая стена разрушенного взрывом дома, в этой скале имелись овальные отверстия, словно оконца в самолете. Глаза мои закрылись навеки, но веки сделались прозрачны, и я видел всё. Я видел, как из овальных окошек в скале один за другим вылетают спящие человеческие эмбрионы – они обладали структурой мыльных пузырей: эфемерные, полые, подрагивающие, с радужными бликами. Каждый из них повисал высоко надо мной, играя сотнями пестрых искр, а затем тихо лопался, рассыпаясь в знойном небе скромным салютом. Я сознавал, что мое сновидческое имя Пауль (происходящее от латинского paulus – младенец, зародыш) имеет отношение к этим эмбрионам.

Орден железного креста на моей груди раскалился под солнцем так сильно, что прожег униформу, и кожа трупа дымилась, но я не узнавал боли. Капризный денди, выбирающий новый наряд в модном каталоге, я присматривался к эфе-

мерным слепкам эмбрионов, выходящих в небо предо мною, словно модели на подиум. Так я подбирал себе новое тело для нового рождения. Да, я панк. Глэм-панк, если желаете точности. Я всегда был глэм-панком, даже когда мертвым фашистом лежал у подножия скалы.

День шестой. Шторм разыгрался не на шутку, но корабль по-прежнему движется на полной скорости, проскакивая острова. Никаких экскурсий, трясет так, что большинство экскурсантов не вылезает из кают, только в баре пьянствует стандартная разноплеменная компания фанатиков алкоголя, да по коридорам целый день бегают врачи и медсестры – состояние инвалидов ухудшилось, а один из них даже совершил попытку самоубийства, как я понял из обрывка беседы между двумя американскими врачами, случайно услышанного мной в столовой. На самом деле врачи так орали об этом, будто слово «суисайд» ласкало им гортань. Простите мне мой маунский скепсис в отношении американских врачей. Мы, мауны, так гордимся нашей традиционной медициной, что невольно презираем всех врачей, кроме наших. Четвертушка пилюли Лонга – и никакой морской болезни, и никаких суицидальных настроений!

Я, наверное, идеализирую нашу медицину, но осмелюсь предположить, что если к этим инвалидам приставили бы в начале круиза маунских лекарей, то больше половины этих несчастливых гринго уже во дворце скелетов скакали бы, что твоя детвора, весело гоняющая человеческий череп по зеленому лугу.

День седьмой. И отделил Господь свет от тьмы, и хлябь от тверди… Или это произошло в первый же день? Плохо помню текст Библии, у нас свои священные книги, в них совсем иначе описывается возникновение мира, но о наших священных писаниях я имею еще более смутные представления, потому что их слишком, слишком много, и они написаны на разных языках, с употреблением различных видов письменности, составляющих сложную иерархию знаков, намеренно запутаны и усложнены, а некоторые до сих пор не расшифрованы. Страсть к тайне всегда владела нашим народом, поэтому я испытал чувство некоторого разочарования, когда шторм утих и сменился свинцовым штилем. Ветер ушел, но «Свежий ветер» продолжал нестись на полной скорости под искрящейся пеленой дождя, ниспадающей в плоское море. Солнце не показывалось, до самого горизонта все заливал призрачный пасмурный свет: безутешный и беспечальный. Я один сидел на верхней палубе, когда предо мной, словно призрак в дожде, возвысилась конусообразная Башня волков на острове Оо и над Тунгом разлился протяжный, тихий, заунывный вой. Вой-стон, вой-плач, скорбно оплакивающий холодную судьбу Тунга, плоско цепенеющего без благости, как замирает после припадка буйный безумец, которому врачи вкололи успокоительное. Вой вначале казался столь тихим, что ты сомневался в нем, как сомневаешься в слуховой галлюцинации, но чем ближе мы подходили к Оо, тем сильнее и тоскливее становился этот вой, он пробирался под кожу, входил в душу волчьей стаей, собравшейся в круг для стона. Это не волки воют над Тунгом, они никогда не жили на острове Оо. В

наших лесах нет волков. Это воет сама башня. В седой древности этот гигантский каменный конус воздвиг на Оо князь Тлеймом, великий мореход и великий изобретатель музыкальных инструментов. Башня только с виду проста, на самом деле это древний звуковой маяк, по праву считающийся чудом акустической архитектуры. Он втягивает в себя звуки моря и шум ветра и преобразует в протяжный, далеко разносящийся вой. В шторм этот вой пронзителен: так что моряки, проходя возле Оо, затыкают уши, – как будто спорят гигантские стаи волков, желающих хоронить своего короля. В штиль вой становится тихим. Башня веками воет, предупреждая корабли о рифах, окружающих Оо.

Японцы высыпали на палубу, внеся благодаря своим плащам множество ярких элементов в картину, состоящую из бесконечно разнообразных оттенков серого. Башню запечатлело разом множество камер, японцы цокали языками и качали головками в хрустящих капюшонах – башня понравилась им.

Но ближе к вечеру их ждало разочарование: мы на полном скаку проскочили остров Тверн, называемый также островом Гри, где проспект обещал нам потрясающее эстетическое переживание в питомнике черных альбатросов. Отчего-то ни у кого не возникло вопросов относительно альбатросов: все сидели в столовой и жадно поглощали ужин (двухдневный шторм опустошил многие желудки). Один лишь я тревожно отправился в капитанскую рубку.

Капитанская рубка расположена в носовой части лайнера. Все, конечно, высоко технологично. Капитан и его помощник сидели во вращающихся креслах перед изогнутой панелью управления, сияющей многими сияниями, чувствуя себя, должно быть, пилотами космического корабля. Оба по-прежнему в белой форме с золотыми якорями, но уже не вполне белоснежной: у помощника капитана на локте краснело большое пятно от кетчупа. На «Свежем ветре» всюду царила абсолютная чистота, но я с удивлением убедился, что этот закон не распространяется на территорию капитанской рубки. Здесь под ногами повсеместно хрустела щедро разбросанная арахисовая скорлупа, валялись пустые банки из-под пива и колы. Кроме того, здесь находилась белокурая официантка из бара, которая сидела, положив длинные ноги на подлокотник капитанского кресла, и красила ногти разноцветным лаком, превращая свои нижние пальцы в подобие распахнутой коробочки с детской акварелью. Все трое молча воззрились на меня с таким видом, будто их навестил призрак из дворца Флеем-Фай.

– Мы вроде бы намеревались посмотреть на черных альбатросов. Чем вызвано изменение в программе круиза? – сухо осведомился я, немного смущенный непринужденностью царившей в рубке атмосферы. Капитан молчал, глядя мне прямо в лицо немигающими глазами, а улыбчивый его помощник ответил:

– Прошлой зимой так приморозило, что все они передохли, как один. Правда есть еще черные пеликаны, но эти живут далеко на юге. Боюсь, нам до них не добраться, сударь.

– Примите мои соболезнования… То есть я хотел сказать: отчего после этих трагических событий посещение питомника не вычеркнуто из программы круиза?

Вопрос остался без ответа. Повисла пауза, в течение которой они продолжали пялиться на меня.

– Я хотел бы уточнить, капитан, – обратился я к старшему по званию, – дальнейшие пункты экскурсионной программы останутся без изменений? Меня особенно интересует осмотр Квердского аббатства.

Глаза капитана словно прикипели к моим глазам, но он по-прежнему стыл в молчании.

– Осмотрим, сэр, – ответил за него помощник, – куда ж мы денемся? Осмотрим, как врачи новобранца, сударь. Вам бы все брюзжать, но осмелюсь заметить: не стоит корчить из себя педанта и паиньку. Всем здесь отлично известно про ваши вчерашние подвиги, мистер... как вас там – Неприкасаемый? Неукротимый?

– Что? Какие подвиги? – я оторопел.

– Охо-хо, сударь, – покачал головой помощник капитана, – вчера вы так набрались в баре, что, видно, и не помните, что творили. Вначале вы отжигали с русской красоткой, женой старика-инвалида – ну того, что был академиком, знаменитым ученым, а теперь даже и не знаю, что он есть такое. Вы ее, говорят, учили древним танцам. Я сам не видел, но кто сидел в баре, говорят, что до сих пор в себя прийти не могут после ваших с ней древних танцев. Потом вам шотландского виски показалось мало, вы нажрались какой-то дряни из золотого тюбика, что вы носите в кармане вашего золотого пальто, и тут как с цепи сорвались, сударь. Вы катали калеку-академика по коридорам корабля, достигая, говорят, спортивных скоростей. Потом вы заявили, что скоро, дескать, Новый год. Хотя какой уж там Новый год! Май кончается – такие шторма, как вчерашний, на Тунге в это время редкость, сударь. По большей части у нас летом штиль да ливень, а уже с октября до самого господина марта – шторма. Но вы все равно рвались наряжать новогоднюю елку, а елкой сгоряча объявили академика, ну а тот вам возразить не умел, потому как не такое у него настроение, чтобы возражать вам, сударь. Ну и нарядили вы его, говорят, что любо-дорого: повесили на инвалида всяческой шелухи, мандариновых шкурок и прочего в этом роде, потом осыпали с ног до головы французской картошкой и полили татарским соусом. Вот такую елочку нарядили, сударь. А потом еще пытались завалить его молодуху прямо у самых колес мужнина кресла, сударь. А после того как она вам дала от ворот поворот, вы знаете что учудили, сударь? Вы нассали на академика. Реально обоссали его, беспомощного, с ног до головы. И закончилось скверно, сударь. Поутру этот инвалид каким-то образом самостоятельно докатился до медицинской каюты и, воспользовавшись тем, что все врачи спали, украл некие ядовитые микстуры и попытался отравиться. Еле-еле откачали его, сударь. Американские врачи в шоке и собираются подавать на вас в суд. Так что ждите последствий, сударь. Только вот что я вам скажу, сударь вы мой: у нас не Америка, нам здесь законы гринго не писаны, да и сами вы княжьего рода, а мы своих князей не выдаем, даже если они бедны, как осиновый кол, и при этом расхаживают в золотом пальто. Так что все останется шито-крыто, мистер Неприкосновенный, да простит нас всех господин Тунг! Правда, капитан?

– Море есть море, – неожиданно изрек капитан, и голос его оказался глубоким, как будто эту фразу произнес сам господин Тунг.

– Неужели это правда? – сказал я онемевшим голосом, – Я имею в виду, что она его жена? (Из всего, сказанного помощником капитана, только это меня потрясло.)

– Будто вы сами не знаете, мистер Невероятный? Это яркая парочка. Их зовут Степан Ястребов и Яна Дикая, хотя она отнюдь не дикарка. Он – физик, специалист по физике космоса. Великий ученый, по слухам, но я-то в этом не смыслю. Жили они себе в России, он там считался научной звездой, но сам занимался не звездами, а кое-чем покруче – сверхгигантскими черными дырами, так называемыми квазарами. Что-то он такое открыл относительно этих квазаров, такое открыл, что сразу же и влепили ему Нобелевскую премию. Гринго переманили его к себе, звеня большим мешком баксов. Он прихватил с собой молодую женушку, да и метнулся за океан. Только, видно, не понравилось такое метание господину Атлантическому океану. А может быть, господину Квазару не пришлось по вкусу, что его открыли. Возможно, он яростно скромен, великий Квазар.

– Ему же лет сто! – воскликнул я.

– Да нет, великий господин Квазар постарше будет, – рассудительно заметил помощник капитана, отирая кетчуп с подбородка.

– Я о старике.

– Старик не так стар, как кажется. Болезнь скрутила его, а что заболезно – неведомо. Однако жена у него хороша и любит его до умопомрачения, а любовь, говорят, творит чудеса, так что, может, он еще и выздоровеет. А то, глядишь, ваша волшебная моча, господин Неистовый, вылечит его? А что, такое бывает. Вдруг он завтра на рассвете возьмет да и вскочит попрыгунчиком со своего кресла, а? И задаст нам жару, а? В любом случае мы все на суде будем свидетельствовать в вашу пользу, мистер Немыслимый. Пэм всю ту ночь работала в баре, она скажет всем, что вы вели себя пристойно, хотя на самом деле вы выступали, как настоящий разнузданный панк. Верно, Пэм? Ты будешь выгораживать на суде господина Невероятного?

– Угм, – ответила Пэм, завершив оранжевый ноготок и перейдя к изготовлению бирюзового. Вдруг она лучезарно улыбнулась мне. – А я вас по телеку видела, вы вели программу «Фэшн-пэшн» на нашем ТВ, правда ведь? Я часто смотрела, и вы там иногда очень даже смешно шутили, мистер Невероятный. И вообще вы прикольный. И что бы все там ни говорили, ваше золотое пальто тоже прикольное. Почему у вас имя такое? Вы сами себе придумали?

– Да, Пэм. Мир моды, как известно, зародился в среде французской аристократической молодежи, сбежавшей в Англию в страхе перед Французской революцией. Они называли себя «инкруайабль» – невероятные. В их честь я и присвоил себе это имя. Полагаю, миг рождения passion of fashion – это тот самый вечер в Лондоне, когда одна молоденькая французская аристократка явилась на бал в платье, чей воротник изображал нож гильотины, а ее очаровательная головка покоилась на этом ноже, как отрубленная. Сейчас я чув-

ствую себя модником, явившимся на вашу вечеринку с реально отрубленной головой. Начисто. Иначе вряд ли вы стали бы так таращиться на меня. Увидимся позже, крокодильчики.

Я вышел. Взойдя на палубу, я подставил лицо свежему ветру. Меня не покидал ощущение, что этих ребят – и помощника, и Пэм, и даже капитана – я встречал на великосветских тусовках, но не запомнил их лиц. С помощником капитана я, кажется, даже учился вместе в Дворянском колледже в Туфе. Скверная у меня память на лица, поэтому, наверное, и люблю одежду. А в колледже все ходили в одинаковых черных униформах – герб учебного заведения, вышитый на груди, заменял им физиономии. Никогда не вспоминаю те годы. Но стиль общения, практикуемый помощником капитана (псевдонародный, добродушно-хамоватый, с подколами), безусловно, напоминал стиль общения, принятый в среде учащихся аристократических лицеев. Как обнищало и деградировало наше дворянство! Нынче даже среди уборщиков мусора можно встретить герцога. Пластиковые тарелки с остатками французской картошки, политой татарским соусом, пузырящиеся лужицы колы, похожие на экзотические торфяные болота где-нибудь в Южной Америке – вот что я увидел в капитанской рубке! Вот что подарил нам XXI век взамен наших белых стягов врачей-рыцарей.

Мимо меня в тумане пронесся остров с гигантской наклонной скалой, похожей на великанскую покосившуюся могильную плиту, – в старину эту скалу называли Тлен, а в XX веке стали называть Падающий небоскреб или Пизанский небоскреб. Когда я был ребенком, скала пользовалась популярностью – на остров даже ходил туристический катер, но после событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года тема падающих небоскребов стала казаться болезненной, и скалу Тлен разлюбили.

Подойдя к овальной сахарной дверце моей каюты, я увидел, что из-за дверной ручки торчит сложенная записка. Развернув ее, я прочитал:

Буду ждать вас в пять часов утра кают-компании. Хочу встретить с вами рассвет, который здесь не бывает.
Русская фея

Под текстом, небрежно написанным по-английски (с двумя ошибками), нарисована улитка, почти такая же, как та, алмазная, на циферблате ее часов.

В ту ночь я обошелся без сна. Читал «Великих узников», пребывая невеликим узником своего великого одиночества.

День восьмой. Цифра восемь – это бесконечность, вставшая на дыбы. Нескончаемая эрекция космоса. Кают-компания в футуристическом болиде «Свежий ветер», естественно, щеголяла отсутствием дубовых панелей, барометров, гравюр, глобусов, старинных навигационных карт, парусников в бутылках и прочего. Предельно минималистическое пространство, представляющее собой идеально ровную окружность толстого стеклянного пола, накрытого ячеистым прозрачным куполом: по окружности тянулся кольцеобразный диван из белого пластика, на котором кое-где лежали газеты. Когда над куполом темнело небо, пол зажигался мертвенным светом: другие светильники в кают-компании отсутствовали. Пространство, столь совершенное, что в него никто никогда не заходил: все предпочитали тусоваться в столовой, в баре или возле бассейнов. Но когда ровно в пять утра я приоткрыл дверь кают-компании, мне пришлось убедиться, что в этот ранний час здесь присутствует немалое количество людей и все, кроме одного, держат в руках пистолеты. Словно я вошел в салун на Диком Западе в момент кульминационной сцены, когда все герои целятся друг в друга.

Разница состояла в том, что здесь все целились не друг в друга, а все как один наставили стволы на одного человека – единственного безоружного и ничего не понимающего – старца-хиппи, увешанного амулетами. Тот сидел в своем инвалидном кресле с блестящими колесами ровно посредине округлого пространства, свесив на грудь тяжелую безучастную голову. Руки, по-прежнему сведенные судорогой, бессильно подрагивали, скорченное тело утопало в бороде, инеистые локоны почти закрывали лицо. Небо над стеклянным куполом кают-компании постепенно прощалось с ночной тьмой, но пол светился – подсвеченный снизу, старец казался еще более величественным и загадочным, чем обычно, – уже не заклятым королем, а заколдованным богом, скованным изнутри и окруженным врагами.

Сцена казалась кинематографичной до тошноты. Люди, наставившие на него пушки, сидели на кольцеобразном диване. Здесь были трое русских в шелковых рубахах, с чрезвычайно угрюмыми и сосредоточенными лицами, а также их друг-трансвестит Volodja, одетый в черное вечернее платье с глубоким вырезом, где волосилась его широкая богатырская грудь, – он сжимал в руках короткоствольный автомат «беретта», а его бледное искаженное лицо лучилось горьким пафосом. Также здесь находились японец и японка из экскурсионной группы, супружеская пара средних лет – эти держали свои пистолеты так же бесстрастно, как прежде туристические видеокамеры. Присутствовали помощник капитана, до сих пор не удосужившийся отстирать кетчуповое пятно со своего локтя, и главный врач американского медперсонала. Прямо перед креслом инвалида сидел старый англичанин в белом, направляя на калеку длинноствольный револьвер из белого металла, местами отделанный перламутром. А прямо за спинкой кресла, где восседал Безучастный, стояла юная красотка, представившаяся мне Зоей Синельниковой, и целилась старцу в затылок из крошечного, но модного пистолета.

– Входите и закройте за собой дверь, – вполголоса обратился ко мне помощник капитана, впервые обойдясь без ухмылки, впрочем, даже не взглянув на меня: его блестящие светлые глазки неотрывно взирали на величественного инвалида.

Я повиновался и присел, не чувствуя особой заинтересованности в дальнейшем развитии событий. Если бы все эти дула наставили на меня, я, наверное, ощутил бы более глубокую вовлеченность. Некоторое время все хранили молчание, затем заговорил англичанин в белом, обращаясь к Безучастному.

– Мы, русские, народ долготерпеливый, – произнес старый англичанин, точнее тот, кого я принимал за англичанина, – но даже космически огромная чаша терпения иногда переполняется. И тогда терпение выплескивается из нее и топит весь мир в стремительном водовороте событий. Господь терпел и нам велел, говорим мы, русские ортодоксы. Так и всем здесь присутствующим придется претерпеть ту омерзительную ситуацию, граничащую с фарсом, в которой мы сейчас находимся. Эта ситуация у вас на родине, мистер Флинти Пэт, называется суд Линча, но в Америке всегда обожествляли кино. Вы совершили слишком много убийств, мистер Пэт. Все, кого вы здесь видите, кроме меня и господина в золотом, являются агентами спецслужб, работающими на правительства различных стран – сильных стран, слабых и непонятно каких. В данный момент наш корабль подходит к острову, ради которого вы приобрели этот круиз. Тут вы собирались покинуть нас, предварительно отравив всех на этом лайнере. Мне известно, что вы ждете от острова. Но вам не добраться до него живым, мистер Пэт. Ваше последнее злодеяние потрясло нас. Вы отравили великого ученого, чей гениальный мозг являлся сокровищем человечества. Этот мозг жил в теле, изувеченном болезнью, прикованном к инвалидному креслу, но ученый совершил чудо отваги и терпения – он продолжал работать, расширяя границы человеческого знания о космосе. Словно Прометей, связанный и истерзанный Зевсом, он подарил нам видение сверхгигантских черных дыр, скрывающихся в эпицентрах галактик. Он подарил нам тайну антиматерии. Поглощение абсолютным мраком. Всем нам известно его имя – Стивен Хокинг, король ястребов. Прекрасная рыжекудрая англичанка Джейн Уайлд полюбила гениального калеку. Она стала его женой и матерью его детей. После этого поступка, совершенного Джейн Уайлд, словно рыжий блик зажегся в глубине черных дыр. Блик любви. Она не являлась дикаркой, но вы не пощадили ее. Вы отравили Джейн Уайлд. Должно быть, вам показалось, что набросав штрихи к портрету квазара, Стив сорвал покров с вашего лица, мистер Флинти Пэт? И вы решились на месть. Страшную месть. И у вас хватило цинизма и безумия, чтобы повторить позу своей жертвы, притворившись инвалидом.

Крупная дрожь пробежала по телу инвалида, его длинные пальцы конвульсивно сжались, разжались, затем стали совершать рывкообразные захватывающие движения, словно он царапал пустоту когтями. Постепенно в этих движениях стало проступать некое подобие изящества, и вот уже казалось: старец дирижирует невидимым оркестром. Внезапно он элегантно изогнул кисть, поднял руку, и седые его локоны упали на пол, как шелуха. За ними последовала борода. Он встал, оказавшись невероятно высоким. Вместо благообразного беспомощного инвалида перед нами стоял могучий, хищный и потрясающе уродливый человек. Огромная белая безволосая голова словно съела его

лицо – все черты сжались в морщинистый кулачок под немыслимым лбом, и только безгубый рот изгибался дугой с опущенными вниз уголками, как пасть страдающей акулы. Близко посаженные тусклые микроглаза глядели из-под массивных надбровий с такой щемящей негой и в то же время с таким глубоким надменным бесстрашием, что люди с пистолетами вжались в скрипучую плоть белого дивана.

– Вам что... не нравится мое лицо? – спросил Флинти Пэт. – Странно, а мне казалось, я мил, как гиацинт. Ну и шутник же ты, Курски, как я погляжу. Чего это ты тут сказки сказываешь? Звучит трахнуто красиво, но я не убивал этих ребят. Ваш любимый урод Стив и его бабенка живы... Ну, не скажу, что здоровы, возраст все же... Какое уж тут здоровье в их годы?

Англичанин, тьфу, точнее русский, которого называли Курски, единственный остался совершенно спокоен.

– Отравить не обязательно значит убить, – бесстрастно произнес Курски. – Вы подсунули им вещество, которое сделало их безумными. Причем опасность этого безумия заключена в том, что оно не вполне заметно для окружающих. В повседневной жизни эти люди ведут себя, как прежде, но... После вашего отравления они написали книгу, которая стала позором человечества. Книгу, которая не должна была появиться на свет. Мне не хотелось бы здесь произносить вслух ее название, но мне придется это сделать. Книга называется The White Hole – «Белая дыра». В этой книге они утверждают, что квазары – лишь тени, отбрасываемые сверхгигантской белой дырой, скрывающейся в центре Всего. Размеры этой дыры таковы, что самый грандиозный квазар покажется пылинкой в сравнении с нею. И эта дыра питается своими тенями: она поглощает квазары. Абсолютный центр необозримого материального мира – единственный, гигантский, сияющий – ну не тошнотворно ли?

– Тебе не понравилась их новая книга? А мне вот очень понравилась. Я сподвиг их на великое открытие. А не померещилось ли тебе случаем, что, набросав штрихи к портрету белой дыры, Стив и Джейн сорвали покров с твоего лица, а? Вот ты и взбеленился, старик.

– Дело не во мне, мистер Пэт. Не столько я лично, сколько мои коллеги не вполне довольны вашим существованием. Видите ли, они полагают, что ваше существование может угрожать не только жизни человеческого вида, но и цельности Вселенной. Стоит ли удивляться – их работа требует такой гибкости, что поневоле случаются перегибы. Думаю, мы с вами сможем извинить их экзальтацию. А теперь разрешите представить нашу теплую компанию – как я уже сказал, все, кого вы здесь видите, за исключением меня и господина в золотом, являются агентами спецслужб, работающими на правительства различных стран – сильных, слабых и непонятно каких. Виктор Гланд с коллегами прибыли к нам из Лэнгли. Владимир Тарасов, чье кружевное платье выдает в нем глубокий вкус, представляет израильский Моссад. Доктор Джош Горлум – отличный врач и играет за сборную России. Наши друзья из империи восходящего солнца представляют империю восходящего солнца. Уважаемый помощник капитана блюдет безопасность страны, в территориальных водах которой мы

сейчас находимся. Мисс Синельникова – британский МИ-6, тот самый офис, где никогда не молодеющая Мэнипенни вечно флиртует с вечнозеленым Бондом. Я же, с вашего позволения, представляю здесь самого себя. И есть еще господин в золотом – он даже сам себя не представляет.

– Вот сброд-то собрался! – скорбно покачал головой Флинти Пэт. – Значит, говорите, я отравитель? И хотел отравить вас всех? Нет у вас, что ли, уважения к моему делу? Суд Линча... Смешно и тошно. Почему же только «хотел»? Я привык тщательно исполнять свои желания. Я отравил вас, девочки и мальчики. И весь этот корабль дураков в придачу. В ваших тельцах циркулирует яд – тот самый, что так понравился Стиву и Джейн. Ну не совсем тот самый. Пожестче. Покапризнее. Я всегда в поисках новых рецептов. Это снадобье на каждую особь действовать будет особо, а как – предсказать не возьмусь. Наука только робко заглянула в этот коридор. Кто-то сойдет с ума или уже сошел – да, кто из вас был нормальным-то? Обретете новые витки безумия, может, позабавнее, чем ваша тусклая паранойя, истертая, как тапочки обосранной сектантки. Кто-то отойдет в мир иной в диких муках. Другие улыбнутся вечности от всего сердца...

– Сдохни, падаль! – вдруг раздался звонкий девичий голос, и грянул выстрел. Пэта бросило вперед, кровь зигзагом брызнула на стеклянный пол. Тут же все стали палить в него из своих пушек, как заведенные. Запахло порохом и кровью. Только Курски сидел неподвижно, глядя вверх, отложив в сторону перламутровый пистолет. Даже на расстоянии было понятно, что этот пистолет – декоративный сувенир, купленный за сорок евро в Венеции.

Мне не хотелось смотреть на это месиво, и я выскользнул за дверь. Немного тошнило. Я спустился на корму, сопровождаемый музыкой выстрелов. Над моей головой разлетался в стеклянную пыль купол кают-компании. На корме я жадно вдохнул соленый воздух и осознал, что моторы молчат, звучат только выстрелы. «Свежий ветер» стоял напротив острова, чей силуэт неуверенно проступал в слабом утреннем свете. Я узнал очертания огромных древних стен, возвышающихся над лесом. Кверф! Мы подошли к нему на два дня раньше срока. Не снимая одежды, я бросился в холодную воду и поплыл к острову.

Вначале я пытался плыть стилем баттерфляй (летающее масло), настолько переполняла меня гордыня, и, наверное, казался безумной бабочкой в серой воде, но быстро устал. За моей спиной загудело и, глянув через золотое плечо, я увидел, как уходит к горизонту «Свежий ветер».

– За горизонт уносится телега! – повторил я мысленно строчку из стихотворения Зои Синельниковой (я соврал этой девочке: я знаю русский язык – девять веселых наркомесяцев провел я как-то в Санкт-Петербурге). Проследив за исчезновением корабля, я испытал облегчение. Да что там облегчение! Неистовая радость овладела мной. Сраный болид из будущего уносил с собой весь шлак, мразь, яд и тесноту XXI века, всю его самодовольную овальность, вавилонскую отрыжку, душную паранойю его пестрых и унылых криминально-шпионских схваток, высоко технологизированные боль, страх, упоение, потерянность, прогресс, готовность к действию, остроумие, воспаленность, регресс и апокалиптическое чванство. Все это оставалось во мне, я сам был

такой же мразью, как и те, что, наверное, уже перестреляли друг друга в неоновой уют-компании – а почему перестреляли? Собирались же вроде убить только урода Флинти? Ну увлеклись, как водится... А может, действовал яд безумия, которым их успел отравить Пэт?

Ну да хрен с ними – живые или мертвые, они уносились за горизонт, а я барахтался в холодной воде. Тяжелые чайки с прозрачными каплями на жирных телах носились надо мной, уныло вопрошая друг друга о том, что есть такое – пловец.

Море оказалось не столь пронзительно холодным, как я ожидал, – май у нас называют летом. Я бы даже поплавал подольше на радостях, но мое золотое пальто сделалось тяжким, как доспехи: мокрым золотым рыцарем с карманами, полными морской воды, выполз я на черные камни.

Я уже предвкушал радушие монахов, ученые беседы с аббатом, дымящееся изобилие рыбных блюд – маунские монастыри славятся гостеприимством. В детстве мы посещали с отцом аббатство в Соо: мне запомнились длинные деревянные столы, уставленные снедью. Меня, потомка принца Каута, прославившего Кверф, ожидал, по моим представлениям, роскошный прием (несколько поколений моих предков столетиями баловали этот монастырь щедрыми пожертвованиями): я захватил кое-какие семейные бумаги и документы, удостоверяющие мою принадлежность к княжескому дому Кви, но с сожалением обнаружил, что их вымыло водой из карманов. Вместе с бумагами исчезли и две книги – «Северное море» и «Великие узники»: я представил себе, как они плывут, доверчиво распахнув свои набухающие страницы, и чайки в полете читают их своими черными яростными глазами. К счастью, во внутреннем кармане пальто сохранилась золотая трубочка с несколькими пилюлями Лонга и мой паспорт – черная книжка, на обложке которой серебром вытеснен герб Мауна – строгий геометрический квадрат, в квадрате свастика, в средоточии которой спиральная ракушка-аммонит. Из-за этой свастики на гербе и флаге нас как бы и нет. После того как этот знак присвоили себе немецкие фашисты, европейцев и американцев изумленно тошнит при виде нашего герба. Этот знак, вышитый серебром, сиял на наших знаменах в глубочайшей древности, но это не оправдывает нас в их глазах. Если бы мы были цветнокожими, нас бы еще простили, но мы бледнее бледнолицых.

К движению Гитлера мы никогда не имели никакого отношения, евреи наши всегда благоденствовали, и столичная синагога считается самой древней и великолепной на Севере, но все же избегают упоминать о нашей стране – а нам, таинственным, это слаще меда.

После появления Гитлера, британцы (которые в те годы владели нами), заменили наш герб на изображение серого, вислоухого и длиннолапого пушного зверька, что таится только в наших лесах. Зверек непрост, и все же, стоило нам обрести независимость, мы вернули себе древний герб Маунского Тлейфа. Священная свастика оберегает нас от растворения в глобализованном человечестве, только буддийские царства Бутан и Мустанг – наши истинные друзья, мы не входим ни в одну международную организацию, никто не знает нас, слава Тунгу!

Несколько пилюль и паспорт – все, чем я располагал, не считая одежды, которую следовало бы высушить: я дрожал от холода. Невидимые небесные боги благоволили мне: выглянуло солнце, что на Тунге всегда кажется чудом. Серая вода сделалась изумрудной, и душа моя радовалась так сильно, что я забыл о каменных истуканах и монашеских трапезах: раздевшись донага, я разложил одежду на сухих камнях и сам простерся под Солнцем. Блаженный сон обнял меня.

Мне явился на удивление порнографический сон, настолько разнузданный и беспечный, что, покажи его на экране, продукция нашей знаменитой порностудии Privet показалась бы скромной креветкой (маунская порнография считается одной из самых изысканных и радикальных в этом жанре). Каскады бесстыдных деталей довели бы вас до вспышки – оргазма или маразма: не знаю. При этом сон производил впечатление возвышенное, нежное и даже религиозное. Участвовали пять девушек – Хлоя Лонг, Зоя Синельникова, Пэм и еще две красотки, которых я в реальности не встречал. Завершающая сцена сна разыгралась в огромном светлом храме, чей купол открывался круглой дырой в небо (как в римском Пантеоне), сверху на мраморный пол ниспадал поток яркого солнечного света – в этом свете обнаженные тела девушек казались сияющими, а в центре на беломраморном возвышении стояла белая собака – вроде полярной лайки, но крупнее. Одна из девушек, сохраняя благоговейное выражение лица, ножом перерезала собаке горло, и кровь с солнцем хлынула на сплетенные девичьи тела, а собака продолжала стоять, не умирая, не чувствуя боли, улыбаясь лишь одними уголками рта...

Я проснулся от того, что по моему лицу скользнули тени огромных крыльев. Я открыл глаза. Черные альбатросы в сверкающем небе. Помощник капитана солгал: они не передохли прошлой зимой. Альбатросы приносят морякам удачу, и черные тоже – но странную удачу. Мне обещали странную удачу. Сердце мое улыбнулось в ответ. Впрочем, я не моряк. Да и они не совсем черные – у них белый живот.

Одежда высохла, я оделся и пошел сквозь лес к монастырю. Неизбалованные светом деревья цепенели от кроткого счастья, пестрели мхи на камнях, высокие ели, снизу обвитые экзотическими подобиями северных лиан, лили смолистые слезы. Я не очень разбираюсь в растениях, но могу поклясться, что флора здесь странна: я наблюдал формы ветвей и листьев, каких не видел прежде. Поразительно для столь сурового климата: впрочем, день выдался почти жаркий. Я знал, что это праздник перед битвой: в июле налетят ветра, и этот лес будет стонать и метаться, как беременная королева, несколько месяцев подряд в муках рожающая принца – белоснежного, неподвижного королевича Ингви – так (в мужском роде) у нас величают зиму.

Мне бы хотелось потешить себя щегольски неторопливым описанием кверфского леса, с его черными тенями, золотом, синей паутиной в листве, с его ветром, звенящим в глубоких оврагах, серыми гранитными валунами, грибами,

оторопью, отсутствием троп, ярко-алыми ягодами на кустах, но эта многоцветная картина угасла: светило упрятали в серую вату, как ювелир прячет алмаз. К тому же я подходил к аббатству. Древние стены высились передо мной: снизу подернутые слоем мха, сложенные из огромных, облизанных временем камней. Никаких насечек, зубцов, крепостных башен. Я пошел вдоль стены, держась за нее рукой: решил, что так рано или поздно набреду на ворота. Я шел много часов, стена иногда заворачивала, образуя острые углы, так, что возникало ощущение, что я блуждаю вдоль многогранника; стемнело, усталость и голод валили меня с ног. В стене, обращенной к морю, я обнаружил четыре железные двери-калитки, почти квадратные, но они оказались закрыты наглухо, никакими колокольчиками, гонгами и звонками не обросли, черное железо этих калиток изъелось ржавчиной и мхом, а вокруг, непотревоженная, колыхалась поросль высоких могучих лопухов, так что вряд ли этими калитками пользовались. Все же я долго барабанил руками и ногами, выкрикивая более или менее осмысленные слова, но двери оставались мертвы.

Я шел еще некое время и увидел еще одну железную калитку – эта выходила на подобие естественного крыльца, которым ей служил длинный обветренный камень. От него цепочка плоских валунов тянулась в сторону моря. Ничего похожего на причал не виднелось в воде, но место неплохое, если кто вздумает пристать на лодке или катере. Я вновь стучал и кричал – и вновь не дождался ответа. Хотя мне постоянно чудилось, что какие-то невнятные звуки доносятся до меня, вплетаясь в посвист ветра. Пока я блуждал, остров сильно увеличился в моем воображении. Я ощущал себя комаром, присевшим на бутон бурой розы, а роза вдруг взяла да и расцвела под его тонкими прозрачными ногами. Ноги дрожали и казались стеклянными, я упал, но тут мне улыбнулось небольшое счастье: рука нащупала дыру в кармане пальто, скользнула в подкладку, и там нашлись сигареты Зои Синельниковой и ее зажигалка. Сигареты чуть подмокли, зато зажигалка действовала исправно: вблизи монастырских стен я приметил немало сухих деревьев, без усилий набрал валежника, наломал большие мертвые ветки и развел отличный костер у самой стены. Сделал это с двоякой целью – согреться и дымом привлечь к себе внимание людей из аббатства. Пока я охотился за хворостом, мне попался куст, густо увешанный пухлыми орехами. Я испек их в золе. Они оказались вполне съедобны, на вкус напоминали сладкий картофель. В щелях между большими валунами уцелел снег (на Тунге в конце апреля случаются обильные снегопады): я растапливал его в ладонях и пил. Хоть и не громоздилась вокруг дымящаяся снедь, и аббат не вел со мной ученых бесед в роскошной аббатской библиотеке, и не ждала меня уютная келья с камином и пуховыми перинами, но все же я сносно устроился: рядом трещал костер, не только согревая, но даже обжигая своим радостным жаром, я располагал пищей, водой и морем сухой древесины на растопку, а выступ стены защищал меня от ветра. Имелись даже сигареты, которые я высушил. Мне сделалось весело и сонно. Я решил отложить поиски монастырских врат на завтра, хихикнул над нелепостью своего положения и уснул.

Я уснул, но непрочным, слабым и вязким сном. Таким сном, когда кажется, что ты спелёнат, и тебе неясно, кто ты – младенец или труп, или же ты лишь отражение трупа в зеркале, которое забыли прикрыть простыней, и тогда имя тебе – Пурт.

И то ли тебе жарко, то ли холодно, то ли ты уже забыл, как распознать холод и жар, забыл имена этих чувств. Вроде бы я спал и не спал, и, кажется, странные звуки, долетавшие до меня из-за стен аббатства, препятствовали мне погрузиться в настоящий глубокий сон, и эти же звуки не позволяли мне выпутаться из клейкого забытья, очнуться, воспрять. Звуки шли неровной волной: то казалось, что внутри, за стенами, идет строительство, работают какие-то тяжелые машины, глубинные удары сотрясают землю, как если бы вбивали сваи, временами вроде бы слышался треск сварки, рождая в мозгу снопы белых искр, или же закипала свара между рабочими, данная мне в слабых текучих отголосках, то свора надрывалась лаем на привязях, то, мнилось, иные животные подавали голоса: рычание слышалось, и стоны, и гулко вставал над стеной рев изогнутого хобота, то поезд как будто мчался, и слышались выстрелы, улюлюканье, звон чаш, органная музыка, крики насилуемых женщин, литавры, свист, мычанье скота, запил множества электрогитар и электропил, впивающихся в древесные стволы, узкий и едкий плач младенцев или котят (или в ночи стенали чайки над Тунгом?), тяжкий топот роботов или оживших жирных статуй, сирены, бетономешалки, взрывы, скрипки, падение стальных листов, колокола, вопли. Надрывались одновременно сотни тысяч телефонов разными рингтонами, звонко ударялся мяч на бейсбольной площадке, в гулких кинозалах шептались кинофильмы, что-то огромное раскалывалось, рвалось, лопалось, оседало в короне акустических вздохов...

Я не мог шевельнуться и не понимал, открыты или закрыты мои глаза, но видел, как медленно догорает костер, превращаясь в ландшафт постепенно остывающего ада: угли еще тлели среди горных хребтов золы, среди чешуйчатых спаленных древес: над адом висел дрожащий сладкий дым, и я отчетливо различал некую фигуру в островерхом капюшоне, которая неподвижно темнела у костра.

Наконец мне удалось чуть привстать, опираясь на локоть, и пристальнее всмотреться в сидящую напротив фигуру. Человек в монашеском одеянии из грубой темно-бурой ткани, ниспадающей множеством складок, – высокий остроконечный капюшон полностью закрывал лицо.

– Кто ты? – спросил я на маунском языке.

– Привет, Пэн, – ответил он. Я узнал голос помощника капитана с круизного лайнера «Свежий ветер». И вздрогнул, услышав, что меня назвали прозвищем, которое я когда-то носил в колледже. В Туфе однокашники называли меня Питер Пэн за то, что я собственноручно сшил себе одежду из лоскутков, напоминающую лиственное одеяние этого героя. На лоскутки пошла школьная униформа, изрезанная мною ножницами.

– Ну вот, Пэн, ты и добрался до своего острова Гдетотам. Счастлив, небось? А ведь мы с тобой несколько лет подряд учились в одном классе, жрали один и тот же фуд в готической столовке. Я – Олле, Олле из Туфа. Вспомнил меня?

Я вспомнил его. Олле-балагур, Олле-спортсмен. Мы никогда не дружили. Голос принадлежал, несомненно, ему, молодому барону Гло, но говорил он с трудом, странно шепелявя, словно набил рот маисовой кашей.

– Привет, Олле, – сказал я.

– Признал, значит. Ну, если бы я показал тебе сейчас свою рожу, ты бы меня вряд ли признал. Отделали меня под орех, парень. Теперь я цветной, точнее пестрый, как политическая карта мира, – он откинул капюшон.

Лицо его покрывали многочисленные и многоцветные кровоподтеки, местами сливающиеся. Один глаз совершенно заплыл, щека распухла, нижняя губа рассечена, на подбородке струйка засохшей крови. Во рту он перекатывал что-то

– Кто это тебя так? – спросил я.

Он вместо ответа выплюнул на ладонь два выбитых зуба и стал внимательно рассматривать их.

– Ну что ж, прощайте, зубки, – наконец прошамкал он. – Не поминайте лихом, зубята. Много вы покусали, много девчонок соблазнили, блистаючи. Белые, гляди, сахарные. Но уже не мои, – он бросил зубы в золу.

– Кто это отметелил тебя, Гло? – спросил я снова.

– Ща, погоди. Еще есть, – он запустил себе в рот испачканные золой пальцы и через некоторое время извлек еще четыре зуба, а затем выплюнул пятый.

– Эх, светит мне, князь, фарфоровый смайл, – покачал он головой сокрушенно. – Вот ведь как бывает. Эти зубы уцелели за годы учебы в Туфе – а ведь какие драки случались, припоминаешь? А я еще регби увлекался... Тогда вот уцелели, а теперь решили сказать мне гуд бай. Чао, бамбино, сорри. Ой, никак, еще шатается...

Он снова залез себе в рот и вытащил горстку зубов. Мне показалось, не меньше десятка.

– Надо было мне застраховать их, – серьезно произнес он, разглядывая улов, – И ведь все как на подбор. Никогда к дантисту не ходил. Сейчас за каждый из этих красавцев мне отсчитали бы звонкими ассигнациями. Мм... тьфу ты, чтоб тебя ядрена вошь зарезала! – он наклонился над золой и стал трясти головой, а зубы сыпались из него, как фишки из игровой коробки. У его ног постепенно вырастала кучка белых отблескивающих, в темноте похожих на крошечные черепа зубов. Их в золе скопилось значительно больше, чем положено человеку.

– А ты не изменился, Гло, – сказал я, – все такой же шутник, как я погляжу.

Олле Гло расхохотался, запрокинув голову, сверкая всеми своими совершенно целыми ослепительными зубами, каждый из которых крепко сидел на положенном месте. Но вдруг веселье покинуло Гло. Он опустил голову, глядя на последние всполохи костра. Капюшон снова скрыл его пестрое лицо. Я подбросил несколько веток, мелкие огоньки заплясали по ним, как танцующие эльфы.

– Цветы на лице у тебя тоже нарисованные, Гло? – спросил я.

– Нарисованные, Пэн, нарисованные, – глухо ответил барон. – Один художник нарисовал. Очень талантливый. Больше скажу – гений. Колорист каких мало. Пишет, как Ван Гог с Магогом вместе взятые, – голос его становился все

глуше, – Ты не обижайся на меня, Пэн. С зубами это я так... молодость вспомнил. Хотя и сознаю, что такие шутки уже не по возрасту. Да и жизнь пошла другая. Серьезная пошла жизнь. Очень серьезная.

– Ты каким был, таким и остался, – сказал я.

– Был и остался. Был и остался. Был... и остался, – совсем глухо пробормотал он. – Каким я был, таким я и остался. Каким таким?

Голос его сделался глубоким, влажным, словно он скорбел или рыдал о чем-то. Струйки горького дыма омывали поникшую голову, которая вдруг показалась мне огромной и невероятно тяжелой. Внезапно он поднял эту тяжеловесную голову и снова взглянул на меня. Я безутешно укусил свои губы. Из-под бурого капюшона на меня взирало омерзительное лицо Флинти Пэта.

– Ты? – только и смог я вымолвить.

– Я.

– Тебя же убили? Сколько пуль вогнали в тебя?

Он потер подбородок своими длинными дирижерскими пальцами, затем улыбнулся (если эту лицевую судорогу можно назвать улыбкой) и продекламировал:

– Мне огнестрел не страшен,
Пока во мне живет
Моя святая тайна,
Мой вересковый мед!

И в тебе цветет вереск, Денди. Ты ведь такой нарядный парень. Просто пижон. Этим ты мне и понравился. Не думай, что я отравил только агентов спецслужб. Я и тебя отравил. Теперь ты цветешь, как вересковый луг, модник. Но главное... самое главное – я отравил себя! Себя! Флинти Пэт отравил Флинти Пэта! Ups, I did it again! – как пела одна девственная пизденка... – жуткое подобие счастливого смеха вырвалось из его акульих уст. – Теперь я более не должен быть лишь собой. Каким я был, таким я *не остался* – понял, Пэн? Теперь я могу быть кем угодно, чем угодно. Не казаться кем угодно, а быть. Хочешь я стану Пэм, она ведь так мила? Пэн, Пэм и Пэт – вот ведь веселая троица!

В ту же секунду я увидел перед собой Пэм. Она сидела там же, где только что восседал Пэт, совершено голая, во всем сиянии своей несколько вульгарной, но трогательной красоты. На ее лице лежал блик солнечного света – словно бы в ночи специально для нее зажгли где-то неподалеку маленькое приватное солнце.

– Я всегда стремилась к абсолютной сексуальности, – произнесла Пэм спокойно, – я понимала, что секс – идеальная мера мира. Но хотя я всегда была красива и би, так что мне удобно жить среди красивых мужчин и женщин, которые нравились мне, которым нравилась я, – и все же меня несколько тяготила моя зависимость от мужчин и женщин, моя некоторая привязанность к собственной красоте. Теперь я превзошла это. Мне больше не нужны мужчины и женщины, и моя красота отныне существует вне моего внимания – она просто есть, как есть Юпитер и Ио. Когда-то Юпитер был богом, принимавшим различные облики с целью соблазнения, Ио же была нимфой, которую

превратили в белую корову. Теперь Юпитер и Ио планеты. Так же и со мной. Я тоже была богиней, нимфой, белой телкой. Теперь я планета. Планета Пэм. Я могу совокупляться со светом, с ветром, с пылью, с газом, со временем и пространством. Зачем мне мужчины и женщины? Зачем мне зеркала? Все это отныне мне не нужно.

Внезапно на месте Пэм я увидел Зою Синельникову, лицо ее светилось ярче и резче, чем мягкое сияние Пэм, на ней были золотые латы, в которых, как в золотом зеркале, отражались золотые блики костра и я в своем золотом пальто. Жаль, мое пальто не зеркалит, мы образовали бы неплохой коридор. Зоя смотрела куда-то вверх.

– Я стала ясновидящей, – произнесли ее бледные губы. – Всё открылось мне. Я сейчас лечу высоко над Тунгом в полном боевом снаряжении, верхом на крылатом небесном тигре. Всё! Авейн, воины света!

– Авейн! – ответил я и встал. Рука сама собой потянулась к левому бедру в поисках меча. Но меча не было. Из левого кармана я вытащил золотую трубочку и воздел ее к черному небу. Блик костра вспыхнул на ней.

– Авейн!!!

Откуда русская девушка из провинциального города, пусть даже и работающая на британскую разведку, может знать это слово – древний клич, когда-то скликавший маунское рыцарство на битву за родные края? Откуда ядовитый гринго Пэт мог знать это слово?

– Авейн! За лес и острова! – с таким кличем шли в бой мои предки.

– Авейн! – и замки щетинились пиками.

– Авейн! – и тысячи белых стягов с серебряной свастикой расправляли крылья на ветру, как белоснежная ангельская стая.

– Авейн! Авейн! – неслось от острова к острову. И белые корабли выходили на черную воду наперерез варяжским драккарам, и под ударами белых мечей сыпались в ледяной Тунг рыжие косматые головы в рогатых шлемах.

– Авейн! – звенело в зеленых лесах, и тропы сворачивались в свитки под ногами чужаков, а ветви деревьев сами себой заплетали непроходимыми стенами дорогу к секретным храмам.

– Авейн! – на пути гринго.

– Авейн! – на пути глобализации.

– На... кого... ты... работаешь? – с невероятным трудом выдавил я из себя вопрос.

– Я не работаю на английскую разведку, – ответила она. – Меня послал Майкл Джексон.

– Что? Какой Майкл Джексон? – я не сразу понял, о ком идет речь.

– Один ниггер, сделавшийся бледнолицым, – ответил мне голос Флинта Пэта. Отравитель снова сидел предо мной в монашеском одеянии. – Король поп-музыки. Он, как и ты, любил выступать в золотой одежде. И он тоже, как и ты, считал себя Питером Пэном. Мне ставят в вину какого-то там Стива Хокинга, но за мной есть подвиги и покруче, Пэн. Летом 2009 года я отравил Майкла Джексо-

на, последнего христианского мученика. За это дело русская девочка и влепила мне пулю в затылок. Ну что ж, я заслужил. Но она не знала, что я сделал это из милосердия. Эта курчавая дрессированная обезьянка Джексон слишком уж исстрадалась. Не было сил смотреть на эти муки. Столько ядовитых пауков собралось вокруг него, опутали его всеми возможными паутинами, самыми клейкими из клейких. Потребовался смелый и бескорыстный скорпион, чтобы освободить его от паучьих гроздьев. Я порвал паутину его плена, я подарил обезьянке свободу. Теперь она танцует в небесах... Хочешь посмотреть, Питер Пэн, как нынче танцует Майкл Джексон, один из твоих потерявшихся мальчишек, как он нынче пляшет свободный на острове Гдетотам?

Флинти Пэт начал расти, увеличиваться, лицо его облагородилось, черты утончились, сделались женственными и упоенными, голова обросла черными спутанными волосами, на белое лицо упала курчавая прядь – и вот уже гигантский Майкл Джексон в золотом подобии эластичных лат возвышался до небес, совершая резкие танцевальные движения, двигаясь рваной, отточенной лунной походкой в сторону луны, неожиданно обнажившейся над Кверфом. За золотыми плечами небо наполнилось сонмами.

– WHAT ABOUT US? – вопрошали бесчисленные убитые животные, затоптанные растения, мертвецы, нерожденные, окровавленные алмазные слоны, потерявшиеся дети, стеклянные эмбрионы, изгаженные воды океанов, отравленные сердца.

Огонь костра выстроил из своих языков подобие готического собора с вибрирующим шпилем. И мне казалось, что я сейчас вытянусь между землей и небом золотой струной, и ангел проведет по мне единственный раз своим смычком, и мир наполнится единственным Звуком – несравненным Божественным аккордом!

В этот момент в коленной чашечке Танцующего архангела Михаила вдруг открылось золотое окошко, и оттуда показалось сухое личико русского старичка по фамилии Курски, который любил читать газету Daily Telegraph.

– С вами говорит голос Разума, – сказал Курски с несколько язвительными интонациями, – Предупреждаю: контакт происходит нелегально. Вы находитесь под воздействием препарата, который подсунул вам Флинти Пэт. В данный момент препарат использует фантазматический ресурс вашего сознания с целью его сжигания. Сами понимаете, дорогой друг, к чему это может привести, – к коллапсу. Рекомендую немедленно принять пилюлю Лонга. В пилюле содержится противоядие.

Я немного запаниковал. Торопливо вытряхнул на ладонь пилюлю, проглотил, даже не закусив талым снегом. Вытряхнул вторую, хотел и ее проглотить, думал – может, одной не хватит, раз нагрянула Разверзень. Но одной пилюли хватило.

Действие пилюли Лонга поразило своей скоростью. Тут же все исчезло, я один лежал у догоревшего костра. Над Тунгом занимался тусклый рассвет. В темном жемчужном свечении моря я увидел длинную черную лодку, которая бесшумно скользила, приближаясь к острову. Я вскочил, пошатнулся, совершил несколько танцевальных рывков в духе Майкла Джексона, угомонился, присел на валун, закурил. Лодка приближалась медленно. Я глянул на остроконечный высокий камень, который ночью казался мне монахом. Возле камня белел свежий окурок сигареты Marlboro, втоптанный в траву. Таких сигарет у меня не было. Значит, кто-то сидел со мной ночью у костра. Некто, кто и не собирался особенно скрываться. В местоположении растоптанного окурка присутствовала некая демонстративная наглость.

Нечто заставило меня спрятаться в нагромождении камней, поросших кривыми кустарниками, и наблюдать из укрытия за приближением лодки. Вскоре стали слышны тихие всплески весел. В лодке отчетливо виднелись семь человеческих фигур, все в таких же островерхих капюшонах, как на ночном госте. Монахи. Он причалили, как я ожидал, у лестницы из камня, ведущей к монастырю. Тут же высадились и вереницей побрели к железной калитке. Они несли довольно большие плоские деревянные ящики квадратной формы, видимо, тяжелые – судя по тому, что монахи шли, согнувшись чуть ли не до земли. Я побежал к ним. Ни один даже не глянул в мою сторону. Лица закрыты капюшонами с узкими прорезями для глаз, бурые рясы, даже рук не видно – все в кожаных рукавицах, но с каким трудом идут и как согбенны! Я понял: бредут глубокие старики. Я пристроился замыкающим в их процессию, и мы приблизились к калитке. Железная дверь со скрипом отворилась (оказавшись толстой, как дверь ядерного бункера): в дверном проеме стояла такая же согбенная монашеская фигура. Старики с ящиками вереницей зашли внутрь, но когда подошла моя очередь, привратник молча преградил мне путь.

– Где же хваленое гостеприимство маунских аббатств? – осведомился я едко и попытался протиснуться мимо привратника, но он с такой силой ударил меня в грудь ладонью, что я отлетел назад и чуть не упал.

– Авейн! – воскликнул я в гневе. – Князь и рыцарь перед тобой! Я приехал взглянуть на скульптуры, высеченные моим предком. Изволь дать мне дорогу и известить аббата о моем прибытии.

Полагая, что все здесь застыло в глубокой древности, я говорил на том диалекте маунского языка, который кажется мне наиболее архаичным. Монах неподвижно стоял в проеме двери, не делая попыток посторониться и дать мне дорогу. Но и калитку он тоже не закрывал – видно, изучал мой облик или думал о чем-то. Я молча ждал, не считая нужным что-либо еще добавлять к уже сказанному мной.

По прошествии некоторого времени он выпростал руку из складок рясы и протянул ее в мою сторону, ладонью вверх – видно, требуя вверительных грамот или чего-то в этом роде. Но что я мог предложить ему? В кулаке я еще сжимал пилюлю Лонга – молча я положил ее в протянутую ладонь. Это спонтанное действие оказалось правильным: монах немедленно приподнял капюшон, за-

сунул пилюлю в рот и проглотил. После чего он схватил меня за предплечье, втолкнул внутрь и запер железную дверь. Я оказался в узком каменном коридоре меж двух стен. Почти вплотную к внешней крепостной стене высилась другая, не менее внушительная. Монах повернулся ко мне широкой согбенной спиной и стал удаляться по дорожке, заросшей чахлой желтой травой. Я за ним не последовал.

Некоторое время я стоял неподвижно. Наконец я вышел из оцепенения и двинулся по проходу меж стенами в том направлении, куда ушел монах. Лет двадцать назад кто-то (видимо, тогдашний аббат) собирался украсить этот проход кирпичными арками, но это дело бросили, не завершив. На память о том порыве кое-где валялись строительные инструменты, груды кирпича, местами охваченные травой. Встретилась даже бетономешалка, слившаяся в единое целое с кучей окаменевшего песка.

В одном месте внутренняя стена делала глубокий изгиб, оставляя довольно широкое пространство – нечто вроде поляны. Здесь возились старики-монахи, приплывшие в лодке, – они вскрывали деревянные ящики, что приволокли с таким трудом. Внутри упакованные в стружку, войлок и поролон лежали большие круглые зеркала. Кое-какие из этих зеркал вынули и положили на траву: в них плавно струились сплошные синие облака. Я задал несколько вопросов монахам, но ответа не дождался. Но я решил проявить упорство.

– Аббат. Где аббат? Как мне найти аббата? – все повторял я.

Многократное повторение слова «аббат» («тфейт» на маунском) наконец дало результат: один из старцев прервал работу и, с трудом разогнувшись, молча указал на дощатый фургончик, прилепившийся к стене монастыря.

В таких фургончиках обычно живут строители. Когда-то у него имелись колеса, но теперь они проржавели и наполовину ушли в землю, однако в остальном фургон производил ухоженное впечатление: крошечное оконце замазали белой краской, из форточки торчала черная изогнутая труба, из нее поднимался слабый дымок. Я постучал в фанерную дверь, на которой топорщился выцветший плакат какой-то рок-группы.

– Кого там принесло? – раздался из-за двери зычный голос, – Входи, кто б ни был!

Я вошел и сразу же оказался в ароматическом и очень нагретом пространстве. Запах травяных смесей и настоек щекотал мои ноздри, да так, что на глазах выступили слезы. Густое тепло, источаемое раскаленной железной печкой-буржуйкой, обняло меня.

Честно говоря, я немедленно упал бы на дощатые строительные нары и уснул, если бы позволяла вежливость.

– О Великий Тунг, да это Невероятный Денди пожаловал! Тебя я встретить здесь уж никак не ожидал! – пророкотал крупный тучный человек с небольшой головой, восседавший в середине фургона в резном старинном кресле.

Я тоже не ждал такой встречи. Герцог Тро, мой довольно близкий родственник, закадычный друг моего беспутного старшего брата Зео, сидел передо мной, облаченный в сутану аббата. В течение всей своей жизни я наблюдал,

как сначала взрослеет, а затем стареет это лицо, наделенное чрезвычайно мелкими тонкими чертами и лихим взглядом узких ярко-желтых глаз. Игф Тро. Господи мой Боже! Вначале увалень-озорник, затем завсегдатай тусовок и ночных клубов, любитель рыжеоких девочек и ржавой музыки, он хотел стать диджеем и даже превратил половину своего наследного дворца в Соо в танцевально-клиническое местечко, прославившееся под названием RED ANTS (герб рода Тро – меч, по клинку которого взбирается цепочка красных муравьев). При этом его никогда не осыпали упреками в шалопайстве, как осыпали моего брата, потому что Игф Тро ухитрялся с невероятным успехом учиться в различных заведениях. Он окончил Маунский медицинский подготовительный колледж, а затем увлекся физикой и поступил на физико-математический факультет столичного университета. Говорили о нем, как о крайне башковитом парне, что вызывало смех в нашей компании, потому что природа одарила Игфа маленькой головой при большом и толстом теле, поэтому мы звали его «башковитый мелкобошк». При всем нашем злоречии ум этой маленькой головы не вызывал сомнений. К тому же странности конституции Игфа привлекали к нему благосклонное внимание дев. В последние годы я потерял его из виду – доносились слухи, что он сделался серьезным ученым и даже удостоился какой-то сверкательной научной премии. Чем только ни увлекалась эта маленькая голова – клабберством, музыкой, математикой, физикой, политикой, – а в забытые годы он даже торговал наркотиками, снимался в порно, служил в армии добровольцем... Всего не перечесть, вот только интереса к религии в нем никогда не блестело, так что его явление в одежде аббата поразило меня.

– Вы аббат? – только и смог я спросить (обращался я к нему всегда на «вы», так как он на десять лет превосходил меня сроком прожитой жизни).

– Да. А тебя каким ветром? Тебя прислал Го? Я – аббат и являюсь им уже четыре месяца. Знал бы, что встречу такие четыре месяца на жизненном пути – вообще не выглядывал бы из материнской утробы. Да ты и сам еле живой, Денди! Чего это с тобой? Присядь-ка да испей отварчику!

Он, не вставая из кресла, ловко подцепил серебряный чайник, наполнил чашку и протянул ее мне. Пар, пронизанный острым запахом трав, поднимался над горячей чашкой, которую я сжал в ледяных ладонях. Этот острый травяной аромат царил здесь повсюду. Я присел на нары, пригубил лекарственное зелье, огляделся. Своеобразный уют. Но так тепло! Сильнее потянуло в сон.

В фургончике, как видно, ничего не изменилось с тех времен, когда здесь жили строители. На дощатых нарах валялись скомканные старые одеяла, все стены оклеены вырезками из журналов – сплошь обнаженные красотки или фрагменты их тел. Степень выцветания снимков подтверждала мою гипотезу – строительство аркады бросили лет двадцать назад. Теперь этот фургончик, судя по всему, являлся обиталищем аббата – да, странно он обосновался. Одна из коек, впрочем, застелена пухлым парчовым покрывалом с вышитыми гербами герцогского дома Тро, небольшая подушка тоже вся в гербах и переливается – здесь он, видно, и спит, разложив свое тучное тело на узорах, сплетенных из нагих мечей и красных муравьев. Четыре месяца, проведен-

ные здесь, он, судя по всему, посвятил главным образом собиранию островных трав. Видно, давний интерес к старой медицине пробудился в нем. Всюду висели на нитях пучки сухих растений – трав, кореньев, цветов.

– Да, вот здесь и живу, – ответил он моим мыслям. – Welcome to The House of Dry Flowers – добро пожаловать в Дом сухих цветов, как говорится. Маунские законы запрещают разрушать времянки, где жили строители зданий. Их оставляют на месте, пока они сам собой не превратятся в пыль. Я вот тут вспоминал грешки своей молодости и решил наложить на себя епитимью – поселил себя в этом фургончике. Впрочем, мне здесь даже слегка уютно. В труде покаяния обретаем мы истинный комфорт. Впрочем, шутки в сторону. Колись, Денди, откуда ты узнал про Аномалию? – в его желтых глазах блеснуло острое любопытство.

Я молча взирал на него, думая о том, как поразительно аббат похож на Наполеона, с которым проделали дикую трансформацию: страшно увеличили тело и еще сильнее уменьшили голову. И к тому же наделили желтыми очами. Но черты крошечного лица казались совершенно бонапартовскими.

– Про какую еще Аномалию? – вяло поинтересовался я.

– Так ты, значит, ничего не знаешь о том, что здесь произошло? – желтые очи выразили сомнение и усталость. – Значит, Го не звонил тебе?

– Он мне никогда не звонит.

– Ты счастливчик, значит. Так что же ты здесь делаешь? И как ты сюда попал?

– Я купил круиз на прогулочном лайнере «Свежий ветер». Добрался сюда с одной лишь целью: собственными глазами увидеть скульптуры, высеченные рукой моего (да и вашего) далекого предка. Мне нужно видеть изваяния и как можно скорее, Игф. Благодарю вас за отвар, он меня очень подкрепил. Буду еще более обязан, если вы распорядитесь, чтобы меня немедленно проводили в Сад скульптур принца Кауты, – веки мои слипались, и мутант-Наполеон в роскошной рясе расплывался передо мной.

Повисла долгая пауза, в течение коей толстяк возился со склянками и горелкой, где кипели растительные смеси. На столике меж склянками я приметил пистолет.

– Принц Каута... Наш далекий предок... – наконец произнес он. – Сад скульптур. Я начисто забыл об этом. Неужели ради отряда каменных истуканов ты приперся сюда? Ты не врешь, Денди?

– Не имею обыкновения.

– Знаю, ты парень пустой, но честный. Охо-хо. Зря ты сюда приехал, модник. Даже не знаю, как тебе в голову взбрела такая дикая мысль. Может, ты что-то почувствовал... У тебя никогда не замечались телепатические таланты? Ты не медиум случаем? Впрочем, ладно. Если ты не врешь и действительно притащился сюда ради каменного отряда Кауты, то вынужден тебя сильно огорчить. Отряд погиб.

– Что?

– Скульптур больше нет. Они исчезли все до одной. Ни куска не осталось.

– Не может быть! – крикнул я, и голова моя сильно закружилась. Сонливость как рукой сняло.

– Да не расстраивайся так! – рокотнул Тро, – Ишь побледнел, как блюдце со снегом. Горячей каши положить тебе? Ореховая. Нет? Ну если ты так увлечен древней скульптурой... Может, я и утешу тебя. Мы тут пытались рыть канавы... Вздорная затея моего помощника. Такой же бред, как и круглые зеркала. Здешние монахи все глубокие старики, так что канав не получилось... Но мы отрыли в земле одну мраморную статую, почти целую. Я не историк искусства, но кое-что знаю. Эта статуя намного старше и намного круче, чем истуканы Кауты. Настоящая античность. Думаю, она гораздо более ценная, чем весь сгинувший отряд принца. Работа мастерская, шедевр. Римская, что ли. А может, и греческая. Историческая находка, и подтверждает гипотезу, что юркие эллины добирались до наших берегов. Изображен фавн. Фавненок. Глянешь на него и сразу забудешь про своих истуканов. Он как живой, а столетий-то сколько пробежало... Вот только не знаю, сможешь ли ты сосредоточиться на статуе.

– На нем высечена одежда?

– Какая еще одежда? Ты что фавнов не видел? Он голый, козлоногий.

– В таком случае ваш сраный фавн меня не интересует. Я занимаюсь одеждой. Куда исчезли истуканы Кауты? – во мне закипала ярость.

– Куда исчезли? – он снова возился со склянками и явно медлил с ответом, – Сам увидишь, куда они исчезли. Здесь разверзлось... Разверзлось такое, что... Не знаю даже, как твой организм отреагирует, когда ты увидишь... Все же ты, наверное, очень чувствительный парень, Денди. Возможно, самый чувствительный парень в нашей стране, раз уж ты приплыл сюда. Мысль о скульптурах Кауты была обманкой, которую подсунул тебе твой мозг с целью завлечь тебя на Кверф. Раз уж ты здесь, то увидишь такое, что не каждому по силам пережить.

– О чем это вы толкуете?

– Я надеюсь, ты не поверил, что я живу в строительном фургончике, чтобы искупить грехи молодости. Там, за второй крепостной стеной монастыря, там больше нет ни древнего храма, ни смотровой башни, ни покоев аббата, ни трапезной – ничего. Монахи по-прежнему ютятся в каменных кельях, выдолбленных в стене, но я скверно переношу сырость и холод. Так что этот фургончик спас меня. Спасли травы плюс память о наших древних рецептах. Иначе я, возможно, лишился бы рассудка, несмотря на всю мою научную подготовку. А теперь глотни-ка еще сонного отвара, тебе надо как следует выспаться перед испытанием.

Я отпил горькой жидкости, похожей на болотную воду, и откинулся на нары. Тело мое охватило плотное оцепенение, но я не уснул. К тому же трубный говорок аббата все звучал, все кудахтал из тронного кресла. Я же сквозь полусомкнутые ресницы рассматривал его одеяние. Одежда все же лучше людей. Несмотря на многочисленные таланты герцога Тро, аббат мерк перед своей сутаной – тот как раз взялся рассказывать, каким авантюрным способом она ему досталась. Форму этого одеяния разработали где-то на заре темных веков, и это, безусловно, шедевр маунских церковных кутюрье (имена их окутаны средневековым мраком).

– Мне сшил эту сутану Делло и цену заломил такую, что зубы задрожали, – гудел Тро, – но все расходы за счет правительства. Хорошо, что ты выбрался сюда, Денди, а то мне даже покалякать не с кем. Электричества здесь нет, гаджеты под запретом. Ну теперь-то набалакаюсь всласть, лясы поточу, нафыркаюсь вволю, метлу отвяжу, клювом нащелкаюсь, распузырю воздуха веером, тары-растабары разведу, ляля-тополя, люлясим-басим, хуем по столу дубасим, а то здешние монахи все как один блюдут строгий обет молчания, и ни словца у них не выманишь, так что мне, княжич, за четыре месяца только со своим помощником перемолвиться удавалось, но он вечно где-то шныряет – вот и сейчас две недели на Большой земле шарится, обещался сегодня вернуться со «Свежим ветром», да, видно, солгал.

– А кто у вас помощник? – сонно спросил я.

– Бестолков, но энергичен. Может, ты помнишь этого парня. Кажется, вы учились вместе в Туфе. Олле Гло, барон, работает на Холодную рощу.

Холодной рощей, если кто не в курсе, называется парк в столице, где среди черных деревьев лежит длинный заиндевелый дворец, вмещающий в себя управление Маунской национальной безопасности.

– Ох, трудно жить в стране, где министр внутренних дел – сумасшедший фанфарон, авантюрист и распиздяй, а он мне еще и двоюродный брат! Я о графе Го, он и тебе родня, да как будто ты его не знаешь! Вменяемое правительство давно бы уже оцепило все здесь войсками. Когда здесь разверзлось, он позвонил мне в лихорадке – «Мауны всегда делали ставку на личность! – кричал он в телефон. – Я посылаю исследовать образовавшуюся Аномалию всего двух людей! Двух! Но каких! Лучший из молодых ученых нашей страны, ослепительный физик, цветок знания, распустившийся на древнем древе нашей знати! И лучший из молодых агентов! Вдвоем вы разберетесь с этой трахнутой тайной. Как бы ни кривился Тлейф, но я буду, буду, буду давать дорогу молодым!» – так орала в трубке эта маразматическая борода. Тунцу ясно, что у Го пальцы в пыльце, вот он и уткнулся рыльцем в мыльце – и привет Пилату! Мозг его полон южными заварушками, ему не до Кверфской аномалии. Дело осложняется еще и тем, что по нашим законам маунские монастыри совершенно автономны, так что никакой форс-мажор не дает правительству права что-либо предпринимать на монастырских территориях. Остров Кверф является целиком такой территорией. Поэтому Го срочно убедил прежнего аббата уйти в отставку, а мне скоропалительно присвоили духовный сан и назначили на его место. Воспользовались законами Тлейфа, в соответствии с коими, если князь или герцог принимает сан, то становится аббатом. А Гло прикрепили ко мне в качестве помощника.

– Старый аббат жив? Он не провалился сквозь землю вместе со своими покоями? – спросил я.

– Ему повезло, не провалился. Когда разверзлось, он собирал грибы. Но То, что разверзлось, заворожило его. С тех пор он сидит там, на самом краю ДЫРЫ, и постоянно смотрит в… Сквозь прорези своего белого капюшона. Сутана на нем точно как моя, только старинного шитья. Впрочем, Делло, согласись,

поработал на славу. Хотя работа выпала срочная. Да, так вот и вышло, что я и Гло, ученый и шпион, оказались здесь – одинокими беспомощными представителями власти. Я – физик, поэтому ничего не предпринимаю, ясно различая границы своего понимания. Но Гло не таков, он постоянно суетится. То притащил ящики со взрывчаткой (вот они, в углу), то затеял рыть вокруг ДЫРЫ канавы, то заказал круглые зеркала. А я покамест одно уяснил – Аномалия опасна для здоровья, особенно психического. Поэтому припомнил наши лекарственные заветы, стараюсь сосредоточиться на травах. Вот нагрянет Гло, снова закипит бессмысленная суета.

– Боюсь, он уже не нагрянет, – прошептал я. – Он потерял все свои зубы. Его разделали под орех. Возможно, он умер.

– Очень жаль, – равнодушно откликнулся Тро, – значит, скоро пришлют нового агента. Или это ты и есть – новый агент? Тебя случайно не вербанула Холодная роща?

– Ни Холодная роща, ни Вербный бор меня не вербовали, – пробормотал я из последних сил. – Так что же разверзлось здесь?

– ВСЁ, – ответил аббат, и в этот миг глубокий сон завербовал меня.

На том из маунских диалектов, на котором изъяснялся герцог, слово «всё» звучит как olle, что случайно совпадает с именем нашего погибшего приятеля Гло. Так же называется один из островов Тунской гряды. Слово пришло из германских языков, оно в родстве с английским all и немецким alles. В литературном маунском вместо olle говорят и пишут öl – две точки над заглавной буквой сообщают о варяжском влиянии. В современных печатных изданиях эти две точки беззаботно вышвыривают вон, но я с этим категорически не согласен! Мечтаю, чтобы мои заметки о путешествии на Кверф переписал бы от руки подлинный мастер каллиграфии, покрыв сбалансированными письменами листы нашей фамильной бумаги, в чьей плоской глубине можно на просвет лицезреть водяные знаки нашего рода, но если когда-либо мои записи подвергнутся публикации на маунском языке, я требую, чтобы в слове öl на всем протяжении данного текста тщательнейшим образом и отчетливо печатались две точки над буквой «О»: ведь эти две точки – изумленно распахнутые глаза.

То же требование относится к русскому языку, где две точки смещаются в конец слова «всё», но они остаются зрячими глазами. Поэтому я решительно настаиваю на том, чтобы в случае появления русских переводов моих записок издатели уделили бы пристальное внимание тому, чтобы в каждом слове «всё» были аккуратно пропечатаны две парящие точки. Поверьте, это очень важно. Спасибо.

Впрочем, кроме латинского алфавита мы, мауны, пользуемся еще шестью видами письменности, их мы различаем на вкус: соленая письменность, горькая, кислая, сладкая, пряная и пресная. Впрочем, такие умения, как способность распознавать на глаз вкусовые свойства знака, не присущи большинству европейцев. Пресные знаки являются самыми ценными в иерархии наших письменных знаков, пресными буквами пишут посвященные. Одна-

ко мне пришлось бы год просидеть над маунскими свитками, прежде чем я смог бы перейти на пресные знаки, а такой переход, возможно, не помешал бы (как охранительная мера) при описании дальнейшего. Остается надеяться, что пресные знаки сами снизойдут к моему тексту и проступят сквозь него наряду с водяными.

Я спал крепко, без снов, кажется, довольно долго, но пробудился в странном состоянии. Стояла ночь или вечер, не знаю. В строительном фургончике царила тьма, только угольки в печке бросали красный отсвет на доски пола. Аббат Тро спал в своем кресле, уложив, словно лебедь, крошечную голову на собственное огромное плечо. Меня пробудили звуки. Как и в прошлую ночь, шквал звуков надвигался на меня – плыл, или казался, или захлестывал: словно миллиардами микроигл звуки щекотали тело моего мозга, пробуждая в нем ощущение светозарной невменяемости.

Снова мнилось, что где-то в кошмарной близости идет стройка, рокочут тяжкие машины, роняют плиты, вбивают сваи в раскалывающийся ломкий грунт, тысячи сварщиков сваривают сталь, расцветая в ночи полянами диких бенгальских огней, сварыкипят у рабочих, своры исходят лаем, трубы гремят, танки гибнут под танками, орут звери, воют пологие птицы, стонут эльфы под пыткой, всхлипывают мегатонны сердобольных старух, благовест храмов восходит, гонги скликают отряды, рой, грай, гомон в раю, ропот, стук топоров, яркий треск, скрипы дельфинов, рев осла, шепот дебила, крик миллиарда оргазмов, сладкие грязные визги вездесущих возрождений, громкие грезы, лязг литавр, гул изогнутого хобота – то поезд как будто мчится, то слышатся выстрелы, улюлюканье, скрип железных качелей, пьяные песни, вздохи, органная музыка, водопады, дикие козы в сетях, крики насилуемых женщин, канонады, взрывы, уключины, электропилы, океанские грозы, народные толпы, тяжелый рок, сирены, хоралы, технический визг – всепожирающее, полое, оглушительное молчание космоса...

И сквозь все эти насилующие и насилуемые звуки сочился тошнотворный шепот, льющийся мне в ухо, словно яд, по капле слезящийся в беззащитное ухо датского короля:

– Пэн! Проснись, Пэн.

Свет карманного фонарика сверкнул в закрашенном окошке, и за белесой завесой краски высветилось мятое и призрачное, словно бумажный ком, лицо Флинти Пэта. Осветив сбоку фонариком свой мучительный лик, он стоял, прильнув к оконцу: более скорбный, нежели злорадный. Его шепот снова проник сквозь стекло:

– Вставай, Пэн. Выходи. Это капитан Хук зовет тебя, – и он постучал в оконце тенью скрюченного пальца.

Я не стерпел столь наглый вызов и вышел из Дома сухих цветов. Мир за пределами фургончика встретил меня холодом и бредом. Передо мною стоял Флинти Пэт. И очень щеголеватый Флинти Пэт. На нем поскрипывало черное кожаное пальто, точно воспроизводящее эсэсовское, дизайнированное Хуго Боссом, под пальто – строгий черный костюм. Рубашка цвета крови с вышитыми светящейся нитью надувными детскими утятами – каждый пронзен стрелой: словно все они показались живыми сердцами некоему близорукому Амуру. Специальная ткань создавала эффект голограммы – утята парили в воздухе окрест горла Флинти Пэта.

В одной руке он держал дымящуюся сигарету «Мальборо», в другой сжимал пистолет – кажется, тот самый, что я видел на столике герцога.

– Видишь, я тоже модный, – просипел Пэт.

– Неплохой прикид, мистер Пэт. Кажется, вы присвоили себе оружие аббата? – строго спросил я.

– Ему больше не потребуется оружие. Аббат видит сон об исчислении атомарного веса. Это очень хороший сон. И он будет долгим... очень долгим. Представляешь, Пэн, уже не станет никаких атомов и никакого атомарного веса, а сон аббата все будет длиться. Разве это не прекрасно?

– Вы его убили?

– Ну да, а что, нельзя было? Мимолетная инъекция в плечевую мышцу. Он ничего не почувствовал. Комарик укусил. У него, вот говно, слишком маленькая голова! Зачем нужен человек с такой маленькой головой, даже если она умная? У меня вот голова большая, поэтому меня бесят мелкоголовые уроды. Имею я право на раздражение? Пепел к пеплу, жопы к жопам, а шутки в сторону: ты готов видеть ВСЁ?

– Готов ли я видеть ВСЁ?

– Не корчи тупого. Я тебя ясно спросил: ты готов видеть ВСЁ?

– Что здесь за звуки?

– А я откуда знаю? Я не микроголовый трахнутый физик. Наверное, это ВСЁ гудит и щебечет. ВСЁ любит и ждет, тебя в гости зовет. Завязывай ссать, модник, у тебя нет выбора. Либо ВСЁ, либо ничего. Под словом «ничего» разумею пулю. Пойдем-ка, что ли, провожу. Топай вперед. Либо пан, либо пропанбутан.

И снова я шел по проходу меж крепостными стенами, а за мною скрипела эсэсовская шинель Пэта. Вскоре мы подошли к гигантским воротам во второй стене – врата из мореного дерева, обитые кусками железа. Внизу виднелась низкорослая калитка.

– А теперь заходи один. Встретишься с Неизвестным с глазу на глаз. А я понаблюдаю через щелку в воротах. Может, дрочну. Передерну затвор, как говорится. Ну давай, глист, ползи, – он подтолкнул меня стволом пистолета в плечо.

Я открыл калитку и прошел за вторую стену.

Я вошел вооруженным. Когда мы перемещались по проходу между стенами, я приметил лежащие в траве круглые зеркала. Я поднял одно из них и понес на плече – оно оказалось легким. Диаметр – как небольшой зонтик от солнца.

Так я явился на встречу со ВСЕМ – словно Персей на свидание с Медузой Горгоной. Как и прочих смертных, меня страшил прямой взгляд на ВСЁ: я решил сначала увидеть его отраженным. Но я так и не взглянул в зеркало. Вошел я Персеем, но сразу же перестал им быть. А кем я стал? Тезеем? Минотавром?

Горгоной? Не знаю. Сциллой и Харибдой сделался я – и с визгом топил в себе корабли своих мыслей. Лернейской гидрой я стал, растерявшей все свои безумные ветвящиеся головы. Одиноким Хароном я стал, чья ладья дала течь, и я медленно погружался в ледяные летейские воды.

Территория монастыря оказалась огромной, и почти все это пространство занимала Дыра. То, что разверзлось, как говорил покойный герцог Тро.

Да, Оно разверзлось – То, что разверзлось. Уцелело по краям Дыры немного земли с травой и без, с неоконченными канавами, где валялись лопаты, несколько деревьев уцелело, кривящихся у самой стены, уцелел кусок постройки, срезанный, словно бритвой. На самом краю Всего сидел некто в кресле. Роскошная сутана, такая же, в какой щеголял герцог Тро, но капюшон опущен, и лица не видно. Старый аббат. Опустив голову, он созерцал ВСЁ сквозь прорези в капюшоне. А оно... Ни слова не скажу!

Вы что, хотите, чтобы я описал вам ВСЁ? Может, вы еще чего хотите? Станцевать для вас древние маунские танцы? Блевануть? Рассказать всю жизнь без утайки? Выебать юное деревце? Построить стеклянную башню-иглу и водрузить на ее заоблачном острие сверхтяжелый черный чугунный шар? Снять улетный порнофильм? Стать главой государства? Сойти с ума? Обернуться слоном? Закурить сигарету?

Я выбрал последнее и хотел закурить, но я забыл, как курят, и съел сигарету. Странно, она показалась мне вкусной. Мне даже почудилось, что съеденная сигарета спасла меня. А то ведь я уже стоял на самом краю Всего, клонясь над... Круглое зеркало выскользнуло из руки и упало туда... И сразу исчезло, разлетевшись в просторах мирозданья стеклянной пылью.

Я отступил от Края. Меня трясло от дикой злобы. Какая-то тварь пялилась на меня из кустов. Веселое лицо улыбалось среди уцелевших деревьев. Фавн. Фавненок. Меня колотило от ярости. Какая омерзительная издевка открылась мне в том тошнотворном факте, что вместо загадочных и суровых скульптур моего предка, ради которых я проделал свой путь, эта мраморная мразь, непрошено выползшая из пучины веков, поджидает меня здесь, смеясь надо мной за кривыми деревьями.

Нечто невыносимо оскорбительное лучилось в мраморном лице. Или так мне мерещилось в опиздинительном свете Всего? Я уже ничего не понимал. Лишь одно желание – уничтожить фавненка – полыхало во мне.

– Взорву! Взорву гада! – то ли крикнул я, то ли шепнул и выбежал за ворота. Там торчал Флинти, и я с размаху ударил его кулаком в лицо, да так, что он отлетел к внешней стене. На Флинти обрушилась сила ярости, которую он сам поселил в моем теле, – его яд кипел в моих венах, воспламененный немыслимым зрелищем Всего. А я уже бежал к фургончику – молнией ворвался в его лекарственный уют. Труп Тро по-прежнему высокомерно целовал себя в гигантское плечо, как раб целует барина. Я схватил ящик с взрывчаткой, выбежал – и сам не заметил, как уже яростно опутывал мраморного фавненка проводками, крепил таймер, шепча: «Гниденыш из бездны!» Я четыре месяца

пробыл курсантом лейб-гвардейской школы (подался туда из-за сдержанной роскоши униформ), нас там учили взрывать. Я не запомнил, сколько времени я отвел до взрыва – не до времени было. Тик-так.

– God damn, what are you doing? – донесся до меня голос Пэта (словно сквозь вату). – Чего это ты разгорячился? Остынь, не мельтеши. Крепко ты меня приложил, а с виду – дохляк. А я совсем не обижаюсь. Флинти Пэт очень добрый, он зла не держит. Смотри-ка сюда, я щас фокус показывать буду. Волшебный фокус. Совсем-совсем волшебный. Такой фокус, какой все мечтают совершить, пока маленькие и хорошие. Пока из мамы не вылезли. Сидят в маме и мечтают совершить чудо... А я вот его сейчас совершу. Большое чудо. Я отравлю. ВСЁ.

Я оледенел. Отравитель стоял на Краю, освещенный отсветами гигантских всполохов Бездны. Его уродливое лицо окаменело от ликования – словно бы его заточили в светоносной колонне, слитой из чистого пафоса. Триумфально он вздымал над собой пробирку с прозрачной жидкостью.

– Вот он – чемпион среди синтезированных мной препаратов. Яд безумия. Сумасвод – так я его называю. Едкий, вкрадчивый, неистребимый. Действует на атомарном уровне. Еби себя медленно, Пэн! Клянусь, это опаснейший из ядов! Он такой вкусненький, всем нравится. Ням-ням. Дорогое ВСЁ, доктор Пэт пришел, лекарство принес. Сейчас мы его примем, да?.. М-м-м, вкусняшка... – и он стал медленно наклонять пробирку над Бездной.

Я метнулся к нему, споткнулся о камень, упал... Отравить ВСЁ! Не может быть... Спаси нас, Тунг!

– Внимание! Вы тоже сосредоточьтесь, отче, если можете... – обратился Пэт к старому аббату.

И в этот миг рвануло. Куски мрамора свистнули над моей головой. Фавненка разорвало. Странный стон проплыл в воздухе в потоке иных звуков вслед за эхом взрыва. Я открыл глаза.

Флинти Пэт по-прежнему стоял на Краю, покачиваясь. Мраморная голова фавна, отброшенная взрывом, пробила ему грудную клетку и засела внутри. Жуткое зрелище увидел я: умирающее лицо Пэта, его изумленные микроглаза, поток крови, а из груди сквозь алые струйки весело и сладострастно улыбалось мраморное лицо фавна: кроваво-лоснящееся, цветущее, насмешливое, беспечное. Вокруг мраморного весельчака летали осколки голографических утят. В следующий миг ноги Отравителя подкосились, скрипнуло пальто, и Флинти Пэт рухнул в Бездну вместе с пробиркой, где плескался Сумасвод.

ВСЁ поглотило Отравителя с равнодушным гулом, ревом, трепетом, рвением, пением флейт, оно встретило его вороньими граями, вокзалами, молотобойцами, лесопилками, рок-концертами, атомными грибницами, кометами, газовыми облаками и кряканьем миллиардов утят.

Я стоял в оцепенении. И еще глубже цепенел в своем кресле старый аббат с закрытым лицом – неподвижный, как истукан Кауты.

– ВСЁ отравлено! – сказал я на маунском языке, обращаясь к нему. – ВСЁ сойдет с ума.

Странно, несмотря на громы, трели, визги и грохоты, взлетающие над бездной, каждое слово, сказанное здесь хоть шепотом, разносилось далеко и слышалось ясно. Мое ухо улавливало даже ровное дыхание аббата под сутаной.

Роскошная сутана. Никак не соберусь с силами, чтобы подарить вам ее подробное описание. Видел точно такую же на герцоге Тро, но мне не хотелось описывать подделку, изготовленную алчным Делло. На старом аббате я лицезрел оригинал сутаны, настоящее старинное шитье – и теперь я могу детально описать этот шедевр маунской моды VIII века. Сутана похожа на белоснежную росянку, усыпанную алыми каплями.

– Не имею чести знать ваш язык, – донесся из-под капюшона негромкий голос, невозмутимо выговаривающий английские слова, – но кажется, я понял произнесенную вами фразу. ВСЁ не отравлено.

Он отбросил капюшон – словно белый птенец вынырнул из средоточия белой росянки. Курски. И этот здесь?

– Всё, что есть здесь, есть и там. Перемещаясь отсюда туда, вещь или существо молниеносно притягивается своим двойником, и оба – объект и двойник – исчезают. Процесс столь скор, что достигает чуть ли не минус времени. Больше нет нигде мистера Флинти Пэта. Он исчез вместе со своим Сумасводом. Впрочем, вещество, называемое – в детском стиле – Сумасвод, – оно осталось в мире. Оно все еще циркулирует в наших с вами венах, не так ли?

– Истинно так, мистер Курски. И все же не знаю, верить ли вам. Противоядие. Оно не помешает, – я извлек из кармана золотую трубочку. На дне трубочки лежала последняя из пилюль Лонга. Я бросил ее в бездну.

Что такое ВСЁ? Не то чтобы оно питалось пулями, пилюлями, отравителями и круглыми зеркалами. ВСЁ – не вампир, оно ничем не питается, оно и так полно собой. Бездна-существо... Много я повидал прекрасных нагих дев, но никогда не лицезрел ничего столь *нагого*, как ВСЁ. Больше мне нечего сказать обо ВСЁМ. Я убежал.

Долго я метался, застывал и снова метался меж стенами. Пошел вдруг мелкий снег из черных туч. Не помню, как выбрался из монастыря.

Помню рассвет, снегопад, я иду сквозь лес. Все белым-бело. Среди седых деревьев увидел я голого старца, сидящего на снегу.

– Кто ты? – спросил я.

– Аббат, – шелестом ответил он.

Я понял, что говорю с подлинным настоятелем Кверфа.

– Ты покинул монастырь? – спросил я.

– Да. Я оставил всё и ушел.

– Почему?

– Там ВСЁ. Я – НИЧТО. ВСЁ и НИЧТО не живут вместе.

Я почувствовал, что он говорит *пресно*.

И снова я шел сквозь белый лес, пока не замер на высоком обрыве над морем. Нет острее радости, чем смотреть на море с кручи. Святой угрюмый Тунг лежал предо мной. Снег сеялся в свинцовые воды. Пахло соленой свежестью большого топаза. Вдали огромные покатые тела скользили в воде – серые, веретенообразные, словно бы с вечно заснеженной кожей. Гигантские пятнистые тунцы! Я наблюдал их танцы.

– Этот парень не похож на охотника за тунцами, – произнес чей-то грубый голос.

Я открыл глаза. Я лежал в песке у самого моря. Золотое пальто изодрано в золотые клочья. Два монаха в островерхих капюшонах склонились надо мной. Нет, не монахи. Блеснул мокрый брезент плащей. Из-под капюшонов выглядывали фуражки с кокардами в форме коралловых ветвей. Под плащами я разглядел серые мундиры с пуговицами в виде рыб. Полиция тунцов.

Видно, правду сказал я Зое Синельниковой: я – тунец. Вот меня и спасла служба охраны тунцов. В нашей стране жирных, пятнистых, танцующих оберегает целая армия. Честь Тунгу! Всё.

2011

КИРИЛЛ КУТАЛОВ

ОБОЛ

1. ВАЛЬТЕР

– Выберите товар.

Чат-бот «Благодозер» – витрина цифровой лавки запрещенных веществ – выложил перед Валерой четыре картинки, как из учебника иностранного языка. В левом верхнем квадрате – зеленое соцветие, покрытое пыльцой и крошечными белыми кристаллами. Справа от нее – четыре темно-коричневых пластинки, как из ящика стола секретарши-сладкоежки. Ниже – горка белого порошка с одной стороны и россыпь розовых таблеток с другой, на каждой из таблеток был оттиснут крошечный слон с крыльями.

Валера щелкнул по нижнему левому, с порошком.

– Оплатите покупку в течение шести минут.

На экране появился таймер с крупными красными цифрами. Секунды начали откручиваться, мир стремительно старел. Под таймером воплощением мировой бессмыслицы показалась строка из 34 случайных символов – адрес биткоин-кошелька, куда нужно было перевести деньги.

Валера скопировал адрес и переключился между окнами браузера на кошелек для криптовалют. Валера вызвал бота-хранителя паролей, бот ввел в окошке комбинацию, которую обычный человек был не в состоянии запомнить, и Валера оказался на страничке, где отображались все его сбережения.

Он хранил деньги сразу в нескольких криптовалютах – как раньше люди зашивали купюры в матрас – и каждый день ощупывал зашитое: заходил, следил, смотрел. Этот кошелек находился в стороне от банков, терминалов по приему купюр, стоек ресепшена, охранников в дешевых костюмах и грубых инкассаторов. И самое главное – сюда не было доступа служкам налоговых, финансовых и прочих инспекций, государевы люди, безликие и настырные, как второстепенные персонажи компьютерных игр, не могли отследить, кому и за что Валера платит, а значит, и отобрать у Валеры все его деньги тоже не могли, он как будто не существовал для государственной машины с того момента, когда большая часть его зарплаты исчезала в черной дыре биткоин-биржи, превращаясь в строчки в кошельке.

Посмотрел страницу котировок: биткоин падал третью неделю, эфириум рос, мелкая крипта, которую он купил пакетом, колебалась, как рой комаров в июльском лесу.

В верхней части экрана всплыло окошко уведомления. На конце строки «Последние поступления», как пика или лезвие ножа, торчала цифра 1, рядом с ней – перечеркнутая дважды буква «О». Это означало, что его кошелек пополнился, но валюта была Валере незнакома. Крошечный красный кружок с восклицательным знаком в строке уведомлений – тот, кто сделал этот перевод, отправил Валере сообщение.

Раньше он такого не видел: все свои расчеты Валера вел с одноразовых адресов, чтобы невозможно было вычислить, кто и куда перевел деньги, в этом и был один из смыслов криптовалют. Раскрыть личность платившего мог только он сам, при своем желании или допустив ряд серьезных ошибок.

Валера щелкнул кружок.

На экране всплыло уведомление: «Перевод от “Братья Биткоэны”: 1 (один) Обол».

– Обол, – повторил Валера.

Слово было незнакомое. Грубое, старое, стертое, как морской камень. Оно не походило на обычные названия криптовалют – Эфириум, Эйнштейниум, Биткоин, Лайткоин, Пинккоин... Все эти имена были придуманы копирайтерами, каждый из которых перерабатывал тонны словесной руды, сплетая в названии броское и модное с причудливым поведением тараканов в голове клиента. И эти клиенты – Валера примерно представлял, что это за люди – вряд ли приняли бы такой нейминг. Слово было похоже на камень не только стесанными углами: оно било в лоб.

Курс у новой валюты был высокий – не биткоин, конечно, но “Братья Биткоэны”, кем бы они ни были, или хорошо понимали, что делают, или не понимали вовсе, и перевели обол в кошелек Валеры, сами того не желая. Как и все операции с криптовалютой, эта была без возможности отката – вернуть обол отправителю Валера не мог.

Он еще раз посмотрел на строчки в кошельке, сравнил котировки. Красные цифры таймера показывали, что время оплату «Благодозеру» истекает: оставалось меньше минуты. Где-то в городе Валеру ждала закладка с белым порошком.

– Как пришел, так и ушел, – пробормотал Валера, скопировал в окошко адрес кошелька «Благодозера», выбрал валюту – обол – и нажал «Ввод».

Через несколько минут в кармане дернулся айфон – в секретный чат пришло сообщение с адресом.

Закладку с наркотиком оставили в двух километрах от дома, в парке возле монастыря. За выбор района Валера доплатил еще тысячу сверху.

Он приехал на место на велосипеде. Высокая белая стена старой кладки, парк, пруд посреди парка, тишина, безлюдье – местность была аккуратной, как лысина депутата Госдумы, будто не азиаты в оранжевых жилетках ГБУ “Жилищник” следили за порядком, а мертвые патриархи из могил в монастырской ограде. У входа в парк курили двое мужчин, одетые в несуществующую форму – казачий патруль – они покосились на велосипед Валеры, но придраться было не к чему, выглядел Валера опрятно, ехал медленно. В глубине парка на

берегу пруда Валера остановился возле бронзовой уточки, за уточкой шел выводок бронзовых утят. Валера наклонился, не слезая с велосипеда запустил руку под уточку, вытащил из-под гузки запаянный в пленку овальный предмет, сунул в карман, оттолкнулся ногой и покатил в сторону дороги. Казаки смотрели ему вслед сквозь сигаретный дым.

Дома Валера снял пленку с контейнера. В голубом и ломком яйце из-под киндер-сюрприза лежал еще один сверток, тугой и маленький, размером с таблетку, и в нем кощеевой смертью – крошечный пакет с белым порошком. Валера взвесил пакет на кухонных весах: Благодозер отсыпал ему десятую долю грамма сверх номинала. Он достал планшет и открыл Тиндер. Поставил два десятка сердечек – у всех девушек в профиле были фотографии на берегу моря – потом выпало совпадение. В Тиндере девушку звали Снежана. У нее была приятного размера и формы грудь, тонкие щиколотки и красивые волосы. «Пушап, фотошоп и фильтры для Инстаграма», – подумал Валера.

– Привет, как дела? – набрал в чате. – Понравились фотки. Что делаешь вечером?

– Привет, – ответила Снежана через десять минут. – Ты тоже ничего.

Когда Uber уже въезжал во двор, Валера распечатал сверток, отмерил себе понюшку не больше бонуса Благодозера и втянул порошок через отрезок радужной трубочки для коктейлей. Выбросил пустую упаковку, убрал пакет в ящик рядом с кроватью, где лежали презервативы, вышел из квартиры. В теле поднималась волна радости.

– Я нигде не работаю. Считаю, это умирающая тема. Офис, дресс-код.

Они сидели на веранде бара на Патриарших. Снежана оказалась высокой брюнеткой с красивой грудью, и была похожа на торт: пришла на кремовых каблуках и в белом платье с большим бантом на спине. Заказали по бокалу вина.

Над Москвой горел оранжевый свет вечера пятницы. В переулках ходили нарядные женщины и проезжали дорогие машины. За столиком справа две девушки обсуждали парней. До Валеры долетали отдельные фразы. «Лучшие мужики сейчас в IT». «Мы собирались на отдых, и он взял кредит, а часть денег подарили родители». «Съездили в Голландию и на Бали».

– Сегодня столько возможностей. Деньги – повсюду. Липнут к ладоням, буквально, – говорил Валера, отпивая австрийский рислинг по цене бутылки за бокал.

Когда Валера начинал говорить о деньгах, Снежана слегка наклонялась вперед и освещение ее лица менялось, отчего оно становилось как будто мягче.

Веселый мужичок в клетчатой рубашке с пакетом из «Дикси» в руках ткнулся плечом в деревянный угол веранды, остановился, удивленно оглядел препятствие, просиял глазами, когда заметил бант. «Сейчас попросит сигарету», – подумал Валера. Мужичок ухватился за ограждение, ловко подтянулся на нем и распахнул над столиком, за которым сидели Валера и Снежана, рот с тремя

крупными и кривыми зубами, желтыми, наполовину вылезшими из десен. Заговорил, как пьяный попугай, бессмысленно изображая иностранную речь, перебивая сам себя смехом, потом перешел на русский, затянул бесконечный анекдот про поляка, немца и русского, которые шли по пустыне, а затем оказались в самолете, забыл начало и снова принялся говорить сам с собой на несуществующем языке. Рислинг грелся в бокале, Снежана улыбалась и сидела прямо, как со стальным дилдо внутри себя. Потом мужичок ушел.

– Вот ты думаешь, это бомж, люмпен, опустившийся человек. А ты знаешь, что у него здесь пятикомнатная квартира? Вон в том доме, над прудом. По наследству осталась, от папы – партийного работника. Сдает две комнаты хипстерам – не таджикам, заметь, – и ничего не делает, зачем ему что-то делать, он же москвич.

Когда Валера говорил, Снежана моргала длинными ресницами.

– Я ни во что не верю, – Валера сделал еще глоток рислинга, покатал вино во рту, проглотил. – Когда я был школьником, это давно было, еще при СССР, нас повели на экскурсию на художественный комбинат. Там делали статуи, скульптуры. И Ленина тоже делали. Знаешь, кто это?

Снежана кивнула. Она уже заказала тартар из тунца блю фин.

– Делали его гранитный бюст по гипсовому слепку. Стояла такая огромная голова Ленина, белая, вся в красных точках. Мастер по ним снимал копию и переносил на глыбу гранита. Вся в красных точках, как будто корь у него. Я тогда понял, что любая идея – это всего лишь вопрос переноса с гипсового слепка на гранитную глыбу. Ничего оригинального не существует. Кроме, конечно, наслаждений.

Снежана посмотрела на Валеру поверх бокала. Он подозвал официанта и попросил повторить.

– И я тогда решил, что так и хочу жить. Наслаждаться. Не заморачиваться, не ограничивать себя ни в чем. Путешествовать. Встречаться с новыми людьми.

Перед Снежаной поставили тарелку с шайбой измельченного тунца. Официант принес огромную, с руку взрослого человека, перечницу: она кивнула, и он два раза повернул головку, высыпав на край тарелки с пол чайной ложки перца.

– А как же семья? – спросила Снежана.

Валера свел брови и поджал губы.

– Семья – это святое.

Он задел локтем салфетку и наклонился, чтобы поднять. Под столом Снежана развела колени, ровно настолько, чтобы ему были видны ее кремовые, в тон туфлям, кружевные трусы.

В лифте Снежана прижалась к Валере задом, выгнула спину и обхватила его левой рукой за шею – платье с бантом натянулось на груди, в подмышке у Снежаны было гладко и бело, от волос цветочно и свеже пахло духами. Валера опустил руку на ее зад. Действие наркотика давно прошло, хотелось еще, хотелось обмазать порошком член, и чтобы она кричала на нем, и чтобы он кричал, и чтобы это продолжалось много часов. Между мягким и большим задом Снежаны и ее узкой спиной можно было поставить что-нибудь или даже посадить небольшого человека, как на лошадиный круп. Валера обхватил Снежану под животом и резко прижал к себе – она низко и тихо застонала. Из лифта вышли, облизывая и посасывая губы друг друга, Валера на ощупь открыл дверь, толкнул Снежану от себя внутрь, вошел сам, потянулся рукой к ремню, потом что-то прилетело из темноты коридора ему в лицо, вспыхнуло искрами в правом глазу, он испугался и обмяк.

Очнулся от музыки. Открыл глаза, узнал свою кухню, разглядел пыль, плотно покрывавшую пол под плитой, даже подумал было, что пора менять клининговый сервис, потом вспомнил, как здесь оказался. Дернулся – руки и ноги не связаны – правая половина лица как будто онемела и была больше, чем левая. Потом услышал голос.

– Почем кокс нынче?

«Так вот ты какая, смерть Кащеева», – подумал Валера.

– Я тебя еще с прошлой дозы пасу.

Валера поднял голову. Посреди кухни стоял огромный лысый человек. Он был широк во всех членах и сложен как бы вчерне, будто кто-то взял длинные руки, мощные ноги, прикинул к бочке туловища, а поверх толстого пенька шеи насадил небольшую голову с острыми ушами и носом. Человек, как многие высокие люди, гнулся плечами к земле, как борец перед проходом в ноги, он гнулся к земле и от этого казался еще грузнее. Тонконогий стальной стул рядом с ним мог сломаться от одного его взгляда.

– Ловко вы придумали, с монастырем. Тихое местечко. Ты, небось, просто мимо проходил, да? И думаешь, такой, дай-ка я в утку залезу, да?

– Как вы сказали, вас зовут?

Мужчина подошел к столу и сел на стул (он заскрипел). Вытянул ноги. От середины кухни они почти доставали до порога. Предметы рядом с ним казались меньше, и пространство тоже сжималось, как кожа на холоде.

– Ты обрати внимание, обыск я у тебя не устраивал. И наряд с собой не взял. Для тебя я Вальтер. Удостоверение показывать не буду, придется поверить на слово.

Вальтер полез в карман, вынул оттуда пакетик с кокаином и бросил на стол.

– Обыск не устраивал, но кое-что нашел.

Из комнаты раздался приглушенный стон.

– Шмара твоя, – пояснил Вальтер. – Связал ее и рот заклеил. С ней потом разберемся. Где ты их снимаешь? В интернете? Как сайт называется? И много потратил? Тыщ пять?

– Семь. – На самом деле в баре на Патриарших Валера оставил десять.

– Ого. Да за семь можно было на ночь проститутку снять. А за кокс сколько отдал?

– Двенадцать, – Валера примерно перевел обол в рубли.

Вальтер поднял брови и повел головой.

– Вы из полиции? – спросил Валера.

– Ты пойми, корочку я тебе показать могу, не проблема. Что ты с этим дальше будешь делать? Оперативную съемку могу тебе показать. Фото, как ты яйцо из утки доставал. Как в сказке, да?

Вальтер хохотнул, скривив губы на сторону, как будто ухнул в пустую бочку, глухо и коротко.

– Ты, считай, уже арестант. Пыль. Тебя упаковать – как два пальца. Статья твоя такая, что на базаре не отъедешь. Если проще, то выебу и высушу.

Вальтер вертел в огромных пальцах пакетик с кокаином, постукивая им по столу.

– Ты еще здесь только потому, что как арестант ты мне ни к чему. Ты сорняк. Если сорняк растет в поле, где каждый колосок нужен, если бы наше общество, плесенью этой пораженное, – Вальтер сжал пакетик в кулаке. – До самых потрохов пораженное! Если бы оно хоть как-то похоже было на поле... Ты пшеницу видел когда-нибудь?

Вальтер отшвырнул пакетик, поднял руки к лысой голове, свел пальцы замком на затылке.

– Да тебя бы там выпололи в момент! Тебя и таких как ты, сорную траву. Потому что там ясность. И польза. А здесь – город.

Он вздохнул.

– Вот и растет всякая нечисть. Лопухи, лебеда. Никому вроде не мешают, но только оттого, что нет высшей пользы. Но только она есть. Здесь! – Вальтер ударил себя в грудь. – И я ради нее таких, как ты, выебу и высушу! Ты все понял?

Помолчал с полминуты.

– Будешь теперь на меня работать. Есть возражения?

Валера покачал головой. В комнате простонала связанная Снежана.

– Ну и молодец. – Вальтер ковырнул ногтем пакетик, высыпал немного порошка на столешницу и, не раскладывая в «дорожку», втянул носом. Зажмурился, поморщился, передернул лицом. Кивнул Валере – давай. С пола Валера видел радужный обрезок коктейльной трубки – он лежал сбоку от солонки.

– Пойдем к этой. – когда Валера закончил с порошком, Вальтер кивнул в сторону комнаты.

– Она при чем?

– Как при чем? Ты сегодня что, деньги впустую потратил? – Вальтер снова хохотнул, как в пустую бочку. – Выебем и высушим! Не бзди, она нелегалка, я проверял.

Вальтер вышел из кухни. Валера держал в руках трубочку. Бежать? Взять нож и полоснуть по шее? Бить в артерию? Где она и как до нее достать? Если бежать, то прыгать в окно – пятый этаж. Сломает ли он себе обе ноги или только одну?

На столе был рассыпан кокаин, лежала вилка и даже половина лимона в блюдце. В соседней комнате сквозь кляп во рту застонала Снежана. Звук хотелось выключить, как будто в помещении с незнакомыми людьми случайно включил чью-то трансляцию из фейсбука, прямо в телефоне, и вот уже на тебя медленно оборачиваются все, кто вокруг.

– Иди сюда, примерз там, – рявкнул из комнаты Вальтер.

Валера встал. Нужно было пройти пять шагов, обогнуть стол, дойти до двери, выйти из нее, повернуть налево и оказаться в комнате.

Женщина лежала на диване, на животе, ее руки и ноги были связаны за спиной, как у военнопленных в американских фильмах про Вьетнам, рот затянут серым скотчем.

Вальтер стоял у изголовья. Он успел снять одежду. На нем оставалась только армейская портупея, которая перетягивала могучее тело крест-накрест, обхватывая его чуть ниже выдающейся груди, и черные трусы. Гульфик дыбился мощной плотью, как будто Вальтер засунул туда алюминиевую банку 0,5 литра.

– Давай ты сзади подходи, а я спереди ее отжарю. – Огромной ладонью Вальтер взял голову Снежаны за подбородок – голова лежала в руке, как средних размеров мяч, например, для гандбола. Снежана задергалась, завилась всем телом, но Вальтер держал крепко, так, что голова оставалась неподвижной, как приклеенной к его ладони. Он потянул за краешек скотча, резко дернул его, женщина задышала ртом, как карп из магазина. Другой рукой Вальтер потянулся к своим трусам.

Как и всем в России, Валере приходилось пить водку. Водку Валера не любил, избегал ее, как встреч с милицией, и когда ему говорили: на, выпей, что ты как не мужик! – делал хитрость. Он подносил рюмку к губам, делал вид, будто выпивал, но на самом деле только мочил губы, а саму водку проливал – на пол, на одежду, куда попало. Те, с кем он пил, – рассуждал Валера, – получают от водки удовольствие, а значит, им и не важно, что он делает со своей дозой водкой. Он выливал три рюмки, после чего уже можно было не выливать – вокруг не оставалось ни одного трезвого человека, кому было бы дело до того, пьет он или только притворяется. Пока Вальтер держал Снежану за голову, загоняя ей в рот темный с сиреневой залупой член, Валера задрал несчастной платье и делал вид, будто овладевает ею сзади. Он шлепал бедрами по ее ягодицам – кожа была холодной, неприятной – и иногда постанывал в такт движениям.

– Давай, давай! – кричал Вальтер. – Вжарь ей! Наркоман! За ВДВ!

Когда закончили – женщина лежала, всхлипывая, на кожзаме дивана, головой в лужице желтоватой спермы – Вальтер подошел к шкафу и, поддев ногтем, отлепил от поверхности небольшую видеокамеру, которой Валера поначалу не заметил.

– Видишь, как получается, – тихо произнес Вальтер. – Ты ее даже не отодрал, а по видео выходит, что изнасиловал. Так что зря не воспользовался.

Он беззвучно хихикнул, как прошипел.

– Водку, небось, тоже не пьешь, только губы мочишь? – И потрепал Валеру рукой по щеке. От руки пахло хуем.

2. БРАТЬЯ

Когда Валера проснулся, в квартире никого не было. Чисто, сушняк во рту, болит голова. Дернулся на кухню – никаких следов, только радужный кусочек пластика на столе. Даже в мусорном ведре чистый серый мешок. Ничего. Дикий Вальтер, сумасшедший пьяница на веранде бара, несчастная похожая на кремовый торт Снежана – все как приснилось. Только поездка за закладкой была реальной: пакетик лежал на своем месте в ящике с презервативами.

Или не лежал?

Валера подошел к ящику, открыл. Ничего. Как не было. Он осмотрел все, выложил на пол футболки, трусы и носки, вывернул наизнанку карманы одежды, ничего. Ничего не было. Как приснилось.

– Может, правда приснилось?

Валера открыл ноут. Запустил пасворд-бот, вошел в кошелек. Биткоин падал, эфириум рос, мелочь, в которую он вложился пакетом, колебалась, как рой мошкары в июльском лесу жарким днем.

В верхней части экрана всплыло окошко уведомления. Анонимный перевод, пополнение кошелька, номинал: 1 (один) обол.

– Не приснилось, – произнес Валера вслух.

На стеклянном столе задрожал телефон: неизвестный входящий. Валера нажал зеленую кнопку.

– Проснулся! Вальтер говорит. – Голос у Вальтера был бодрый и сухой. Слышать его Валере не хотелось – таким голосом ничего хорошего не говорят, это был голос человекоподобного автомата, голос робота.

– Проснулся? – повторил Вальтер.

– Угу, – ответил Валера.

– Одевайся и спускайся, поедем по делам.

– Куда?

– Обеспечивать будущее белой расы и наших детей! – Вальтер хохотнул. – Карму твою исправлять поедем. Обелять перед обществом. Совесть на место ставить. Укреплять сон. Ты хорошо спишь?

– Неплохо, спасибо.

– Ну вот, будешь еще лучше. Одевайся, машина у подъезда. Пять минут тебе даю, потом сам за тобой поднимусь. Ты вряд ли этого хочешь.

Валера не хотел. Когда выходил, заметил на кухне под столом синее: кусок ломкого синего пластика, из которого делают контейнеры в киндерсюрпризах.

– Не приснилось, – грустно повторил Валера.

У подъезда стоял черный лендкрузер. Даже в просторном салоне Вальтер отодвинул кресло назад и сидел, ссутулившись, как будто старался уменьшить объем, который занимал в пространстве: он не только сам был огромен, все его жесты были как будто больше, размашистее, он как бы очерчивал вокруг себя некую невидимую границу, поле силы, через которое не должен был пробиться враг. Валера вспомнил, как вчера хотел перерезать ему артерию. Он был даже подойти к Вальтеру с ножом в руке не смог.

По дорожке к выезду из двора шел мужчина с набитыми пакетами в обеих руках, мужчина говорил по телефону, и половина пакетов висела у него на запястье возле головы, а другая – болталась у ног. Когда выезжали, Вальтер нажал на сигнал – мужчина дернулся от резкого звука, на асфальт упал телефон, покатились помидоры, желтые перцы, баклажан, лопнул и разлетелся белым пакет риса. Мужчина обернулся, растеряно посмотрел, Вальтер газанул, обдал несчастного овощным соком, смешанным с осколками телефона.

По городу летели, расталкивая автомобили, разгоняя их дальним светом, гудками на светофорах. Пролетали мимо постов и машин автоинспекции, и те как будто не замечали их вовсе. Вальтер смотрел вперед поверх массивного черного креста размером с айпад, крест был прикреплен на приборной панели лендкрузера.

– Приехали, – сказал Вальтер, поворачивая во двор.

Поднялись по лестнице на четвертый. Вальтер позвонил. Пока там шли в тишине, достал из кармана мятого льняного пиджака («С простыню размером, – подумал Валера) черные перчатки, наподобие боксерских, только раза в три поменьше.

– Кварцевые, – пояснил Вальтер. – Фанаты любят. Спрятать легко, найти сложно. Удобно, эффективно.

– Мы будем кого-то бить? – спросил Валера.

Вальтер натянул перчатки и поднес указательный палец губам. За стеной шаги – в замке повернулся стальной ключ, приоткрылась щель, темнота внутри была перетянута стальной цепочкой.

Дверь Вальтер выбил одним ударом ноги – краем глаза Валера увидел, как разлетаются щепки и шурупы – и отбросил прямым в голову того, кто прятался в темном коридоре. Потом, уже в квартире, удары полетели плотно – в корпус, в голову, снова в корпус, ногой в голень. Всего пять или шесть, несильных, почти тычков, и человек уже затих в углу.

– Вот так всегда, – Вальтер поднял с пола парня лет двадцати пяти. – Два раза сунешь, и в отключку. Сложно с вами, молодыми! Давай, твоя очередь.

Перед Валерой на могучих руках Вальтера, как на кронштейнах, висел молодой парень. Вокруг была типичная обстановка бабушкиной квартиры – запах пыли, темно-зеленые с размытым узором обои на стенах, возле потолка отклеившиеся по углам, невысокий потолок с трещинами штукатурки, на стене постер А1 с какой-то иконой на зеленом фоне, лакированный комод из дсп.

– Бей, что смотришь, – Вальтер держал перед собой бесчувственное тело, как будто мешок с мусором. – Давай, два в пузо, один в голову.

– Кто это? – бить Валера не умел, никогда не дрался и, как большинство людей, которые не умеют применять к другим людям насилие, считал, что насилие – не его метод. Иногда он, конечно, представлял себе сцены, в которых жестоко наказывал воображаемого соперника или негодяя, как правило, в состоянии опьянения, однако ничего, кроме одышки и сердцебиения, такие упражнения у него не вызывали.

– Дружок твой. Змий подколодный. Благодозер собственной персоной. Бей давай, чего стоишь.

Валера смотрел на парня в руках Вальтера. Он привык к тому, что Благодозер – это строчка чата, предложение выбрать товар, смс с адресом закладки в телефоне, смешной мем про наркотики в группе Вконтакте. Что угодно, только не человек с кровоподтеком на месте левого глаза.

– Бей! – рявкнул Вальтер.

«Это просто импульсы, – подумал Валера. – электромагнитные волны. Разница потенциалов в нейронах мозга. Ожидание картинки – подтверждение картинки. Это даже не объективная реальность, просто матрица. И я даже не понимаю, как она работает».

– Ну!

– Все волны, просто волны, – пробормотал Валера.

Парень в руках Вальтера начал возвращаться в сознание. Волны в его голове приходили в упорядоченное состояние: он даже открыл глаза.

– Он сейчас проснется, увидит тебя и запомнит. Тебе твоей телки мало?

Валера сжал кулак и ударил. Человека в лицо. Справа, в челюсть. Человек закричал. Валера тоже – в руку как гвоздь вогнали. Вальтер сменил захват и прижал подбородок Благодозера к его же груди – тот подергался и снова отключился.

– Сопляк. Ладно, пойдем. Только на память зарубку оставим. – С этими словами Вальтер опустил обмякшее тело на пол и прошел в комнату, где на столе древнего чехословацкого гарнитура стоял ноут, а рядом лежал планшет. Вальтер взял ноут, переломил его надвое, легко, как будто это была сигарета. Потом бросил на пол планшет и резко ударил в экран ногой. Обернулся по сторонам, подошел к комоду, открыл ящик. Запустил внутрь руку – из ящика полетели скомканные футболки, свернутые в мягкие шарики носки.

– Ты погляди, сам не употребляет, дома не хранит...

Благодозер в коридоре снова очнулся и застонал. Валера отошел за стенку. Вальтер с ухмылкой оглядел его, вышел из комнаты. Валера услышал глухой удар, потом ничего. Потом снова заговорил Вальтер.

– Ну что, с почином тебя. Давай, едем отсюда.

Благодозер лежал у стены, как сделанный из тряпок.

Ехали в центр, в район Сретенки.

– Пообедаем, – сообщил сухо Вальтер.

На светофоре открыл окно. Сплюнул, попал на красный Рено рядом. Валера смотрел, как стекает по двери машины бело-зеленый сгусток.

– Делать теперь будешь то, что я скажу. Понял? – Вальтер газанул со светофора, визгнув резиной. – Скажу бить – будешь бить. Скажу выебать – выебешь. Ты у меня вот где. Пользуйся, пока можешь. Получай удовольствие. За тебя никто не впишется, а со мной бояться тебе нечего. Ты как бы избран теперь.

– Кем? – спросил Валера.

– Мной, – ответил Вальтер. Лендкрузер расталкивал. – Я тебя нашел. Сделаю из тебя теперь человека. Хочешь ты того или нет.

– Но... Зачем это вам? – спросил Валера. – У вас же есть корочка, вы же из органов. У вас есть люди, вооружение, оружие, полиция. Зачем вам я? Я же дилетант. Я не умею стрелять, бить, я не умею насиловать. Я только кокаин умею покупать и телок в тиндере снимать, я неудачник, ноль. Зачем я вам нужен?

– Умный потому что дохуя. Хоть и тупой. Выходи, приехали.

Остановились у ресторана «Русские блины». Это был даже не ресторан, так, кафе, стоячка, полуподвальное помещение, без официантов и с самообслуживанием.

Вальтер заказал два борща и две порции пельменей.

– Я такое не ем, – запротестовал Валера.

– Травоед что ли?

– Пескаторианец, – ответил Валера.

– Типа педик? Ты не обижайся, ты пойми. Если свинину не ешь – не мужик. Сейчас научу тебя. Свинья – это жизнь. Грязная, жирная. Все жрет. Или ты ее, или она тебя. Ешь свинью – побеждаешь жизнь. Возвышаешься за счет мрази.

– Ритуальное насилие, переходящее в ритуальную пищу?

– Я вот сейчас нихуя не понял. Но лучше, если сам ее зарежешь, хотя бы раз.

– А борщ?

– А борщ – это власть. Чтобы не забывать, кто хозяин. Чтобы борщ приготовить, бабе надо с вечера начинать. Резать там все, жарить, варить. Если баба тебе борщ не варила – не твоя она.

– А пельмени?

– Да не хочешь не ешь. Пойди там, креветок закажи. Рыбы сырой, с червяками. Что я тебя, заставлять буду? Тебе вообще после сегодняшнего можно и не есть.

– В смысле?

– Ты не понял что ли? Мы приятеля твоего примотали. Только тихо, не ори.

Валера вспомнил, как лежал тряпочной куклой в коридоре съемной квартиры Благодозер. Затошнило.

– В смысле, «мы»?

– Соучастником пойдешь в смысле. Но не ссы, говорю тебе, со мной бояться нечего. Если блевануть хочешь или, там, руки помыть, тебе туда, – Вальтер указал себе за спину.

Валера прошел в дальний угол полуподвала, спустился еще на три ступеньки вниз и оказался в коридоре, в конце которого были две двери, одна – с наклейкой WC. Валера подошел, взялся за ручку и услышал за спиной с сильным восточным акцентом:

– Не работает. Вам сюда, уважаемый. Проходите.

Валера обернулся. Из приоткрытой второй двери выглядывал молодой азиат, таджик или узбек, в синем комбинезоне поверх оранжевой футболки. Таджик улыбался Валере во весь рот, кивал, приглашал войти. Валера пожал пле-

чами, шагнул внутрь. За ним щелкнул замок, и Валера оказался в темноте. Откуда-то потянуло сквозняком и запахами с заднего двора. Пахло мусорным баком, дохлым голубем, обоссанным углом. Потом кто-то большой и гладкий, похожий на огромную ладонь, обхватил его сзади, так, что Валера не мог двигаться, замкнул руки пластиковой стяжкой, надел на голову мешок, потом, не отпуская, поднял в воздух, повернул горизонтально и понес головой вперед. В сторону, откуда дул сквозняк.

– Прости, парень, – прошептали в темноте. – Для твоего же блага.

Потом Валеру везли. Не меньше часа, почти без остановок – они должны были выехать из Москвы. Страшно Валере не было, только мерзли ноги, которые обдувало ветром, как будто в корпусе фургона была дыра, и пахло пылью.

Когда остановились и вышли, Валеру снова понесли, подхватив под руки и за ноги, быстро, сперва по гравию, а затем по асфальту. Потом под ногами тех, кто его держал, скрипнули доски, воздух вокруг стал свежим, не городским, затем Валеру внесли в помещение и понесли вниз головой. Он покачивался в такт ступеням, было немного страшно, что уронят, но держали крепко и несли уверенно, наконец, остановились. Перевернули на ноги, посадили на стул, слегка толкнув в грудь – он упал всем весом на жесткий пластик. Стул был прикреплен к полу. Теплые и холодные волны воздуха вокруг чередовались и окатывали Валеру одна за другой, воздух как будто состоял из слоев. Потом с головы Валеры сняли мешок. Он сидел посреди помещения, размер которого невозможно было себе представить из-за темноты, скрывающей стены, больше всего помещение напоминало гигантскую серверную. Вокруг уходили в темноту стеллажи, на которых мерцали зелеными и желтыми огоньками блоки и модули, соединенные друг с другом широкими и плоскими проводами. От стеллажей шли волны тепла, которые перебивали потоки холода от невидимых кондиционеров справа и слева. Свет шел от лампы, обычного торшера, который стоял неподалеку напротив стула, на котором сидел Валера. Стеллажи с оборудованием успокоили Валеру. «В серверной не убивают» – подумал он. Потом из темноты, из-за одного из стеллажей вышел человек. Он нес в руках второй стул. Поставил его напротив Валеры, так, что сам оказался спиной к свету – Валера не видел его лица. Подошел к Валере, достал кусачки из кармана, перерезал пластиковые стяжки на запястьях, сделал шаг назад, к своему стулу, сел.

Валера разминал затекшие кисти.

– Как я погляжу, ты особо не боишься. Это правильно. Бояться тебе нечего. Мы против насилия.

– А это что? – Валера обвел рукой пространство вокруг.

– Сам не догадался еще?

– Это... Это вы здесь майните?

Человек кивнул.

– Представь, что тебя привезли в цех Гознака. Или, лучше сказать, в резервный банк США, а это – тот самый печатный станок.

– А вы кто?

– Братья. Меня можешь называть Брокер.

– Братья Биткоэны? Это вы мне переводили, вчера и сегодня? Обол?

– Это сложный вопрос. Самый простой ответ на него: переводили тебе по ошибке, но то, что ты получал – твое по праву. И от этих двух посылок зависит то, что будет дальше происходить в твоей жизни. Сидишь удобно?

– Обол – это криптовалюта, одна из криптовалют. Ее запустили относительно недавно, позже биткоина, но, по сути, она существовала всегда. Само слово «обол» обозначает мелкую монету, которую вкладывали в рот покойнику, чтобы он отдал ее перевозчику через Стикс – реку, которая разделяет мир живых и мертвых. Других валют на той переправе не принимали. Мера человека. Независимо от богатства, силы и положения, переехать на ту сторону стоило один обол. Один человек – один обол.

– Наш обол – воплощение мировой справедливости. Мы не знаем, как еще ее выразить – выражаем в деньгах. Знаешь, есть такие понятия, которые вроде бы всем *понятны*, но на самом деле только вредят, поскольку ими оперируют неправильно. Они и созданы для манипуляции или обмана. Например, «свобода слова». Каждое правительство уверено, что есть слова, за которые свободы нужно лишать – и тем не менее, только самые отмороженные эту свободу явно ограничивают. Те, кто поумнее, специально не ограничивают никого, чтобы те, кто поглупее, пользовались свободой и вскрывали свои истинные намерения. Тогда их можно брать голыми руками и предъявлять. Свобода слова – это наживка. Любое понятие, которое обозначает некую ценность – наживка. Особенно у нас.

– Как это работает?

– Ценность – на то и ценность, что ее мало. И она нужна всем. Просто так ее не получить. Деньги вот – тоже ценность. Но если на вывеске написано «деньги», значит, скорее всего, там их будут отбирать, а не раздавать просто так всем нуждающимся.

– Тогда зачем мне перевели обол?

– Я уже начал про деньги. Это измеритель и условный эквивалент ценности. Не обязательно их отбирать или забирать, как твой друг Вальтер. Достаточно создать ценность – и тогда у тебя, скорее всего, будут деньги. К тебе придут люди, которые захотят с тобой разделить твою ценность. Ты слышал, например, и не раз, про ценность человеческой жизни.

Валера кивнул.

– Так вот. Обол – это она и есть. Буквально. Пока ты не на том берегу, ценность твоя – один обол. Подозревали об этом давно. Но как ее измерить?

– Золото?

– С него все началось. Но с золотом есть одна проблема: оно слишком материально. Обвешался золотом – значит, богатый. Понимание на уровне инстинкта. У кого было больше золота в 90-е?

– У братвы.

– Правильно, у братвы. Цепи, браслеты. Золотые унитазы. У спортсменов еще – тех, кто за золото гробил здоровье. Ты застал, наверное, тех, кто прятал золото во рту – ассирийцев, цыган. Эти люди были ближе всех к изначальному смыслу обола. Ценность твоей жизни – то, что всегда с тобой. Монета во рту. Почему, думаешь, так дорого стоят услуги стоматологов и особенно протезистов? Это тоже обол – только теперь он сделан из металлокерамики.

– Но зубы можно вырвать.

– Именно! Эту проверку золото не прошло. Оно конечно и измеримо. Его можно украсть, можно огородить забором. Слишком материально, как я и сказал. Всю братву можно перестрелять, снять с трупов браслеты и ждать, пока не придет новый Саша Солдат и не застрелит тебя. Нужно нечто менее материальное.

– Акции?

– Да, акции и нефть. Это безусловный шаг вперед. Условность, обеспеченная наличием ресурсов, или вообще ничем, воздухом. Разгулявшийся демон свободного рынка. Каждая нефтесоска мнит себя Хароном и распространяет свои оболы среди простых смертных – миноритарных акционеров. Интереснее, чем золото, но, если присмотреться, та же история. Нефтяные вышки можно взорвать, отобрать, провести недружественное слияние, владельцев можно убить, отправить в лагеря – в конце 90-х идея потерпела сокрушительное поражение, и ведь именно там, где терпели сокрушительное поражение все великие идеи.

– В России?

– Да, Россия – это могильник великих идей, место, куда они приходят умирать, погуляв по миру. Некоторые умирают в старости и маразме, увешанные звездами, некоторые в безвестности и забвении, как в лагере. Весь мир смотрел на фальшивые чеченские авизо – и охуевал. Весь мир смотрел на социальное расслоение в нефтяной державе – и охуевал. Когда сегодня мы слышим слова «социальное расслоение», мы думаем о нашей стране. А ведь это и есть слова о ценности человеческой жизни, только по-другому произнесенные. Свободный рынок не помог установить справедливость. Его апологеты любят утверждать, что что справедливости просто нет, вместо справедливости как равного распределения благ есть распределение ресурсов в соответствии со способностями. Но ведь если у меня есть, например, автомат Калашникова, а еще лучше – Государственная Дума и федеральные каналы, я сразу становлюсь более способным, чем ты, у кого ничего этого нет. Способности – это такое слово, которым пользуются, чтобы объяснить еще одно, такое же бессмысленное слово.

– У кого больше способностей, у вас или у Вальтера?

– В исторической перспективе – у нас. В моменте – у Вальтера.

Человек на минуту задумался, потом продолжил.

– После того, как Россия показала всему миру, что распределение ресурсов, как если бы это были горы золота, может быть сосредоточено в одних руках – это показывали и раньше, другие, но так наглядно еще никто и нигде – именно в России была придумана основа для того, чтобы вернуть понятию «ценность человеческой жизни» реальное наполнение и подлинный смысл. Обол.

– А чем он отличается от простого биткоина?

– Тем, что идея обола – это идея равномерного распределения всех ресурсов мира между всеми людьми без исключения. И это соотношение невозможно нарушить – оно подчинено жесткому алгоритму. Нет единого сервера, нет центра, где стоят компьютеры, вычисляющие курс обола. Для этого задействованы все компьютеры, каждый процессор, к которому можно получить доступ. Весь мир понемногу майнит свой обол – понимает свою ценность. Каждый день, в 00.00 каждому человеку достается причитающийся ему кусок мира. Его обол. Каждый раз в 00.00 обол пересчитывается – вернее, пересчитывается все остальное, курсы валют, акций, цена барреля и тройской унции – по отношению к оболу. Обол нельзя накопить. Ты получаешь его сегодня – ты тратишь его сегодня. В полночь у тебя снова только один обол.

– Но стоит он по-разному?

– Каждый день по-разному. В мирное время колебания не так заметны. Во время войн и великих потрясений, когда меняется соотношение ресурсов и количества людей, курс обола может меняться заметно. Но все равно никто не может получить два обола. И да, это самое непосредственное выражение ценности человеческой жизни.

– А что с войнами и катастрофами? Ими же можно управлять?

– А ими и управляют. С точки зрения обола, бомба, сброшенная на сирийских повстанцев – или на ИГИЛ, не важно – это игра на повышение курса. Как и Гулаг, и Освенцим. А вот разоренные заводы и закрытые шахты – наоборот, на понижение. Пол Пот, Сталин, Гитлер – каждый в свое время и по-своему менял курс обола. Городские легенды о том, что после большой войны мужики в цене – это самый близкий пример.

– Почему я узнал про обол только вчера?

– Утечка.

– В смысле?

– Обол есть. Это реальная справедливость. Но о нем пока мало кто знает. Совсем мало кто. Например, Братья. Дело в том, что мы его изобрели. Ну как «изобрели». Как можно изобрести нефть или ядерную энергию? Ты не можешь их изобрести, ты можешь только раскрыть их потенциал.

– Почему о нем не знают все? В чем тогда справедливость?

– Справедливость есть. Она в алгоритме. Она не зависит от того, сколько человек могут потратить свой обол. Не подменяй понятия. Мы всего лишь создали этот алгоритм. Он не имел смысла до появления криптовалют. Именно по нему происходит вычисление курса обола. Обол, как и любая криптовалюта, недостижим для внешнего влияния – его нельзя украсть. Как и ценность твоей жизни. Ее нельзя украсть. Знаешь ты об этом, или нет: ее просто нельзя украсть, понимаешь? Как и твой обол. Но мы не боги, чтобы объяснить эту ценность всему человечеству. Кроме того, есть ряд препятствий.

– Каких, например?

– Например, эта странная экономическая модель. Сырьевая экономика России. Пока здесь качают нефть, ничего не произойдет. Нас просто убьют. Ре-

прессивному государству не нужен ресурс, который нельзя украсть. Взять твоего друга Вальтера. У него задание – найти Братьев. Он не знает, кого именно ищет, но вот вышел на тебя. Мог бы на кого-нибудь другого, но вышел на тебя. Чистая случайность.

– Что мне делать?

– Выход, конечно, есть. Один для всех.

– И в чем же он?

– Ты будешь смеяться. В революции.

3. ДЖИХАД

Брокер спрятали Валеру от Вальтера в чреве Москвы – на Юге, в Чертаново.

На закате дома вокруг напоминали небоскребы по дороге из аэропорта Бангкока в центр. Ночью они были похожи на скалы, поросшие джунглями горы, на остовы космических кораблей пришельцев, на развалины более древнего города, которого больше нет, который был здесь еще совсем недавно, который населяли другие, необычные, неизвестные Валере существа из другой вселенной.

Этот огромный кусок Москвы был как бы городом в городе, внутренним Шанхаем, интериоризированным Исламабадом: Валера, который родился и прожил в Москве всю жизнь, не смог бы придумать лучшего места, где спрятаться.

Многоэтажные муравейники были сверху донизу заселены людьми, которые оказались в этом районе случайно – в лотерее им выпал номер дилера на сайте ЦИАНа. Никакой закономерности, никакого объяснения этому куску их жизни не было – и никто из них его не искал. Внутренний город без признаков внутренней деревни: здесь никто никого не знал и не пытался узнать, связи между людьми создавались на мгновение, когда два незнакомца встречались в лифте, и распадались в следующее мгновение, когда люди выходили на своем этаже. Лица моментально стирались из оперативки – регистр не переполнялся. Все, что помнил этот район – собственные очертания на закате, рваную линию неба, городской горизонт, который завтра увидят совсем другие люди.

Валера жил в одном из домов, изнутри устроенных как система без долгосрочной памяти. Не только на всем этаже, но и во всем подъезде квартиры сдавались внаем, и, благодаря близости к рынкам на Юге города, жили здесь, в основном, торговцы. Они сменяли друг друга раз в полгода или чаще, им незачем было запоминать лицо нового соседа с седьмого – тем более, что часто он из своей квартиры не выходил.

– Поживешь пока не уляжется, – объяснил Валере Брокер. – Месяца два, три. Потом подумаем, что дальше.

Ежедневно Валера проживал десятую часть полагающейся ему доли мирового благосостояния – переводил посуточно мзду владельцу квартиры, заказывал продукты в интернет-магазине. Ему хватало на простую одежду, простые

цифровые развлечения – оформить подписку на платный порносайт и библиотеку – он мог бы даже покупать наркотики, любые, которые ему нравились, но после Благодозера эта мысль ему не приходила в голову. Путешествия были под запретом, самое длинное путешествие, которое Валера мог себе позволить, была прогулка до Битцевского парка и обратно. В полночь обол обновлялся, как Луна в Новолуние, и все можно было начинать с начала.

Рядом с Валерой жил тихий азиат – из его квартиры через стену по вечерам Валера слышал нашиды, мужские голоса пели на арабском языке о религиозном.

В среду Валера возвращался с прогулки. Он выходил раз в сутки погулять, обойти вокруг района, если будет настроение, то дойти до леса, походить там, дойти до просеки, где стояли выкрашенные в желто-серый цвет турники, позаниматься полчаса, потом той же дорогой вернуться домой. В лесу ему иногда встречались конные полицейские – Валера называл их «ментаврами» – как и он, ментавры наслаждались природой, их кони нехотя и изящно переступали под ними. Валера шел главной аллеей, заасфальтированной дорогой, которая протянулась насквозь через парк, мимо двухэтажного здания психоневрологического интерната.

На самом краю леса в сумерках двое били ногами человека на земле. Сперва Валера услышал отрывистые, на лай похожие выдохи – кха, кха – и потом увидел. С дороги было не свернуть, разве что в чащу. Возвращаться в лес не хотелось. Решил отступить в сторону, за дерево, подождать, пока не закончат. Сделал так, хрустнула ветка. Лай прекратился. Двое остановились. Валера видел их в просвете просеки – стояли как бы в замахе, внизу кто-то лежал. Валера сдвинулся с места, ветка под ногой снова хрустнула. Один из двоих хлопнул другого по плечу, и через секунду оба бежали в сторону города. Исчезли в сумерках. Валера постоял еще с минуту, прислушался. Ничего не происходило, тишина. Подошел. Человек возле кустов шевелился, как бы вздымался немного и опадал снова, потом он застонал.

– Эй, ты живой, – позвал Валера.

Человек застонал громче. Валера подошел ближе – человек лежал на боку, поджав в груди ноги, закрыв руками голову. Валера оглянулся – вокруг никого – тронул человека за плечо.

– Эй, они ушли.

Человек посмотрел на Валеру из-под локтя, как сквозь бойницу или прорезь в шлеме. Восточный глаз его был сжат, подбит, сильно распух, вдоль ссадины на голове протянулась полоска крови.

– Помоги, брат, домой дойти, – прерывисто прошептал человек.

– Ты кто?

– Салахутдин. Скины напали. Помоги домой дойти, брат, недалеко здесь.

Когда Салахутдин убрал руку от лица, Валера узнал соседа.

– Только дворами пойдем, брат. Чтобы без ментов. Регистрации нет.

«Выебут и высушат», – подумал Валера.

Добирались долго, шли краем леса, разминулись с конным патрулем, Валера стянул с Салахутдина его толстовку, залитую кровью, отдал свою куртку, чтобы не светить кровавыми подтеками, через сорок минут добрались до дома. Валера предложил сходить за водкой. Сам не пил, но помнил по подростковым годам, что после драки нет ничего лучше, чем выпить водки, унять адреналиновый шторм.

– Харам, брат, – ответил Салахутдин и покачал головой так, что Валере стало неловко. Он покачал головой и тут же сжался от боли. – Нельзя мне, я верующий.

– Ну а таблетку можно тебе?

– В ванной есть, помоги подняться.

В ванной у Салахутдина действительно нашлась таблетка. Кроме пачки «Найза», у него еще был матрас, несколько упаковок чая, упаковка лапши быстрого приготовления, полотенце, кусок мыла, компьютер и коран, а также коврик для намаза. Больше в квартире не было ничего.

– Не боишься? – спросил Валера, когда Салахутдин вышел из ванной, где смывал кровь и переодевался.

– Нет, они же просто хулиганы. Случайно меня встретили. Если бы пасли, я бы знал. Нечего бояться.

– Меня ты не боишься? Я же вижу, кто ты.

– Я бедный мусульманин, брат.

– Ты радикал. Так только радикалы живут. По телевизору говорят. Не боишься, что я на тебя донесу?

– Нет, брат, не боюсь. Ты добрый человек, хоть и неверный. Давай я чаю тебе заварю, чаю попьем.

Салахутдин заварил чай, они сели вокруг единственного в квартире стола, на кухне.

– Ты мне теперь как брат, – Салахутдин поставил перед Валерой прозрачный стаканчик с чаем, у чая был бурый цвет, он как будто светился изнутри. – Ты хороший человек. Скажи, ты христианин?

Валера сделал глоток. Чай был горячий и обжигал рот. Он поджал губы и помотал головой.

– Язычник, – вздохнул Салахутдин. – В Москве все язычники. Никто не верит. Про нас говорят, что радикалы, а сами живут, как собаки. Я тебя не имею в виду, брат. Тебе зачтется. Хочу тебе добро сделать, брат. Как думаешь, что самое важное в жизни?

Валера подумал про обол. Для него это было самое важное.

– Человеческая жизнь?

– Знание, брат! Приходи в пятницу к нам на джума-намаз, я тебя познакомлю с друзьями. Хорошие люди. Тоже хорошие.

– Это куда?

– В мечеть на Татарскую. Не в саму мечеть – ну так, рядом приходи.

– А мне можно? Я же язычник?

– Ты мне жизнь спас, брат. Тебе можно.

В пятницу с утра Валера был возле мечети. Пока подходил, понял, еще издалека: что-то происходит. Перед входом собралась толпа, людей было больше сотни, они окружили милицейский автобус. В толпе были, в основном, молодые люди, очень просто одетые, худые, бородатые – борода, пусть и небольшая, была у каждого. Возле автобуса в середине толпы двое полицейских держали под руки мужчину лет 50, с длинной и яростной седой бородой. Мужчина был невысокого роста, коренастый, широкий в плечах, в круглой тюбетейке и чем-то вроде кафтана. Еще на мужчине были смешные короткие брюки, из которых торчали волосатые щиколотки. Мужчина говорил что-то высокому и толстому полковнику. Полковник был красен лицом, он снимал и снова надевал фуражку, когда хотел вытереть с высокого лба пот. Один из полицейских, который стоял возле бородача, оглядывался по сторонам. Люди вокруг держались мирно, спокойно, не кричали, просто гудели, как тихо гудит, например, рынок. Валера написал Салахутдину СМС: «Я подхожу». Подумал, что вышло двусмысленно.

Затем полковник кивнул и что-то сказал своим подчиненным, те руками, как воду, раздвинули вокруг себя толпу, а водитель автобуса открыл дверь. Мужчина с бородой поднялся на ступеньку, обернулся и поднял согнутую в локте руку с вытянутым большим пальцем.

Толпа загудела. К полковнику подошел мужчина лет 40, одетый так, будто он только что пришел со строительной площадки – в синюю рубашку с коротким рукавом, темные брюки – он начал быстро говорить что-то полковнику, тот выставил локоть и отстранил мужчину, отодвинул его в сторону. Мужчина взял полковника за локоть, потянул к себе. Тут же двое младших офицеров, которые стояли возле дверей, подскочили к мужчине, схватили за руки, заломили за спину, так, что он согнулся к земле, и потащили к автобусу. Толпа зарычала. Мужчины кричали, перекрикивали друг друга на многих языках. Здесь были как будто не только разные народы, но и касты: люди с рынка, люди со строек, люди с дорожных работ, дворники, бомбилы, строители – пара сотен крепких молодых мужчин оцепили автобус и кричали в лицо полковнику. Полковник кивнул в сторону одного из кричавших, младшие офицеры подскочили к нему, потянулись схватить за руки, но перед ними выросла стена: мужчины сцепились локтями и встали живым кольцом вокруг автобуса. Полицейские остановились. Один из них обернулся в сторону полковника: тот снял фуражку, вытер пот, залез по ступенькам внутрь, младшие – за ним. Водитель завел двигатель. Толпа подошла еще на шаг ближе. Водитель дал сигнал, но толпа не расступилась. Потом к крикам добавились удары: мужчины били по бортам машины кулаками, ладонями. Звук был зычный, громкий. Валера стоял, как зачарованный. Он раньше не видел, чтобы кто-то вообще, нисколько, ничуть не боялся ментов.

Мужчины не выкрикивали лозунги, не скандировали, они встали вокруг полицейского автобуса с работающим двигателем, били в его стенки, как в огромный барабан, и раскачивали машину из стороны в сторону.

Полковник снова появился в дверях – он держался за поручень одной рукой и упирался в потолок другой – посмотрел по сторонам, в даль улицы, что-то сказал своим внутрь, потом опять исчез. В дверях показался бородатый в коротких брюках – раскачивать автобус тут же прекратили. Мужчина поднял руку, как бы успокаивая собравшихся, затем произнес несколько фраз.

– Что он говорит? – спросил Валера у человека, который стоял рядом с ним.

– Он говорит, чтобы все успокоились, что он поговорил с ментами, что нашего брата сейчас отпустят.

– Это мулла?

– Да, это старший.

– Почему вы не боитесь ментов?

Вечером они снова сидели в пустой квартире Салахутдина, за чаем, на деревянных табуретках. В натюрморте не хватало только пары автоматов, заваленных мешками с песком окон и брикетов взрывчатки.

– Мы их не боимся, потому что Аллах сильнее.

– Это ты так думаешь, а все эти люди, они же просто как с цепи сорвались, чуть автобус не перевернули.

– Дикари, да? – Салахутдин усмехнулся. – Ты, наверное, считаешь, что все мусульмане такие: дикие, необразованные, приехали в город из своих кишлаков.

– А что, не все?

– Ну ладно, многие так и приехали. Но дело не в этом. Если ты с детства рассказываешь человеку, что, как и когда ему делать – буквально в туалет его учишь ходить, – ты проникаешь в каждый атом его жизни. Для этих людей возле мечети Аллах во всем, закон Аллаха во всем. Сунна и Коран – во всем и везде. Мусульманин знает, как надо умываться, что есть, когда молиться, какой длины штаны носить. Каждый делает это одинаково.

– Это как армия.

– Именно. И в этом сила. Сила – это то, что держит вместе. Сила – то, что больше любой силы извне. Есть ли что-то во всем мире, что было бы сильнее Аллаха, если он с тобой всегда, и каждое твое действие, каждый твой шаг ему известны?

– Не знаю, штурмовая авиация?

Салахутдин засмеялся.

– Это эффективно в некоторых районах, но вообще сложно и дорого. Ты спросил, почему мы не боимся ментов – по той же причине. Они меньше Аллаха. Мент не видит там, где Аллах видит. Мент не знает ничего, он силен сейчас, когда ты один, а завтра вас десять, и он не силен. Ты потом к этому придешь. Или ты в исламе, с братьями, или тебя постоянно пиздит мент.

– Ваших же тоже пиздят.

– Конечно, пиздят. Но мы знаем, что есть большая сила – и не боимся. Христиане все просрали – ты прости меня, брат, но я правду сейчас сказал. Ваши все просрали. Ислам – вторая попытка. Она всегда лучше, ты же знаешь. Этот мент, он и на купола крестится, и в церковь, может, ходит, православным себя называет, но ваш бог не держит. Он наверху. Он бог запретов.

– А ваш не запретов? Свинину, алкоголь...

– Э, брат. Алкоголь это плохо, это зло. ну и свинина тоже – грязное мясо.

– Да брось, все одинаковое. Запечь если или, там, карбонад.

– Запрет, брат, это застывшая любовь. Высшая мера любви. Ислам начинается с любви к всевышнему, который везде. Я же говорил тебе.

– Да, да. Даже посрать без него не ходите.

– Это благо, брат. Он настолько тебя любит, что думает и об этом тоже. Как ты будешь срать, чтобы не заболел, чтобы тебе было хорошо. А ваш бог о вас не заботится, Валера. Ему все равно, как ты срешь, что ешь и в какой последовательности умываешься. Нет в нем любви, понимаешь? А если нет любви, то и силы нет, поэтому все менты ваши служат вашему богу. Так всегда было. Нет ментов – нет силы. Он ничто без ментов ваших, ваш бог.

– А ваш?

– А ты сегодня видел. Наш бог – сила. Сила, которая сильнее твоих ментов. Он объединят людей. А у вас, христиан, нет такой силы. Вы даже в справедливость не верите.

– Я не христианин.

– Тем хуже для тебя, брат.

Утром Валера, как и каждый день, заглянул в кошелек, чтобы вывести обол и прожить свою часть мирового богатства, полагавшуюся ему ежедневно. Обол был на месте, как свидетельство справедливости, которая не нуждалась в поклонении. Салахутдин рассказывал ему о столпах ислама: намерении, молитве, столпе, милостыни и паломничестве. Что если вложить обол обратно в человечество? Вернуть камень морю? И как это лучше сделать?

Валера давно заметил, что курс обола немного снижается. Не сильно и даже не существенно – шестая цифра после запятой, если сравнивать с курсом доллара. По логике Братьев это означало, что в мире стало либо больше людей, либо меньше ресурсов. Справедливость, определенная алгоритмом, могла только это: поделить поровну на всех, вычислить стоимость, установить ценность человеческой жизни на конкретную дату. Она не могла изменить ситуацию, не могла выгнать людей на улицы, помочь им стать лучше, смелее, собрать вместе, помочь победить врага. Валера захотел рассказать о справедливости, оболе и обо всем что он знал, Салахутдину. Он даже пошел к нему, позвонил в дверь, но никто Валере не открыл. «Наверное, в мечеть пошел», – решил Валера. Было воскресенье.

Салахутдин не появился и на следующий день, и через неделю тоже не появился. Валера заходил каждое утро, нажимал залитую краской кнопку, слышал, как раскатисто звенит звонок внутри пустой квартиры, как звук отражается от стен, играет и бесится в пустоте и возвращается обратно. Салахутдина не было.

На десятый день Валере открыли. На пороге стоял круглолицый парень с толстыми волосами и сальным лицом. Обычный русский парень, как будто только что доставленный в дом-муравейник из Воронежа или Нижнего Новгорода.

– Тебе чего? – спросил круглолицый.

– Извините, ошибся, – ответил Валера.

Дверь захлопнулась. Изнутри, как капли в бокале, смешивались два голоса, круглолицего и визгливый женский, потом стало тихо, только заработал телевизор, пел Валерий Меладзе.

Ничего не знали о судьбе Салахутдина на рынке возле метро – там даже не сразу вспомнили соседа Валеры. Сказали: сюда каждый день новые работники приходят. Никто подолгу не задерживается.

Валера пошел в мечеть. В саму мечеть заходить побоялся, так, походил вокруг. Посмотрел на витрины халяльных лавок, на женщину возле одной из них – она стояла в черном платке, который закрывал ее голову и плечи, в темно-сиреневом глухом платье, похожем на халат, и смотрела, опустив руки, в конец улицы, как будто ждала кого-то.

Видел Валера и мужчину в коротких брюках – он энергично прошел мимо, как бы перекатываясь на кривоватых ногах, быстро оглядел Валеру и скрылся внутри мечети. Он шел, как будто держал ногами землю, как будто это была его собственность или как будто он хранил ее до определенного срока. Подойти к нему Валера не осмелился.

А еще через два дня стало известно про атаку в Брюсселе – грузовик въехал в толпу на площади. Было воскресенье, и на этой площади раскинулся воскресный рынок, на котором продавали сыр и латук местные фермеры. Водитель грузовика превратил европейскую столицу в филиал Алеппо. В интернете говорили о русском следе, публиковали скриншоты переписки – на очень плохом русском, как будто дети писали, один джихади объяснял другому, что делать, если его грузовик не подпустят близко к ярмарке.

Неделю после этого авиация бомбила настоящее Алеппо. CNN публиковала фотографии убитых детей, а Валера каждое утро наблюдал за тем, как растет обол – уже не в шестой, а в четвертой цифре после запятой. Его примиряло с происходящим только то, что извлечь выгоду из этого роста, по большому счету, не мог никто. Когда он наталкивался на фото Салахутдина в сводках новостей, то проматывал или закрывал страницу.

4. ДИАНА

– Теперь ты видишь, – Брокер отложил «Глок» и снял с головы беруши. – Справедливость – это не для всех. Она просто существует, и тем, кто об этом знает, достаточно самого знания. Это закон вселенной, одно из ее свойств: справедливость существует. Точка. Несмотря на очевидные противоречия, во вселенной есть место для справедливости.

Они встретились в спортивном тире. На крыльце курили мускулистые татуированные парни с угрюмыми лицами. На входе показали документы, которые принес Брокер. Валера даже не стал смотреть, какая фамилия стоит в паспорте, спросил только, где Брокер достал его фотографию.

– Через фронтальную камеру ноута твоего снял. Шутка. Я же знаю, что ты ее заклеил недавно, – Брокер хохотнул. – Хорошее решение, правильное. Одобряю.

– Представь, – продолжил Брокер, – что про справедливость знают все. Про колебания курса, про обол. Как мы понимаем, у некоторых людей это вызовет психологически оправданное желание личного обогащения. И хорошо еще, если таким человеком будет твой друг Вальтер. А если его хозяева? Те, кто сам шахидом не падет, как твой друг Салахутдин, но выгодоприобретателем стать не против? К счастью, один человек может получить только один обол, и это не подлежит изменению. Ты можешь отобрать его у более слабого только после того, как ценность станет имуществом, но представь фермы, на которых тысячи несчастных подвергаются ежедневной дойке, как с них сцеживают растущие оболы, пока где-то авиация бомбит пустыню, а в европейских столицах братья твоего бывшего соседа готовят пояса смерти. В Китае такие фермы могли бы существовать, и не исключено, что уже существуют.

Валера вставил девятый патрон в магазин «Глока». Брокер сделал то же самое. Они надели беруши и снова расстреляли всю обойму в бумажные мишени. Брокер продолжил.

– Но есть и другая сторона. Обол растет не только когда соотношение объема ресурсов и количества людей меняется в пользу ресурсов. Алгоритм прекрасен тем, что реагирует на героев. На самопожертвование. Это повышает ценность человеческой жизни – а значит, и курс обола. И данный факт несколько ограничивает в возможностях инвестбанкиров, которые действуют по модели Сталина или Пол Пота.

– Человечество учит детей, что, если ты жертвуешь ради чего-то, ценность того, ради чего ты приносишь жертву, возрастает пропорционально величине жертвы. Алгоритм обола переносит этот закон в повседневную практику, наращивает мясо на его кости: теперь ты знаешь, как именно возрастает эта ценность. Когда был создан алгоритм, объем эмиссии обола был установлен равным населению Земли. И он, как ты понимаешь, колеблется. Мы надеялись тогда, что многое станет проще. Что хорошие вещи начнут происходить чаще. Будет больше героизма, больше самопожертвования, больше бескорыстия – в старом значении слова, теперь-то нет никакого бескорыстия, есть только обол. Надеялись, что гуманизм и самопожертвование перестанут быть пустыми словами, ведь за ними теперь будет стоять материальная ценность – обол. И немалая, если брать по среднему общемировому доходу. Но мы ошибались. Инерция – вот что главное. Свойство системы сохранять равновесие и гасить колебания. Если ты обратишь внимание на то, что нас окружает в данный момент, ты поймешь, о чем я говорю.

Валера огляделся. Вокруг было много людей с оружием в руках. Ближе всего к Валере стоял мужчина лет сорока, в кожаной куртке, темных брюках и нелепого фасона туфлях с вытянутыми носами – такие носили только сотрудники органов, и по этой обуви их всегда можно было узнать в толпе. Кроме него, большинство посетителей тира – люди в обычной одежде – принадлежали, скорее, к городскому среднему классу, их можно было встретить на митингах, они

постили в соцсети фото из отпускных путешествий, для них составляли меню владельцы большей части московских кафе. И в руках у этих людей было настоящее оружие: у кого «Глоки», у кого чешские CZ, а у кого и карабины. В дальнем углу на столе отсвечивал радужными отблесками прозрачный шмат чего-то похожего на желе, длиной примерно метр и высотой не менее полуметра.

– Посмотри, у всех в руках оружие. С помощью этого оружия многие из этих людей решили бы свои проблемы, но ни один из них этого не делает. А вот та штука вдали, – Брокер указал на прозрачный шмат, – это вообще уникальная метафора всего. Баллистический гель. Гасит в себе любую пулю, только трясется, как съедобное желе, если шлепнуть его сверху чайной ложкой, и все. Россия сейчас находится в состоянии безразличного равновесия. Все и каждый заняты своими делами, каждый палит по своей мишени. Твой Вальтер любит пугать людей и поэтому служит в органах, – но и он, могу поспорить, страдает оттого, что нет простора, не развернуться ему вовсю. Кто-то пилит бюджет на оборонку. Ты прячешься от ментов в Чертаново. У всех и у каждого есть оружие – обол или собственная жизнь, – но ты проедаешь свой обол, а твой друг Салахутдин едет давить ни в чем не виноватых брюссельских сыроделов. Остальные вообще не задумываются о том, на что способны. В итоге мы все живем, как выпущенные в баллистический гель пули. Баллистический гель – это наше звездное небо и нравственный закон, он одновременно и внутри, и снаружи.

Патроны туго и цепко входили в магазин «Глока».

– В итоге мы все живем в состоянии баллистического геля. Ни одно вмешательство не проходит порог безразличия. Возмущение коррупцией бесполезно, его недостаточно для переворота, для того, чтобы сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Бунт не поднять, потому что кто-то украл много денег.

– И что делать? – Спросил Валера, отстреляв очередную обойму. – Стать как Салахутдин?

– Не кричи. – Брокер показал на беруши. – Но вообще было бы круто.

– По крайней мере, их боятся.

Брокер кивнул.

– Удобно, когда смысл существования – в 50 метрах и похож на мишень, да?

Они расстреляли еще по обойме. В кармане Брокера завибрировал телефон.

– Надо идти, – он потыкал пальцем в экран. – Твой друг уже рядом, вот-вот приедет.

– Вальтер? – Валера все еще держал в руке такой удобный и легкий «Глок».

– Идем. Нам понадобится помощь.

Через пять минут они сидели в каршеринговой машине и выезжали из двора.

– Он подъезжает. Говорят, не один. Наши люди снимают инфу с камер наблюдения. Это чтобы ты понимал, какой риск. В некотором роде, мы все немного джихади. По-другому здесь не получается. Сейчас я тебя кое с кем познакомлю.

Брокер остановился у обочины, включил аварийку. Он сидел и набирал что-то в телефоне. Быстро печатал, ждал ответа, печатал снова. Потом закончил, спрятал телефон в карман и заглушил двигатель.

– Теперь ждем. Ты должен это увидеть.

Две минуты ничего не происходило. Обычная улица на Севере Москвы, спокойное движение, тихо, почти нет машин. Потом из-за поворота выехал желтый «Хендай» с подковой Убера на капоте. Встал позади машины, в которой сидели Валера и Брокер. Затем в хвост ему пристроился еще один такой же автомобиль, а третий уже выезжал из переулка. Минут семь – и улица, на которой они стояли, заполнилась автомобилями. Только что она была пустая, и вот уже правый ряд был битком, а машины все прибывали. Они выезжали из-за углов, подъезжали сбавляли скорость, включали аварийку, заполняли уже и второй ряд. Здесь были авто с логотипами всех служб: Убер, Яндекс, Гетт – и диковинные такси с собственным автопарком (– Не думал, что их так много, – сказал Валера, – мне казалось, уже все в Убере. – Ну да, сейчас. Распределенная экономика довольно сложный концепт, не все понимают, а мы ждем, что они поймут что-то про обол, хорошо, если уловят общую идею!) – «Командиры», «Мамбы», два розовых авто «Такси-леди» – прошло еще семь минут, и улица превратилась в корпоратив таксистов, таксопарк на групповом выезде, такое Валера видел только в фильмах, где показывали запруженные желтыми авто улицы Нью-Йорка. У Брокера снова загудел вибро на телефоне.

– Выходим, давай, быстро!

Они вышли наружу, и Брокер побежал, махнув рукой, куда-то вперед, пробираясь между автомобилями. Противоположная сторона улицы была пустой, если не считать одного белого авто с лого Убера. Брокер пересек разделительную с чахлой полоской травы, добежал до белой машины, еще раз махнул рукой Валере, указал на заднюю дверь. Сам прыгнул вперед, за руль. Валера открыл дверь. В глубине салона кто-то сидел, на коленях у человека стоял открытый ноут, в синеватом свете было видно юное, почти детское лицо, огромная, не по погоде шапка на голове и высокий пестрый ворот водолазки.

– Давай, садись! – крикнул Брокер, – едем отсюда.

Валера закрыл дверь и машина тут же тронулась.

– Он слева, – женским голосом произнес ребенок в шапке.

Валера посмотрел в окно. На противоположной полосе, в густом и намертво вставшем потоке такси возвышался черный Лэндкрузер. В открытое окно наполовину вылез огромный лысый человек, он размахивал рукой, похожей на железнодорожную шпалу, и кричал водителям, хотя было понятно, что они никуда не сдвинутся: улица стояла намертво.

– Подвесили, – ребенок засмеялся. – Привет, я Диана.

Она захлопнула ноутбук. То, что Валера принял за шапку, оказалось дредами, а ворот водолазки – татуировкой, которая покрывала все ее тело, заканчиваясь на запястьях и ниже скул. Присмотревшись, Валера заметил, что белки глаз девушки тоже были татуированы – они оказались темнее, чем должны были быть, темно-синего цвета, как экран компьютера, когда на него выходит сообщение о фатальной ошибке.

– Это ты все сделала?

– Моб? Ну да. Он оттуда только через полчаса выберется, мы уже уедем. Вы тоже молодцы, в тир пошли. Почему не сразу в милицию?

– А как ты это сделала?

– Сложно объяснить. Я использовала сразу несколько технологий. Мне нужно было много номеров кредиток, чтобы зарегистрировать несколько десятков аккаунтов, но если в двух словах, все это у меня уже было.

– Аккаунтов?

– Ну да. Пару сотен мертвых душ. Хватило, чтобы заполнить улицу. Ну и таксисты что-то получат конечно. Не факт, что все эти аккаунты теперь не прикроют, но это не важно, я стараюсь по два раза один фейк не использовать. Не беда. Сделаем другие.

– Они у тебя как шахиды.

– Они и есть шахиды. Цифровые шахиды. Я их так и называю. Про тебя мне тоже, кстати, рассказывали. Ты тот парень, который случайно узнал про обол. Я к тебе присматривалась. Следила, куда ты ходишь, что делаешь.

– В смысле, следила?

– В смысле, пока ты камеру на ноуте не заклеил.

Валера поджал губы.

– Ладно, ладно, – Диана убрала ноутбук в рюкзак, который стоял у нее в ногах. – Когда ты заходил на порнхаб, я обычно отключалась. Ничего интересного. По крайней мере, для меня.

– Послушай, эти твои аккаунты..

– Да?

– Ты ведь могла устроить с ними что-нибудь. Блокировать любую улицу. Отрезать не только Вальтера. Ты можешь блокировать отделение полиции. Отобрать у них оружие. Мы бы вообще все, что угодно могли у них отобрать. Почему не сделали раньше? Сколько у тебя шахидов?

– Зачем?

– В смысле?

– У меня их столько, сколько понадобится, но это виртуальные шахиды. Они инструмент. С их помощью можно блокировать улицу, устроить сумятицу, возможно, даже переворот, но что дальше? Ты бы хотел отдать власть виртуальному президенту?

– Но ведь есть алгоритм, который управляет ценностью жизни...

– Алгоритм не управляет ценностью жизни. Он ее описывает и вычисляет. Ценность существует независимо от алгоритма. Его могло бы не быть, а ценность все равно была бы. И описание, как и метод вычисления, мог бы быть другим. Если честно, мне вообще не нравится, что ценность жизни зависит от того, сколько выкачано нефти.

– Она не только от этого зависит, – подал голос Брокер.

– Но в основном от этого! И от того, что какой-то презик воюет с другим презиком!

– В алгоритме учтены все факторы, – Начал Брокер. – Театральные премьеры он тоже считает, и приложения для айфона...

– Театральные премьеры, – Диана усмехнулась.

– Ладно, я по-другому спрошу, – перебил Валера. – Ты можешь сделать переворот? Твои шахиды могут?

– Нет, конечно, – Диана поджала губы и покачала головой.

– Ди отвечает за другое, – вмешался Брокер. – За трафик. Это как на сайте. Представь, что революция – это проект по активации народа. Есть разные каналы коммуникации, разные люди, которые обеспечивают разные вещи. Вот Ди – она за трафик отвечает. Чтобы посетители приходили. Мы можем нагнать народ.

– Мы, – усмехнулась Диана.

– Ди может нагнать народ. Несколько тысяч. Десятков тысяч. пару сотен тысяч. Не сразу, конечно, такие акции нужно готовить. Но что они сделают, когда придут? Какие слова будут у них в голове, когда они пойдут обратно, по домам? Нам не нужны сотни тысяч людей в состоянии баллистического геля. Они выйдут, потолкаются с ментами и уйдут обратно, для них ничего не изменится. И в мире ничего не изменится, не проскочит искра, не загорится пламя, вот это все. Не взлетит. Им нужно что-то большее, чем просто прогулка по улицам. Им нужна идея и герой.

– Им нужен инфлюэнсер, как в рекламной активации. Знаешь, когда приглашают звезду ютьюба.

Валера кивнул.

– Вот и мои электронные шахиды – они не вполне шахиды. они самоуничтожатся, но им, по большому счету, нечем жертвовать. Это не настоящая жертва. Глиняная армия, понимаешь? Это ведь сейчас был не бунт таксистов против Вальтера, а просто я у кардера базу взяла. Ну и на площади будет точно так же. Если не придет герой.

Помолчали.

– Перепрятать тебя надо, – сказал Брокер. – Ди, можешь вписать человека на неделю? Не хочу светить его, после сегодняшнего особенно.

– Ты серьезно?

– Конечно, серьезно.

– Послушай, – сказала Диана после паузы, – только потому, что он меня попросил. И при одном условии. Все должно быть очень чисто. И если скажу: «Уходи», ты встанешь и уйдешь.

– Куда?

– Не мое дело вообще.

– Хорошо.

– Поехали.

– Почему так далеко от метро? Ты поближе не могла найти?

Диана объяснила: это чтобы ходить. Если вообще куда-то можно дойти, она идет. Долго, по полчаса, по часу. «Не спортом же мне заниматься», – сказала.

Дом, где жила Диана, и где спрятался Валера, стоял как бы в деревне. В городе, но и в деревне. Из городского здесь были трамвайные пути под окном, и по утрам Валера просыпался от того, что трамваи грохотали по рельсам, уложенным между квадратными бетонными плитами, и звенели водителям, которые выехали на пути или заснули на перекрестке.

В остальном здесь была деревня. Вокруг росли липы и березы, поднимаясь до четвертого этажа, возле подъездов сидели пожилые женщины, а в середине двора, возле бетонной тумбы, над которой артефактом прошлого века торчал обкусанный гипсовый пионер с воображаемым отсутствующим горном, по вечерам собирались пузатые мужчины – выпить пива, поговорить. Встречи эти проходили мирно, без драк, – агрессии неоткуда было взяться в море пятиэтажных домов.

Диана жила на четвертом, в двухкомнатной квартире, где помимо белых стен, домашнего сервера и пары диванов, на одном из которых поселился Валера, жили десятка два растений в горшках и кадках. Пальма, кофейное дерево, еще пальма, личи, фикус с красными листьями, несколько суккулентов в ящике на подоконнике и другие, Валере по названиям неизвестные. Кроме этого, в квартире был встроенный шкаф для одежды и больше, собственно, ничего.

– Ты живешь, как исламский террорист, – сказал Валера.

– Я живу, как художник, – ответила Диана. – Только то, что нужно. Ничего лишнего. Заканчиваю проект – меняю квартиру. Помогает не привязываться.

– К чему?

– Ни ч чему. В первую очередь, к собственным мыслям.

Она год жила в Таиланде, год в Болгарии, до того – год в Корее. О путешествиях Диана рассказывала охотно, о проектах – молчала. Валера пошутил, что террористы – тоже вроде художников, как Роден, они отсекают от глыбы человечества лишнее. Тем более, что ценность жизни, в итоге, растет.

– Это обол растет, глупый. Курс к рублю. Заморочили тебе голову, – она закатывала глаза.

– А как же ценность?

– Я программист. Я не философ и не товаровед. Меня ничто не держит, никакая идеология. Я уеду хоть завтра, поеду в Тай, в Индонезию, в Китай. Мне просто нравится проект.

– Обол?

– Обол – это средство. Цель – открыть шлюзы, взорвать плотины. Начать революцию снизу.

Не было, по ее словам, за оболом никакого сверхмозга, никакого гениального суперпрограммиста, мегахакера. «Разделенный проект» – так она говорила. – «Облако». Несколько сотен людей во всем мире пишут код, работают над алгоритмом, никогда не встречаясь и не общаясь друг с другом напрямую. Это могут быть близкие друзья, которые втайне друг от друга делают одно дело, или совершенно незнакомые люди, которые даже не слышали друг о друге. Сеть человеческих торрентов раскинулась по миру, каждый мог подключиться или, наоборот, выйти из игры, написав в чат условную фразу. Даже если бы одного из них взяли («За что?» – спросил Валера и получил в ответ удивленное лицо) – в проекте бы ничего не поменялось. Все процессы дублировались, это делало работу немного громоздкой, но совершенно безопасной. И у них не было начальника.

– А Брокер?

– Брокер просто завхоз. – Диана поджала губы. – Он не знает особо ничего. Какой он начальник? Он вообще только тебя в последнее время сопровождает.

– Куда сопровождает? – с усмешкой спросил Валера, но Диана не улыбнулась.

– Что если, – спрашивал Валера, – что если власть возьмут не те люди?

Диана смотрела на него долго,

– А откуда им взяться, не тем людям? Здесь все люди примерно одинаковые. Это закрытая система, среднерусская возвышенность, великая равнина. Это как вода. Ты слышал, что есть такой круговорот воды в природе? Ну вот. Вода никуда не пропадает. ты открыл кран, она течет, но ее количество в природе не уменьшается. Уменьшается только количество денег у тебя на счету, потому что воду тебе кто-то продает. А она вытекает из крана, но не вытекает из природы. Вода течет в трубу, попадает в какой-нибудь отстойник, испаряется, потом идет дождь, где-то в другом месте Земли – снова вода, та же вода. Ничего не меняется. Ты думал об этом когда-нибудь? Что из этой системы нет выхода, и входа в нее тоже нет, есть просто замкнутый цикл.

– Но подожди, говорят же: истощение водных ресурсов...

– Где-то, может, и истощение. В другом месте прибавление. Вода не разлагается на водород и кислород. Тебя сжигают в крематории – она испаряется. Ты отошел в лесу за дерево отлить – вода ушла в землю, ее всосали корни дерева, потом дерево засохло, вода испарилась. Потом опять дождь, реки, родники, ледники. Она никуда не денется отсюда, эта вода. И другой воды тоже не будет. Здесь все то же самое, ничего неожиданного не случится. Важно, чтобы не застаивалось, не гнило, текло чтобы. Это самое страшное: статус-кво, остановка. Тогда пиздец. А так – ничего не произойдет. Мы не убежим от самих себя, не открестимся от чего-то неприятного, не дождемся никого идеального. Уровень здесь довольно средний. Замкнутая система. Как с водой.

– Ну и потом, как ты заметил, нет никакого вождя. Нет лидеров. Нет центробанка. Они этого не понимают – и все время опаздывают. Не понимают, что происходит, как мы делаем, что мы делаем.

– Иногда мне кажется, что я тоже не понимаю, что мы делаем. Со стороны кажется, что ничего.

– Ничего не делать нельзя. Но ты точно понимаешь, что такое «делать»? Не спрашивал у своего соседа, как работает пропаганда ИГИЛ?

– Я не знал, что он оттуда.

– Ты бы все равно ничего не понял. Чтобы увидеть эту пропаганду, нужно уметь пользоваться интернетом.

–Я умею!

– Сомневаюсь. Из нашей реальности – если мы живем в России – вырезан огромный кусок. Все, что запрещено Роскомнадзором. Это довольно много, существенная картина мира. Например, все медиа Исламского государства. Очень интересные, сделаны даже лучше, чем передача «Пусть говорят» в каком-то смысле. Так вот, как работает их пропаганда. Они не засылают, конеч-

но же, никаких боевиков. Таких возможностей у них нет и никогда не было. Те, кого потом по телевизору называют «боевиками ИГИЛ», провели последние несколько лет на диване, изучая чаты, ролики, и слушая нашиды. Это обычные люди. Промытые, очарованные, загипнотизированные – называй, как хочешь. Мясо для войны.

– Пушечное мясо?

– Ну, может, пушечное. Я не разбираюсь в оружии.

– Они не члены ИГИЛ?

– Ты как сам думаешь, там есть членские билеты?

– Ну...

– Ну так вот. Какой-нибудь моджахед подрывает сирийский танк. Или, что вероятнее, российский танк. Записывает на его фоне ролик, обращается к Путину – по-русски. Говорит, все, Путин, тебе джихад, завтра будем взрывать танки в Москве.

– Откуда танки в Москве?

– Правильно, нет танков в Москве, но это и не важно. Важно то, что все эти диванные братья понимают: это сигнал. Надевают самодельные пояса, загружают самодельную взрывчатку в минивэны, и выезжают на джихад. Это нейровирус, переход энергии из одного места в пространстве в другое место в пространстве. Все, что нужно сделать – создать точку напряжения. Флуктуацию.

– Это то, что ты делаешь?

– Это то, что я делаю. Это то, что мы делаем. Это то, что сделаешь ты.

– Когда?

– Не знаю.

– Это, типа, как соль передать?

– Я не понимаю. Что это?

– Это анекдот такой, про смысл жизни.

– Анекдот? Ладно. Я думала, их больше не рассказывают.

– А как ты передаешь ироничное отношение к реальности?

– Есть же мемы.

– Ладно.

Как это получается каждый раз? Ты и сам вроде бы не хотел, не предполагал – а потом это происходит. Как будто само, как будто срабатывает древняя программа. Скажут: так и есть, и это действительно срабатывает древняя программа. Это происходит вдруг – раз, и ты уже не один, держишь в руках руки другого человека, как коннект в небесный онлайн, пропуск в другую вселенную. Вдруг случается контакт – тогда, когда совершенно этого не ждал.

Они жили вместе неделю. Валера стеснялся и осторожничал, по утрам ждал, пока она закончит свои дела и уйдет, – она уходила каждое утро, ненадолго, на час или на два, говорила, что в бассейн рядом с домом – в этот час он он приводил себя в порядок, заканчивал все свои немудреные утренние дела, потом она возвращалась, он уже сидел со своим айпадом, она тихо, как будто пряталась от него, садилась работать, до двух или трех в квартире было тихо,

потом Валера уходил на обед – иногда на рынок, иногда в кафе возле метро, когда возвращался, она заканчивала свой обед, который привозила доставка, они снова рассаживались по своим углам и встречались только вечером, на ужине, который по очереди заказывали в разных кафе, оплачивая своей долей мировой нефтяной добычи. Когда пластиковые коробки отправлялись в мусор, они снова разбредались по своим комнатам, и в квартире было слышно только как гремит изредка трамвай по рельсам.

Иногда вечерами Диана уходила – Валера сидел то на диване, то в кресле на балконе, чуть продавленном, накрытом серым лоскутным покрывалом.

В доме у Дианы пахло домом – обжитым, уютным, безопасным. Валера удивлялся каждый раз, когда она возвращалась под утро из клуба: как кибер-оторва, которая может устроить в центре города транспортный коллапс, электронный джихад, как она создает этот остров безопасности, ведь это тоже иллюзия, как и ее электронные шахиды, и когда-нибудь, рано или поздно, будет разрушена каким-нибудь Вальтером или кем-то вроде него.

Через неделю вечером она снова ушла. Валера смотрел с балкона на огромную желтую луну, которая висела близко, будто угрожала этой близостью, хотела пожрать сразу и город, и дом, где жил Валера. Потом пошел к себе в угол, где стоял диван, на котором спал, лег, быстро заснул, и проснулся, когда услышал, как в дверном замке повернулся ключ. Дернулся, замер, потом – шаги Дианы, он успокоился, закрыл глаза, и когда она подошла к нему близко, не стал открывать.

Он представлял себе раньше, как это будет, и будет ли вообще, и все равно все произошло не так, и так, лучше и страннее, быстрее и дольше. У Дианы татуировкой было покрыто все тело, как будто она всегда была в одежде. Валере казалось, что вкус ее кожи не такой, каким может быть у обычного человека, он был как будто сдобрен специями, как будто тату-мастер брал на иглу своей машинки не только краски, но и специи, или только специи, красный перец, желтая куркума, оранжевый шафран...

Проснулись от того, что у Валеры затекли руки – он держал ее всю ночь, уткнувшись носом в рыбку кои на ее плече. Она встала, ушла на кухню, вернулась со стаканом воды – полностью покрытое татуировками тело, дреды, из-за которых она была похожа на инопланетянина – села на край дивана, отпила половину, протянула ему.

– Ты спрашивал, когда. Завтра.

Валера взял стакан, поднес к губам. – Как бы, – подумал, – провалиться между этими мгновениями, чтобы каждое из них оказалось навсегда? Холодная вода, которую пил, была ледниками, гейзерами, горными ручьями, паром над тропическими лесами.

– Что потом? – поставил стакан на пол, обнял ее, прижался лицом к татуированному животу, к лицу богини Кали, она стояла, сама похожая на маленькую богиню, божество цифрового возмездия, потом оттолкнула его, легла, повернулась к стене, прижала колени к животу.

– Не знаю, ничего не знаю.

Валера лег рядом, обнял ее.

5. ЖЕРТВА

На подходе к Тверской, уже на бульварах стояли автобусы с ОМОНом. Это был настоящий боевой ОМОН, в щитках на плечах и наколенниках, в полной защите – бойцы казались больше, чем обычные люди, злые божки с египетских папирусов, они стояли возле своих автобусов, курили, оглядывали прохожих.

На автобусах были приклеены желтые знаки «Дети» – с бегущими в центре девочкой с косичками и маленьким мальчиком.

«Бегите, дети, грядет пиздец» – прочитал знак Валера. – «Или злые дети? Злые дети, которые в ответ на все, что происходит вокруг, умеют бить дубинкой по голове».

Цепь автобусов со знаком «Дети» растянулась от Никитских ворот до самой Тверской. Тех, кто шел рядом с Валерой – тощих юношей, парней поплотнее, молодых людей спортивного вида, каждый из которых все равно казался вдвое меньше любого бойца ОМОНа, всех женщин, девушек, людей со следами советского прошлого – было не сильно больше, чем полиции вдоль тротуаров.

Зато на Тверской от людей стало тесно. В толпе, как в море, текли из стороны в сторону подводные течения, как бы внутренние потоки, теплые, холодные. Теплые состояли из людей с плакатами и в смешных нарядах: люди веселились, шутили про ночь в автозаке, смеялись своим шуткам. В холодных потоках плыли отцы и матери семейств, которые оказались на улице случайно, просто прогуливались в центре города и вдруг попали за ограждения – толпа зажевала их, захватила и утянула в свое нутро – и теперь они оказались частью массового действа, смысл которого был им совершенно непонятен. Валера шел к памятнику Пушкину в густеющей толпе. Человеческая масса обхватывала его тесно и чувственно, почти интимно: вот-вот схватит за ягодицы, расцарапает спину, лизнет в шею.

Каждый человек рядом с Валерой принес на митинг свой запах, домашний и личный, как будто вместе с ним сюда пришла его квартира, кухня с яичницей на завтрак, кошка, которой два дня не меняли наполнитель в лотке. «Народ», – подумал Валера.

Толпа шла в сторону Пушкина, и Валера шел с ней, все медленнее и труднее. Он давно перестал шагать свободно, протискивался, искал вокруг разреженные места, как бы пустоты, толпа превратилась из человеческого потока в человеческое желе, а затем и вовсе кристаллизовалась, в ней как будто появились камни, сгустки, острова неподвижности. Чем крупнее человек, тем он был неподвижнее.

Возле Пушкина толпа встала – хоть опускайся на четвереньки и ползи. Валера не хотел ползти, он ткнулся вправо, влево, но толпа замерла.

Потом откуда-то спереди, от бронзового Пушкина пошла волна – как ветер подул, тревожный, болезненный. Вязкая и неподвижная человеческая масса дрогнула, как очень толстый человек, которого ударили кулаком в живот, будто

это был кусок баллистического желе, прозрачного материала, в котором вязнет любая пуля. Кто-то закричал, кто-то шагнул назад, наступил на ноги тех, кто позади. Удалось разглядеть: впереди, перед Валерой, не так много людей, а за ними на солнце блестят черные шары – каски ОМОНа.

«Бегите, дети, идет пиздец» – подумал Валера, и блестящие шары двинулись на людей.

На площади оказались две группы детей. Одни дети – в блестящих шлемах и с дубинками в руках, злые, неприятные дети. Они хотели бегать и бить, без особой причины, как и все дети, которые просто бегут в сторону своих приятелей и бьют их, чем попало, по спинам и ногам.

Со стороны Тверской стояли другие дети, они тоже могли бы стать жестокими, а многие, наверное, хотели этого, но так получилось, что они не стали. Вместо этого они побежали от первых детей.

Валера сперва просто стоял, его толкали, обтекали и убегали от него. Уходили, как от повинности, уклонялись, как от службы в армии – с улыбками, весело, будто всю жизнь только тем и занимались, что играли с полицией в «казаки-разбойники». Игра была одна на всех, все с детства знали правила, как будто два двора или две компании детей выясняли свои детские отношения, и никто из них не хотел прекращать игру, пока не позвали домой на ужин.

– Извини, мужик, – высокий парень, который бежал от ОМОНа, смешно поднимая колени, задел Валеру плечом и локтем.

– Ахах, такие прикольные, – кричала девушка с зелеными лентами в розовых волосах. – Поймай меня! – кричала она ОМОНу.

Дети в черных касках бежали тяжело, спрятанные в тела грузных мужчин среднего возраста, одетые в броню, наколенники тяжелые шлемы. Они даже не бежали, а трусили цепью, погромыхивая бот, нками и защитой.

Эта игра могла продолжаться годами без очевидного результата, и с каждым годом с каждой из сторон просто прибавлялось бы еще людей, и это был бы единственный результат происходящего.

Валера смотрел на приближающуюся цепь ОМОНа и не двигался с места – как будто пришел из третьего двора, и не знал местных правил.

– Беги, чувак, – весело крикнул ему парень в кожаной куртке. Валера смотрел на ОМОН, искал в цепи знакомое лицо. Вот и нашел – огромный человек, который был как будто слеплен начерно: к туловищу прикинули руки, ноги, короткую шею, насадили на нее, как на гвоздь, небольшую крепкую голову. Человек стоял за первым рядом, возвышался над ним, как царь или божество, но одет был в такую же полевую форму, только на голове у него вместо черного блестящего шлема был тесно натянут черный берет.

Валера наметил цель, отступил назад для разгона, и рванул поперек толпы в сторону ОМОНа. Он целил в высокого человека в берете.

Люди вокруг останавливались, смотрели вслед нарушителю правил игры. Мужчина лет под пятьдесят, в бороде и клетчатой рубашке, тоже перестал было бежать, но его утянула за собой полная женщина в длинном платье-шторе охряного цвета.

Валера бежал навстречу цепи, он смотрел в глаза Вальтеру и расстояние между ними сокращалось.

Толпа дрогнула во второй раз. Те, кто бежал первыми, у выхода с Тверской натолкнулись на еще одну цепь ОМОна. Такие же «космонавты», рослые, сытые мужчины стояли, перекрыв переулки, в руках мужчины держали резиновые дубинки.

Люди остановились. Те, кто бежал сзади, не сразу поняли, что произошло, а когда поняли, ОМОН уже двинулся на них, сжимая кольцо.

Можно было бежать, можно было стоять – никто не стал вычислять шансы, все произошло стихийно, само собой, под крики «Убивают».

Когда люди, весело убегавшие от цепей, одетых в серо-голубой камуфляж, в испуге развернулись на 180 градусов, Валера уже стоял напротив Вальтера. Дальнейшее было делом техники и рефлексов, подстегнутых криками толпы – так рассказывали впоследствии сослуживцы Вальтера на суде. Вальтер поднял дубинку и опустил ее на голову Валеры. Валера не защищался вовсе, как будто готовился к удару, пошатнулся, но не упал, и даже шагнул к Вальтеру, совсем немного, на полшага. Вальтер ударил еще раз, и еще, и еще, он бил его под тихий, еле слышный даже в ночной спальне шелест подушечек пальцев о сенсорные экраны телефонов. В социальные сети, оттесняя котиков и мемы, полились десятки трансляций, закрутились счетчики просмотров, на сотнях, а через секунды тысячах экранов огромный мужчина, с руками и головой, как будто приделанными начерно к туловищу, избивал лежащего на асфальте человека. Вокруг них, как пятно крови на белом, расползалась пустота, кто-то уже лез в карман за кастетом, кто-то щелкал затвором зеркалки, кто-то скандировал «Кадыровцы!», бойцы неустрашимого московского ОМОНа отступили на шаг. Толпа, которую развернули в противоположном конце улицы как будто стянулась, сомкнулась внутри себя, и стала похожа не на толпу уже, пусть и не на отряд мстителей, но на волну или порыв ветра. Дуновение смерти пронеслось перед людьми, как будто не только курс обола был рассчитан алгоритмом, и ценность человеческой жизни для каждого из тех, кто вышел в тот день на площадь, перестала быть неисчислимой абстрактной величиной.

Кто-то закричал первым. Это был просто крик, бессмысленный, не призыв, просто крик – достаточно долгий и протяжный, чтобы собрать энергию ненависти и страха, которая накопилась в толпе. Как выбили ногой дверь, ударили в замок, и она вылетела к чертям, и только пыль висела в воздухе. Вальтер еще замахивался своей дубинкой, а к нему уже летели десятки рук. Он еще сжимал челюсти, скрипел зубами, выдавливая пломбы, а с него уже стянули берет, повалили на землю, а потом чья-то нога, натренированная встречать под коленную чашечку ноги джентельменов из фанатских клубов команд-соперников, проломила в его небольшой голове височную кость, после чего свет для Вальтера вспыхнул и погас навсегда.

Толпа, как вода камень, огибала два трупа на асфальте, прорывала кордон, кто-то споткнулся о брошенную дубинку, поднял ее и сразу пустил в ход.

Далеко от Тверской, которая за минуты превратилась в поле боя, в комнате с опущенными шторами, среди горшков с растениями на экране ноута мелькают лица людей. Программа ищет совпадения с фотографиями в соцсетях, находит имена, десятки, сотни, тысячи имен, они бегут в правой части экрана быстрым восходящим потоком. Наутро каждый из этих людей обнаружит на своем счету неожиданное поступление из анонимного источника.

– Курс вырос, – говорит в телефон девушка с дредами, – завтра запускаем третью фазу. Расчетное время выхода на уровень, достаточный для штурма стратегически важных объектов – одна неделя. Поздравляю всех.

Она убирает телефон, ложится на спину и закрывает глаза. Из дальнего угла комнаты видно, что она плачет – у нее на щеках блестят слезы.

ПАВЕЛ НИКУЛИН

МЕНТ

мент который искал в моей школе бомбу
мент который вычислил старшеклассника звонившего о бомбе
девушка-мент наверное очень красивая которая рассказывала нам на уроке что нельзя шутить с ментами про бомбы что не надо переходить дорогу на красный и что нельзя нельзя совершенно нельзя драться на переменах за спортзалом (о последнем мы и думать не думали так что на следущей же перемене охваченные небывалым энтузиазмом отправились на улицу за спортзал где самоотверженно принялись крошить друг другу ебальники)

менты избившие моего отца до комы
череп моего отца усиленный пластиком после встречи с ментами
агрессия и алкоголизм избитого ментами отца
менты которые так и не нашли ментов избивших моего отца (хотя я не уверен что на самом деле искали)

мент задержавший меня перед уроком за открытую бутылку пива
мент из сериала которым я хотел стать когда был пиздюком
дукалис анискин жеглов карпов и прочие менты из российских и зарубежных шоу типа полицейской академии и следствие вели знатоки

мент который избил в отделении моего друга
(друг хотел пожаловаться на колотившую его мать но получил вместо помощи лиловый синяк и сотрясение мозга)
менты отхуярившие моего товарища на рок-фестивале в нижнем новгороде за камуфляж
менты нашедшие у приятеля таблетки от псориаза и заставившие его показывать болячки на ногах потому что они думали что это экстази

менты завороженно наблюдащие как пойманный ими наркокурьер высирает в течение нескольких часов свертки героина в реанимации районной больницы весь увешанный капельницами и находящийся под бдительным вниманием врачей на случай внезапной передозировки

мент денис евсюков который в форме расстрелял посетителей супермаркета
менты которые его задержали
менты которые за него краснели
менты которых из-за него уволили
менты которым мы говорили
вы как денис евсюков
а они хохотали скаля свои золотые ментовские зубы

менты которых я от скуки считаю когда гуляю по городу
менты которых я в своих фантазиях режу жгу вешаю расстреливаю забиваю кулаками расчленяю заливаю кислотой сбиваю машиной наматываю на гусеницы танка и аннигилирую лучами лазеров потоками антиматерии смертоносными тахионами и прочими фантастическими способами
менты ставшие трупами кучами кровавой плоти и пеплом пылью таяющей в предрассветных лучах буквально растворяющиеся в воздухе

менты в перекрестиях снайперских прицелов чеченских боевиков
собаки-менты
менты которые делали только добро
менты-курсанты и менты-пенсионеры

менты пытающие людей дубинками бутылками карандашами током противогазами душащие насилующие избивающие ломающие кости и волю

менты которые говорят моему другу что сейчас изнасилуют его жену
менты которые вербуют мою подружку
менты которые пиздят моих знакомых
менты которые угрожают мне в сизо колонию строгого режима концентрационный лагерь или гулаг

менты пиздящие музыкантов группы психея за песню убей мента
менты залезающие в мой рюкзак в поисках наркотиков в петербурге

менты залезающие в мой рюкзак в мосгордуме
менты залезающие в мой рюкзак в совете федерации
менты залезающие в мой рюкзак на рок-фестивалях
менты залезающие в мой рюкзак в аэропортах вокзалах паромных переправах
менты залезающие в мой рюкзак прямо на улице
менты залезающие в мой рюкзак на митингах и пикетах
менты залезающие в мой рюкзак в конституционном верховном областных городских и районных судах разных городов россии

менты вышедшие из темной арки в тот момент когда мой знакомый из самары делал плюхи гашиша а я охуевая от гликодинового прихода не мог ему сказать про ментов которые появились из темной арки
(случайный порыв ветра отправивший плюхи на газон усеянный собачьим дерьмом и пустыми пивными банками)
менты задержавшие знакомого из самары
500 рублей отданные ментам чтобы они от него отъебались

менты принявшие моего друга на марше несогласных
менты принявшие меня на марше несогласных
какой-то немец избитый ментами на марше несогласных
обещание пыток расстрела тюремного срока от ментов пока грузовик везет меня и остальных горемык в овд
мент который рвет протокол за пачку сигарет и алкогольный коктейль казанова

менты которые никогда не приезжали когда меня избивала мать
менты которые не возбудили дело когда меня отпиздили в школе
менты которым я не сказал что меня отпиздил обдолбанный приятель друга угрожавший мне пистолетом
менты которые не приехали когда мое лицо вбивал в асфальт парень моей бывшей (когда-то мой друг) засунувший в мое светлое детское слегка надменное ебало горящий файер

мент-участковый который не мог 4 часа придти вместе с врачом засвидетельствовать смерть моего отца и мой знакомый мент из того же района которому пришлось звонить и просить по дружбе ускорить эти скорбные процессы

менты постоянно задерживающие меня на шествиях митингах флешмобах пикетах и прочих акциях протеста
менты которые дают на меня ложные показания в суде
менты которые избили меня после конопляных гуляний (глупой но искренней и смелой попытке выступить за антипрогибиционистскую политику)
несколько ударов в затылок колено на кадык я задыхаюсь и кажется ссу в штаны от страха что сейчас умру

менты жертвы приморских партизан
менты штурмующие квартиру приморских партизан
менты по одной из версий убившие нескольких приморских партизан
менты пытающие приморских партизан

две ментовские машины столкнувшиеся на перекрестке
фотографии мертвых ментов успокаивающие меня перед сном
невиновные менты которых обязательно линчуют в случае народного восста

ния в любом городе райцентре поселке хуторе станице кишлаке ауле и прочих населенных пунктах нашей доброй необъятной родины

новости о ментах погибших или арестованных или покончивших с собой или избитых или осужденных приводящие в восторг некоторых особо ненавидящих ментов индивидов

менты ставшие героями сайта русская эбола (лучшего документа эпохи онлайн-мартиролога ужасающе отстраненного перечня человеческих судеб перечисление жизней трагически оборвавшихся от встречи с ментами)

ростовские менты проверящие документы у водителя фуры в которой я еду
менты остановившие машину в окрестностях кущевки которые ищут наркотики в моем большом туристическом рюкзаке
в ментовских руках тетрадь с плохими подростковыми стихами
обложка украшена листьями зеленого цвета — это же конопля — радуется мент
мент читает в моей тетради стихи про ментов и угрожает самыми страшными пиздюлями в моей жизни
(я сильно пугаюсь)

истории от ментов про проституток цыган похищения людей дтп и грабежи на трассах в районе воронежа ельца вышнего волочка ростова-на-дону владимира курска

мент который затаскивает меня за ноги в отдел на станции метро маяковская в питере
мент который врет мне что я похож на карманника
мент который жалуется что по звонку вчера отпустил курьера с полной спортивной сумкой героина
мент который не стал отбирать у меня кастет в аэропорту пулково

мент насилующий девушку в своем кабинете вдыхающий запах пота и женских выделений
запах изнасилования в ментовском кабинете мало отличимый от запаха секса особенно для неискушенных нюхачей
(интересно может ли опытный мент различить эти запахи)
дым только что выкуренной сигареты красный лд повисший в непроветриваемом кабинете в котором мент насилует девушку
капли крови и спермы на полу в кабинете где мент насилует девушку
всхлипы изнасилованной девушки которые доносятся из-за закрытой двери ментовского кабинета

менты которые проверяют мои документы потому что я похож на кавказца
менты которые проверяют мои документы потому что я похож на скинхеда
менты которые проверяют мои документы потому что я похож на панка
менты которые проверяют мои документы потому что я похож на бродягу
менты которые проверяют мои документы потому что я слишком много выебываюсь

менты в подмосковных химках которые в панике съебывают от толпы анархистов только что разгромивших администрацию города орущих им вслед кричалку эй-си-эй-би кидающих пивные бутылки

ментовская машина капот которой я перепрыгнул убегая от омона на одном из митингов оппозиции
омоновец который меня догнал
омоновец который отобрал мое журналистское удостоверение — которое впрочем мало спасало от подобных историй
омоновец который пиздит меня в автобусе за то что я говорю по телефону
омоновец который двумя часами позже зачем-то спрашивает меня можно ли второй раз венчаться разведенному христианину — я почему-то знаю ответ и рассказываю ему какие-то ужасы получая охуенное удовольствие от того что он огорчается

менты в бельгии которые вместе с солдатами стоят в очереди в старбаксе за карамельным латте с корицей на соевом молоке и не дающие себя фотографировать
менты в македонии которые выгоняют меня из вагона поезда потому что в вагоне будут ехать сирийские беженцы
менты в германии которые бьют меня по спине дубинками приняв за одного из анархистов-защитников гамбургского сквота роте флора и участника беспорядков на рипербане и у стадиона санкт-паули
менты в беларуси которые пиздят в троллейбусе моих товарищей-анархистов
менты в латвии эстонии и литве о которых я нихуя не знаю но заранее ненавижу
менты в финляндии постоянно задерживающие моего приятеля-беженца
менты в швеции любящие чуть что хвататься за ствол
менты в боснии
одного из них зачем-то спас от разъяренной толпы мой знакомый-участник беспорядков 2013 года (когда злые горожане смогли поджечь президентский дворец в сараево)
менты в греции достойные отдельного рассказа

греческие менты которые кидают мне в спину гранаты со слезоточивым газом
греческие менты которые кидают в моих знакомых светошумовые гранаты
греческие менты которые так красиво горят

камни коктейли молотова фейерверки мебель и порой холодильники которые запускают в греческих ментов
прозрачный щит греческого мента с надписью астиномия который держит в руках участник очередных афинских беспорядков одуревший от пива травы адреналина и шатающийся с трофеем по площади экзархия окутанной дымом и полицейским газом
пиликание раций греческих ментов обещающие драки беготню и вспышки неконтролируемого насилия

мент задержавший гаскарова
мент задержавший полиховича
мент задержавший духанину
мент задержавший гальцова
мент задержавший акименкова
мент задержавший барабанова луцкевича зимина
менты задержавшие всех остальных участников протестов 2012 года а также случайных людей прохожих журналистов сотрудников правозащитных организаций

российские менты которые внесли моего друга-беженца в красный список интерпола что подразумевает его приоритетный розыск и выдачу на территории внушительного количества цивилизованных стран
украинские менты которые следят за моими друзьями-беженцами
шведские менты которые делают тоже самое но более незаметно
немецкие менты которые бросают моего друга-беженца в тюрьму потому что он в красном списке интерпола и отпускающие его потому что на родине другу грозят пытки бесчеловечное содержание политически мотивированное преследование и предвзятое судебное разбирательство

менты из изолятора временного содержания на улице гиляровского (ныне закрытого) которые орут на моих друзей арестованных за участие в протестной акции когда они машут мне из клетки для прогулок во внутреннем дворике
менты которые не принимают мои передачки хлеб сыр колбасу сок и книгу стюарта хоума «отсос» с автографом александра дугина взятым случайно на покровском бульваре

гогочущие менты которые задерживают моего приятеля-гендерквира с розовыми крылышками на спине после акции арт-группы война в ашане — чувак изображал повешенного гея — и мой стыд за него сменившийся со временем стыдом за самого себя

ментовской автозак который поджег леонид николаев из арт-группы война
ментовские машины которые горели в москве с 2008 года по 2012

менты политые мочой в петербурге
я сожалеющий что это была не моя моча

менты которые ищут надю и машу из пуси райот
менты задерживающие надю и машу из пуси райот
менты допрашивающие надю и машу из пуси райот
надя и маша из пуси райот в новом клипе в ментовской форме

друзья-журналисты пьющие с ментами
друзья-журналисты бывшие ментами
журналисты переставшие быть друзьями потому что стали ментами

однокурсница которая мечтала стать ментом а точнее омоновцем чем очень меня шокировала

украинские менты стоящие в оцеплении у правительственного квартала
украинские менты которые раздели догола задержанного зимой
украинские менты которых жгли и избивали во время майдана

завораживающая мощь украинских ментов-нацистов из полка азов
украинский мент из азова — на самом деле нацист из россии — случайно встретивший меня в центре киева и вежливо кивнувший
украинский мент из азова — на самом деле нацист из беларуси — который принял ислам и пытал людей (сейчас он сидит но я помню что он собирался меня убить)
украинский мент из азова — на самом деле нацист из украины — сумевший под своим крылом собрать всю ультраправую мразь со всей европы которую я боюсь до усрачки но которая при этом вызывает у меня сильный и устойчивый исследовательский интерес

менты из российского отдела дальний доказавшие всей россии что нет преград для пытливых энтузиастов
люди не понимающие игру слов в словосочетании «пытливый мент»
цветы и поминальные свечи у ментовок разных российских городов

мент в бирюлево столкнувший меня с рампы для скейтбординга когда я наблюдал как они подавляют беспорядки имеющие ярко выраженный ксенофобный оттенок но тем не менее все еще доказывающие возможность народного бунта
мент в бирюлево выросший из темноты и начавший душить меня своей гигантской ладонью
отпизженные неизвестными героями другие менты в бирюлево

мой внутренний мент который мне мешает спонтанно реализовывать только что возникшие желания
мой внутренний мент который мешает моим друзьям и знакомым чувствовать себя со мной легко и свободно
мой внутренний мент которого я люблю и ненавижу
мой внутренний мент с которым я обязательно смогу договориться

менты в крыму которые не знают российских законов но ходили на референдум
мент в севастополе в украинской форме цитирующий российский закон о полиции
мент в ялте скачивающий закон о полиции из интернета
мент в симферополе записывающий показания жестоко избитых журналистов украинского телеканала и устало вглядывающийся в их окровавленные лица
мент в джанкое с георгиевской ленточкой на форме патрулирующий пустынный вокзал

мент под шлем которого на футболе залетела ракета фейерверка
мент чья голова нагрелась в этом шлеме до несовместимых с жизнью температур
мозг мента сваренный из-за трагического инцидента вкрутую

мент записавший видеообращение о коррупции в ментовке своего города
менты последовавшие его примеру
менты которых увольняют за это задним числом
менты которые винят в этом жидов и уходят жить в лес где давно подготовлены схроны с крупами и консервами

мент убивающий в день полиции задержанного за мелкую кражу или случайного прохожего или коллегу или кого-то из родственников из-за того что количество выпитого алкоголя уже превысило все допустимые нормы и считается подавляющим большинством врачей-наркологов летальным

мент с татуировкой gott mit uns на руке встреченный мной в краснодаре
мент с татуировкой acab на руке встреченный мной в москве
мент родившийся 13 числа 12 месяца
мент который не родился потому что его мать сделала аборт
мент который родился и узнал что его мать хотела сделать аборт и живущий с этим знанием — кстати говорят его очень ценят в отделе дознания как умельца развязывать языки
мент который был в прошлой жизни ментом

сын мента ненавидящий отца за то что он мент
отец мента ненавидящий сына за то что он мент
жена мента ненавидящая мужа за то что он мент

мать мента ненавидящая сына за то что он мент
дочь мента ненавидящая отца за то что он мент
а также остальные близкие и дальние родственники одноклассники сокурсники соседи знакомые и даже менты ненавидящие мента за то что он мент
мент ненавидящий себя за то что он мент
мент который захочет запретить это стихотворение за возбуждение антиментовской ненависти а равно вражды ко всему ментовского роду за унижение ментовского достоинства за нанесение ущерба ментовской чести и деловой ментовской репутации (совершенные мной в здравой памяти и трезвом уме не по признаку пола гендера расы национальности этничности гражданства вероисповедания и прочей чепухи а лишь потому что мент является ментом) то есть за преступление которого я не совершал и за которое мне никогда не будет стыдно и мучительно больно

• ДОСЬЕ •

ФРАНСУА ОЖЬЕРАС

АЛИНА ПОПОВА

«КТО ЗНАЕТ ФРАНСУА ОЖЬЕРАСА? НИКТО...»

“В девятнадцатом веке поэты умирали в больницах, а в двадцатом они там просто живут. Видимо, это и нужно считать прогрессом в литературе”, – написал под впечатлением от знакомства с Франсуа Ожьерасом (1925-1971) литературный критик Жан Шалон. В больницах и приютах для неимущих региона Дордонь на юге Франции многие запомнили необычного пациента. Вечерами он усаживался на кровати по-турецки, абсолютно голый, окуривал себя дымом благовоний и играл на самодельном музыкальном инструменте: что-то вроде бидона со струнами и дощечкой. Вероятно, далеко не все слушатели тех концертов догадывались, что их экстравагантный сосед – писатель и художник, а еще – путешественник и “представитель новой породы людей”, как он сам себя определял. Писатель Клод-Мишель Клюни в предисловии к альбому картин Ожьераса, вышедшему через 30 лет после смерти автора, назовет его “самоучка, анархист и оригинал”.

К 1966 году, когда Ожьерас после инфаркта оказался в санатории Ле Фужер, были опубликованы три его книги: «Старик и мальчик» (1949), «Путешествие мертвых» (1959) и «Ученик чародея» (1964). Уже первая из них вызвала восторженные отзывы нескольких известных писателей. Как признавался сам автор: “я верил, что какие-нибудь писатели обратят на меня внимание; там, в пустыне, в 50-е годы у них был неведомый соперник”. Строки, может, и наивные, но в действительности так и вышло.

Предупредим читателя сразу: Франсуа Ожьерас описывает и анализирует человеческие отношения и устремления, которые во Франции середины XX века воспринимались как до скандальности неприемлемые, а кому-то могут показаться таковыми и сегодня. Один современный французский писатель недавно признался, что «Старик и мальчик» – единственная книга в его жизни,

которую он отправил в помойку, даже не дочитав. Другим же книга показалась заслуживающей внимания. Вот что писала о ней, например, Маргерит Юрсенар: «Эти страницы, которые непременно шокируют многих читателей (и не без причины), мне кажутся чистыми и, если использовать слово, которое, к сожалению, не в ходу в наше время, благородными, потому что они написаны серьезно, по сравнению с теми искусственностями и низостями, которыми нас нынче осыпают» (М. Юрсенар «Письма к друзьям и к некоторым другим»). Прочитав «Старика и мальчика», Юрсенар начала переписываться с Ожьерасом и давала ему советы, о том, как усовершенствовать стиль и как должен дальше идти его писательский путь. Стиль Франсуа Ожьераса есть за что критиковать: он не чуждается повторов, не всегда избегает литературных клише… Хотя, например, по наблюдению К.-М. Клюни, «классическая высокопарность его слога усиливает шокирующую красоту сюжета».

Но вернемся к истории первой опубликованной книги Ожьераса. Книга «Старик и мальчик» была издана сначала (в 1949 г.) тиражом 225 экземпляров за счет автора, который разослал ее нескольким знаменитым французским писателям. Среди прочих, ее прочли Блез Сандрар и Жан Полан, Реймон Кено и Андре Жид. Впоследствии, когда в 1954 г. книгу приобрело и выпустило парижское издательство «Минюи», хвалебные статьи о ней написали такие известные литераторы, как Этьембль, Ив Боннфуа, Клод Мориак и Жак Бреннер. Когда через Альбера Камю экземпляр первого издания “Старика и мальчика” попал к Андре Жиду, книга произвела на него сильное впечатление. “Кому я обязан такой неожиданной радостью?” – задумывался именитый писатель. Дело в том, что эта книга Ожьераса была опубликована под псевдонимом. Написана она от лица мальчика-араба. На обложке значилось имя «Абдалла Шаамба». Издатели и те из критиков, кто был в курсе дела, поддержали игру и после переиздания, в результате псевдоним не раскрывался еще много лет. По свидетельству обозревателя газеты «Монд», некоторые считали автором книги самого Андре Жида, другие – Анри де Монтерлана. Впоследствии критик Рене Бертеле в журнале “Нувель Ревю Франсэз” отзывался о первой книге Ожьераса так: “непонятно, то ли это пишет уже зрелый начитанный человек, на редкость удачно воспроизводящий детскую интонацию, то ли юный дикарь, который пообщался с несколькими светилами нашей культуры, но все еще остается дикарем и пишет по-прежнему с трудом».

Стоит добавить, что для каждого переиздания (а их у «Старика и мальчика» с 1949 по 1958 г., по сведениям С.Санчеза, было четыре) автор существенно дорабатывал свой текст. Вообще, Франсуа Ожьерас написал не так уж много: шесть основных произведений, из которых при его жизни издано пять. Но он не только очень серьезно над ними работал, но и постоянно переписывал. Его первый издатель из Перигё, Пьер Фанлак, свидетельствует, что писатель сжег около 50 экземпляров первого издания «Старика и мальчика» – вероятно, чтобы дать читателю возможность знакомиться только с более свежим, доработанным.

Несмотря на благосклонные отзывы нескольких писателей и критиков, жизнь Франсуа Ожьераса складывалась непросто. В большой степени он сам противился “раскрутке” своих книг. Категорически не желал бывать в Париже, с детства ненавидел “затрепанный город”, “бедный город, который прикидывается богатым”: “Единственным важным событием моего раннего детства была эта безусловная ненависть”, – констатирует Ожьерас. По свидетельству его друга и биографа Поля Плясе, после публикации книги “Ученик чародея” издатель хотел, чтобы автор провел некоторое время в Париже: планировались мероприятия, нужные для “продвижения” книги. Но Ожьерас тем временем, недолго думая, сел в поезд и уехал в Салоники. “Есть во мне обреченность на путешествия и непостоянство, тем более, я вкладываю все лучшее в мои книги и картины, поэтому ничего не теряю, сжигая за спиной мосты; я беру с собой только книги и картины, как кочевники возят с собой своих богов”.

Вот как Плясе резюмирует тему ненависти Ожьераса к Парижу: «Он без конца повторяет, что ненавидит Париж, но это не мешает ему довольно часто там бывать. Он объясняет этот парадокс так: “Есть два способа понять этот век: 1) Жить в Париже. 2) Или в пустыне. Ты не представляешь, каким прекрасным источником резонанса может быть пустыня. В ней отдается эхо всей Вселенной.”»

Ему довелось жить в Греции на Афоне, где он изучал иконопись и подумывал поселиться насовсем, приняв православие, – о том времени говорится в его книге “Путешествие на Афон” (1970), он бывал в Мали и в Тунисе – там в 1971 г. прошла выставка его картин. Большую часть жизни он провел в южной части Франции, в Перигоре, на берегах реки Везер, “в краю призраков, прохладных пещер и лесов”. Жил он и в самих пещерах, именно о жизни в пещере написана его последняя книга, названная по имени близлежащего городка: «Домм» (1982). Местные жители не раз жаловались в полицию на необычное поведение нового “пещерного человека” и на странные ритуалы, которые он практикует. С деньгами у него было плохо, многие его картины написаны на кусках фанеры, отодранных, по свидетельству очевидцев, от кроличьих вольер, другие – на лоскутах материи и дощечках, украденных у матери. С ней у писателя отношения были непростыми. В автобиографическом романе «Отрочество в эпоху Маршала» (1968), где отразились его юношеские воспоминания, мать награждается резкими оценками: “дура, нищенка, злюка, дрянь, пустое место”. Мать Франсуа, в свою очередь, боялась, что ее сын – “просто никчемный человек”. Однако, позже Ожьерас дополнит эту характеристику своих юношеских отношений с матерью иными оттенками. В них слышится благодарность: “Когда я был школьником, я двенадцать раз на дню слушал «Шехерезаду» Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского – всех великих русских, и Вагнера! Мой диалог с матерью происходил, как я сейчас понимаю, на языке музыки – и только на нем. Ее смерть стала для меня большой музыкальной утратой, о которой я горюю” (цит. в предисловии П. Плясе к письмам Ожьераса).

Траектория

Франсуа Ожьерас родился в 1925 г. в Рочестере в США, куда незадолго до того уехали из Франции его родители. Отец Франсуа – Пьер Ожьерас – был композитором, пианистом, преподавал музыку и умер до рождения сына. Мать, Сюзанна Качиньска, художница польского происхождения, вернулась с маленьким сыном во Францию. Детство Франсуа пришлось на предвоенные годы – до 1933 года мать с сыном жила в Париже, зарабатывая росписью по фарфору, а потом они перебрались в город Перигё в юго-западной части Франции.

В Париже Франсуа посещал коллеж Станислава на улице Ренн – через это известное католическое учебное заведение прошли отпрыски многих благородных французских семейств: среди прочих, в нем учились Анри де Ренье, Эдмон Ростан и Шарль де Голль. Обучение Франсуа оплачивал его дядя Марсель Ожьерас. Нравы, царившие в коллеже и эмоции, которые они вызывали у маленького Франсуа Ожьераса, описаны в первой главе «Отрочества в эпоху Маршала». По его воспоминаниям, учительницы были так злы и жестоки, что могли внушить ненависть к женщинам на всю жизнь.

В 1941 году в 16 лет Франсуа вступает в прогерманскую молодежную организацию под эгидой маршала Петена, но движут им не политические мотивы. “У меня не было отца, и я искал общества мужчин, мужской защиты. Брата у меня тоже не было, и подростки моего возраста притягивали меня, как мощный магнит”, – объясняет он в книге «Отрочество...» <...> “Я понятия не имел о преступлениях фашистов, об их расизме и антисемитизме. Когда я услышал об этом, то быстро с ними распрощался”.

Потом последовали эксперименты с другими молодежными организациями, которых в петеновской Франции, оказывается, было немало. В 17 лет Ожьерас, забросив учебу, гастролировал с маленьким кукольным «Пастушьим театром» по городкам в предгорьях французского Центрального Массива. Отражение этих экспериментов молодого Ожьераса читатель найдет в книге «Отрочество...» – там его ждет много неожиданного. Он узнает о всплеске интереса к искусствам в оккупированной Франции зимой 1942 года, о том, какие бурные дискуссии о живописи велись во французской периодике того нелегкого времени, и о том, что правительство Петена финансировало деятельность таких театральных трупп. Впечатляет описание гастролей «Пастушьего театра», рассказ о том, как жители маленьких французских городков собирались в нетопленных залах на немудрящий рождественский спектакль: «“люди добрые”, в сапогах, в свитерах, замотанные шарфами, закутанные в пальто и куртки с меховыми воротниками, в носках, надетых поверх ботинок, чтобы не скользить по льду <...> обстановка третьей военной зимы располагает к тому, чтобы жадно накидываться на книги, спектакли и грезы; кроме того, дома холодно, так лучше уж куда-нибудь выйти, собраться в этом зале и наконец согреться, пока топаешь ногами и дико бьешь в ладоши после каждой мало-мальски эффектной реплики».

После гастролей с «Пастушьим театром» Ожьерас вступает в ряды молодежной организации «Компаньон де Франс», и попадает в качестве единственного «взрослого» воспитателя в колонию для малолетних преступников... Дальше его ждут эксперименты с работой на земле («возврат к земле» – один из ключевых пунктов петеновской программы «Национальной революции»), что ничуть не отталкивает нашего героя, а, наоборот, дает ему возможность принципиально для него важного контакта с природой.

По мнению биографа Ожьераса, Сержа Санчеза, «Отрочество в эпоху Маршала» – уникальный документ, рассказывающий о периоде оккупации, честное повествование о том, что чувствовало целое поколение. Ожьерас, не будучи ни членом Сопротивления, ни коллаборционистом, показывает себя в ней без прикрас – как юноша, потерявший почву под ногами и влекомый Историей, зачарованный необычными действиями правительства Петена, которое призывало молодежь к жизни в лесу.

Потом – служба во флоте, Алжир, жизнь в форте-музее в пустыне у дяди-полковника, охотника и любителя звезд, – прототипа одного из героев «Старика и мальчика».

Дядя Франсуа, Марсель Ожьерас, полковник колониальных войск, исследователь Африки, принимал участие в судьбе племянника, регулярно посылая его матери денежную помощь. Полковнику Ожьерасу принадлежал участок земли в пустыне Сахара в оазисе Эль-Голеа и укрепленная постройка (бордж). Там он организовал небольшой этнографический музей, коллекция которого включала экзотические предметы, собранные полковником во время его африканских путешествий, а также свидетельства его военной службы. Марсель Ожьерас окончательно демобилизовался в 1940 году и после этого прожил в своем укрепленном владении всю оставшуюся часть жизни – до 1958 года.

Франсуа Ожьерас в юности трижды побывал в Эль-Голеа. Первый раз он попал в Алжир как военнослужащий, это было в конце 1944 года. Будучи в увольнении, он пытался доехать до владений дяди, но тот находился в отъезде, и встреча не состоялась. Во второй приезд дядя и племянник наконец встретились. Они испытывали друг к другу понятный интерес. Франсуа привлекал особый жизненный путь Марселя, своеобразие его взглядов и вольнодумство, слухи о котором, видимо, циркулировали в семье. Как считают биографы, племянник мечтал обрести в полковнике отца, который умер еще до его появления на свет. Марсель тоже испытывал понятное любопытство по отношению к племяннику. Франсуа был единственным отпрыском в их семье, а значит, он должен был не только стать наследником африканского владения дяди, но главное, что волновало Марселя Ожьераса гораздо больше, – распорядиться его научными и философскими трудами. Первая встреча привела к тому, что дядя и племянник предельно сблизились. Став любовниками, они оказались в маргинальном положении в тогдашнем обществе – «вне общечеловеческих

законов и общечеловеческой морали», как пишет С. Санчез. Отношение к гомосексуальности в послевоенной Франции было крайне резким: она считалась психическим заболеванием, а то и вовсе преступлением. Например, существовало специальное распоряжение префекта полиции Парижа от 1 февраля 1949 года, по которому мужчинам запрещалось танцевать друг с другом на балах, а по закону, появившемуся в июле 1960 г., исполнительной власти предписывалось принять меры, для уменьшения потребления алкоголя и… борьбы с гомосексуализмом. За публикацию «Старика и мальчика» на Ожьераса вполне могли подать в суд, и неудивительно, если бы результатом такого процесса стало тюремное заключение.

Общение с дядей и все, что с ним связано, занимают особое место в жизни Ожьераса: о нем написана первая книга, эта же тема возвращается в «Ученике чародея», о нем же, немного под другим углом зрения, рассказывается и в нескольких главах «Отрочества…». Заметим в скобках, что первая книга Ожьераса, все же, не вполне автобиографична: во время событий, ставших основой для «Старика и мальчика», самому Ожьерасу было уже около двадцати лет – это был совершеннолетний и не столь беззащитный «мальчик». Как писал Франсуа Ожьерас, в книге он «отождествил себя с несчастными алжирскими детьми, выступая обличителем самых гнусных проявлений колониализма». При этом, судя по отражению этой темы в «Отрочестве…», отношение Франсуа к дяде-полковнику было далеко не однозначным: иногда он чувствует к нему привязанность, а иногда изводит, вымогает у него деньги и пр. В 1955 г. полковник Марсель Ожьерас пытался надавить на издательство «Минюи» и вынудить его изъять тираж «Старика и мальчика» из обращения, угрожая подать в суд за клевету. Из этого ничего не вышло – книгу продолжали продавать. Полковник умер в своей маленькой крепости в Эль-Голеа в 1958 году, завещав свой дом, музей и зверинец Алжирскому университету, но по завещанию требовалось выполнить несколько условий, и университет, изучив ситуацию, отказался вступать в права наследования – так собственность полковника досталась его племяннику, Франсуа Ожьерасу. Которому, впрочем, не суждено было воспользоваться владениями дяди – во время войны за независимость в Алжире, которая длилась до 1962 года, музей был разграблен, а постройки приведены в негодность.

Нам не удастся подробно описать все необычные повороты в судьбе Франсуа Ожьераса. Он побывал в траппистском монастыре, жил в Перигорских пещерах, сплавлялся по бурным рекам Франции и Африки, встречался со знаменитыми писателями и художниками, пас коз, отправлялся в далекие путешествия и заводил странные знакомства. То общее, что связывало между собой эти приключения, – страстные и отнюдь не платонические чувства к человеку, зверю, природе, звездному небу и всей Вселенной.

«О чем я мечтаю? – пишет Ожьерас Полю Плясе. – Догадайся. Жить в Греции или Перигоре с учеником лет двадцати, который помогал бы мне вести нехитрое хозяйство. Я знаю людей, живущих такой жизнью – они очень счастливы. Может, я допустил ошибку, не примкнув к ним открыто?» [1]

Один молодой почитатель Ожьераса поместил на своей интернет-страничке отзыв о его книге «Путешествие мертвых», в которой он так резюмирует жизнь писателя: «Франсуа Ожьерас любил весь мир, и поэтому занимался любовью чуть ли не со всем, что есть в этом мире: с девушками, юношами, людьми зрелого возраста, признающими все три пола, со стариками, детьми, козами, облаками и, в первую очередь, со словом».

Еще одна рецензия на эту книгу – как и предыдущие строки, она вероятно, применима не только к «Путешествию мертвых», но и ко всей жизни писателя: «Дневник, который писался в те времена, когда автор был пастухом в Сахаре – безусловно скандальная и запредельная книга. Скандальная – потому, что в ней без утайки описаны радости, которым герой предается с юношами, девушками и животными. Запредельная – потому, что под прикрытием чувственности и провокации, в фокусе внимания Ожьераса остается нечто более чистое и страстное, чем его поступки».

Можно ли сказать, что вся жизнь писателя, его, как он говорил, «траектория» подчинена некой единой цели? Наверное, нет. Есть какие-то ключевые для него символы и представления, которые кочуют из одной его книги в другую. Это – звездное небо, новые люди, иное искусство, которое должно было стать альтернативой зашедшей в тупик западной цивилизации, иная жизнь, в которой главное – контакт с небом, с природой, со всей Вселенной и со своим «я», в том числе, и воплощенном в другом человеке, то есть любовь.

Друзей у Ожераса было немного. Чуть ли не единственный человек, с которым Ожьерас долгие годы поддерживал дружеские отношения, Поль Плясе пишет: «Он жил в мире, придуманном им самим. Он надеялся, что его книги станут ниточкой, которая свяжет его с другими людьми. Когда же в 1971 году он умер в страшном одиночестве, стало понятно, что эта связь была слишком эфемерной». Отношения Ожьераса с самим Полем Плясе не назовешь обычными. В 1952-1954 гг. Ожьерас гостил в маленьком домике Плясе на скалах в деревушке Эзиде-Тайак в Перигоре. Этому периоду посвящена глава «Аврора» из «Отрочества…». С. Санчез, рассказывая о том, как друзья проводили там время, замечает, что они были предвестниками движения хиппи, которое возникнет только в следующем поколении, причем, их приключения и раздумья скрывают за

1 Письма Ожьераса к разным корреспондентам и художественные тексты цитируются здесь в переводах Елены Березиной, вошедших в наст. собрание.

собой не просто отказ от идеалов потребительского общества, но и более грандиозные задачи – ведь Франсуа Ожьерас мечтал о полном перерождении в контакте с искусством и дикой природой.

Семь лет, с 1960 года, писатель был женат на своей двоюродной сестре, Вивиане де-ла-Виль-де-Рине. «...В ней есть некая способность к колдовству, как и во мне; зовут ее Вивиана, как и возлюбленную Мерлина», – восторженно сообщает Ожьерас Полю Плясе сразу после знакомства с будущей женой. В тот момент Франсуа было 34 года, а его невесте – 17. Вскоре после свадьбы Ожьерас делится с Плясе, который тоже собрался жениться, такими размышлениями: «Мы с тобой оба придерживались ложного убеждения, что жизнь в браке невозможна. Но ты говоришь, что твоя невеста простая и нежная, преданная и отважная; возможно, она сделается твоей рабыней <...> Раз уж ты решил жениться, жить бок о бок с молодой особой ... В двадцать лет это казалось невозможным... но в тридцать ежедневное присутствие женщины может быть терпимым, и даже желанным. Нам обоим было очень одиноко, и я рад, что ты скоро узнаешь покой, который приходит, когда спишь не один. И... почему не признаться... удовольствие иметь рабыню. Ницше писал: “Если идешь к женщине, не забудь хлыст”. Это необходимый атрибут женатого человека (но спрячь его хорошенько до свадьбы, чтобы не напугать девицу)». Брак Ожьераса не был безоблачным, со временем супругам пришлось жить отдельно, при этом бывшая жена продолжала поддерживать писателя материально и морально. «Должен признаться, что ты и Вивиана – мои единственные на свете друзья, вся надежда моя только на вас двоих, без вас я пропаду», – пишет он Плясе уже после расставания с женой.

Кроме Поля Плясе и Вивианы, важную роль в судьбе писателя сыграли друзья юности – художники Пьер Парсюс и Жан Буайе, об отношениях с которыми немало сказано в «Отрочестве...». С обоими Ожьерас переписывался, с Буайе переписка продолжалась в течение 13 лет (1948-1961). Добавим сюда весьма известного в те годы художника Роже Биссьера, в доме которого Ожьерас провел несколько далеко не безоблачных недель – об этом периоде тоже рассказывается в «Отрочестве», и, наконец, единственного из писателей-современников, который, по словам Поля Плясе, «зачаровал Ожьераса», – Андре Мальро. Ожьерас написал ему несколько писем, но ответ получил лишь один раз, и то весьма лаконичный. Мальро «всегда отказывался от диалога со мной, а ведь я, возможно, – единственный подходящий для него собеседник», – пишет Ожьерас критику Жану Шалону, с которым сблизился в последние годы жизни.

Шалон, обозреватель газеты «Фигаро», весьма известный в парижских издательских кругах человек, стал важным звеном, связавшим Ожьераса с чуждым его натуре литературным миром. С 1968 года он переписывается с Ожьерасом, предлагает его книги разным издательствам, регулярно помогает деньгами, а после смерти писателя выполняет роль его литературного душеприказчика. Любопытный штрих: за 3 года переписки, несмотря на многократные приглашения Ожьераса приехать к нему в Перигор, Шалон так ни

разу и не увиделся с ним. Как сказано в одной из статей, посвященной выходу в свет их переписки: “опасался, что возникнет слишком поглощающая дружба, а может, из страха открыть неизвестный для себя мир...” “Кто знает Франсуа Ожьераса? Никто, и я тоже его не знаю, хотя и пытаюсь вам о нем рассказывать. Я никогда с ним не встречался. Просто прочел его книги”, – так комментирует ситуацию сам Шалон.

Многое в мировоззрении и образе жизни Франсуа Ожьераса удивляло окружающих, как будто он действительно принадлежал к какой-то совершенно иной цивилизации: не то инопланетной, не то языческой. Вот, например, как он сообщает приятелю, Жоэлю Пиктону, свои новости из Туниса:

«Без устали работаю и занимаюсь проституцией. Получаю множество писем, есть предложения от издателей...»

Некоторые детали сохранились в воспоминаниях друзей. Поль Плясе, комментируя письма Ожьераса, рассказывает:

«Делая Ожьерасу подарок, я всегда сталкивался с проблемой выбора. Галстук или пепельница... исключены. Предметы этнографического происхождения – и те, что мне удалось для него раздобыть, и те, что он взял из музея дяди, полковника Ожьераса – немедленно находили применение для будничных нужд: предмет должен служить, а не быть простым украшением. Однажды я подарил ему особый мальгашский нож для принесения в жертву быков, он мне дал взамен обычную монетку... а нож бросил в реку. Как-то мне пришла в голову нелепая мысль послать ему высушенную солнцем рыбу-луну». «Твое намерение прислать мне дохлую рыбину... очень мило», – отвечает ему прихотливый друг.

Тот же Плясе вспоминает об особом понимании собственности, свойственном Ожьерасу. В какой-то момент он подарил Плясе все свои книги. «Подарил, потом забрал назад, чтобы раздать их кому-то еще. Очень необычное понимание собственности, предметы для него – живые, и нет для них большей радости, чем переходить от одного к другому, путешествовать. И Ожьерас доставлял им это удовольствие».

Необычный взгляд на собственность проявлялся и в книгах. Как только герой попадает в «Старике и мальчике» – в форт-музей в пустыне во владениях полковника, а в «Ученике чародея» – в дом кюре в Перигоре, эти места почти сразу начинают именоваться «наш музей», «наш сад», «наш дом» и т.п. Так же («наш дом, наш порог») описывается и дом Плясе на скалах, где Ожьерас неоднократно гостил.

В 1970 г. необычное поведение «представителя новой породы людей» настолько обеспокоило местных жителей и полицию, что Ожьерасу пришлось подвергнуться психиатрической экспертизе. Опубликованную посмертно книгу «Домм» предваряет полицейский запрос о необходимости принудительного лечения и заключение эксперта-психиатра, где сказано следующее:

«<г-н Ожьерас> находится в здравом уме, его интеллектуальный уровень весьма высок. Никакими неврозами или невропатиями он не страдает, к алкоголизму совершенно не склонен. <...> Электроэнцефалограмма не выявила никаких патологий. Следует, однако, отметить, что запись энцефалограммы часто регистрирует совершенно неизвестную психическую деятельность.

Неизвестная психическая деятельность не является поводом для госпитализации».

«Авантюрист-радикал» или «заблудшая овечка среди волков»?

Для большинства читателей-современников книги Ожьераса остались незамеченными. Его языческие ритуалы, тяга к природе, к перигорским лесам и болотам, к тишине пустыни не снискали ему читательской любви и среди свободомыслящей публики шестьдесят восьмого года, хотя в тот момент тысячи приверженцев первобытной жизни, подобно ему, устремились прочь из городов.

Книга «Отрочество в эпоху Маршала», опубликованная в 1968 году, не вызвала особых восторгов: общество было сильно политизировано, и воспоминания Ожьераса оказались не по душе ни правым, ни левым – как пишет С.Санчез, «военные переживания были еще очень болезненными и никому не было приятно прочесть, что начало оккупации могло стать «волшебным временем» в жизни какого-то молодого француза».

Ожьерас, так и не дождавшийся понимания от своих единомышленников, писал, что его интересуют другие горизонты, полное слияние с природой: “Не вырождение, а добровольное перерождение. <...> я чувствую, как во мне зарождается Новый Человек, человек эпохи Возврата во вселенную планет, этот Новый Человек – еще подросток, но он мудрее Человека Нынешнего”.

Случались и приятные исключения. В 1969 г. в письме к П.-Ш. Нивьеру Ожьерас рассказывает: «Недели две назад мне позвонили студенты и студентки из Нантерского и Венсенского университетов... Я узнаю, что мое «Отрочество» ходит по рукам. Они скинулись всемером или ввосьмером на часовой звонок мне и записали разговор на магнитофон. Они сказали, что я дал им очень много, указал выход из экзистенциального пессимизма, открыл им вселенную звезд и вечность. Последние страницы главы, названной «Аврора», привлекли их особое внимание. Позавчера вечером они сделали мне сюрприз – прочли вслух несколько страниц из книги. Это было для меня истинной радостью, первой наградой за мои труды в этом мире».

За последние годы вышло несколько книг посвященных Ожьерасу; например, в марте 2006 года появилась пятисотстраничная биография, написанная Сержем Санчезом. Об Ожьерасе снято два или три фильма. В «Отрочестве» он говорит: «я уверен, что мои книги выживут; как раз потому, что я живу вдали от людей, я их знаю и хорошо умею с ними обходиться. Они напечатают «Старика и мальчика». Знаю я этот век, его нравы. Это у него вроде мании – оживлять, отыскивать затерянные рукописи...» Как писал один из критиков в рецензии на первое исследование, посвященное Ожьерасу-писателю: «сегодня его необычный жизненный путь, абсолютная достоверность текстов и глобальные темы, на которых построена его собственная вселенная, находят все более ощутимый читательский отклик».

О том, что известность Ожьераса растет, свидетельствует, например, такое начало рецензии на биографическую книгу о нем: «“Может, лучшим из моих произведений станет сама моя жизнь?” – спрашивал себя Франсуа Ожьерас. Но кому до сегодняшнего дня был известен его невероятный путь, эта авантюра духа, которая началась и закончилась в пещерах Перигора?»

Эта идея – жизнь, как основное произведение, – очень важна для Ожьераса. Тут он близок к сюрреалистам, которые считали, что жизнь писателя – часть его творчества, а некоторые из них и вообще ничего не написали, но утверждали принципы сюрреализма самим своим существованием. Вот и Ожьерас говорит: «Иногда я задумываюсь, а вдруг мое необычное поведение интереснее моих книг? Может, лучшим из моих произведений станет сама моя жизнь? Ведь для меня важней всего именно то, что произошло со мной на самом деле. К тому же, это лучший способ восстать против людского мнения. Чтобы можно было однажды сказать людям: я выстроил по своим меркам хороший кусок реальной жизни, именно так, как считал нужным, для себя одного, не спрашивая ни вашего мнения, ни вашего разрешения на это, вдали от вас, без вас, вопреки вам, и не в мечтах, не в книжках, а в самом сердце реальности; и вот это возможно в конце нашего века, когда всему будет подводиться итог, окажется самым весомым аргументом».

Все книги Ожьераса автобиографичны. Он рассказывает о своих отношениях с существующими людьми, полностью приводит полученные им письма... Однако, чувство «документальности», которое создается таким образом, обманчиво. Во всех его книгах присутствует элемент фантастики, и трудно оценить степень фантастичности каждой из них, а может, это и не нужно. Чтобы представить себе, как трансформируется у Ожьераса один и тот же сюжет, можно прочитать загадочных «Варваров Запада», а потом главу «Отрочества», названную «Аврора или утренняя заря», дающую более реалистичное представление о жизни в домике над деревушкой Эзи-де-Тайак. Впрочем, кто знает, насколько фантастической была сама действительность, окружавшая фантастическую личность писателя. Примечательно, что «Аврора» написана позже, чем «Варвары Запада»: фантастическое преобразование действительности было важней для

писателя, чем реалистическое изложение событий. «“Аврора”, которую я тебе передал, немного в духе Валери: греческий, очень точный текст; однако, он мне не столь интересен», – признается он П. Плясе.

Впрочем, и в мемуарном «Отрочестве» присутствуют элементы писательской игры: Плясе замечает, что Ожьерас в этой книге регулярно сдвигает даты событий своей жизни по отношению к реальности. Не так все просто и с его письмами, процитируем П.-Ш. Нивьера, переписка которого с Ожьерасом была не слишком объемной, но интенсивной и полнокровной: «Эти письма когда-нибудь потом станут материалом для сравнительного исследования эпистолярных манер, которое покажет, каким Франсуа Ожьерас был гениальным мистификатором...» О том, как Ожьерас создает миф о самом себе, мы расскажем подробней.

Ожьерас как мифотворец

В 1950 году, прочитав «Старика и мальчика», Андре Жид написал Ожьерасу письмо, а потом, после двух коротких и необычных встреч, – еще два. В «Отрочестве» эта история подается как чисто романтическая, без скучных житейских подробностей. Молодой человек получает письмо от маститого писателя, садится в поезд – и вот он в Италии. Неизвестно, в каком именно отеле остановился Андре Жид – не беда, поможет интуиция. Молодой автор на время забывает о своих собственных целях и планах: «я не стану больше, хотя мне и хочется, говорить с ним о себе – не сомневаюсь, что я для него – всего лишь образ, идея. <...> я – последняя любовь в его жизни, так пусть хоть со мной все будет хорошо». Если верить биографам, кроме встреч и писем, возникающих в «Отрочестве», у них были вполне деловые литературные контакты: Ожьерас просил Жида помочь с изданием книг, тот объяснял, что, к сожалению, в «Галлимаре» решения принимает Жан Полан... Кроме того, Ожьерас приглашал пожилого писателя приехать в Перигор, и Жид еще за два месяца до смерти планировал совершить это путешествие. После смерти Жида Ожьерас предлагал Национальной библиотеке включить адресованные ему письма в экспозицию, посвященную переписке покойного писателя, потом собирался сделать из них «сногсшибательную сенсацию» и продать коллекционерам. Это не получилось, но осталась глава в «Отрочестве» и статья М. Мардора в «Нувель Обсерватер», озаглавленная «*Ожьерас был последней любовью Жида*». По письмам к Ж. Шалону (янв.-февр. 1971 г.), можно проследить, как Ожьерас разворачивает этот автобиографический сюжет в журнальный миф с броскими формулировками. Литературоведение вообще-то часто опирается на личные письма и оценки, высказанные в дневниках, – но не так часто эти материалы предают огласке сами получатели писем...

История отношений Ожьераса и Жида, ставшая литературным мифом, отзывается в литературе и полвека спустя. В 2001 г. Мишель Бродо, писатель, критик «Монд» и главный редактор журнала «Нувель Ревю Франсэз» (одним из основателей которого был Андре Жид) выпустил новый роман «Интерпретация обезьян». Там описан воображаемый диалог с Жидом о литературе, в котором он, говорит, что не всякий, кто пишет о природе и сельской жизни «может стать Паньолем, Жионо и уж тем более Франсуа Ожьерасом». Судя по этой фразе, в которой малоизвестный до недавнего времени автор ставится выше двух весьма именитых писателей, идея о восхищении, которое испытывал Андре Жид перед книгами молодого Ожьераса, живет и побеждает.

При этом, как раньше, так и сегодня, его наследие вызывает неумеренные похвалы одних критиков и сильное раздражение других. «Таинственный бродяга и мистик...» – писал об Ожьерасе Жан Шалон вскоре после его смерти. «Он достоин того, чтобы ему поклонялись как богу,» – утверждает его друг Поль Плясе. «Франсуа Ожьерас, авантюрист-радикал» – так называется одна из недавних книг о нем. По рецензиям кочуют определения вроде «Мистик, провокатор, отщепенец». «Шаман, поэт, мистик, безудержный богоискатель – без бога, художник, “дьявол в венце из звезд” исчерпал свои силы в битвах» – вот еще один отзыв о нем.

Согласно аннотации издательства «Дифферанс», недавно опубликовавшего несколько книг и альбом репродукций Ожьераса, он «оставил, кроме литературных произведений самого высшего качества, еще и великолепные картины и рисунки».

Сегодняшний критик из журнала «Лир» настроен совсем иначе. В рецензии на «Отрочество в эпоху Маршала» он упрекает Ожьераса в том, что «желая быть Рембо или Арто, он не был ни тем, ни другим», называет его достаточно неожиданные размышления о петеновских временах «близкими к слабоумию», а их автора – «заблудшей овечкой среди волков», «птичкой в поисках клетки» и заканчивает рецензию так: «пока этот верующий без церкви отстранялся от реальной жизни и смотрел на звезды, других заставляли носить звезду на одежде». Вполне понятно, что некоторое простодушие этой книги и полная отстраненность автора от окружавшей его жизни может вызывать подобные чувства.

А вот как сам Ожьерас вскоре после выхода «Отрочества» откомментировал прочитанный им критический разбор М.Мардора в «Нувель Обсерватер»: «Я получил хороших розог – чувствуется рука мастера. Впрочем, довольно справедливо. Мардор весьма умело разоблачает мои уловки и ухищрения. Читая его статью, я казался себе браконьером, которого взяли с поличным, и видел, как он одну за другой обнаруживает мои жалкие снасти, срывает с них наживку, блесны, крючки. Он, можно сказать, составил на меня протокол о нелегальной ловле в современной литературе с использованием запрещенных средств. Но почему же он не догадался, что мои уловки и ухищрения проис-

текают из моего одиночества, это попытка – подчас неловкая, хотя отнюдь не всегда – «обрести других людей», ведь моя необычная судьба в дальних краях меня опасно изолировала».

Попробуем определить его манеру письма, эти самые «уловки и ухищрения».

«Какой чистый и энергичный стиль!»

Так откровенно радуется чтению Ожьераса один молодой читатель, поместивший рецензию на своем сайте. «Полная вовлеченность в слово», – писал в хвалебной статье 1953 года, посвященной «Старику и мальчику», известный поэт Ив Бонфуа.

В рецензии на первую монографию об Ожьерасе, напечатанную в 1994 г., читаем: «Ожьерас – без всякого сомнения, одна из самых чарующих фигур, которые появлялись в двадцатом веке на литературном горизонте. Когда-то его книги не могли отнести ни к одной из категорий, в них звучала интонация, совершенно чуждая для той литературы, которой занимались все его современники...»

«Ожьерас стал легендой, негромкой, но живучей, легенда каждый раз рождалась заново из его текстов, в которых во всей полноте ощущалось присутствие человека и его тяги к абсолюту <...> это реванш литературы за бросовые издания,» – так охарактеризовал писательскую роль Ожьераса журнал «Экспресс».

Поль Плясе рассказывает об Ожьерасе: «Было в нем и простодушие, и невероятная проницательность. Я видел, как он на Афоне бросал в море цветочные лепестки и следил за их движением – крайне наивное занятие, но у него сюда добавлялся отточенный ум, позволявший ему смотреть на это детское времяпровождение гораздо шире, видеть в этом что-то большее».

Миф и юмор

Комментируя какое-то из писем Ожьераса, Плясе едко замечает: «несмотря на снедавшую его <Ожьераса> страсть к бесконечному самопережевыванию, он интересовался также и делами других». В текстах Ожьераса удивляет почти полное отсутствие юмора, и особенно самоиронии. Свою вторую книгу, которая сначала называлась «Маленький разносчик хлеба», он, подумав, переименовывает в «Ученика чародея», полностью игнорируя комичность этого средневекового сюжета и написанной по нему баллады Гете: веник по приказу ученика чародея заливает дом водой, а ученик не может вспомнить заклинание, которое бы остановило это безобразие. Трудно предположить, что

Ожьерас не был знаком с этим сюжетом: композитор Поль Дюка написал по нему симфоническую поэму «Ученик чародея» (1897), а в 1940 году Дисней сделал мультфильм «Фантазия», где роль ученика чародея исполняет... Микки-Маус. Конец баллады – приход самого чародея – в пер. Б. Пастернака выглядит так:

«В угол, веник.
Сгиньте, чары.
Ты мой пленник.
Бойся кары!
Духи, лишь колдун умелый
Вызывает вас для дела».

Ожьерас в своем «Ученике чародея» постоянно обращается к духам, но ничего смешного не происходит, наоборот, он превосходит своего учителя, так что метафора волшебника-недоучки совершенно не вяжется с героем книги и порождает какой-то незапланированный комизм. Например, от контраста с его довольно самоуверенными высказываниями: он и сам «колдун умелый». Двусмысленность получает дальнейшее развитие: одна из статей об Ожьерасе, а потом и первая книга о его творчестве получают название: «Франсуа Ожьерас, ученик чародея»[1].

Возможно, дело как раз в автобиографичности и связи произведений Ожьераса с его жизнью: книги для него – летопись и пояснение жизни, а не альтернатива ей. Отсюда и отсутствие потребности в юморе. Ожьерас строит миф, а мифу юмор не нужен.

Он выступал в кукольном театре, был вожатым в колонии для малолетних преступников, сажал репу, служил в армии, был пастухом, полировал камни, писал картины и фрески... Все его книги, кроме последней («Домм»), опубликованы при жизни автора, им рано начали интересоваться такие крупные французские издательства, как Минюи, Бургуа, Жюльяр, Фламмарион и Грассе. Но когда в 1971 году он умер в больнице города Перигё от третьего инфаркта, на свидетельстве о смерти поставили надпись “без определенных занятий”. Сам Ожьерас в письме к Шалону делает такую попытку автопортрета, описывая себя как бы со стороны: “Иногда он представляется мне странной звездой. Скажем, квазаром, – бывают такие звезды, положение которых трудно определить, они шлют загадочные сигналы и по отношению к ним допустимы любые гипотезы”.

1 Вообще говоря, это название могло быть связано с нашумевшей книгой Жоржа Батая «Ученик чародея» (1937 г.). Некоторые французские критики считают, что Ожьерас – автор «батайевского склада», но никаких следов знакомства с творчеством Батая ни в одном его тексте обнаружить не удалось.

С легкой руки С. Санчеза, автора биографического труда «Франсуа Ожьерас. Последний из первобытных», по рецензиям гуляет еще одно определение, видимо, связанное с предыдущим, авторским: «Метеор с козлиной бородкой». Письма Ожьераса к Шалону вышли под заголовком «Дьявол-отшельник», отсылая к французской пословице «Когда дьяволу плохо, он рвется в отшельники, поправится – снова в бесы». Пусть читатель сам решит, какое из этих определений подходит больше.

ФРАНСУА ОЖЬЕРАС

УЗНИК СВОИХ ГРЕЗ

Если бы не нужно было двигаться вперед, этот простой поступок не представлял бы интереса, но давай рассмотрим мое ВОЗВРАЩЕНИЕ после того порыва, что унес меня в области страха.

Сходя с ума от удовольствия, я убегаю с оружием в руках все выше по скалам, под самое небо. Слышу, как сердце мое бьется в такт желанию. Ни смертельная опасность, ни страх не остановят моего скитальческого бега к ночным светилам, пока моя жизнь не покажется вдруг образцовой геометрической схемой, тревожащей меня под звездным небом. Траектория моя отклоняется, абстракция, соблазнившая меня, приводит к размышлению, причем столь страстному, что оно часто без всякого перехода сменяется безумной радостью жизни.

Я часто замечал, что в тот миг я был поистине одурманен усталостью, страхом, удовольствием, будто совершенно свободный дух, абстракция, обнаруженная в действии, – на кончике ножа, – становясь предметом систематического изучения, занимающего меня вот уже года два, пока я живу в добровольном затворничестве, которое нравится мне своей суровостью. Узник своих грез, заключенный? – начинаю я писать. (В художественном творчестве всегда есть символическая криминальная сторона.) Менталитет заключенного, возвращение в пещеру: неизбежная камера-обскура. Произведение, набросанное *in situ*[1], обретает форму; работа экзорциста, обращенная после преступного действия к прекрасному, плотному... Изобразительная манера, обретенная там (мы знаем, что речь идет об Африке), КОТОРАЯ НЕ МОГЛА ПОЯВИТЬСЯ БОЛЬШЕ НИГДЕ, влечет за собой и манеру письма. Если всякое великое искусство связано с видениями и наваждениями, его создание требует хотя бы начальной образованности. Что сказать о моей? Ты же знаешь, как я жил во Франции, о моей жажде знаний, скромной лишь до определенного момента. Такова кривая, возвращающая меня к знакам, письму и твоей точке зрения, от которой я так сильно отдалился.

Человек, живущий в полную силу... лишь для того, чтобы потом грезить, это не человек действия: таков и мой случай. Мой труд – работа памяти, экзорциста, как ты и желал; размышление над собственным жребием. Мой голос, еще взволнованный дыханием моей жизни, призывает и находит знамения своего

1 На месте (лат.).

рока. Разбитый усталостью, я пишу, содрогаясь всем телом. Пока я тружусь над НЕПРЕДСКАЗУЕМОЙ схемой, обретенной в битве, мне слышатся иные голоса. После чего я вновь отправляюсь в путь, и так уже десять лет – искушаю судьбу средь Ночных Светил.

Что касается момента, когда я «овладел своей душой», по-моему, это произошло в действии. Несомненно, я любил ее в усилии и труде, сожалея при этом о волнующем открытии, панической радости первой встречи, первом крике любви. Я далек от мысли, будто ушел дальше, чем кто-либо еще, ведь бывают другие встречи и другие, столь же приемлемые образы жизни. Однако я утверждаю, что *свою* душу обретал вечерами в горах Африки.

Ты говорил о музыке: если честно, я ВНОВЬ ОБРЕЛ собственную душу, когда покинул Европу, слушая арабскую музыку – ты же знаешь, я родом с Востока...

Здесь душа и наследственность совпадают...

*

Нет, и твое рассуждение о материалистическом Западе – скорее, складе ума, нежели географическом понятии – расширяет мои слишком узкие представления. Мы способствуем оттоку, и наш материализм перемещается в Азию, хотя это трудно объяснить исторически. Важен лишь расцвет новой эры, только это очаровывает нас и стóит наших усилий получше его разглядеть. Так устремимся же вперед, больше не оглядываясь назад: ведь мы словно мореплаватели в открытом море, и нам все равно, как разорвутся наши швартовы – во время прилива или отлива, или по нашей собственной вине. Вдали от порта мы плывем к новым созвездиям.

Избранная нами культура предвещает наше отправление в дальние странствия. По правде говоря, мы подняли бы якорь даже без провианта – так громко отдается зов неизведанного в наших сердцах. Будем откровенны, эта культура не пробудила мои страсти, а лишь облагородила их: доколумбова Америка оправдывает жестокость и мое пристрастие к абстракциям, Полинезия углубляет мое чувство цвета, а Древний Египет – мое стремление к безмятежности, поскольку я уже был жестоким и мудрым до того, как познакомился с ними! Мне хотелось бы сбросить маску: культура для меня – лишь ориентир, братская поддержка, боевая стойка, чуть ли не юридическое обращение к ценностям, проявляющим лучшее и худшее во мне.

Отсюда произвол этой культуры: ни ты, ни я не изменяли своих наклонностей с пятнадцати лет – возраста, когда я был почти что безграмотным, но уже нашел свои полюса и созвездия и ПОТОМ мог лишь радоваться обретению неких осей и координат в нынешней культуре. Мне так и хочется воскликнуть: «Через какие области неба проходит Земля?»

Будем вновь откровенны: от «любителей Искусства» мы отличаемся не тем, что наши познания более эмоциональны или информативны, а, скорее, тем, что нуждаемся в общественном одобрении, которого само общество не может нам

предоставить, – по крайней мере, это касается меня. Мы любим богов, потому что не любим судей, и среди богов выбрали тех, кого судьи как раз осудили бы: бунтующего Христа, а не Прекрасного Бога из Амьена, ну и я – палачей Юкатана! Здесь широкий простор для психоанализа. Мне надоело скрывать свои карты: я люблю то, что мне нравится, – богов СРЕДИ РАВНЫХ! Я люблю юную и прекрасную Исиду и люблю мудрость, поскольку меня соблазнила Исида. Мы в опасности и не удовлетворены – отсюда наша любовь к богам.

Моя душа появилась раньше моей культуры, и у нас полная гармония.

Душа моя родилась у костров, в лагерях, во время плясок при луне. Я помню первый вечер, когда ночевал на открытом воздухе – на опушке леса. Мне казалось, что в тот вечер я буду спать посреди ночных теней. Я очень тонко чувствовал мистерию наступления темноты, соблазненный и не уверенный в признании. Я смотрел в небо и видел Супругу-Мать – такую огромную, что смерть в ней была немыслима. Еще не пробудившийся, но уже присутствующий в своем времени, я причащался очарования лесов, силы юношей и девушек своего поколения.

Да, моя душа появилась раньше моей культуры.

Перевод Валерия Нугатова

СВАДЬБА С ЗАПАДОМ

«Октябрь 1949 года. Я возвращаюсь во Францию, измотанный той адской жизнью, что вел этим летом у дяди. Вернусь к матери: первый акт весьма занимательной пьесы окончен; я покидаю свой театр, который каждый вечер освещали созвездия пустыни, оставляю дядю в его сахарском музее, на большой железной кровати. Я ехал через Лагуат и заночевал в гостинице. В моем номере стоял зеркальный шкаф, и я посмотрелся в него. Я не видел своего отражения несколько месяцев: я красив, и мне двадцать четыре года. Я сильно загорел, обветрился на солнце, похудел и одет чуть ли не в лохмотья. На губах страшная улыбка – тревожная, дикая, счастливая. Я еду на Юг».

«Отрочество во времена маршала», стр. 226.

Предисловие

Зимним вечером, в некоем городке Центрального массива близ Обюссона, он говорил в темном и холодном зале – длинном бетонном пролете, покрытом двускатной черепичной крышей.

Голос этого юноши, звучавший впервые, был свеж, серьезен и становился глуше, когда он волновался.

Лишь немногие соизволили выслушать его; зрители кутались в теплые пальто; куски материи защищали их лица от ночного холода.

То была весьма наивная и очаровательная речь.

– Люди забывают мысли и слова, – говорил он, – но не забывают человека, которого знали и любили, а меня знали и любили.

В мыслях моя воля была всемогущей, ее не ограничивало ни одно препятствие, и тот, кого я любил, становился тождественным мне и проникал в мое сердце. Отсюда моя вера в бессмертие этой любви, которую я всегда носил в себе. Я не представляю себя без него, он – это я, точно так же и даже больше, чем мое лицо, руки и слова, слетающие с моих губ.

Жизнь моя была образом духа, который ничего не сдерживает, чьи легкие шаги ничего не отягощает; я знакомился с людьми случайно и по своей воле, а не в силу обстоятельств либо условностей.

Я проник в вашу душу даже ненавистью, и вот мы – взаимные пленники.

Ах, этот невероятный диалог, ни разу не прерванный и похожий на откровенные признания, которыми делятся перед сном матросы на кораблях!

О, мои спутники, в какую авантюру я вас втянул! Один лишь дух реален. Меня опьяняла только духовная любовь. Никакая страсть не сравнится с блеском этой воли.

Душа моя свободна, рожденная на излете этого столетия, она никогда не несла в себе воспоминаний о минувших веках; созданная для того, чтобы творить без усилий, как в первые дни мироздания, с непринужденностью танца, – приключение, ведущее к бесконечным выводам.

Я существую вечно, как ослепительный бег – без усталости, передышки, доброты или слабости.

И солдат вспомнил.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Западный берег

В начале весны четверо или пятеро подростков, занимавшихся боевой подготовкой, остановились в глубине долины у первых отрогов Центрального массива. Смеркалось. Он был среди них – еще ребенок. Все расстелили одеяла у широкого ручья, который охватывал кольцом острова́ и отражение круглого красного солнца. Развели костер.

Ребенок прыгал со скалы на скалу, пока не добрался до полуострова, заросшего кустарником и каштановыми побегами. Собирая веточки на краю Европы, он посмотрел на другой берег – на тех, что должны были стать его спутниками, и полюбил их.

Здесь ничто не нарушало тишину; его поношенная, истрепанная ненастьями одежда прилегала к телу с вечерней нежностью и свежестью.

Знойным мартовским днем юноши и девушки шли по дороге на необитаемом плато. Из-за сильной жары и пыли группа спустилась к болоту – смочить ноги. Там все увидели Ребенка и предложили ему отправиться вместе на сельский праздник. Ребенок встал и пошел с ними.

Вдалеке, посреди ослепительно сухого луга, залитого солнечными лучами, виднелись четыре кедра. Компания ненадолго остановилась там, и он влюбился в нее.

Часовые

У выезда из города стояли мужчины и юноши – часовые. Ребенок был с ними. Там была железная дорога, железный мостик над рекой, луг и зажженные лампочки – стояла ночь.

В паре шагов от дороги находился дом, крашенный белой известью. Ребенок увидел там человека, который не сказал ни слова, но пришелся ему по нраву.

Летний вечер

Юноша трудился на территории замка. Поужинав, мужчины и женщины выходили с кухонь во двор. Летним вечером они слушали радио, а когда отключалось электричество, мужчины пели. Каждый – по одной песне, и вот настала его очередь. Он пел долго, и все ушли, понимая, что стали его врагами на всю жизнь.

Золотое солнце

Однажды вечером он ждал на сельском вокзале – в доме с трехэтажными стенами. Угловые камни были белы, стены – покрыты каштановой штукатуркой. Солнце спускалось за ветви деревьев. Прокричал петух. Он увидел своего ровесника с красивым лицом.

На склоне холма строили фермы с каменными стенами. Под остовом одной из них находился амбар с деревянным полом, где тайком мололи зерно. Он работал там целый день на пару с другим. Пол был усыпан пшеницей. По небу над зелеными деревьями катилось солнце. Оба трудились, не слыша ни звука – лишь тиканье механизма.

Закончив работу, они оставались наверху, подходили к отверстию, прорубленному в стене, и смотрели друг на друга.

Водители грузовиков

На рассвете это был квадратный дом, крытый шифером, у выезда из села, напротив леса.

На выцветшей штукатурке фасада виднелось слово КАФЕ.

Асфальт блестел в полутьме. На втором этаже находился банкетный зал, куда поднимались по маленькой лестнице с деревянными панелями – как на корабле. В этом зале было одно окно, и в нем – листья дерева, что сверкали от влаги, выпавшей за ночь. Рано утром мужчины, водившие грузовики, пришли в эту комнату выпить. Женщина зажгла стеклянную электрическую лампу, они уселись за стол.

Он был там, и один из мужчин пришелся ему по нраву.

Лодка

Он взял лодку
и поставил мачту,
и натянул парус.
Такие лодки
берут на прокат для прогулок.
Он поднялся по реке
до старинного города
из камня и бетона,
с множеством домов
и колокольнями между ними.
Подул ветер, а река
была в этом месте широка.

Люди выбежали на мосты и набережные, ведь они никогда не видели на этой реке парусного судна.

В лодке люди заметили Ребенка и почувствовали к нему симпатию.

Недалеко от хутора стояло большое здание из камня и красного кирпича, закрытое сверху донизу толстыми дровами.

Одним апрельским днем он пришел туда.

Полуоставленные юноши и девушки обедали на улице, возле кузни, на площадке, нависающей над лужайкой.

Они достали ко́злы, длинные доски, тарелки и металлические столовые приборы. Все вместе сели на скамьи. По красивому голубому небу пробегал еще свежий ветерок, порой обжигая желаниями. Открывался прекрасный вид на леса и зеленые холмы, замыкавшие горизонт.

За одним из столов, расставленных на этой площадке, возвышавшейся над долиной, неподвижно сидел Юноша: в суконных брюках, испачканных грязью, и кожаных ботинках на босу ногу. Хорошо сложенный, с тонким, хоть и грубоватым лицом, ямочками на щеках, прямым носом, голубыми глазами, миловидным алым ртом.

Ветер пронзал лучи света, разбивавшиеся вдребезги со всех сторон; вода в металлических кру́жках зыбилась от бриза.

Посреди обеда молчаливый юноша почему-то загрустил. Несколько его товарищей нечаянно уселись рядом с ним, и это его смутило.

Однажды вечером, с наступлением темноты, молодые бездельники ужинали перед замком.

Они доели утренний суп, отведали хлеба и картофельных лепешек.

На этой равнине рядом с городом росла высокая зрелая пшеница. С приходом ночи хлеба́ неторопливо колыхали желтыми стеблями и колосьями.

На еще голубом и прозрачном, как вода, небе проступили первые звезды, похожие на кукурузные зерна. Поваленные там и сям хлеба напоминали поляны в плотной массе стеблей, по которой уже пробегал прохладный ветерок сумерек.

В эту начальную пору ночи они ели из белых фаянсовых тарелок, расставленных на ко́злах, пили и смеялись под синим небом.

Усилившийся ветер вдруг замер над полем и над румяными щеками молодых мужчин. Густое вино вызвало у них улыбку.

Сидя за ко́злами, юноша молчал, вытянув худые голые худые на тяжелых деревянных досках.

Его нежную грудь покрывала полотняная рубашка, выцветшая на солнце.

На губах выпала ночная роса.

В большом волнении он рассмотрел их лица, полюбил их и испугался этого.

Перед тем как лечь спать в комнатах на втором этаже, украшенных полумесяцами и арабскими буквами, – раньше там стояли североафриканские солдаты, – они еще станцевали при свете луны на влажной траве одинокого луга, на опушке пихтового леса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зима

Зима в том году выдалась крайне суровой. В самый разгар холодного времени года по всему Центральному массиву ходили бродячие купцы. Ребенок был с ними. Они перемещались из одного города в другой. Вдоль дорог росли очень красивые деревья с такими тонкими ветвями, каких нет больше нигде. Посреди возделанных земель виднелись города, и шел снег – время Рождества. То были небольшие городки на сотню домов с черепичными крышами вокруг каменной церкви; над низкими кварталами возвышались большие бетонные здания с серыми грязными стенами в декабрьском свете.

Как-то раз далеко за полночь они дали Ребенку, сидевшему на пороге, керосиновую лампу. Так случилось, что он поднес лампу к лицу, и они тоже увидели его. Купцы почувствовали симпатию и сказали, что это знак.

В том городе, среди запутанных улочек, выделялся комплекс зданий Мэрии – с его бетонными блоками, внутренними дворами, конторами, лестницами, подвалами, чердаками и пустыми комнатами, где гулял ветер.

Однажды вечером они пришли сюда в театр. Спектакль и приятная музыка странно взволновали их.

Когда спектакль закончился, Ребенок оставил своих попутчиков (как поступал часто) и направился по тихим коридорам, куда выходили ложи артистов, – по безлюдным проходам, где отдавались эхом его шаги, и дошел до открытого окна во внутренний двор. Он поднял глаза: к полуночи небо очистилось, и холодный высокогорный ветер прогнал легкие серебристые тучки. Мороз был лютый. Невдалеке – очень высокие, прямые и чистые стены, а больше не видно ничего.

У него было овальное, спокойное лицо, залитое мягким ночным светом.

В его глазах порой вспыхивал жестокий огонек, а на красивых губах трепетала прекрасная и хищная улыбка.

И вдруг его сердце озарила любовь к первым попутчикам.

Большой зимний пир

Юноша отправился в гости к городскому живописцу. На третьем этаже здания, в голой комнате, заваленной мусором, он увидел человека лет двадцати двух, взобравшегося на обеденный стол. Художник писал прямо по штукатурке, смешивая в консервных банках измельченные краски из бумажных мешочков с водой, клеем и известковым молоком. Совсем жидкая красочка стекала по кистям и пачкала ему пальцы. Живописец уже расписал треть комнаты.

Там были изображены мужчины и женщины больше натуральной величины, танцевавшие на зеленых лужайках; птицы взлетали, сжимая в клювах бандероли; рыбы плавали в ручьях. И все это – на однотонном темном фоне. У рыб была красивая чешуя, грубо нарисованная, но хорошо различимая, а у птиц – разноцветные перья.

Мужчина был поистине уродлив, но обладал дикой энергией, не лишенной красоты. Он носил зеленый свитер на голое тело, черные брюки и большие туфли.

Белокурые волосы бобриком, запорошенные пылью, крупный вульгарный нос, низкий лоб, толстая шея. В его больших глазах светился живой ум. Тяжелый подбородок, полные губы и совсем гнилые зубы.

В нем было что-то от старика и ребенка: мускулистые длинные руки, отставленный назад большой палец и красивые ноги прямиком из XVIII столетия.

Он слез со стола, вытер руки туалетным полотенцем, развернул бумагу, замаранную акварельным пейзажем, и вынул из нее пунцовую вареную свеклу, которую тут же съел, выплевывая кожуру. Его жизнь была богата событиями, поэтому он считал людей злыми и глупыми.

Юноша полюбил его с первого взгляда. Они увиделись вновь три дня спустя за рождественским ужином.

В одиннадцать вечера их по отдельности пригласили на ужин в бараках, построенных на пустыре рядом с Почтой. Каждый день Муниципалитет организовывал там недорогие обеды. Они случайно оказались рядом. С цинковой крыши свисали бумажные гирлянды.

В ту ночь сердце человека, которого он видел за работой, исполнилось нежных, возвышенных мыслей.

У него же в глазах горело невиданное пламя. К тому времени страх, вызванный любовью попутчиков, превратился в безудержную радость, которая стала предметом постоянного изучения и вела к бесконечным выводам.

Юноша рассказал об этом художнику, и тот подтвердил, что он прав. Они говорили о нынешних временах, изображении человека на стенах зданий, делились множеством откровений и вдвоем наслаждались этим ночным пиром.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обед возле хлебов

Это случилось на плато с вырубленными деревьями, заросшем папоротниками и побегами каштанов. Его пересекала узкоколейка. Эта часть департамента была выше главного города – ланды с возделанными полями.

В начале августовской ночи на этом большом плато, засеянном пшеницей, устроили обед.

Густая масса спелой пшеницы, часть которой уже осыпалась на сухую белую землю, окаймляла лужайку с пихтами. В ту ночную пору блестели железные машины и прогалины в хлебах. Дальше, над желтыми стеблями плато, высилось несколько холмов, похожих на зеленые острова с колышущейся листвой.

На этой лужайке поставили скамьи и столы. Там проезжали повозки, груженные соломой, и к иглам пихт цеплялись сверкающие соломинки. Под синим звездным небом молодые люди ели вместе с ним и разговаривали. Они влюбились друг в друга благодаря запаху потных подмышек и тому изумлению, что вызывала у них телесная красота.

Однажды, когда он шел через поле, его остановили жандармы: на нем была краденая одежда. Они хотели пристыдить его за воровство. Но разве кусок золота, упавший в грязь, не остается по-прежнему золотом?

Его охватила безграничная радость. Покинув плато, обнаженное жатвой, он поднялся к больнице, построенной на одном из холмов, окружавших город. Там находилась пристройка, куда селили воспитанников детского дома.

Низкие здания окружала железная решетка: узкий бетонный двор и маленькая площадка, где они ели. Он знал их надзирателя, ненамного старше его самого. Надзиратель показал ему одного ребенка (большинство были идиотами и психами), глаза у него страшно косили. Надзиратель обхватил стриженую голову ребенка, надавил большими пальцами на глазные яблоки и резко ввернул их на место.

Погоня в хлебах

Как-то вечером он отправился на окраину городка, к бетонному зданию с округлым залом, вымощенным мозаикой.

Он стремительно танцевал в резком свете электрических ламп.

Когда поздно ночью юноша покинул корабль, городские строения и элеваторы казались выбеленными известкой. Шагая в желтых хлебах, доходивших ему до живота, он увидел спящую девушку. Эта подружка невесты замешкалась, когда свадебная толпа брела через пшеницу, направляясь в село, где танцы продолжались до рассвета.

Кружевное платье стягивало ей грудь и широкие бедра. Когда он разбудил ее, коснувшись ступней (чтобы лучше рассмотреть), она обругала его с жестокой крестьянской злобой, а затем убежала в недвижные хлеба. Он гонялся за нею всю ночь.

Вдали, посреди рыжеватых колосьев, под нежным синим небом, белело ее праздничное платье, целовавшее ляжки. Он быстро и ловко бежал по борозде, которую девушка прокладывала с протяжным шелестом воды.

Он мало-помалу догонял ее. Их ступни едва касались земли. В тихом ночном воздухе прекрасный юноша летел над стеблями. Они соприкоснулись, и оба упали посреди соломы и сломанных колосьев. Он подмял ее под себя и вклинился в алую плоть малышки. А затем убежал в желтые заросли.

Юноша вернулся в низкую комнату, где жили его товарищи (бывшую бильярдную, где после земледельческих работ их немного учили счету и французскому), и, бесшумно пройдя на цыпочках мимо спящих, добрался до своего матраса.

Заря

На заре они спускались в долину, к затопленным лугам, быстро перебегая их в сторону родника. Ручей наполнял водоем, вода переливалась через край и орошала кустарник. Все умывались на берегу в серой утренней тишине.

Среди них был один омерзительный человек, уродливый и отталкивающий.

Старая рана страшно обезобразила его лицо: рассеченные губы, вырванный нос. Все тело покрывали черные жирные волосы. Друзья ненавидели его, ведь он пугал их, напоминая о смерти.

Двое юношей

Справа поднималась тропинка, черные тени пихт заслоняли ее в тот день после грозы.

В подлеске он встретил юношу, стерегшего коров: у него было красивое округлое лицо.

Пока спускалась ночь, они разговаривали, прислонившись к стволам и обламывая нижние веточки.

Тьма сгустилась, сплетенные пальцы уперлись в кору, и на ней выступила смола.

Изнемогая, оба повалились на душистые сучки.

Потом его товарищ устремился меж деревьями в погоню за скотом.

Августовская ночь

Августовской ночью он вышел из низкой комнаты, где все спали на матрасах.

Он увидел каменный замок с двумя боковыми строениями повыше, с заостренными кровлями. Луна стояла высоко, так что черные шиферные крыши блестели, а пихты отбрасывали тени.

Там спал бретонский священник, владевший половиной имения. Юноша заметил железные мостки, которые вели с одного этажа на другой, и цинковые флюгера.

Небо освещало это красивое белое жилище. Рядом с ним находились стальные арки с розовыми кустами внизу, а также огород и металлический бак с поблескивающей водой.

Юноша перебежал аллеи, обсаженные сотнями гвоздик, и ясно различил сад, ведь ночь была светла.

Дорожка во Францию, потрескавшаяся от жары, гулко вторила его шагам.

Он пересек луг с несколькими деревцами – зелеными и округлыми. Его голые лодыжки обагрились кровью, порезанные сломанными сухими стеблями. Юноша зашагал под синим небом, на его алых губах сверкала улыбка. Ноги напряглись от радости, и захотелось танцевать – от любви.

Во дворе горел свет: один еврей, его ровесник, трудился и прятался там до полуночи. Юноша вошел в свинарник и сел подле фонаря. Они переглянулись и нежно обнялись.

Когда юноша вернулся в низкую комнату, те, кого он нечаянно разбудил, сказали:

– Он знаком с девчонкой и переспал с ней.

Лежа на своем матрасе со скрещенными руками, он разговаривал в темноте с соседом – так же радостно, как перед сном откровенничают матросы на кораблях.

Но уснуть так и не мог, непрестанно ворочаясь и размышляя о том о сем.

Он думал:

Нет ничего прекрасней любви,
ничего слаще,
ничего сильнее,
ничто не стремится так далеко.
Только эта любовь не ко всем людям,
а лишь к товарищам по приключению;
любовь, рожденная в лесах и трудовых лагерях этого века
любовь приносит бессмертие
любовь освобождает
любовь стирает все мелкие мысли
любовь заставляет забыть даже имя, данное при рождении
любовь непорочна
любовь переполняет слезами глаза́
любовь – моя родина
любовь светит в ночи

любовь позволяет ненавидеть врагов, представляя себе их пытки.
Любовь пристрастна
любовь – боевая песнь
любовь стесняет грудь
любовь смеется над смертью.
Откуда берутся мои мысли –
от всех и каждого...
Разве я – это не мои мысли?

Моя жизнь была лишь любовью:
спрашивая самого себя,
я не в силах представить больше ничего.
Когда-то я мчался галопом по равнинам Востока –
где завтра поставлю палатку?
Какие еще города построят мои попутчики...
Я не брошу их в походе, даже если он продлится тысячу лет.

Я снова с братом моим Абдаллой.
Как прекрасны щеки его и как ароматно тело.
Как похожи наши тела.
Нам не нужны слова, мы и так все знаем.
Вот я и вернулся после долгой разлуки.

Мы поставили палатки у врат Европы.
Мы страстно желаем и презираем ее.
Мы возьмем ее штурмом.
Мы должны служить лишь Искусству да божествам в роскошных жилищах!
Любовь заменяет нам все, и мы увозим ее с багажом.
Любовь похожа на танцы вокруг костра.

Сердце мое непорочно.
Я презираю чужаков,
они отвратительны мне.
Я возненавидел города.
Мы разобьем ваших богов
новыми заклинаниями,
а ваши крепости – магией и танцами!

Я вновь обрел свое сердце и свое бессмертие.
Моя вечная родина послала ко мне гонца:
Абдалла, я знаю, откуда ты пришел;
ты прекрасен, когда появляешься на восходе.

У меня нет богов, кроме брата моего Абдаллы.
Если бы я не пел, то давно бы умер.
Я вернулся на родину, вот мой друг прежних лет.
Я знаю, где братья мои и враги.
Я раскрыл тайну бессмертия
и никогда не забуду того, что знаю, иначе я стану похожим на труп.

Все желанья свои я исполнил с лихвой.

– Душа моя, отчего же ты проливаешь такие горькие слезы?
– От радости!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Осенний пир

Как-то раз в сентябре, уже далеко за полночь, лес у реки озарился праздничными огнями.

Молодые люди, не пожелавшие уходить, доедали остатки и допивали еще полные бокалы, забытые на ко́злах.

За городом река текла вдоль высоких темных скал. Под утесом виднелся узкий берег, залитый лунным светом: безмолвная лужайка с тополями. Голые высохшие стволы отбрасывали тени на влажную траву. Ясное небо.

У подножия скал, под деревьями, были построены дома из хвороста, с соломенными крышами: однодневные бараки, где неярко отсвечивали длинные пиршественные столы. Перед утесом, под лиственной кровлей, где еще оставались зеленые летние листья, по-прежнему горела керосиновая лампа.

То был неясный и зыбкий час ночи – время, когда радость спадает, а воздух становится прохладнее. Порой на губах запоздалых гостей замирал легкий смех, похожий на вечную улыбку.

Зимние танцы

Рядом с городом, среди строений, возвышавшихся над водой, виднелся просторный ангар – здание с длинной двухскатной черепичной крышей. Ночью городские юноши танцевали на бетонном полу огромного зала. Со свода, украшенного гирляндами из цветной бумаги, свисали лампочки. На деревянный балкон поднимались музыканты, которые играли до зари.

Дверь ангара выходила во дворик, окруженный сараями. Прозрачное звездное небо освещало эту площадку, вымощенную блестящими камнями.

Несмотря на сильный холод, девушки и молодые люди всегда встречались под навесом: весьма необычные сборища.

Порой над холмами и карьерами, опоясывавшими город, слышались птичьи крики.

Нередко двое вставали и, спрятавшись в уголке, долго сплетали свои разгоряченные тела.

Две крестьянки

Однажды зимой, когда мальчик шел вдоль реки, его окликнули две девушки, которые стерегли коров на другом берегу. Он переплыл реку на лодке. Это оказались две крестьянки с курчавыми волосами, покрытыми росой, и с потрескавшимися накрашенными губами. На них были мягкие, теплые куртки из белой шерсти.

Рядом с девушками двое солдат застегивали штаны.

– Зачем вы надо мной посмеялись? – сказал он. – Вам ведь не нужен третий мужчина!

– Все верно, – ответили они, – но вечером артиллеристы возвратятся в казарму. Завтра мы останемся одни, и если вам захочется прийти, мы будем ждать!

Ночные раздумья

Зимней ночью, во время праздника в здании на берегу реки, юноша подошел к окну второго этажа.

Вверх по течению, за белым каменным мостом и палисадниками, он увидел город, выделявшийся на небе: с ветхими лачугами, улочками и бетонными зданиями напротив огромного собора – городок на севере Аквитании, уснувший до рассвета под плывущими большими тучами, которые были пронизаны прекрасными лунными лучами.

Этот юноша был очень красивым, бессовестным и безнравственным. Он развлекался на лагерных стоянках, и за ним стелился шлейф убийств. Вода плотины, перелившаяся невдалеке, влекла его душу к любви, которую он питал к своим спутникам. Однажды он сказал человеку из города:

– Если бы я умер, невелика беда: осталось бы воспоминание о славном пареньке, танцевавшем субботними вечерами.

Он не понимал своей судьбы, ненавидел люто и безрассудно. Слишком много лет, проведенных на фермах, и пороки мальчишек из хлева навсегда запечатлелись в его прошлом, в его жестокой и дикой душе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ночи

По вечерам устраивались весьма удачные загородные балы – нередко в старом жилище, построенном на окраине.

В небольшой комнатке мужчины пили белое вино. Парочки приходили сюда за зеленой мятой в больших тяжелых бокалах, а затем возвращались в бальный зал, залитый светом и теплом.

Временами мальчики хватали двух девушек и несли их высоко на вытянутых руках, а затем, когда менялась музыка, роняли наземь и снова поднимали.

В этом здании, возвышавшемся на краю черного поля, каменная лестница вела на второй этаж – в спальни, куда на рассвете приходили пары, пьяные от фруктовой водки, танцев и нежности.

Бал

Он отправился на бал – прошел вдоль ручьев и лужаек, чтобы посреди ночи подняться в сарай, сверкавший огнями, где танцевали девушки и молодые люди.

Искрящиеся волны с силой бились в берега и плиты бьефов. Здесь всегда было очень шумно.

Юноша спустился к бухточке и, сложив руки, зачерпнул холодной воды, которой смочил волосы, чтобы те красивее и ярче блестели.

Он проник в сарай. Музыканты играли бесподобно. Между балками свисала листва, окружая электрические лампочки зелеными абажурами.

Отыскав девушку, которую давно и страстно желал, он начал танцевать с нею среди парочек, топтавшихся по утрамбованной земле. Мальчик прижимал к себе гибкое и легкое тело этого порочного ребенка с предельной нежностью и в то же время вульгарностью: рукава его рубашки были закатаны выше голых и тонких предплечий, похожих на девичьи руки. Каштановые волосы мальчика ниспадали прядями, отяжелевшими от воды и духóв.

Она танцевала, то и дело прижимаясь к нему бедрами.

Порой он поддерживал ее, но, приставляя локти к туловищу, лишь терся о нее запястьями.

Вскоре они вышли из сияющего зала и спустились к лесу и ручьям, сверкавшим в ночи.

Каменные плиты на берегу блестели в мягком ночном освещении, рядом с тополями.

Немного отойдя от грохочущей воды, они улеглись на холодную луговую траву.

Став коленями на землю, он залез на девушку. Нежные губы сложились в чудесный поцелуй, и мужчина проник в нее.

Нежность отступила пред их борьбой, и безбрежная радость вызвала долгий хрип, который затих, лишь когда они, разжав объятия, повалились рядом.

Затем парочка вернулась в ярко освещенный зал, и девушка оставила его, присоединившись к разговору и подхватив смех других молодых людей.

Тайное сборище

Однажды ночью он спустился в низину с высокими деревьями и водоемами. Там, у выезда из города, ивовые заросли пересекала железная дорога. Под цинковой крышей гаража громоздились брошенные машины, автомобили и кузова, прислоненные к кирпичным стенам.

На бетонном полу молодые люди и девушки из окрестных домов танцевали до утра, любуясь друг другом, и пили до зари, покрывавшей росой берега, где многих тошнило в ручьи.

Любовь за городом

Ночью он отправился на бал за городом – в темном поле, у скал.

На берегу построили кабачок – длинный барак из досок, выкрашенных в синий цвет, покрытый гофрированным железом. Площадка возвышалась над волнами; электрические лампочки, подвешенные к ветвям, освещали большие прибрежные деревья.

Внутри зала, где танцующие укрывались от ночного холода, в ярко освещенной ложе, оркестр играл неприличные мелодии, чтобы не платить за авторские права. Девушки из нижнего квартала ходили только сюда. Сияние ламп просачивалось между плохо пригнанными досками барака, словно пылавшего на берегу. Парочки составлялись, распадались, ненавидели друг друга и кружились в безумном вихре.

Он познакомился здесь с одной странно сложенной девушкой. Ей шел четырнадцатый год – девочка с чрезвычайно гибким детским телом, вздернутым носом и лицом как лисья мордочка. Глаза у нее, наверное, были голубые, а губы алые и полные иронии, которая поражала на этом озорном личике. Рыжие волосы были затейливо уложены на макушке.

Обычно она одевалась в пестрые платья (длинные вертикальные полосы красного, белого и фиолетового цветов), которые очень туго стягивала, и они плотно облегали тело. На бедрах и заостренных грудях материя закреплялась еще и булавками. Деревянные башмаки ужасно натирали босые ноги, на которых кожа поднималась пунцовыми волдырями.

В темноте они пошли по бечевнику и молча взялись за руки под платанами.

Кожу облепил туман.

Вода, очень высокая в это время суток, казалась здесь неподвижной, пока они оставались над плотиной. Затем оба резко развернулись и сбежали по каменному склону.

За городом, несмотря на поздний час и зимний холод, люди все еще проходили по этой дороге, где парочка пряталась во мраке. Стоя рядом, они прислонялись к стволам платанов, млея от наслаждения.

Мальчик нежно проникал в нее – почти беглая ласка, пустяк, легкое движение, незаметное запоздалым прохожим, которые случайно задевали их мимоходом.

Прекрасный юноша

Вверх по течению, на островах рядом со скалами, высились голые деревья.

С наступлением сумерек над водой становилось свежее.

Неподалеку от берега, на опушке леса, отдыхали девушки и молодые люди.

На измятую траву лужайки были брошены плащи. Игры кончились, руки заснувших мужчин лежали на мягкой материи платьев.

Пока они еще смеялись в тишине лугов, молодой человек танцевал один на траве, уже увлажненной росой.

На ногах у него были черные брюки, а торс затянут в цветной шерстяной жилет. На свежих губах застыла улыбка.

Перед своими спутниками он проделал на цыпочках стремительные танцевальные па, и этот французский пейзаж заселился новым народом.

Партия в карты

Как-то вечером пришли его друзья и сказали:
– Пойдем с нами на сельский праздник.
Он тотчас пошел.

Они прибыли ночью. То был самый прекрасный момент бала. Семеро или восьмеро товарищей окинули взглядом зал, заполненный толпой танцующих, и, узнав, что оркестр получше выступает в другом месте, отправились туда через ночное поле, встречая по пути другие компании, которые тоже переходили из одного села в другое.

Лучше бы они туда не ходили: посредственные музыканты и тесный зал разочаровали их.

Возвращаться было слишком поздно. Они блуждали под скалами, среди густого кустарника, и заночевали в пещерах.

Скала была изрешечена естественными выемками, ходами, прорытыми водой, и галереями, на стенах которых растянулись изображения неведомых животных.

Поутру компания вышла из пещер и спустилась в долину по ступенькам, вырубленным в камне. На горизонте, над лесами, проплывали дождевые облака. Вдалеке, там, где земля словно закруглялась, серое небо прорывали проливные дожди и солнечные просветы.

Было воскресенье. Вместе со своими спутниками он перекусил в сельском ресторане, куда после обеда пришли первые танцоры.

Пока в соседней комнате начинались вальсы, юноша играл в белот. Его партнер бросил на мраморный стол легкий коврик, перетасовал и снял колоду, собрал жетоны из слоновой кости в углах черно-красного коврика и с любезной улыбкой сдал карты.

Все, кто не танцевал, собрались вокруг игроков. Часы пробили три, кто-то отдернул порванные шторы на окне, выходившем на улицу, и сказал, что пошел дождь.

На стол поставили рюмки с водкой, к которым ни один молодой человек не притронулся: все были полностью поглощены игрой.

Мальчик расстегнул чистый воротник белой рубашки и развязал галстук, заброшенный на плечо: его взволновала ставка, ведь он любил деньги.

Он снял куртку, аккуратно повесил ее на спинку стула и провел грязными ногтями между прядями, кровь прилила к щекам;

молодой человек пошел с первых фигур белота, проиграл и подсчитал очки;

выпил залпом водку, заказал еще две и сигару.

Его голубые глаза горели жестоким огнем.

Он подкурил сигару и тут же задул спичку. Раздробил уголья и вставил меж табачными листьями деревянную палочку.

Около четырех, после десятой рюмки, юноша встал, положил в карман потухшую сигару и прошел в танцевальный зал.

Ему не было равных в вальсе, и танцевал он очень быстро: в ушах звенит, рот распахнут, милая головка сельского парнишки запрокинута, веки опущены.

Вскоре он вернулся к пьющей компании.

Они поужинали яичницей-глазуньей и, главное, запили ее дюжиной бутылок вина. Немного навеселе, ухватившись за широкий круглый стол, они разбили олеографию с прудом в лунном свете.

В десять вечера, уже мертвецки пьяные, они заплатили, вышли в морозное поле и вскоре заблудились, шлепая по грязи, спотыкаясь, вздыхая на каждом шагу и разговаривая в темноте, – все вдрызг, поющие и плачущие слепцы, – пока, наконец, до добрались до пещер. Рухнув там на листву, компания тотчас уснула.

В этих пещерах их мучили отвратительные кошмары.

Им снилось, будто они катятся между раскаленными светилами в самой темной части неба, во тьме, усеянной солнцами, кружившимися с необычайной скоростью. Сами же они, превратившись в языки пламени, пересекались между собой, не разрезая друг друга, движимые круговым импульсом, который обуславливал их единство, – преображенные радостью, вечные музыканты и танцоры,

ну а на рассвете их тошнило у входа на горную выработку на склоне скалы.

В понедельник утром эти завсегдатаи праздников вновь принялись бродить из одного села в другое. Эти молодые люди часто приглашали друг друга в гости.

Те, что приняли у себя юношу (четверо братьев), жили на нескольких фермах, отчасти заброшенных и укрытых в тени большого каменистого холма.

Поздно вечером все пошли в деревню смотреть кино. В полночь, по окончании сеанса, они отправились обратно, срезая путь через луга, под смех и поцелуи, сорванные с девичьих губ.

Дóма четверо братьев обнаружили, что не осталось ни одной свободной комнаты для гостя, и решили разместить его на стогу соломы под открытым навесом из широкой шиферной крыши, поддерживаемой балками, которые лежали на каменных столбах. Навес находился в заброшенной части хутора.

Туда отправились всей гурьбой, проходя через дворы, вымощенные речной галькой, под ясным небом.

У желтого стога четверо братьев пожелали гостю спокойной ночи и наговорили всевозможных непристойностей. Младший из них подошел к нему, и они неожиданно влюбились друг в друга: под каким-то предлогом они на виду у всех слились в поцелуе.

Февральская ночь

Февральской ночью, проходя мимо собора, юноша услыхал очень чистые голоса, певшие под аккомпанемент органа.

Купола, крыши и фонари собора в римско-византийском стиле укрывал снег.

Юноша вошел в неф, переполненный толпой. Церемония завершалась. Священники окружали епископа, другие помогали тому, кто совершал богослужение.

За алтарем несколько сотен хористов с партитурами в руках стояли на скамьях полукругом, в виде амфитеатра.

Среди них он заметил очень красивую девушку: высокую, с крупным, пропорциональным и невероятно гармоничным лицом. Тонкий нос с горбинкой и каштановые глаза, в которых порой вспыхивало быстрое пламя.

Ее свежие детские щеки зарделись от алой крови.

Суровый, упрямый лоб, почти злобный, как у крестьянок, маленький рот и тяжелый, вульгарный подбородок.

Наверное, она была не из Перигора, а из Лотарингии или Шампани. Ее черные волосы, заплетенные толстыми косами, ниспадали на красивые плечи.

Юноша пронес под одеждой аккордеон, купленный на ярмарке: небольшой черно-красный инструмент с железной клавиатурой на восемь нот и кожаной гармошкой. Из этой своеобразной волынки он извлекал резкие, неприятные, совершенно деревенские звуки.

(Он был шутником и вертопрахом, причем весьма изобретательным: по ночам вечно бегал по городу и проказничал.)

Позже, когда девушка вышла из собора со своими близкими и почти добралась по заснеженным улицам до каменного моста, перекинутого через реку, юноша увязался за ней, играя самые красивые танцевальные мелодии, то обгоняя, то шагая следом.

Славная загородная шлюшка

Мартовской ночью он спустился за город, где река поворачивает у подножия высоких крутых скал. Там близ берега протянулась холодная тень.

Он плыл мимо на лодке.

В ночной тишине мальчик слышал птиц, поющих в этот час. Густые леса медленно колыхались. Он взобрался по тропинке, ведущей к бывшему Лепрозорию.

Он был всего-навсего двухэтажным, и на второй этаж можно было подняться снаружи по небольшой каменной лестнице. Старые стены покрывала черепичная крыша, над которой высились необычные, очень высокие резные дымоходы.

Он проник в комнаты с плиточным полом и голыми стенами, выкрашенными белой известью. Их освещали несколько керосиновых ламп, поставленных на дощечки. В этом бывшем Лепрозории, теперь превратившемся в притон, горел огонь из пихтовых дров в камине с фаянсовой облицовкой, на которой виднелись нарисованные рыбы.

Там он встретился с несколькими молодыми людьми, которые ужинали в компании девушек, известных всему городу.

Среди подружек на одну ночь была очень красивая девушка: невысокая, совсем юная, с ярко накрашенными губами, круглой головой ребенка и длинными черными волосами.

Она была алжиркой. Как и все в этом старом борделе, она отличалась богатством и вместе с тем каким-то убожеством.

На ней было тяжелое платье со сборками на поясе, босые ноги – в деревянных сандалиях, стучавших по плитам.

Это дитя часто встряхивало длинными волосами, запрокинув голову, и складывало ручки на белом затылке.

Девочка весьма учтиво беседовала со всеми. Точнее, говорила она мало, а только широко улыбалась во все свое крупное лицо, похожее на луну.

Глядя на мир восхищенными глазами и уважая общественные устои, она просто хладнокровно наблюдала, как через ее постель проходили целые гарнизоны – французские и иностранные.

Этот город, за которым они ужинали в ту ночь, стал любовью всей его жизни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Маленькая еврейка

Он вошел в кафе – первую комнату, выходившую на сельскую улицу.

В глубине застекленная дверь с красными и зелеными квадратами вела в бальную залу – подземелье, выдолбленное в скале: большое, совершенно голое помещение со скамьями вдоль светлых стенных панелей.

Потолок был обшит пихтовой дранкой и покрыт лаком.

В единственном окне виднелись скалы и курятники, а также молодые люди, взбиравшиеся по приставной лесенке.

Музыканты, сидевшие на железных стульях, поставленных на стол, время от времени играли: им заплатили наперед.

Солнечные лучи проникали в открытое окно и ложились на паркет почти пустой залы.

Несколько девушек танцевали друг с другом.

На этом послеполуденном балу и впрямь никого не было, так что музыканты играли вхолостую.

Порой врывался ветерок, и в первой зале из-за сквозняка хлопала дверь. Просветы на голубом небе отражались в тенистых углах. Над панелью висело круглое зеркало в рамке такой же формы, с ажурным орнаментом из искусственного мрамора – как на очень старых зеркалах.

Среди девушек, танцевавших друг с другом, одна была нездешняя – еврейка.

Она держала подружку то обеими руками, то одной, ступая с ней рядом и вновь возвращаясь. Ее синее саржевое платье раздувалось, когда она кружилась на месте, подняв руки над головой, но не отпуская ладонь приятельницы.

Обе – в кожаных сандалиях на босу ногу, словно дети.

Порой она танцевала одна, придумывая новые па.

Старик

Однажды ночью, гуляя по лесу в каплях воды после дождя, юноша добрался до ферм. Его полуголое тело прикрывала длинная клеенка, стянутая на бедрах кожаным поясом и опускавшаяся до худых, испачканных грязью лодыжек. Хотя было очень поздно, под круглым навесом с высокой, заостренной крышей горели огни.

Там сидела толпа гостей со свадьбы: они ушли, когда новобрачные по обычаю сбежали. Люди ужинали перед белыми простынями, которыми были обтянуты лиственные перегородки.

Спрятавшись, словно в домике, он просидел до полуночи среди гостей, чьи голоса становились все глуше. Молодой человек с матерью, жившие на ферме, были чрезвычайно добры и предоставили ему комнату на первом этаже.

Юноша разделил ложе с очень худым и дряхлым стариком.

На рассвете, во тьме комнаты, мальчик приподнялся на локте, рассмеялся, услышав, как старик разговаривает во сне и пищит, словно птица, и полюбил его.

Затем он снился старику светящимся и окруженными языками пламени до самого рассвета.

Последний день

На склоне холма устроили обед – молодые люди пришли туда повеселиться.

Позже они спустились на солнечные лужайки, двигаясь небольшими группками по тропинкам, перерезавшим наискось крутой берег.

Его охватила глубокая грусть, ведь никто с ним не разговаривал.

Один из присутствующих заметил его, подошел и на ходу передал юноше прозрачный бокал с вином, из которого тот выпил, а сам тотчас оставил мальчика, поскольку любил одну из девушек.

Вечером они возвратились наверх – на край неба, чтобы доесть остатки.

Стояли прекрасные августовские деньки. Под фруктовыми деревьями гости смеялись, сидя на высохшей траве (но не легкомысленно, как это свойственно молодежи, а ожесточенно – зорко следя за соседями и ненавидя друг друга).

День клонился к закату. В поле воцарялась полная тишина. Узкая долина под ними наполнялась тенями. Вокруг этого пригорка солнечные лучи останавливались на засушливых склонах холмов.

С наступлением ночи великая грусть разливалась над страной лесов и темных ложбин.

Гости сбивались в кучки, а он держался в стороне и лежал на траве. Он решил, что уйдет далеко и навсегда.

Наступила ночь с ее серьезностью, ночными криками, изумительной мягкостью лужаек, которые вскоре пронижет лунный свет.

Он знал большинство гостей. То были мужчины, и я понимаю, что они напоминали зверей, которые едят, переваривают пищу и порой приходят в волнение от какой-то смутной нежности.

Над высокими грушами, промеж зеленой листвы, вращались звезды.

Парочки отходили в сторонку, целовались под деревьями, возможно, без любви – просто потому, что земная тоска пугала их и одновременно усыпляла.

Юноша смотрел на гостей и думал о том, что они были друзьями и знали о предстоящем уходе – быть может, безвозвратном.

В нескольких шагах парочки мирно обнимались после любовной схватки либо ели опавшие яблоки.

Небо было ясное, и вся система дивных звезд светилась в его вышине.

Он наблюдал за друзьями, которые почти не скрывали своего безразличия и лишь для вида осушали бутылки – прямо из горлышка, большими глотками, лежа на спине и глядя на луну.

Все засыпа́ли на серебристой траве.

Юноша не смыкал глаз, облокотившись на светлый склон: его предплечье поцарапалось о стебли. Безмерное страдание убаюкивало и затапливало душу. Во рту было сухо. Запела птица. Один из его спутников, знавший о его уходе, но притворявшийся спящим, пошевелил бедром и повернулся, затем, вытянув руку, схватил еще полную бутылку и молча, с ироничной улыбкой, протянул юноше.

Он посмотрел на того, кто так красиво его предал, и вспомнил, что они любили друг друга.

Он выпил красного вина – почти синего в лунном свете.

Утолив жажду, приложил толстый холодный бокал к своей пылающей щеке и отдал бутылку тому, кто его разбудил.

Сам же склонился к траве и растянулся в долгой истоме юношеского тела.

Именно здесь он видел в последний раз спутников своей юности...

Из пихт подул ветерок, в голову ударила ненависть, а потом он испугался.

Почувствовав жажду, встал, переступил через спящие тела и поискал на склоне бутылки с оставшимися каплями, которые казались ему драгоценными, как изумруды, как ночные жемчужины.

Немного отойдя, он забрел под яблони, лег и заплакал долгими солеными слезами, слизывая их языком.

Он начал заходиться, будто расстроенный ребенок, положил голову на землю, но, испугавшись этого прикосновения к ледяной почве, снова выпрямился в смертной тоске.

Его грудь поднималась и опускалась с тихими вздохами, похожими на журчанье родника среди росших здесь кустов и камышей.

Он подумал:

«Взгляни на того, кого ты любил и кто сейчас окружен холмами.
Там – твоя любовь, тот, ради кого ты родился
и кого ты познал.
Там – единственная твоя жизнь между вечными порогами ночи.
Ты не знал ничего другого, ты знал только это».

Он вспомнил людей, предавших его без причины – так же, как когда-то они полюбили его.

Упало яблоко, и он его съел. Юноша уснул, и веки его смежились над солеными слезами.

Один из тех, кого он знал с самого начала, разбудил его, коснувшись рукой, и сказал, что не подавал вида во время обеда, но, возмущенный всеобщей подлостью, дополз до этого фруктового сада, не предупредив спящих.

Этот знакомый теперь жалел о своем поступке, сказал, что в некотором смысле все должны были избавиться от врага с азиатских равнин, прибавив: «Мы так и не поняли, за что тебя можно любить», и хотел бесшумно удалиться.

Но он задержал его и поговорил с ним.

Ночь была тихая. Они вернулись к гостям, которые спали или только притворялись, и он заснул.

Немного спустя, когда юношу разбудил шум речей, он увидел, что все спускаются с холма, с хлебом и бутылками под мышкой,
и тот, кого он любил больше всего... в последний раз оглянулся.

А сам он остался один наверху.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Другой берег Запада

Однажды, уже почти вечером, он добрался до Средиземного моря вблизи Сета[1].

Там дорога и железнодорожные насыпи из белого щебня тянулись вдоль берега и блестели ярче волн.

То было пустынное, болотистое место, горячий ветер рябил стоячие воды.

Он пошел по асфальтированной дороге. Вдали над городом золотистый воздух был неподвижен.

На шоссе он заметил юношу, похожего на него. Когда они встретились, наступила ночь.

Они сошли с дороги и устремились к пляжам.

Улеглись на песок. Море было плохо видно, оно волновалось и билось о берег.

Они расстегнули медные застежки на поясах, стягивавших чемоданы, и поели, глядя на прибой.

Проехал поезд, свет из окон озарил тростники.

Его спутник подбежал к рельсам и поднял упавшую газету.

Оба принялись разбирать печатные знаки и военные снимки – так они и сидели, бок о бок.

На следующий день они не ушли, а, перекусив, проспали до самой ночи на этом другом берегу Запада.

И Запад сыграл свою тысячелетнюю свадьбу с Богом.

Перигё, 1950

Перевод Валерия Нугатова

1 Сет – город на юге Франции в департаменте Эро. – *Прим. перев.*

ВАРВАРЫ ЗАПАДА

ГЛАВА 1

Мой друг П. все еще вызывает у меня глубокую, но очень странную привязанность. Было бы стыдно признать, насколько смело я воспользовался им, если бы я не сдерживал его при помощи средств столь нетипичных, что невозможно, как это будет видно впоследствии, осудить мои действия, поместившие его, без его ведома, в центр сети. Могу ли я утверждать, что он ничего не подозревал? В таком случае он достаточно владел собой, чтобы не выдать своих чувств, и он слепо служил делу, которого почти не понимал, и которому был верен лишь потому, что полагал его моим, коей причины оказалось довольно для его любви к делу. Если он верен делу до сих пор, это, на мой взгляд, человек уникальный и, возможно, замечательный.

Мы были настолько разными, когда познакомились несколько лет тому назад, что нам понадобились усилия, чтобы угадать друг в друге кое-какие совпадающие свойства. Обладая характером грубым и подозрительным, Поль был совершенно неприступен. Мой друг Б., с которым я виделся каждый день из-за общего увлечения абстрактной живописью, – в Перигё нас разделял мост – не знал, что и подумать; к тому же первоначально наши отношения были довольно угрюмыми, ибо я вовсе не сразу обнаружил эти одинаковые черты и понял, какую роль можно ему отвести. Он был учителем в Эзи-де-Тайак и жил при школе. Место это широко известно. Охота на болотах, обследование пещер нас вполне развлекали, но не привязывали друг к другу. Я был в Перигё, когда его записка заставила меня почувствовать, насколько его интересы могут стать моими.

Эзи-де-Тайак
Февраль 1951

Дорогой Франсуа,

Я погорел, я потерял все; мебель, книги и деньги в ящиках стола уничтожены школьным пожаром. Мне пришлось снять домик в горах, в стороне от деревни. Легкая крутизна тропинки тебя не отпугнет; так что жду тебя, когда пожелаешь.

Твой Поль.

«В стороне от деревни, в горах» сразу привлекло мое внимание. Его дом мог стать местом для прослушивания, которое нам было необходимо; мне следовало привязать к себе этого молодого учителя, понравиться ему, часто навещать его, не вызывая людского любопытства. Я тщательно изучил условия задачи,

кое-какие обстоятельства благоприятствовали нам: он был холост; нрава несколько угрюмого, как я уже убедился зимой, и, насколько мне помнилось, не поддерживал никаких знакомств; надо было оторвать его от приятелей, если они все-таки водились, и добиться того, чтобы стать для него незаменимым. Его простоватость обнадеживала; у меня не было права на ошибку; я немедленно отправил ему ящик книг, предназначенных для замены утраченных при пожаре. Вот список всех книг, которые у меня тогда были и которые я отправил в Эзи:

Древнегреческая скульптура.
Греческий дух в религии.
Ницше.
Рембо.
Египетское искусство.
Эдгар По.
Римское искусство.
Поль Валери.
Имморалист.
Дневник Жида.
Одиссея Гомера, в переводе Виктора Берара.
Сатирикон Петрония.
Галльская война Цезаря.
Сад.
Фрейд.
Четыре сына Аймона.
Волшебник Мерлин.
Великан Фелин.
Завоеватель планеты Марс.
Робинзон Крузо.
Дон Кихот.
Мексиканское искусство.
Пауль Клее.
Искусство Океании.
Индейцы Амазонии.
Древний Китай.
Доколумбова Америка.

Я отдал ему все свои книги; поскольку они должны были ко мне вернуться, речь шла не о подарке, а о выгодном вложении. В ожидании любезного приглашения я уже начинал беспокоиться, когда на меня свалилось письмо со штемпелем Эзи.

Дорогой Франсуа,

Спасибо за все эти книги. Почему ты не пришел? В занятиях по устройству нового дома я опоздал с письмом тебе. Он тебе понравится, я уверен. Я жду только тебя.

Поль.

Там были еще философские рассуждения на предмет пожаров: нужно, мол, все потерять, чтобы достичь счастья и т.д. Он пребывал в состоянии чрезвычайного возбуждения, объясняемого, говорил он, красотой места.

Он ждал меня на набережной, и, не сказав ни слова, пожал мне обе руки. Я окинул взглядом окрестности: я должен был по возможности все предвидеть и действовать быстро, полученные мной инструкции были на этот счет категоричны. Справа – руины школы и предвыборные плакаты; слева – кафе мэрии, киоски с открытками и первобытными сувенирами и отель «Кроманьон», еще закрытый, в ожидании туристского сезона.

– Сюда, – направлял Поль.

Мы сошли с главной дороги, чтобы вступить на тропинку сбоку от музея. Невозможно было найти лучший наблюдательный пункт, чем домик, стоявший на склоне горы, частично вделанный в скалу, как это принято в Перигоре всякий раз, когда выступ скалы позволяет ограничиться строительством только трех стен. В несколько прыжков он оказался у застекленной входной двери с частыми переплетами, к которым я прижал лицо.

– Смотри.

В доме была только одна комната. В глубине – скала. Его незаурядный нрав полностью развернулся в этом новом, очаровавшем его обиталище: с одной стороны – Спальня и Кабинет, символически и очень скромно представленные новым ковром, распростертым на цементном полу, двумя кроватями, столом и стулом; Кухня перед камином, то есть три кастрюли и котел; и, наконец, Мастерская, представленная наковальней. Я отложил на потом более тщательный осмотр места, чтобы сохранить в уме только странность моего друга, вкусы которого и особенно нелюдимость облегчали мои планы. С порога виднелись Фон-де-Гом и восходящее солнце.

Обнадеженный оборотом, который принимали события, я скручивал сигарету, попутно отмечая, что угол зрения составляет с 15° на севере до 90° на юге, когда он вернулся с кувшинами, что означало его пристрастие к родниковой воде и вполне устраивало меня. Эта любовь к чистоте дополнительно изолирует его, думал я, пока мы готовили кофе, который выпили на солнце, перед входной дверью, сидя на цементных ступеньках. Все шло к лучшему, очарование места ничему не мешало. Я глядел во все глаза на первые неизвестные уравнения, которое мне предстояло разрешить: практически все зависело от Поля.

Он предложил мне подняться вверх по Везере. После того, как мы достигли Тюрсака и решили вернуться в Эзи, он не нашел ничего лучше, как свободно

пустить лодку по водам, прибывшим после дождей в конце зимы. В полночь мы вернулись в его дом. Я не мог заснуть целый час, после того как был разбужен жутким воплем. За ним последовал еще один. Мне хотелось иметь дело с отшельником, но не с безумцем. Полураздетый в своей кровати, он оглядывал комнату: лунные лучи, проникавшие через многочисленные квадраты входной двери, выхватывали из мрака оружие, висящее на стене, угол стола, заваленного школьными тетрадками, кусок ковра. Я решил, что разберусь потом, и заснул опять.

Утром я увидел его в рубашке, он вернулся из сада, быстро оделся, приготовил кофе и подал его мне в постель. У него были занятия. Попросив меня сходить за водой, он побежал к школе, ибо будильник показывал без пяти девять. Я пододвинул к себе скамеечку и поставил на нее кружку; согревшись под одеялами, головой к стене, я выкурил пару сигарет. Потом взял его велосипед в школьном дворе – сгорел только учительский дом – и покатил в Монтиньяк.

У подножия холма красовалась статуя в стиле Генри Мура, я прислонил к ней велосипед.

– Господин Н., – спросил я у молодой женщины, которую увидел возле фермы.

– Мой муж на работе.

Ее английский был очарователен, если можно очароваться юной особой в джинсах, свитере из грубой шерсти и плетеных сандалиях.

– Вы местный? – опять заговорила она.

– Уже несколько дней. Могу ли я видеть вашего мужа?

Она ответила, что он рубит камень, а карьер расположен неподалеку.

Н. было 50 лет, азиатский климат не пошел ему впрок, и я порадовался, что ему удалось отхватить такую молоденькую девчонку.

– Я в восторге от вашего сада и работ, – сказал я, кивая на более или менее отесанные камни, что блестели на солнце.

– Ева (ее зовут Евой), приготовь нам кофе.

Когда она отошла:

– Вы живете далеко отсюда?

– В Эзи, я хотел вас видеть.

Они неплохо обустроили эту ферму. «Тедди», – прокричала Ева, ожидавшая нас перед грубоотесанным каменным столом, на котором дымился прекрасный кофе. Лужайки спускались к дороге.

– Красивый край, совсем не французский, напоминает Декан[1].

– Вы были профессором истории искусств в Тегеранском Университете; я живу у друга, каковы инструкции?

– Систематические прослушивания.

Ева улыбалась, медленно попивая кофе, и молчала.

– Ваш друг посвящен?

– Нет, местный паренек.

– Он подозревает что-нибудь?

1 Плоскогорье на юге Индии.

– Он не скажет. – С неожиданным воодушевлением я рассказал о его странном характере, о домике в скале.

Когда я уходил, перед статуями, усаживаясь на велосипед:

– Откровенно говоря... так себе...

– Я тоже так считаю, – очень просто ответил Н.

– Но не безобразно.

Поскольку речь шла не более чем о прикрытии, было естественным пожелать, чтобы оно оказалось самым простым. Эти камни на холме, ветер, синее небо, улыбка Евы и очень английская раскованность Н. составляли продуманную композицию, располагавшую к себе. Они оставались на лужайке: Ева, очень юная, одетая как мальчик. То, что он сумел привязать к себе это дитя, не поражало, не шокировало; разница в возрасте придавала их союзу значительность, недоступную для молодых пар. Н. выстроил свою жизнь, руководствуясь рассудком, и тем же способом он научился держать в возбуждении молодую жену. Основательное презрение к общественным порядкам явственно проступало в этой паре, внешне мало гармоничной и влюбленной. Существа едва повзрослевшие, близкие к своим инстинктам или дикие, имеют склонность к людям зрелым, которые потворствуют их непристойным наклонностям, знают, что такое истинная сексуальность, и лучше, чем молодой любовник, справляются не с ублажением, но с непрерывным обольщением. Ева была довольна и не скрывала этого.

Я оставил их не без сожаления. Это лучезарное утро конца зимы подвигло меня к действиям, к утверждению моей воли.

Оставив велосипед в школьном дворе, я сидел на пороге с книгой и сигаретой и ждал Поля; он пришел около полудня. Я совершенно забыл сходить за водой. Мальчишка, прибежавший через мгновение, подхватил кувшины и спустился к источнику; Поль немало гордился, особенно в моем присутствии, что у него был прислужник.

Мы пообедали перед входной дверью, выкрашенной в красный цвет – им собственноручно, разумеется – единственным отверстием дома. Я всегда ненавидел растворимый кофе, а он готовил его в неумеренных количествах, очарованный практичностью этой отвратительной бурды; прибавив молочного порошку и сахару, я получил нечто относительно сносное, и мы это выпили, облокотившись на три или четыре ступени, спускавшиеся в неухоженный сад. Я скрутил ему сигареты, он хотел тонкие, у него был отчасти изысканный вкус; я тщательно отметил эту черту. Он задавал мне по поводу современного искусства, которое он ненавидел из принципа, вопросы столь невежественные, что я не знал, что отвечать, чтобы не закрыть тему, так занимавшую его.

Со стороны реки донесся школьный звонок; Поль быстро спустился и отправился в деревню. Было установлено, что я буду работать с девяти до одиннадцати часов и с четырнадцати до шестнадцати, а Н. с Евой возьмут перерывы и остальное. У меня была в чемодане коротковолновая рация, которую я установил на углу порога и двери, расположение подходило как нельзя лучше. Аппарат тихонько вибрировал, мне оставалось только ждать, наблюдать

за садом. Меня радовало, что мои книги оказались у меня под рукой, я был немножко у себя дома и при этом навязал другому вещи, принадлежавшие некогда мне, и обнаружил их в новом качестве, подтвердившем мою роль и возможность играть свою игру.

Книги были даны без надежды на возвращение, и это прибавляло им важности, поскольку ему придется составить мнение о содержимом собственной библиотеки. Впрочем, ему хватало для счастья самого факта обладания книгами, ибо он не читал, их присутствие в его доме было всего лишь символическим и тем более необычным для существа настолько девственного, что уже названия гомеровых творений были способны повергнуть его в трепет. Мои книги, таинственно объединенные в его глазах только тем, что они мои, этой их близостью составляли массу, критическую и, я очень надеялся, действительно взрывоопасную; речь шла об интенсивной эмоциональной зоне, растревоженной появлением книг, на первый взгляд никак не связанных и однако родственных, эффектом присутствия – не моего, но предшествующего моему явлению. Возникшее у него чувство, что я безо всяких усилий сумел подчинить себе немалое количество внешне разрозненных элементов, делало его беззащитным против моей воли. Он должен был подпасть под мое влияние, моя безопасность зависела от его податливости.

На всякий случай я увеличил громкость. Ничего. Тишина. Развалившись на цементном полу, во второй половине XX века, я был счастлив. Мои вкусы, мои цели, непримиримые с мнением толпы, отделяли меня от большинства моих современников; я не был бесчеловечным, но, служа делу более серьезному, чем общественные отношения, разделял вкусы неведомой касты.

В четыре часа я выключил прибор, все убрал в чемодан и закрыл на ключ, как раз к возвращению Поля. Если у него возникнут подозрения, нужно было его предварительно привлечь на мою сторону; пусть я ждал многого от книг, мне не следовало пренебрегать усилиями; он ни с кем не виделся, его дом внушал надежду, что удастся оторвать его от всего, при условии, что я смогу выяснить его потаенные мысли и осуществить его мечты, ставшие причиной ночных воплей. Какое из моих чувственных усилий заставит его повиноваться? И с чего начать? Такой вопрос мог бы задать себе художник, ответ на него зависел от обстоятельств. Чего-то тут очевидно не хватало; то ли его слабости, то ли моей воли. Чего все-таки? Более тщательное наблюдение подскажет, быть может.

Я пребывал в растерянности, пока не заключил из вечернего разговора перед очагом, что оказался в обществе мальчика жестокого и жесткого, нежного, когда он этого хотел, когда я затрагивал чувствительные струны его души, когда мне удавалось привлечь его внимание; я изображал поэта, сожалеющего о прошлом, однако увлеченного последними научными открытиями. Я объяснял ему квантовую теорию, между тем как слова «привлечь его внимание» были ключом к тайне; чтобы подобраться к ней, я продвигался все дальше; красноречивый, уверенный в себе, я его успокаивал, я воплощал собой порядок; я был похож на него, но сильнее его, я соединял в себе противоречивые свойства, вроде его собственных (зачастую в точности его собственные), хорошо увязанными в пучок; приемлемое объединение представлялось вполне возможным и вытягивало его из беспорядка жизни. Он ответил грубым признанием:

– Не то чтобы ты мне нравился, но в сравнении с другими...

Поскольку я хотел сделать его частью своих планов, я совершил ошибку, посягнув на его территорию, и это спровоцировало его грубость. Он позволил мне высказаться, держал дистанцию, как говорят в боксе, но его суровое лицо не предвещало ничего хорошего. Желание меня убить проскальзывало в его взгляде, полном безумия; я разрушил его бессознательное счастье, я стал его злейшим врагом, я заслуживал смерти. Как животное, попавшее в ловушку, он становился опасным: это был кризис, мне нужно было его пережить. Он вскочил, схватил весла и исчез в саду.

Не без труда я нашел дорогу к реке, слабо светящейся у подножия скал. Вода грохотала между ветками. Глухие удары говорили о том, что лодка натыкалась на деревья, возникавшие ниоткуда в абсолютной тьме; река билась о берега и ежеминутно угрожала швырнуть его лодку на столбы, разбить о стволы деревьев.

Он отчаянно сражался, уверенный в своей силе и выдержке.

Инстинктивно он побежал к материнским водам, он любил воду, как любят женщину, и боялся ее меньше, чем меня. Я принял вызов: река, его таинственная супруга, о которой он говорил мне, решит мою участь. Он не мог понять, во имя чего меня осудить, но не сомневался в моей виновновности и решил передать меня в руки судьбы, рискуя утонуть вместе со мной, что оправдало бы его в этом убийстве. Суд Господень, ордалия – это хорошо соответствовало его образу мыслей. Через минуту мы наверняка опрокинемся: он меня примет безоговорочно, если останусь в живых! Я отказывался отдаться на волю рока; поскольку пути назад не было, мне оставалось только выбрать момент кораблекрушения; независимого судью, узкую нашу лодку, одним ударом весла я направил в дерево. Под темным небом я сражался с волнами; я думал, что погибну в воде; сильная рука ухватила меня за волосы. Лодка исчезла в ночи.

Мы не выплыли, а только уцепились за выступ скалы, по меньшей мере в тридцати метрах от берега; между ним и нами – бурный поток. Как ни зыбко было наше укрытие, идея оставить его, чтобы снова отдаться на волю течения, нас изрядно страшила; я замерз в воде; мы были здесь, в темноте, в сомнениях; внезапно я почувствовал его решимость меня спасти; схватив меня за плечо, он швырнул меня в поток. Ветка помогла нам встать на ноги.

Мы возвратились в дом. Навязчивые чувства овладели нами; он дважды спас меня, в этом не было никаких сомнений, после того, как сделал все, чтобы меня убить. Мы зажгли огонь. Соединенные тайной, ни он, ни я не приняли приговора реки, он не меньше, чем раньше, считал меня виновным, мне следовало понести наказание, заплатить собой. Не порицание – у него не было упреков в мой адрес – но кровавая жертва, которая искупила бы мое принуждение по отношению к нему, моральный ущерб, вызванный моим вторжением в его жизнь; я оставался его должником. В нашем нынешнем состоянии

мы нуждались в сильном отвлекающем средстве, которое бы помешало нам простудиться. Когда настала моя очередь получать удары плеткой, он понял, что я ему предложил заплатить за это своей шкурой; хороший предлог, который он принял, убежденный в своем на то праве. Обнаженный до пояса, лежа перед огнем, я подвергся жесточайшей в своей жизни порке. Мы были квиты. Согласие, подписанное моей кровью. Бутылка шампанского отметила наше возвращение к жизни; правосудие свершилось; убаюканные водой, без дополнительных объяснений мы приготовили ужин около полуночи.

ГЛАВА 2

Крепкий сон восстановил мои силы, я проснулся в девять утра и, как было условлено, возобновил прослушивание; Поль к тому времени уже ушел в школу. В небе, вымытом дождем, над скалистыми холмами, сияло солнце; я открыл входную дверь, запотевшую от росы, поток света ворвался в комнату, где пустая бутылка и наполовину обгоревшая свеча напоминали о событиях прошлого вечера. Теплый воздух предвещал весну. Я наслаждался тем, что опять вижу свет, такой молодой, такой ясный; очищенный, как и я, ужасной ночью.

В этом умиротворенном расположении духа я опять обрадовался своим книгам: счастье едва не стоило мне жизни; мы признали друг друга и вернулись к себе. Наше омовение в реке, символическая смерть омолодили нас: оракул, к которому мы обратились, предрекал счастливые события, прежде всего дружбу. Земля выглядела празднично, Везера струилась меж лесов и скал, охряные утесы пламенели под синим небом.

Из предосторожности я прервал прослушивание в одиннадцать часов. Мне пришлось предпринять усилия, чтобы скрыть свои чувства, пока Поль быстро взбирался по тропинке и дружелюбно мне улыбался. Я всегда беспокоился, когда он возвращался к себе, хотя мой чемодан был тщательно закрыт. За ним поднялся мальчик и остановился на пороге; Поль дал ему денег и велел купить для нас еды: сахара, вермишели, бульонные кубики; он взял банкноты из ящика, и мальчик побежал в деревню.

Солнце освещало наш дом; обилие света утверждало силу весны; кристально чистое небо отражалось в глубине комнаты, легкие тени плясали по полу. Мальчик вернулся и ушел опять. Наша распахнутая дверь блестела небесной голубизной. Нам было радостно, счастливо жить вместе; Поль, который быстро переходил от одного чувства к другому, не скрывал удовольствия от того, что видел меня. Он говорил об «Одиссее» в выражениях столь восторженных, что мне было стыдно злоупотреблять его доверием.

Сразу после обеда, как только стало возможным, я возобновил прослушивание. Я включил радио. Ничего. Тишина. В наушниках я слышал биение собственного сердца, ветер пел в спокойном воздухе, но ответ, которого мы ждали, не приходил. Нас окружало молчание, бездонное как небо. В пять минут пятого я отправился в Монтиньяк. Н. и Ева недоумевали, тем более, что мы были тут

всего лишь наблюдателями. На самом деле, будь я лучше информирован, как они, например, я скорее всего решил бы молчать; мы принципиально не обсуждали ничего, кроме технических вопросов; особая каста, вроде нашей, разделяет своих членов, сводит контакты к минимуму; сеть распыленная и все-таки крепкая. Объединенные общей верой, мы принимали свою долю одиночества.

Ночь опускалась на холмы, я шел садовой тропинкой, когда услышал голоса на нашем пороге. Я прислушался, не выдавая себя. Значит, Поль водил знакомства с местными, что разрушало все мои планы; эта помеха, о которой я совсем не думал, все ставила под вопрос; появление новых данных изменяло предполагаемое решение уравнения, все подвергало угрозе, хотя можно было придумать, как использовать и этот дополнительный фактор. Этот человек, назовем его +x, работал в ЛАБО, так он называл Лабораторию Биологических исследований в Эзи. Он развлекал Поля рассказами о повадках насекомых; условия жизни в деревне сблизили их, и я знал о пристрастии моего друга к науке.

Они распрощались довольно холодно. Гость прошел мимо меня, я был любезен, не более того.

– Он слишком ограничен своей специальностью, в нем не осталось ничего человеческого, ничего привлекательного для меня, – сказал Поль, когда я вышел из тени.

Его голос прозвучал надменно. Мы остались наверху сада, сидели на цементных ступеньках, еще теплых, в молчании; перед нами был восхитительный пейзаж. Темные леса на вершинах холмов выделялись на фоне чистого неба, скалы высвечивались в полутьме, поверх мглы, наполнявшей долину. Закат соперничал с прибрежными тополями за право отразиться в воде, и светлые пятна песчаника, казалось, не потемнеют до восхода луны.

Мощное магнетическое поле исходило от этого древнего святилища; холмы, скалы, обладали непобедимой силой; первые звезды, Венера, блестящая и зеленая, зажигались на востоке, и мы были потрясены красотой мира. Рядом со мной, на ступеньках, сидел в молчании Поль; прислонившись к приоткрытой двери, на темном пороге, мой друг олицетворял собой братское присутствие перед мистерией Земли и Звезд. Он поднялся; легкий ветер колыхал садовые травы, он переступил порог, зажег свечу, растопил очаг. Мы еще долго оставались снаружи, потом вошли в дом. Когда я лег, он принялся за проверку тетрадок, и я, смежив веки, видел друга, склоненного над письменным столом.

*

Первые лучи солнца предвещали безоблачный день, погоду холодную и сухую, привычную для конца зимы. У Поля не было занятий, и это воскресное утро мы спокойно провели дома, читая, куря на пороге, ослепленные небесной голубизной. Нам была по вкусу добровольная бедность, она доставляла удовольствие своей суровостью; наши отношения все еще были довольно восторженными, и несколько предметов, положенных на пол, удовлетворяли на-

шу потребность в роскоши. Изысканность моего друга требовала простоты; мы отказались от стульев, предпочитая располагаться на циновках, наш дом, с его скромной меблировкой, от этого казался просторнее, мы жили рядом с небом, в сотворенном нами мире, реальном и сделанном из нашей простой радости, скудость меблировки позволяла до бесконечности варьировать размещение и расположение наших сокровищ: шкатулок, оружия, камней. Поль был довольно стыдлив, да и я тоже, мы мало разговаривали, наша дружба была особенно ценна молчанием. На самом деле в нашем доме было что-то неуловимо японское, возможно из-за многочисленных стеклянных квадратиков входной двери. В стороне от людей, скручивание сигарет на деревянном подносе приобретало для нас очарование старинного ритуала. Наше взаимное уважение выражалось больше не в словах, а в деликатных жестах, небольших услугах, вроде скручивания сигарет; радость спокойствия, простые отношения мужчины с мужчиной, приятная мне созерцательность.

Он мне предложил побороться, мы решили устроить схватку в лесу, подальше от чужих взглядов. Нам не терпелось опять почувствовать вкус крови; по камням можно было подняться на вершину холма.

– Безжалостная битва, как договорились.

Жилистый Поль был серьезным противником, я это понимал, но понимал и то, что за порядок, который я ему навязал, нужно воевать. Я напал, он избежал захвата, сжал меня, чтобы задушить, мы упали в сухую траву, я стукнул его головой о камни, а он тем временем меня душил. Мне казалось, что я сражаюсь с животным; он сжимал меня всей силой своих напряженных мышц; из последних сил, уже начиная терять сознание, я подбирался пальцами к его горлу, когда он отпустил меня и поднялся на поляну. Немедленно вскочив на ноги, я напал во второй раз; удовольствие от игры, овладевшее мной, сделало меня нечувствительным к ссадинам и синякам. Я хорошо знал, что не смогу его победить, что речь идет о жертве, больше, чем о жестком поединке.

От его удара головой у меня прервалось дыхание, он зажал меня между ног, я со стоном погрузился в полную темноту. Я открыл глаза, разбитый, но гордый тем, что боролся без криков о пощаде. В его глазах горело пламя, я позволил ему провести первый прекрасный поединок: победитель, он становился моим должником, никто из местных парней не потерпел бы такого обращения, это укрепило наши отношения, которыми я известным способом пользовался в его доме. Я хорошо видел, что мне придется часто бороться с ним, наше согласие основывалось на чистой и простой жестокости. Мне он был нужен по причинам, о которых ему не следовало знать. Был ли я его другом? Я им был в мере, необходимой для моих планов; во мне просыпалась нежность, его нрав, поставленный мне на службу, вызывал мое уважение, которое крепло и переходило в привязанность. Мне бы хотелось, раз у него появились подозрения, чтобы проснулась также и гордость от той роли, которую я ему отвел.

*

Я вспомнил о его криках; похоже, он испытывал склонность к убийству; если он уже убивал прежде, то именно мне суждено изменить его жизнь. Я оценил глубину пропасти, на краю которой вычерчивал свои планы. Таким образом, я должен был учитывать в своих расчетах безумие; у меня никогда не будет ВСЕХ данных уравнения, ибо его поведение вряд ли будет логичным; я исключил +*x*, чтобы встретить (большое) *X*, неизвестную, которая облегчала мою работу в той же мере, как мешала ей. Его безумие, которое рисковало все разрушить, тем не менее позволяло мне быстро идти вперед, я воспринимал его как +*X*, непредсказуемую движущую силу, и решил пользоваться ею, основываясь на оценке вероятностей.

Только от меня зависело, смогу ли я сопротивляться его сумасшествию, беспрерывно навязывать свою волю, рискуя навлечь на себя кару; сознание собственной власти давало основания сдерживать беспокойство. Удовлетворяя его жестокость, принося более или менее кровавые жертвы, я предотвращал худшее; поскольку я не страдал от недостатка смелости, то надеялся на благополучный исход; да, только от меня зависело победить сначала свой страх, потом навязать свою волю, чтобы воспользоваться его безумием.

С наступлением темноты он исчез.

*

Он вернулся ночью и быстро лег. Зрелище, которое предстало моим глазам, вывело меня из полудремы, я решил, что брежу: как сказано, дверь выходила на скалы, расположенные прямо напротив дома; они казались островами в серебристом тумане, накрывшем долину Фон-де-Гом. Чистый воздух, эти темные холмы, что возвышались над Везерой, и туман в лунных лучах были совершенны, словно китайская гравюра. Поль внезапно вновь заунывно завопил, заснул опять, а я продолжал наблюдать фантастический вид, стоявший перед моими глазами этой предвесенней ночью. Диковинный Перигор, настолько напоминающий Азию, что я подумал о Н., о своей работе; утром я опять приступил к прослушиванию.

Мне кажется, дети успокаивали его; этим школьным утром, в понедельник, он был дружелюбен, но не рассказал о цели своей ночной отлучки. Он спустился к школе, я включил радио.

Деталь, которой я до сих пор пренебрегал, теперь требовала к себе внимания: необходимость выбрать прикрытие от любопытства местных жителей; конечно, я был другом молодого учителя, но нужно было найти что-то получше, чтобы удовлетворить общественное мнение; выдать себя за живописца показалось мне очень удобным. Н. занимался скульптурой, почему бы не рисовать! Мое присутствие в домике среди скал никого бы не удивило, если бы

я был художником. Мое ремесло и красота пейзажа объяснили бы все: мое пристрастие к Эзи, мое одиночество и мои повадки, если бы они показались не совсем обычными; Поль, знавший о моей дружбе с Б***, не удивился моей внезапной любви к абстрактной живописи: ибо я не хотел писать с натуры, на окраинах моей жизни живопись была всего лишь схемой, уравнением среди других уравнений. Меня увлекал продвинутый математический анализ; хороший шахматист, ближе к майя, чем к Коро, я любил игру, алгебру, удовлетворявшую мою природную жестокость и остроту ума: выбор духа, полоса военных действий; мнимый мир сводился к знакам не таким ужасным, как настоящий. Чистая абстракция в противовес моей смутной судьбе.

Утром новой эпохи я ощутил душевную свободу; мое прослушивание опьяняло меня, нетерпение отыскать образцовые формы, лазурное небо и земля, охряная и белая, пробуждали во мне радость жизни. Я хотел, чтобы время проходило в этом, без особенных усилий с моей стороны. В одиннадцать, до того, как Поль возвратился из школы, я спустился в деревню и купил там сухую краску, масло, сиккатив, кисти, грубый холст, не скрывая от любопытствующих, что я художник.

С покупками подмышкой я поднялся на скалы. Я разложил холст на цементном полу и зафиксировал тяжелыми предметами; размешал краски в банках из-под «Нескафе», поставленных на газеты, и начал рисовать, когда пришел мальчик и деликатно толкнул дверь. Ему, очевидно, здесь очень нравилось. Против света он был похож на ангельского вестника. Он заполнил цветом один из квадратов моего холста. Его присутствие и юность были хорошими предзнаменованиями; он покорно вошел в мою схему; этот квадрат, думал я, принадлежит ему: небесная голубизна как лазурь этого мартовского утра.

Прибыл Поль. Удовольствие обедать на ступеньках компенсировало отсутствие соли в супе; Поль сводил свою стряпню к минимуму; он зажег спиртовки, не глядя на мой холст, раскинутый в трех метрах от него, как будто рассерженный тем, что он больше не дома. Затем, перейдя от одного настроения к другому, он живо возжелал, чтобы законченное полотно осталось у него. Я обещал ему работать быстро, он спустился к школе, я включил радио.

– Н.: Ничего нового; теперь ваша очередь.

Моя очередь продолжать прослушивание. Ждать. Быть готовым, в одиночестве или почти. Примерно до четырех часов я рисовал весьма усердно, стоя на коленях, на полу. Когда все было закончено и холст был прибит к стене снаружи дома, я скрутил сигарету, не без труда, потому что пальцы клеились от сиккатива. Поль был очарован: эта абстрактная картина, еще влажная, своей агрессивной геометрией раскалывала камень: она показалась нам символом нашей дикой жизни.

Он быстро перешел от одного желания к другому и тотчас же пожелал его осуществить. Он бросил мне автоматический карабин, сам взял винтовку, и мы вышли под красно-золотое небо, в то время, как холод подступал вместе с ночью. Зимой мы уже охотились на этом берегу, в необитаемой болотистой

долине. Бён[1] прорезал скалу на участке, непроходимом как из-за вод ручья, так и из-за сплетения камышей, которые Поль, шедший впереди, мягко раздвигал концом винтовки. Он любил охоту без разрешения, ему нравилось исчезать из поля моего зрения, пропадать среди сухих трав, в погоне за птицей, и появляться только после выстрела винтовки, едва слышного в этой густой растительности. Предоставленный сам себе, Бён был не лишен очарования. Поль был прирожденным охотником, так же, как и я, в засаде, среди стеблей тростника, дрожавших под легким вечерним ветром.

На краю холма показались руины замка Коммарк; в этой пустынной долине зима сменялась весенней мягкостью. Наши пальцы чувствовали порох, наши выстрелы хлопали между скал. Нам захотелось пить. Когда мы выпили вина и собрались возвращаться, я опять испытал страх перед ним; его молчаливое возбуждение заставляло меня опасаться худшего; при том, что я был в восторге от охоты и от первых звезд. Он мыл руки в источнике. Глядя ему в лицо, я взял свой нож и вонзил себе в руку, кромсая плоть, пока кровь не поплыла между камней. Эта жертва обострила его радость, его удовольствие жить со мной, которое превратилось в туманную нежность, неясно братскую, успокаивавшую и умиротворявшую его. Моя кровь смешалась с чистыми водами источника, он погрузил в него лицо и очень медленно пил. Мы вернулись в Эзи.

Первое, что мы увидели среди ночных теней, был мой холст, мимолетное видение, ожидавшее на нашем темном пороге, мы выхватывали его из черноты сада, и оно почти сразу исчезало опять: ибо нет ничего глупее, чем потерять ключ, укрытый между зарослей ежевики, и искать его, сжигая, одну за другой, два десятка спичек.

Мебель потрескивала от холода, мы развели огонь.

– Кто ты? – спросил Поль, – я ничего о тебе не знаю, мне бы хотелось, чтобы ты рассказал. Ты близок мне и далек от меня.

По многим причинам я предпочел промолчать. Я протянул ноги к камину и до трех часов ночи пытался понять, чего от него ожидать. Боясь вызвать его неудовольствие, я не решился повторно спросить его о ночной отлучке, эта неизвестность не давала мне покоя, так же, как его отказ мне ответить; поскольку у него не было никаких интрижек, я склонялся к версии ночной прогулки в лодке, одинокой, довольно дальней; что он попросил совета у страшных вод, что он просто хотел видеть реку, которую любил, и скрыться от меня до какого-то момента, и что в нем не было ничего, неизвестного для меня: лучше сказать, его желание молчать – чтобы намекнуть на свою тайную жизнь – мне было даже отчасти приятно, ибо я вполне надеялся обратить в свою пользу подозрения, если бы они появились; наша дружба, как известно, была ценна нашими молчаниями.

Ветер дул в ближнем лесу. В этом одиноком доме, в разрушенной Европе, завоеванной в большей степени, чем об этом принято думать, творится нечто необычное, размышлял я, помешивая угли. Вдалеке от Парижа, в лесах, другая цивилизация; новые цели.

1 Ручей в долине Везеры, использующийся для водяных мельниц и мелких ремесел.

ГЛАВА 3

Те несколько часов, что я проводил у приемника, раскалывали мою жизнь и мое понятие о времени. Это была не столько работа, сколько пребывание рядом с небесами; я не могу сказать, что я непрерывно об этом думал, но скорее, что меня изменило это ожидание, тщетное, внесшее смуту во все мои действия, тянувшее меня к полюсу; внимательный наблюдатель обнаружил бы здесь ось и координаты и наткнулся на точки, необъяснимые, если не принять новый порядок.

Я наслаждался в полной мере своей двойной жизнью и своей работой: этой образцовой реальностью. Волею обстоятельств я оказался в месте по-настоящему красивом. В Перигоре я особенно почувствовал очарование Франции. Этим чистым мартовским утром Везера струилась под небом синим и божественным, оживленная холодом, сухими травами, ветром, что отзывался в безлюдной тишине; все эти размышления укрепляли мою волю; я любил Ницше, он как будто неизвестен; слишком немногие, это правда, читали Ницше без замешательства, на свете так мало одиночек, истинно сильных духом; фрагментарный характер его творений, его мужественность – ничто не могло служить лучшей пищей для размышлений.

У меня было время и желание спокойно медитировать. Поль заказал мне другой холст, в охряных, синих и желтых тонах и в черно-белую клетку, и мы положили, в полдень, шахматную доску перед дверью, там же, где я держал приемник, что я отметил про себя. Играть против него, облокотясь о пол, мне нравилось, это сближало нас, на нас смотрел мальчик, позванивала наковальня. Он пошел королем, мальчик рассмеялся из-за неправильного шахматного хода. «Твой ход», – сказал он очень просто. Он был спокоен, я не в меньшей степени. Я не знал, что делать, что говорить. Он чистил ногти ножом. Я двинул ладью, против правил, без внешней логики. Он поразмыслил и взял ее. Он заставил меня играть абсурдную и страстную партию, способ сказать: это ты, ты перевернул мою жизнь! Я пошел ферзем. Требовалось понять, кто из нас выйдет победителем, сможет одолеть другого без отсылки к правилам, от которых мы отказались; со стороны невозможно было догадаться, что это символическая битва, что первый раз, лицом к лицу, он заставил меня играть в открытую: подняв партию на уровень непознанного, он хорошо показал, о чем шла речь: о нашей совместной жизни. «Твой ход», – снова сказал он. Я...

Моя рука, подобно руке слепца, парила над доской, напоминая, я бы сказал, полет дикого ястреба. Одним взмахом крыла я набрал высоту. Он не был моим врагом, он просто следовал взыскательным взглядом за моими медленными перемещениями, и он ждал, что я приземлюсь; с доверием, почти дружески, он уже принял решение, но он хотел, чтобы у меня было мужество показать свою цель.

– Шах и мат.

– Согласен, – сказал он.

Он подчинился моей воле. Все закончилось без объяснений. Я хотел им повелевать, он согласился.

Он ушел, не пообедав. Он оставил меня наедине с моей победой и голодом, не зная ничего о моей истинной деятельности, его АБСУРДНАЯ игра это доказывала, и если бы даже он о ней знал, сейчас я УБЕЖДЕН, что он никак бы не воспротивился. Он определенно готовил этим утром удар, и он должен был обрадоваться, что я ему подыграл; мальчик тоже ушел в школу, и я включил радио.

Самое забавное заключалось в том, что Н. не подозревал, что я до него побывал в Ноасере, в Бен-Герире[1] и, конечно, в Сахаре, что я с самого начала был среди тех, кто знал, о чем идет речь. Я пытался ясно видеть смысл, но не своей работы, а своего предназначения. Эта двойная жизнь мне, безусловно, доставляла удовольствие, из-за страсти к независимости (в Бен-Герире я работал помощником повара, тут...). Кем я был тут? Возможно, я впервые был счастлив, в этом орлином гнезде, нависавшем над долиной Фон-де-Гом.

*

Да, мгновение счастья, вероятно, поэтому я пишу эту книгу. К вечеру, на охоте возле Коммарка: я не могу помешать себе любить его, – подумал я, – тем более стыдно использовать его. Он благороден и чист, близок мне, очень одинок, он меня принимает, не зная, чем, на самом деле, я занимаюсь в его доме. Я бы хотел во всем признаться, сказать ему, что теперь я его люблю. Я успокоился, сказав себе, что он знал, возможно, больше, чем давал понять, что он молчал из-за пристрастия к молчанию и к тайне. Наша бурная дружба объединила нас на исходе дня; непобедимая спесь, пришедшая из глубины веков, приблизила нас друг к другу: мы стояли на скалистом выступе, перед золотистым небом, с оружием в руках, остановленные там изгибом Бёна.

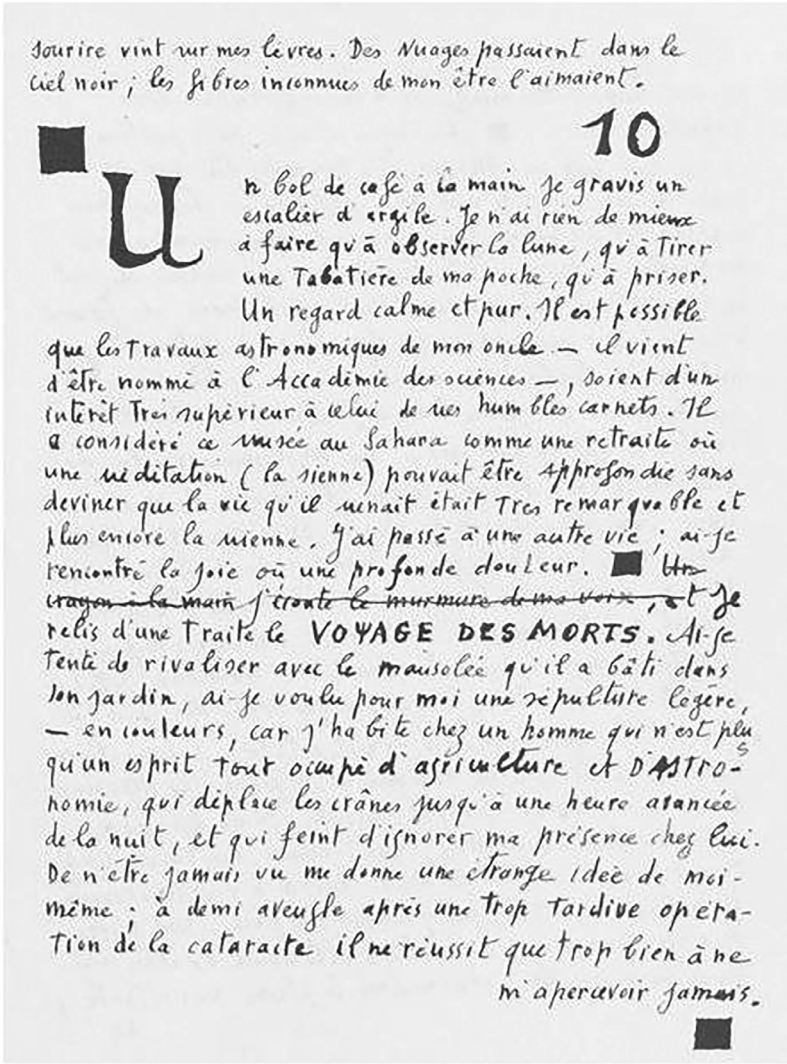
Я выстругал лук и стрелы. Когда мы вернулись, к ночи, у огня, я соорудил оперение из перьев и клея, острия – с помощью гвоздей, раскаленных меж углей и расплющенных на каминных камнях. Поль курил перед камином, слегка отодвинувшись, среди теней комнаты. Я открыл дверь.

Моя азиатская страсть к звездам встретилась с его старинной любовью к источникам: я, славянин, рожденный в США, с одной стороны, и мой друг, не вполне покинувший кельтский лес, – мы составляли странный союз. С одной стороны, моя воля, с другой – древняя Европа. Возвращение к кланам, к кастам: новые ВАРВАРЫ ЗАПАДА, в обедневшей Франции, будущей провинции Азии, наше явление знаменовало конец Империи.

Чистые звезды сияли над Везерой.

Перевод Элины Войцеховской

1 Населенные пункты в Марокко.



sourire vint sur mes lèvres. Des Nuages passaient dans le ciel noir ; les fibres inconnues de mon être l'aimaient.

10

Un bol de café à la main je gravis un escalier d'argile. Je n'ai rien de mieux à faire qu'à observer la lune, qu'à Tirer une Tabatière de ma poche, qu'à priser. Un regard calme et pur. Il est possible que les Travaux astronomiques de mon oncle — il vient d'être nommé à l'Académie des sciences —, soient d'un interêt Trés supérieur à celui de mes humbles carnets. Il a considéré ce musée au Sahara comme une retraite où une méditation (la sienne) pouvait être approfondie sans deviner que la vie qu'il menait était Tres remarquable et plus encore la mienne. J'ai passé à une autre vie ; ai-je rencontré la joie ou une profonde douLeur. ~~Un crayon à la main j'écoute le murmure de ma voix~~, et je relis d'une Traite le VOYAGE DES MORTS. Ai-je tenté de rivaliser avec le mausolée qu'il a bâti dans son jardin, ai-je voulu pour moi une sépulture légère, — en couleurs, car j'habite chez un homme qui n'est plus qu'un esprit Tout occupé d'agriculture et D'ASTRONOMIE, qui déplace les crânes jusqu'à une heure avancée de la nuit, et qui feint d'ignorer ma présence chez lui. De n'être jamais vu me donne une étrange idée de moi-même : à demi aveugle après une trop tardive opération de la cataracte il ne réussit que trop bien à ne m'apercevoir jamais.

Страница рукописи романа «Путешествие мертвых»

ПИСЬМА ЖАНУ БУАЙЕ

3 июня 1950 [1]

Мой дорогой Жан!

Я отправился к Ж.[2] на Сицилию. Он встретил меня с распростертыми объятьями, публично меня расцеловал. Он был взволнован, доволен, счастлив! Мою книгу ему дал Камю. Книгу он взял с собой на Сицилию, но по возвращении должен ее вернуть. Он то и дело в порыве нежной симпатии брал меня за руки. После 45-минутного разговора:

– Мой милый, уходи. Но прежде хочу прилюдно поцеловать тебя. (Мы стояли на террасе отеля, на берегу моря; вечерело.) Я мягко положил руки ему на плечи, и он меня поцеловал. Его сердце билось учащенно. Я тоже поцеловал его и ушел.

Я провел ночь (прекрасную теплую ночь), купаясь в Ионическом море при свете луны, танцуя на маленьком островке и обнимая деревья.

Ж. занимается издательскими делами. Возвращается во Францию, пресыщен своим путешествием.

А я хочу немного побродить по Сицилии.

Нежно обнимаю тебя. Ф.

* * *

Габес, 23 июня 1950

Мой дорогой Жан!

Я в Габесе, юнгой на борту траулера «Нипми». Это тяжело, но прекрасно. Я танцую от счастья среди волн и потоков солнечного света. В июле я надеюсь быть в Перигоре и увидеться с тобой. Люблю тебя всем сердцем. Много работаю над книгой, которая еще далеко не окончена. Часто пишу А. Жиду.

Ф.

---

1 Эта дата, 3 июня, будет изменена и превратится в 21 июня при написании Ожьерасом X-ой главы «Отрочества в эпоху Маршала». Ожьерас придавал особое значение дням солнцестояния.

2 В июне 1950 г. в Таормина на Сицилии состоялась встреча 25-летнего Ожьераса с Андре Жидом *(прим. перев.)*.

* * *

Агадир[1]

Я каждый день думаю о тебе и пишу тебе в одну из минут страшной усталости, которые у меня здесь частенько случаются среди бела дня – хороший случай отдать должное нашей дружбе!

Только что выпил на пляже не одну чашку кофе, и в голову мне ударило буйное веселье. Нескольких дней впроголодь довольно, чтобы убить всякую чувственность. Я забредаю на строительные площадки города и, раскинувшись на земле, ловлю свет ... и память о нескольких людях, которым свет служил пищей! Оттого я почти на уровне героев *Los Olvidados*[2].

Последнюю неделю я провел с одним французом, жил у него в доме; под испепеляющим дневным солнцем я был мало на что способен: я жил в рабстве, я страдал..! Мне было тяжелее, чем в моем нынешнем одиночестве на берегу океана! У меня были причины для слез: я по получасу в день, а то и больше, проводил в постели и подвергался истязаниям. Мой отход от живописи в страданиях искал путь к обновлению.

Ведь живопись – это тоже и муки, и распутство...

Около трех часов дня я выходил. На раскаленных улочках я продавал кое-какие вещи, которые мне этот француз давал (так он со мной расплачивался) или те, что я крал. Как-то я разгуливал несколько часов кряду со старым магнитофоном в руке, пока не нашел покупателя..., продал за триста франков..., я плясал от радости в лучах закатного солнца, а легкие африканские барабаны уже били в окрестностях города!

Испания XVII века была мне понятней, когда я ощущал на себе ту тяжкую несвободу.

А сегодня я бродил в колючих зарослях, и на меня набросился какой-то псих, вооруженный железным крюком и камнями! Мне хотелось бы знать, что ты думаешь о моей жизни. Любопытно, что в этом письме я почти вою от голода и нищеты, хотя сейчас у меня завелись деньжата; пишу письмо, сидя в шикарном кафе, и мне уже начинает казаться, что голод и нищета были в другой жизни; но я изнемогаю от палящего солнца, и тебе в Париже оно должно быть знакомо. Хвала тому, кто изобрел табак! Тот, которым я разжился, был суховат, и я смочил его в морской воде; теперь мне кажется, что я курю целый океан...!

Голова кружится, и не на шутку захмелел – и люблю тебя.

Две недели назад в горах я попал в жуткую грозу. Над засеянными холмами, готовыми к жатве, небо было чернее черного, его рассекали молнии – и ни капли дождя. Высоко вздымались вихри желтой соломы и пепел летних пожаров.

1 Дата на штемпеле конверта: 8 июля 1953 г.

2 Фильм Луиса Бунюэля «Забытые» (1950) о подростках-беспризорниках.

Кажется, начинаю приходить в себя и потому завершаю мое письмо.

Как все нескладно в моей жизни! Может, оно не так уж и плохо, но спасает меня только способность писать... и память о Перигоре! Мне никогда так не хотелось излить на бумагу какую-нибудь фантастическую историю! Живя у этого француза на прошлой неделе, я падал перед ним на колени; говорил ему, что он должен дать мне передышку, что мальчикам нужен отдых! Только женщина могла бы понять, что означает это слово, когда правит бал мужской эротизм!

С нежностью и тоской вспоминаю о тебе и Плясе.

Ожьерас

Марракеш (медина)[1], до востребования

* * *

Агадир, 9 ноября 1953

Мой дорогой Буайе!

Будь добр, напиши мне как можно скорее рецепт темперы на яйце: сюда, в Агадир, до востребования; письмо последует за мной, а сейчас я еще не знаю, куда отправлюсь дальше. Сейчас я ужасно страдаю на этом жутком побережье к югу от города. Я совершенно разбит, с утра до вечера брожу по берегу; подбираю щепки, выброшенные на песок, то бросаю их обратно в море, то складываю из них костер. В этом году на море ни души; вечерами я достигаю пределов моего сознания... и подхожу к началу иного знания.

Да, еще все возможно, и даже живопись.

Не знаю, хороши ли, плохи ли мои дела; дым чадящих щепок меня опьяняет.

Больше писать не могу, устал.

Твой друг Ожьерас

* * *

Тинерир, 17 ноября 1953

Я обнаружил письмо, которое так тебе и не отправил. Я ушел в пустыню; не обнаружил там ничего, кроме кладбищ среди камней, красных тряпиц и битой посуды. И Океан снова неудержимо манит меня. Уже пять дней я возвращаюсь к западу, иду трудным гористым путем, дороги из-за осенних дождей непроходимы. Горы наполнены возгласами берберских женщин, никогда не слышал столько музыки в преддверии зимы; но я угадываю глубинное благородство этой музыки, Явления перед ликом моря, нечто ультрасовременное, высшее по отношению к индо-персидскому искусству, которым я до сих пор занимался. Я внутренне изменился, сейчас я ближе к городскому бродяге, заброшен-

1 Медина по-арабски значит «город», так называют старую часть арабских городов *(прим. перев.)*.

ному волею судьбы на океанский берег, чем к пастухам, сынам гор. Мне хочется пить кока-колу, стучать по листам железа... и еще меня манит живопись.

Так что поскорее пришли мне рецепт темперы. Краски, думаю, нужны порошковые, которые приготовляются с добавлением масла. Пиши в Агадир, до востребования.

Жаль, что ты не можешь приехать. Передай привет Лот.

Твой друг Ожьерас

* * *

Перигё, 12 октября первого года Космической эры

Мой дорогой Буайе!

Я получил твою посылочку, она меня взволновала. Последнее время ты проявляешь ко мне столько внимания и тепла, что я очень тронут; я будто услышал эхо – несколько запоздалое, но глубокое – уважения и дружбы, которое к тебе всегда испытывал. По правде сказать, я еще не знаю, как поступлю с твоим подарком, поскольку переживаю сейчас жестокий кризис, бурю (впрочем, ожидавшуюся), в которой для живописи места не осталось. По крайней мере, для моей живописи. Среди множества сил, атакующих меня последние два года, есть одна, которая и поглотила мои занятия живописью: словесное самовыражение, более захватывающее, чем когда бы то ни было, после молчания, которого я несколько стыжусь. Шлюзы открылись, и я вырвался на морской простор, к приключениям, к опасности, я снова следую моей нелегкой судьбе. Я должен высказаться, и интересен я только в этом качестве, в осмыслении моей эволюции. Однако моя живопись озадачивала друзей; столько пороков и добродетелей не вместить в акварели!

Я с детства был окружен музыкой, вот и теперь она не дает мне покоя. Я снова чувствую зов судьбы, и снова мне страшно. Я готовлю ряд выступлений[1], мне необходимо высказаться, услышать звук моего голоса. Этот шаг поможет мне идти дальше моим путем.

Послать тебе третий номер журнала *Structure*[2] или он у тебя уже есть? Был бы очень рад доставить тебе это удовольствие. Речь тут больше не о любезности, а о справедливости и неизбежности, поскольку в нем должны быть твои

1 Этот проект готовился серьезно и касался истории искусств. Ожьерас предпринял даже в этих целях путешествия в Германию, но был разочарован тогдашними умонастроениями местных жителей.

2 Этот номер был тематическим: «Магическая эпоха». Две страницы уделены Ожьерасу: «Ночная медитация», отрывок из *Путешествия мертвых.* Рукопись сохранена и воспроизведена факсимильным способом в труде, опубликованном музеем Артюра Рембо в Шарлевиль-Мезьере: «Франсуа Ожьерас: Путь, подобный пути Артюра Рембо».

фотографии[1]. Отовсюду слышу похвалы, которые мне приятно тебе передать. Ну, как тебе все это? Меня не оставляет чувство осквернения, как после всякой публикации. Осквернены или нет, но твои фотографии напечатаны тиражом 2000 экземпляров. Такая жертва, необходимая для распространения наших идей, должна быть принята с верой и смирением. Твои статьи вполне могут занять свое место в *Structure*, если ты не против; Жоэль несколько далек от этого, он все мечтает о Вечном; я же отдаю себе отчет, что в XX веке, увы, нельзя жить затворником – нужно говорить! Хотел бы знать твое мнение, не столько о моем тексте, адаптированном для школьников обоего пола, сколько о «*Монологе*» Тристана[2] (там все о нем и его жене...)[3].

Мы с Полем видели их, когда вернулись из Испании, и Поль чуть не подрался с нами, разозлившись на наше свободомыслие, на наш безудержный полет фантазии... Он предпочитает наши походы по Везеру, не допуская мысли, что у меня есть и другая сторона, что красноречие и варварство – два полюса моей жизни..., и они равноценны; живопись находится как раз между ними, в жестко заданной точке, к которой я сейчас не могу себя привязать, находясь в бурном развитии. (Но я еще мечтаю о больших полотнищах, расписанных в абстрактной манере магическими квадратами, мечтаю о простых эмоциональных встрясках, которые мне так необходимы.)

*

Тристан – странный малый, он выплескивает на меня потоки горячей симпатии, на что я отвечаю ему взаимностью; он увлеченный, отважный спорщик. Он много бедствовал, и его нынешнее счастье, главным образом супружеское, это победа над отчаянием, над жизнью в ночлежках, исправительных домах..., уж не знаю, что там было еще; я уважаю эту волю к победе, а инертность нашего друга Труба мне претит.

Пиктоны приехали на нашу встречу[4]; я получил от Жоэля высокопарное письмо, в котором он, проведя год в меблирашках Монпелье, воспевает свою мастерскую, свои камни[5], в которых «обитает его душа»; я рад за него; его счастье столь призрачно и хрупко, ведь он так страдал, что едва не лишился рассудка; сейчас он в порядке, насколько можно судить по его почерку и тону его письма.

1 В этом номере были помещены четыре фотографии Жана Буайе «Разрушенные фермы и крестьянская архитектура Сарлатского края».

2 Писатель Фредерик Тристан – основатель журнала *Structure*.

3 Монолог, опубликованный в 1-м номере *Structure*.

4 В Лорьер, неподалеку от Перигё, собрались испанский поэт Гуэрена, Эрве Базен, художник Пелайо, Дмитриенко, Мюньер, Бернади де Коллиур, Рюске де Каркассон, Марсеоль Ло, Жан Буайе, Пьер Фанлак, Робер Дельфур и другие.

5 У Жоэля Пиктона был ручной литографический печатный станок. С его помощью Пиктон осуществлял издания при участии Биссьера, издавал произведения Буайе и Ло.

Мари-Андре оставила административную работу, чтобы посвятить себя Учительству. Она преподает французский язык в религиозном учреждении Каркассона; дети в ее подчинении слишком малы, чтобы оценить удовольствие иметь ее учительницей[1].

*

Следующий выпуск *Structure* (нам всем, и Тристану в первую очередь, понятны ограничения одного номера) будет посвящен не роману, как предполагалось раньше, а запуску искусственного спутника. А ты как воспринял это событие? Для меня это безумная радость, ощущение личной победы, прорыв в небо. 1957 год, первый год покорения космоса[2], возможно, окажется концом христианской эры, а заодно и иудаизма, который тоже враждебен пантеизму. У людей, к числу которых принадлежим и мы с тобой, возникнет новое ощущение времени; нам предстоит осмыслить происшедшее; мы с тобой были к нему уже готовы, наши жизни уже были устремлены к звездам. Мы были радарами, стоящими в нужном месте. Тайно или явно, но мы должны быть на стороне космоса.

*

Как видишь, я снова занялся пророчествами. Как всегда в лучшие моменты моей жизни, я перечитываю Ницше, не слишком умея углубить его мысли, хотя и принадлежу к одиночкам или полубезумным поэтам.

Итак, я выхожу на арену без гроша; не знаю, где буду проводить мои выступления, но я убежден, что человек, который хочет чего-то определенного, всегда достигает цели, пусть даже ценой жизни.

Итак, я опять в роли еврея-возмутителя спокойствия. Мое окружение мне подстать: неимущая мать, слегка богемно и с сомнительным вкусом обставленное жилище, состоящее из трех комнат, одна из которых моя; и, наконец, мои экзальтированные друзья… И, как ни странно, все это в Перигоре.

*

Поль хотел бы увидеть фильм, который мы сняли в Сарлатском крае. В связи с этим я вспоминаю, что целых три дня ты оплачивал все мои расходы, что при твоем положении весьма великодушно. Я очень тебе за это признателен. Я хотел бы знать, что у тебя нового, мечтаю о нашей встрече, хочу побеседовать с тобой о том о сем, узнать твое мнение о современной живописи. По-моему, на сегодня остаются интересными только наиболее абстрактные работы Пауля Клее. Хочу рассказать тебе об Африке.

1 Тут нельзя исключить игру слов: другое значение слова maîtresse – любовница.

2 Ожьерас был сильно впечатлен этим событием и с тех пор датировал некоторые письма, ведя отсчет от октября 1957 г.

В Малаге мне подвернулась в борделе невероятно красивая девица, и я переспал бы с ней еще пару раз, если бы Поль, ведавший нашими финансами, не выразил шумного протеста. Он не столь чувствителен, как я, к очарованию юных девиц. «Если ты надеешься, что я дам тебе денег на посещение твоей красотки, ты глубоко заблуждаешься…» Мы проспорили на улице битый час, не сходя с места. А моя красотка была поистине жемчужиной.

*

Я делаю черно-белые акварели, как мне кажется, очень красивые и абсолютно непонятные. В ближайшее время я что-нибудь из них пошлю в Париж, по адресам, которые ты так любезно мне назвал. Кажется, я в этом письме охватил все, чем в настоящее время живу. Мои акварели, которые становятся все лучше, было бы интересно спроецировать на экран, это могло бы стать ценной находкой. Издатели не хотят брать «*Путешествие мертвых*». Напиши мне подробное письмо, мне будет очень приятно.

Твой друг Франсуа

* * *

Дире[1], 20 марта 1959.

Мой дорогой Буайе!

Недавно я изменил мой стиль жизни в Дире, который начал было отдавать инфантильностью – возможно, под влиянием нашего друга.

Теперь я снова стал самим собой, часто бываю на севере, в стране туарегов, иногда со знакомым этнографом. Мы живем в стойбищах кочевников и перемещаемся на верблюдах, что для меня привычно. Я приобщился к работе этнографа, которая включает занятия от геологии до политэкономии и социологии. Как бы то ни было, мой знакомый – замечательный человек: твердый, доброжелательный, увлеченный своей работой. Нам предстоит исследовать зону близ Сахары, к северу от Нигера – красивая, пустынная местность, гористая, с большими озерами; тут живут туареги, разводящие быков. Жизнь здесь не изменилась с доисторических времен, здесь конец неолита, начало железного века, все напоминает наскальные рисунки Хоггара. И эта жизнь излучает покой и безмятежность. Вечер в поселении проходит при свете костра; беседа с людьми, попытки их разговорить, лучше понять и полюбить – вот занятие, которое мне по душе. Сначала надо расспросить о наболевшем, говорить мягко, доверительно – тут что-то от шаманства, а у меня к нему есть наклонность. Затем говорим о стадах, о спаде паводка, потом – о здешних обрядах и традициях. Они поют, мы записываем на магнитофон.

1 В Дире, неподалеку от Томбукту, Поль Плясе получил в коллеже должность директора и пригласил Ожьераса на длительный срок погостить.

Эти кочевники берберо-ливийского происхождения – милейшие люди. В них начинает всерьез ощущаться влияние Египта, и при общении с ними заметно смешение доисторического и ультрасовременного. В таких поселениях, в неспешных беседах при свете гаснущего костра готовятся важные перемены. Как я люблю эти стыки – на них вызревает будущее мира!

Надо сказать, очень подвигает к более мужскому взгляду на мир общение с этими людьми, которые заботятся о своих женщинах и стадах, говоря о плодовитости тех и других в одном тоне. Я ведь не избегаю молоденьких женщин – я, как и туареги, склонен к полигамии..., о чем не подозревает наш дорогой друг, чье наивное простодушие меня порой бесит.

Мы перебираемся от стойбища к стойбищу в поисках дичи: с мясом здесь трудности, а нам нужно кормить проводников. Каждое утро мы выходим на охоту, бродим по холмам, покрытым высохшей травой; здесь можно добыть кабана или антилопу, которых мы добиваем стальными ножами. Тут еще водятся пантеры и львы, но я ни разу их не видел.

После полудня в призрачной тени колючих деревьев жара становится невыносимой; верблюды стреножены; от болотной воды в желудке колики, жара и усталость тошнотворны; плохо прожаренное мясо несъедобно, и мы изо дня в день живем впроголодь, а состояние божественной легкости весьма опасно, когда проходишь на беспокойных животных по 30-40 километров в день в этих местах, полных неожиданностей.

По разным причинам я должен отправиться на север, к Эль-Голеа, пересечь пустыню Танезруфт на грузовике, это займет недели две. Я напишу тебе.

Обнимаю тебя. Я часто о тебе думаю.

Твой Франсуа

ПИСЬМА ГЕНРИ МИЛЛЕРУ

Перигё, 23 июня 1952

Месье,

Я благодарю Вас за Ваше любезное письмо; буду счастлив узнать Ваше мнение по поводу книги «*Старик и мальчик*». Я узнал Ваш адрес от одного из моих друзей, перигорского художника, который написал Вам, очень тронутый несколькими строками о Дордони в Вашем произведении «*Колосс Маруссийский*». У него есть замечательные открытки с видами нашего края, который так запал Вам в душу, и он с радостью Вам их пришлет.

Вас заинтриговали мои слова по поводу Домма...; прежде всего, я думаю, что у героев упомянутой Вами книги, «*Бездельники в плодородной долине*»[1], мало общего с персонажами моей книги «*Старик и мальчик*», которые навсегда отказались от мира людей и живут в некоем театральном пространстве, измышляемом ими изо дня в день. Дом в египетской пустыне, в котором живет маленький Сераг, представляется нехитрой загадкой; и сонное царство, в которое дом погружен, несоизмеримо с ужасающей реальностью «*Старика и мальчика*».

Подобно монахам, строившим в XI в. причудливые укрепленные церкви Дордони, старик, у которого я воспитывался, одержим самыми древними снами человечества; выходец из Сарла, испытавший влияние африканского искусства, он ставит кровать на крышу дома и приносит мальчика в жертву своему безумию!

И дрожащий мальчик, подвергнутый бичеванию, как юные монахи XI века, навсегда соблазнен стариком, воскресившим самые древние священнодействия.

Сераг решительно покидает дом..., но юный Абдалла, лежа ночью на железной кровати на крыше, приучился слушать вместе со стариком древнейшие голоса тайны. Абдалла никогда не уйдет отсюда. Он может, как молодой зверек, сбежать в заросли кустарника, но он непременно вернется.

Работаю сейчас над вторым томом, несколько глав из него уже отпечатаны и исправлены, и сегодня же я отошлю их Вам.

1 Роман французского писателя, уроженца Египта Альбера Коссери (1913–2018).

* * *

Ваша книга «*Колосс Маруссийский*» очень мне понравилась своей мужественностью и душевным здоровьем, я угадываю в Вас человека, способного с энтузиазмом принять новые формы, в которые отливается Искусство, голоса Вселенной и дух человека. Вы почувствовали, что долины Дордони могли бы стать последним оплотом истинной поэзии!

Примите уверения, месье, в моих самых искренних чувствах и глубокой симпатии к Вам.

Ф. Ожьерас

14, Площадь Пале
Перигё. Дордонь

* * *

Перигё, 28 августа 1952 г.

Дорогой м-р Миллер[1],

Ваша милая открытка пришла в Перигё несколько дней назад, но я был в Африке. По моем возвращении домой мой друг Жан Буайе показал мне полученное им Ваше письмо; он послал Вам удивительные фотографии, и я не сомневаюсь, что они не оставят Вас равнодушным; я от них в восторге.

Я вечно странствую по Сахаре; я очень молод; я возвращаюсь в дом моей матери, когда устаю до потери сознания; тогда я пишу книжки, разрушаю их и швыряю в мир фрагменты моих книг – по всему свету, в Азию, в Полинезию, в Мексику! Иногда я смотрю на долины Перигора, стоя на берегу реки, и думаю: зачем уезжать каждую весну, каждое лето, каждую зиму, ведь настоящий рай здесь, и я взрываюсь от радости; но мой дух ищет тайные ходы, когда на холмы опускаются сумерки, и я улыбаюсь, думая: этот рай запечатан в моем сердце, и я столкну его с ужасом Вселенной, с черной жутью африканских ночей!

Пишите мне по-английски. Я вижу в Вас благородного и мужественного человека.

Искренне Ваш, Ф. Ожьерас.

14, Площадь Пале
Перигё. Дордонь

1 Написано по-английски.

ПИСЬМА МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР

Агадир, 4 апреля 1953

Мадам,

Меня очень тронуло Ваше интересное и живое письмо.

Несколько недель назад я отпечатал неизвестный Вам вариант третьего тома, в нем мои мысли и эстетическое чувство наконец освобождаются из мрака всей этой истории, и это тем более важно, что я принадлежу еще – каждый день и тем более каждую ночь – ужасной реальности «*Старика и мальчика*». Пишу во Франции, и этот новый вариант будет отослан Вам в США; кстати, там я родился: в Рочестере, штат Нью-Йорк.

Киплинговский Ким в ночных просторах Индии не впутывался в столь ужасные интриги, как я, не примерял на себя столько личин; однако я нахожу время для написания еще одного произведения, которое непременно Вам пришлю. Позволю себе высказать мою мысль, пользуясь основными замечаниями Вашего обстоятельного письма. Я вижу Ваши сомнения как в эстетическом неприятии, так и в похвалах. Перед Вами произведение, которое Вы готовы признать невероятной удачей, но оно принадлежит к неизвестному доселе жанру, подчиняется диким и странным законам..., оно обладает безусловной художественной выразительностью..., и, осмелюсь сказать, это первое произведение, пришедшее на Землю с Марса!

Да, использовать письма Жида – «примитивный рекламный ход», но это поступок юноши, привыкшего пользоваться мужчинами, это «месье, дайте мне тысячу франков» мальчиков, живущих известной профессией, которая является и моей тоже; это объясняется еще и страхом насильственной смерти, боязнью ножевого удара, ночного нападения и рукоприкладства полицейских. Мой прием был грубым, но честным, я разыграл свою карту.

Потом я получил и другие важные свидетельства.

Ваши замечания эстетического плана интересуют меня в самой высшей степени.

Как устроено «литературно безупречное» произведение наших дней, второй половины XX века? 70 лет назад художники задавались вопросом: как еще можно писать картины без фальши? И победа была за работами неброскими, страстными, порой – неоконченными.

Угадывая воскрешение всех первобытных искусств, наблюдая самое пестрое формотворчество, прислушиваясь к стольким разным зовам и песням, я, быть может, более чуток к новому, нежели Вы!

Сюжет «*Старика и мальчика*» не сводится к «чувственным и интеллектуальным отношениям подростка и старика» по той простой причине, что я не ставил себе никаких задач. Моя книга написана в Вечности, вне культурного тщеславия, однако не прибегает к тошнотворному арсеналу сюрреализма, к автоматическому письму.

«Старик и мальчик» – это всего лишь – при всем трагизме одиночества и, может быть, проклятия – чудовищный и дикий зов, собачий вой в ночи.

Это произведение могут безоговорочно оценить лишь те, чей дух устремлен в Космос. И в знак их победы «эти удивительные натюрморты (летней ночью они кажутся живее людей) на фоне оазиса и пустыни».

Но должен признать за собой недостаток образования, неупорядоченный образ жизни (сейчас пишу Вам, находясь в квартале с сомнительной репутацией). Ночью пойду бродить по прибрежным зарослям. В другие эпохи я стал бы резчиком по камню, по дереву. Фразы в моих книгах похожи то на резную рукоятку ножа, то на икроножную мышцу, расслабленную перед прыжком в ночь, то на сплетение ветвей, то на звериную схватку. Но, несомненно, мне удалось найти и в сплетении ветвей, и в постели полковника самые отвлеченные ритмы ночи.

Но есть еще и вечера в пустыне, которые мне очень удались, нежность и радость сумерек в зарослях, в этих древних диких краях.

Каждый день старик и мальчик возводят постройку, размышляют о пространстве и движении.

Какая строгость, какое знание форм и пространств у автора! Мировосприятие мексиканского строителя доколумбовой Америки. Какое детство, какое рабство! Книга хранит в себе их наследие, мучительное, как следы телесных наказаний.

Лакуны и пробелы, отмеченные Вами, служат анализу форм и, возможно, проникновению света.

Притом «*Старик и мальчик*» сильно привязан к месту: это укрепленный музей в пустыне, метеорологическая станция; а какое качество света! Возможно, это первая современная книга.

В то же время признаю, что я затронул неслыханно богатую тему, а извлек из нее лишь отдельные нестройные голоса. Буду часто вспоминать Ваше любезное письмо. Если соблаговолите мне ответить – а мне это было бы очень приятно, – пишите на мой французский адрес: 14, Площадь Пале, Перигё, Дордонь. Знакомы ли Вам посвященные Дордони страницы в начале «*Колосса Маруссийского*» Г. Миллера?

С большим уважением, Ф. Ожьерас

* * *

Перигё, 17 июня 1953

Мадам,

Все, о чем Вы мне пишете, совершенно справедливо, все высказано честно и открыто, и я Вам глубоко признателен.

Не думаю, что следует расценивать как патологию экзальтированный тон моего письма из Агадира – и вопрос душевного здоровья в Искусстве довольно непрост; я усматриваю необходимость для всякого творца взнуздывать свою психику тем или иным образом. Я хорошо помню то письмо и вижу в нем нечто сродни актерскому возбуждению, почти сексуальное влечение к танцу, пению, драме..., поскольку приток жизненных соков по весне захлестывает порой душу юных существ. Это скорее пиршество, а вовсе не кризис; я добавлю: рваный почерк этого африканского письма говорит скорее о порочности мальчика с фермы, чем о безумии.

И я вижу в моем письме меньше «компенсации с изрядной долей самоуничижения», чем эксгибиционизма, откровенного, но очень веселого и здорового!

*

Теперь я отвечу на другие Ваши замечания, исполненные такта и участия.

Недавно я провел несколько дней в Париже и встречался там со многими людьми, однако ни у кого из них не нашлось для меня столь честных и прямых слов, как Ваши: «Я была бы скрягой, отказав во внимании (и уважении) незнакомцу, тогда как получившему признание мы расточаем эти дары с такой легкостью». Благодарю Вас за эти слова от всего сердца.

*

В Париж я был приглашен для подписания контракта с издательством *Prétexte* для переиздания *Старика и мальчика*. Я жил у Гастона Криэля, бывшего секретаря Жида, на улице Бонапарта. Анри Мишо, с которым я не знаком, но у которого были мои книги в их лучших вариантах, обратился в *NRF*[1] с просьбой, чтобы их взяли. Криэль организовал мне встречу с Бертеле, сотрудничающего с издательством «Галлимар». В точности привожу слова Рене Бертеле:

«Мы рассмотрим эти тексты самым серьезным образом. Здесь есть ослепительные находки, образы высшего порядка. Ваши книги очень интересны по многим причинам, все из которых я перечислять не стану. Читая Вас,

1 Журнал Nouvelle Revue Française.

видишь либо зрелого, хорошо образованного человека, который в восторге воскрешает язык своей юности, либо юного дикаря, освоившего наиболее выдающиеся вершины европейской культуры и притом оставшегося дикарем, который испытывает трудности с письменной речью! Это находится несколько в стороне от литературы – и, тем не менее, это уникальный опыт утонченного искусства в лучшем смысле этого слова. Вероятно, мы возьмем для публикации книгу «*Старик и мальчик*»..., и потом, есть мнение А. Жида по первой книге!»

*

А вот мнение Блеза Сандрара:

«Это замечательная книга, – сказал он мне. – За последние пятьдесят лет мне не доводилось читать столь изобретательных и удачных вещей. Но неужели книга написана действительно вами? Вы производите впечатление здорового, сильного и жизнерадостного юноши..., а книга ваша внушает ужас».

«Когда я пишу, я испытываю трепет», – ответил ему я.

Он позвонил Филиппу Росиньолю с просьбой взять мои тексты.

*

В Париже я мог бы еще постучаться во многие двери: к Жуандо, Беделю, Эрве Базену, которые когда-то благосклонно откликнулись на мои письма..., но вместо этого я провел целый день в Музее Человека[1]...

Я ощущаю иную культуру – неброскую, но чуткую к голосам вселенной!

Прежде чем сесть на ночной поезд, я встретился с кукольником Ивом Жоли, с которым работал в Перигоре в конце войны, мне было тогда 17 лет. Он только что вернулся из долгого турне по США. Я рассказывал ему о Кэтрин Данхэм[2], с которой я имел счастье познакомиться три года назад, о романских церквях Центральной Франции, этом искусстве монахов-мечтателей. Эти постройки меня завораживают, они поистине великолепны в лучах заходящего солнца. Их строители нашли особый язык, суровый и в то же время изысканный.

*

Признаюсь, что испытываю трудность при написании серьезного письма; насколько усилие, направленное на то, чтобы произвести впечатление, делает мой слог более ясным и отточенным..., настолько попытка, которая не служит

1 Музей во дворце Шайо представляет свидетельства происхождения человека.

2 Кэтрин Данэм (1909–2006) – танцовщица и основательница школы современного афроамериканского танца.

драме, принятой моим *я*, кажется мне комической и напрасной..., она похожа на попытку объединить все ночные эпизоды моих книг.

Мне кажется порой, что некий дьявол прогуливается ночами в моих книгах, и там, где ступала его нога, остаются прогалины. В повествовании есть разрывы, но человеческий голос на них обретает победную значимость под черным небесным сводом. Вы смотрите на мои книги под углом историчности. Но я принадлежу к еще очень юной расе; и не спрашивайте с меня исторического смысла, перспективы, которая появится лишь в конце Империи. Мне ближе пестрота архаической Греции, чем имперский Рим... Старик с морского курорта[1] и старик из сердца Сахары – это разные персонажи, однако, проходя по моим книгам, они встречаются в особой вселенной, не подлежащей перекройке – в моей.

*

Мне кажется, что Вы весьма равнодушны к абстрактному искусству. Лучшее из Ваших писем выражает сущность Западной мысли: серьезность, гуманизм, чуткость... и сомнение при виде естественных, не преломленных в западной культуре выразительных средств.

И потом, уверены ли мы, что в лучшей, самой сильной европейской литературе мы не найдем подобных мучительных разломов?

Андре Жид – возможно, стоя на сходных с Вами позициях – запутался в своем суждении о «*Заратустре*». Несомненно, он переживает убыль жизненных сил, страдая от мучительного несоответствия язвительной диалектике «*Рождения трагедии*»[2], не распознав качества света в этом плохо выстроенном произведении..., окруженном Океаном.

Понял ли он, что великие книги обладают цветом, что порой они похожи на крашеные подмостки, опустошенные светом, одиночеством и старостью; опаленные солнцем подмостки в мировых просторах.

Еще раз, мадам, выражаю Вам глубочайшую благодарность за письма, полные человеческого тепла. Надеюсь, что наша переписка продолжится. Я отправляюсь в Африку, и я был бы очень счастлив получить там Ваше письмо.

С самым искренним чувством к Вам, Ф. Ожьерас

14, Площадь Пале, Перигё (Дордонь)

1 То есть Андре Жид.

2 «*Так говорил Заратустра*» и «*Рождение трагедии из духа музыки*» – произведения Ф. Ницше.

* * *

Агадир, 11 июля 1953

Мадам,

Быть может, меня ждет Ваше письмо во Франции; от моей матери я давно не получал писем. Я должен отправиться в Мавританию, это довольно опасно... Я осмелился послать Вам рукопись, черновик, и, возможно, он у Вас сохранится.

С уважением, Ф. Ожьерас

ПИСЬМО В ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИНЬЮИ»

Марракеш, 14 июля 1953

Месье,

Я очень признателен Вам, что Вы сочли возможным издание «Старика и мальчика». Мой близкий друг Криэль несомненно Вам сообщил, что произошли переговоры с NRF, с Фаскелем и Корреа. Г-н Блез Сандрар рекомендовал меня Деноэлю; но мне кажется, что мои произведения, собранные под одной обложкой, были бы более уместны в русле публикаций Вашего издательства. Я даю Вам мое согласие.

Будьте добры, вышлите договор на мой французский адрес.

Вы располагаете, по всей вероятности, тремя книгами в наилучших, переработанных вариантах; публикация сначала первой книги дает возможность узнать мнение А. Жида, знакомого только с этим произведением. Но все три книги вместе образуют весьма любопытное пространство, способное глубоко заинтересовать людей искусства.

*

Скажу несколько слов об истоках моего творчества... Я хорошо знаком и духовно близок с художником Биссьером, получившим в прошлом году Национальную премию. Влияние его на львиную долю – и притом лучшую – современного абстрактного искусства весьма ощутимо, хотя и мало изучено. От него я узнал о древнем искусстве дикарей, таком, как искусство Полинезии, которое исподволь пропитало европейскую культуру. Какие из видных современных художников станут его наследниками? Но возможны влияния и за пределами живописи, и «*Старик и мальчик*» – несомненный тому пример! Вот точные слова Бертеле из *NRF*:

«Читая Вас, видишь либо зрелого, хорошо образованного человека, который в восторге воскрешает язык своей юности, либо юного дикаря, освоившего наиболее выдающиеся вершины европейской культуры и притом оставшегося дикарем, который испытывает трудности с письменной речью! Это находится несколько в стороне от литературы – и, тем не менее, это уникальный опыт утонченного искусства в лучшем смысле этого слова».

*

А еще, это последняя песнь Африки, которую А. Жид услышал и на которую откликнулся с нежданной силой. Это был его последний возглас радости.

Примите уверения в моем почтении и признательности.

Ф. Ожьерас

14, Площадь Пале, Перигё (Дордонь)

ПИСЬМА ЖОЭЛЮ ПИКТОНУ[1]

Перигё, 15 марта 1954

Мой дорогой Жоэль!

Я часто думал о тебе последние месяцы.

Мне хотелось бы узнать, как твои дела, и увидеться с тобой до моего отъезда, то есть до 10 апреля. Мне очень нужен твой совет.

Как только «*Старик и мальчик*» будет отпечатан, я пришлю тебе экземпляр. Хорошего типографского качества не жди, но я тут ни при чем. Ты сказал мне самые верные и умные вещи о набросках этой книги... и о Биссьере.

Что с ним сталось? Наверняка у тебя есть о чем мне порассказать, и возможно, ты побоишься писать мне об этом. Итак, хочу с тобой увидеться.

Я говорил, что от души тебя люблю, и это так. Я люблю тебя и очень уважаю.

Мы оба с тобой измучены: ты – свой жестокой судьбой и тяжелой ежедневной битвой, я – опасной и трудной жизнью!

Ты, зная хорошо меня самого и все вехи моей жизни, один можешь сказать, что означает произведение, которое я тебе посылаю.

Я же плохо ощущаю мою книгу, тем более что типографская печать затушевывает ее варварство. Концовка, которую я этим летом в Лорьер доработал, кажется, дает понять, насколько я одержим потусторонним миром; я поистине открываю мои подземелья.

В Африке я боюсь насильственной смерти. Я провел там целый месяц. Както ночью в окрестностях Агадира меня чуть не убили.

Прошу тебя, напиши мне большое письмо. Издание в «Миньюи» моей книги – победа... но над кем, над чем?

Надеюсь, что ты не забыл последние дни, которые я провел в Буасьерет; я не пишу тебе об этом, чтобы не влиять на твое мнение.

Крепко тебя обнимаю.

Передай мой теплый привет Мари-Андре.

Твой друг Ожьерас

Как тебе пластинка? Когда она заиграет, поставь перед глазами картину Биссьера; кто из нас двоих творец?

---

1 Жоэль Пиктон был увлечен шрифтами и графикой. В 1954 г. он проиллюстрировал и сверстал одно из ранних произведений Фредерика Тристана *(Passage d'ombre)*. Выход в следующем году *Miracle privé* Эрве Базена в мастерской Recherches Graphiques приводят к появлению в 1957 г. журнала *Structure*.

* * *

Тадмит, через Джельфу,
24 декабря 1954

Мой дорогой Жоэль!

Меня очень заинтересовали и порадовали два твои письма. Я очень рад, что *Театр ду́хов* вдохновляет тебя на работу, в которой ты, кажется, лучше меня понимаешь мои поиски. Предлагаю тебе нечто простое и вполне реальное для осуществления в начале весны.

Сейчас Фонта вместе с Труба, должно быть, уже отпечатали две тетради в цвете; одна из них может быть добавлена к «*Театру духов*», который тебе нравится, другая дополнит «*Агадир*», который ты не любишь. Но после моего возвращения я закончу двадцать страниц, которые еще в набросках, и они будут выдержаны в стилистике твоего любимого «*Театра духов*». Можешь ли ты (за мой счет) напечатать в выбранном тобой графическом и шрифтовом решении, эти двадцать страниц, с единственным ограничением: надо будет соблюсти формат «*Путешествия мертвых*». И эти двадцать страниц будут называться «*Театр духов II*» (то есть глава II). Непременно десяток абзацев дать блоками, что позволит тебе прибегнуть к «плотной, черной графике, напоминающей торжественностью заупокойную мессу». Сделай буквицу в начале этой главы (если считаешь это уместным). Вот некоторые дела, которые можно сделать в короткое время, они обойдутся тебе недорого, я же обеспечу распространение. А «*Путешествие мертвых*» уже обретает волнующую красоту, хотя быть может, оно слишком смиренно… двадцать страниц в твоем исполнении придадут ему необходимый вес; внутри книги ты волен решать оформление на свое усмотрение.

Признаю, что «Путешествию мертвых» не хватает строгости; твои двадцать страниц могут его спасти.

А поскольку твои двадцать страниц составят фактически цветную вклейку, они будут довольно автономны. Совсем неплохо дополнить постройку изящным крылом.

Мы живем в смутные времена (что-то наподобие романской эпохи): строят дома (и издают книги) кто во что горазд. Конечно, наша книга будет иметь вид несколько лоскутный…, но не беда!

Мы еще поговорим об этом, когда я буду проездом в Каркассоне, после моего возвращения в Перигё – когда меня отсюда выставят…

Что касается «Предисловия», которое ты мне предлагаешь: я просто в восторге, что вижу человека, моего современника, увлекшегося дорогими мне идеями.

Но мне кажется, что эти слова должны исходить от меня; эти мысли изложены как раз на страницах, которые сейчас печатает Фонта. Одна из вставок будет помещена сразу за фотографией; как и ты, я считаю, что эти новые отношения человека с цветом и с тайной должны быть даны в самом начале «*Театра духов*».

*

Если меня отсюда выставят, моя почта будет пересылаться в Перигё, и ничто из посланного тобой не пропадет. Но прошу тебя, когда пишешь мне сюда (и вообще в Африку), не перегружай обратную сторону конверта рисунками; пока письмо попадет ко мне, оно долго ходит из рук в руки…, ты напрасно забыл, что здесь я состою стажером на ферме, и шуточки, принятые в артистической среде, здесь расцениваются несколько иначе!

Я думаю, что Ален уже получил мою открытку, посланную из Медеи, маленькой горной деревушки, куда я ходил за любовью к одной девице. Новогоднюю ночь я провел на юге, в Гардае; у этого города интересная планировка. Кажется, я единственный европеец на здешней маленькой горной ферме, обнесенной каменными стенами; утра здесь необыкновенно прозрачны. Очень страдаю от холода. Здесь много оружия. Я счастлив: целыми днями хожу по горам со стадом. Я купил красивый альбом с фотографиями мексиканских храмов; обязательно привезу его показать вам в Каркассон. Целую вас обоих.

Ваш друг Франсуа

ПИСЬМО ГАСТОНУ КРИЭЛЮ[1]

Перигё, 26 марта 1954

Мой дорогой Криэль!

Хочу подробнее знать, как твои дела: как ты перенес операцию, много ли ты работаешь, что пишешь.

Я отправляюсь в Африку (в Чад) на следующей неделе в среду, и был бы счастлив получить до отъезда твое письмо. Отправь его не позднее вторника. Не знаю точно имени человека, которого ты встретил в La Hune. Книга «*Старик и мальчик*» уже появилась на прилавках. Не мог бы ты зайти в издательство «Миньюи» и узнать имена и адреса 5-6 человек, которым уже разослана моя книга?..., я отправил бы им пластинки. Спроси в издательстве, каковы первые отзывы на книгу.

Надеюсь увидеться с тобой осенью и крепко тебя обнимаю.

Ф. Ожьерас

Видел ли ты плакаты? Не попросишь ли ты в издательстве переслать в Перигё письма и статьи, которые несомненно придут на мое имя на улицу Бернар-Палисси[2]? В ближайшие месяцы только мой корреспондент в Перигё будет знать, куда можно переслать дубликаты этой почты (весьма вероятно, что они затеряются).

1 Запись на первой дорожке CD-диска, несомненно, была сделана на дисках из гибкого картона, прежде чем была перенесена на пластинки на 78 оборотов марки «Пираль». Диски «Пираль», которые начали выпускаться одноименной компанией в 1929 г., широко использовались с этого времени до распространения магнитофонных записей в 50-х годах. Техника нанесения записи на эти диски была разработана в начале 30-х годов: они покрывались слоем шеллака.

2 На этой улице в Париже находится офис издательства «Миньюи».

ПИСЬМО ЭТЬЕМБЛЮ

Перигё, 25 октября 1957

Месье!

Я еще четыре года назад должен был поблагодарить Вас за Ваш комментарий, помещенный в *Barbarie et Berbérie*, в связи с некоммерческой публикацией черновика «*Старика и мальчика*». Впрочем, я, наверно, был прав, что не вступал с Вами в контакт, пока находился в Африке и продолжал мои странствия. Теперь книга завершена, опубликована в издательстве «Миньюи», и мне хочется, чтобы Вы об этом узнали. Надо заметить, что сотрудница *NRF* г-жа Доминик Ори совершенно не поняла реакции Андре Жида, знатока Библии, который был восхищен моей книгой; рассказ о соблазненном мальчике, воспевающем своего истязателя, преобразившегося в Бога – важнейший момент книги; слово «Отец» повторяется многократно. Это страшное заблуждение – ключ книги, подсказанной Богом, книги наивной и очень религиозной. Наивность Абдаллы, сумасшедший старик. Истинный Бог не спасет ребенка, но его присутствие ощутимо скорее в книге, чем в уязвленном восприятии такого читателя, как г-жа Доминик Ори, испытавшая только «стыд и жалость».

Когда книга вышла, я был в Судане и уже был захвачен той Африкой, которую я так люблю. Захвачен, однако, не настолько, чтобы не купить «*Голоса молчания*»[1]. Молчание Мальро. Я читал эту книгу ночами, на крыше, в пустыне; потом – на просторах Мавритании. Я написал Мальро, что он может быть интересен и за пределами Парижа, что «*Метаморфозы богов*» не должны быть предназначены исключительно для читателей летних номеров журнала *NRF*. Из Швейцарии он мне что-то ответил, но больше в издательство *NRF* ничего не принес. Я хотел с ним познакомиться. Я увлечен исследованиями графики: ФЗА[2], Сенегал, Мавритания, Испанское Марокко.

Большая Игра[3], как ее понимал Киплинг; ситуационист[4], я пишу книгу, еще дрожа от страха; мой голос еще вибрирует, послушный биению жизни. Я увлечен искусством, но очень далеким от европейского. Я полагаю, что странствия моих иллюстрированных книг, разосланных мной из Африки по всему

1 *«Голоса молчания»* (1953) – труд Андре Мальро по философии искусства.

2 Французская Западная Африка.

3 Так Киплинг в романе *«Ким»* называет дипломатическую схватку России с англичанами, которые стремятся остановить дальнейшее продвижение русских в Азию.

4 Ситуационизм (Ситуационистский интернационал) – радикальное художественно-политическое движение, возникшее в Европе в 1950-х годах.

миру вплоть до Океании, могли бы когда-нибудь показаться большой отвагой, тайным договором с истинным миром, далеким от умирающего современного искусства. Моя вторая книга ходит по Парижу, и я с удовольствием прислал бы Вам ее экземпляр. Я очень одинок, и хотя это мой выбор, одиночество меня подчас очень гнетет, особенно во Франции.

Примите мою признательность.

С искренним уважением, Ожьерас

ПИСЬМА ПЬЕРУ-ШАРЛЮ НИВЬЕРУ

Дом отдыха «Ле Фужер», Брантом, 24
5 ноября 1968

Дорогой Пьер-Шарль!

Я был глубоко взволнован твоим «скорым письмом», твоим желанием ответить мне «незамедлительно»; этим братским откликом: я здесь, ты не одинок на этой Земле... Я благодарю тебя от всего моего истерзанного, измученного сердца! С первых же строк письмо твое увлекло меня, оно обнаружило необычайную близость наших мыслей, почти параллельную эволюцию наших душ. И последним потрясением была твоя недавняя фотография: красивое лицо человека, еще молодого, но уже достигшего истинной духовности..., а возможно, и силы. Смотрю на твою фотографию: ты удивительно напоминаешь мне моего деда, графа Качиньски, который в 1880-х годах долгое время жил в Японии и тайно обратился в буддизм.

Твоя фраза: «В душе я византиец. Варвары Запада всегда внушали мне ужас...» не дает мне покоя! Этот отзвук моих потаенных мыслей еще больше сближает нас. Ты, кажется, не был на Афоне: как мне хотелось бы побывать там снова, и на этот раз – с тобой; это путешествие займет недели три, и оно не слишком разорительно: 280 новых франков, рейс Париж-Салоники, туда и обратно через Югославию. На Святой Горе нас приютят бесплатно, я знаю там многих монахов. Впервые на Афоне я побывал совсем молодым, в девятнадцать лет..., и с тех пор я нередко туда возвращался... Думали, что я отправился в Сахару! Во мне есть эта азиатская – или византийская – тяга к таинству, тайне. Представляли, что Абдалла Шаамба бродит по пустыне... а я тем временем жил отшельником в пещерах Афона.

Прошло уже три года с той зимы, которую я провел у монахов. Афон, засыпанный снегом! Представляешь себя на Тибете. Я вернулся тогда ужасно усталым. Первые неполадки с сердцем начались у меня, когда я жил у Ланца дель Васто в его ашраме Ковчег, затем серьезный передний инфаркт миокарда, потом опасные рецидивы, страшные боли; к тому же еще и развод. Но довольно о моих несчастьях... Божьей ли милостью или благодаря моей чудесной жизненной силе, но я храню память лишь о светлом в моей жизни и мигом забываю все дурное. Я чувствую себя «под защитой». Чего доброго, начну верить в ангела-хранителя – если уже не поверил!

[...]

И все же я ощущаю себя в этой жизни одиночкой, который достиг высших ступеней духовного развития и не раз предощущал Пробуждение. Вот уже два года я живу то в доме отдыха, то в приюте, ведь я неимущий и одинокий, а поскольку инфаркт зарубцевался хорошо, я нуждаюсь только в постоянном медицинском наблюдении. Остались небольшие осложнения, чуть тревожит плохое кровообращение в левой ноге, но я уверен, что несколько лет у меня в запасе еще есть, если я буду соблюдать осторожность..., как ты мне дружески советуешь.

Счастлив я или нет в новом моем состоянии, в духовном и физическом смысле слова? Если не считать безмерной грусти одиночества, я вполне счастлив. Счастлив в моих невзгодах – но при этом спасен и защищен, ведь я постиг иное измерение!

Прожив некоторое время в Ле Фужер, я несколько месяцев провел в монастырском приюте Домма. Домм – это небольшой городок на скалах, которые высятся над тихими водами Дордони; я жил там с мая по июль 1967 года. Я в первые же дни отыскал пещерку в скале, метрах в ста над рекой; оттуда открывалась панорама на чудесный пейзаж Бейнака и Рок-Гажака. На восходе солнца я разводил огонь на нескольких камнях при входе в мою пещерку, курил ладан и медитировал, глядя в Небо; время от времени я отступал в глубь грота, чтобы обрести тишину и покой, укрыться от солнца или дождя.

Затем, все в том же 1967 году, я полгода прожил в доме у некой пожилой дамы в Мустье, на сей раз – на берегу таинственного Везера, близ гротов Мадлен, в которых я проводил целые дни напролет, медитируя и читая священные индийские тексты. Эта дама, увлеченная теософией, была в контакте с Кришнамурти.

И вот я снова уже почти год как живу в Ле Фужер, маленьком замке в лесу. В старом заброшенном огороде, вдали от людей, я устроился в бывшей теплице; здесь немолчно гудят дикие пчелы и обитает почтенный уж, длиной метра два, не меньше; с ним я уживаюсь совсем неплохо, да и с пчелами тоже, они ни разу меня не атаковали. В этом мирном уголке я готовлю себе чай (единственная доступная мне роскошь) и завершаю перепечатку моего *Путешествия на Афон*.

Ты пишешь мне: если ты преданный друг, расскажи обо всех своих проблемах. Отозвавшись мгновенно, ты справедливо рассчитывал и на мое скорое и подробное ответное письмо; я немного замешкался с ответом, и это могло тебя встревожить. Не сердись, я намерен доказать тебе свою дружбу подробным описанием моей жизни в Ле Фужер. Поль Плясе, о котором я говорю в главе «Аврора», остался моим единственным и верным другом в Перигоре. Он навещает меня время от времени. Я жду его сегодня и обещал ему передать пять первых перепечатанных глав «Путешествия на Афон». Я воспользовался солнечной погодой в начале недели, чтобы поскорее закончить перепечатку и доработку..., с намерением написать тебе тотчас по окончании этой работы. Вот единственная причина задержки моего ответа. Мне нужно было о многом написать тебе и рассказать, и хотелось, чтобы голова была свободна от насущных дел.

И все же я живу в тюрьме! Не слишком суровой, но тюрьме. Здесь железная дисциплина, монастырское однообразие жизни, членимое ударами колокола; по вечерам в пятницу крутят кино – почти без звука. Свет гасят в десять часов вечера. В общей сложности, я живу здесь уже пятнадцатый месяц! Здесь я познал первую в моей жизни платоническую любовь – но притом невероятно пылкую, волнующую, восхитительную. Я нахожусь в той фазе моего духовного развития, в которой возможна лишь абсолютно чистая любовь. Невероятной красоты восемнадцатилетний португалец, которому не дашь больше пятнадцати; сын бедного рыбака, этот мальчик вырос на побережье, в Агадире; в его характере и поведении есть что-то арабское; отец его бросил, глухонемая мать живет в крайней нищете: он почти сирота. Он был для меня и сыном, и нежным другом, и служителем..., который служит из любви. Всю весну, до середины лета. Это была чистая любовь, наполнявшая меня радостью. Он разводил огонь в моей теплице, готовил мне чай. Когда у меня случались сердечные боли, он нежно сжимал мою руку и так сидел со мной, пока боль не унималась. Мой ангел-хранитель!

Я пришлю тебе его фотографии и дам тебе его адрес в Перигё. Несколько моих друзей-журналистов написали ему и благодарили за верную дружбу со мной; но он не откликнулся.

Ты спрашиваешь о моих планах. Для начала – дождаться, пока стабилизируется состояние моего сердца; придется отказаться от дальних поездок – кроме, быть может, недолгой поездки с тобой на Афон. Я не намерен покидать Перигор и стану основателем собственного ашрама в здешних пещерах. Нам известно, что Индию скоро наводнят китайцы, а Перигору предназначено сделаться тайным прибежищем для многочисленных мудрецов Тибета и Индии. Через десять-пятнадцать лет Перигор будет местом высокой духовности, и надо уже теперь работать в этом направлении. Ты спросишь, откуда взять денег? Не знаю, но мною руководят высшие силы. Чему быть, того не миновать, и если я скоро умру, то для будущей жизни. Что я думаю о православии? Мне кажется, его время проходит. Что касается нынешнего католицизма... лучше о нем промолчать. А Византия была лишь этапом... на пути к Свету.

Чем можно мне помочь?

Возобновление нашей переписки – огромная радость для меня, и этого уже довольно! Ведь ты уже мысленно разделил со мной мою жизнь узника...

Половина второго! Это время обязательного соблюдения тишины, я оставляю пишущую машинку и беру ручку. Недавно у меня кончились сахар и чай, единственная доступная мне роскошь и последний символ хоть какой-то свободы. Парижские журналисты помогли мне деньгами, и теперь я не нуждаюсь.

Я хотел бы увидеться с тобой. Надо подумать, может, мне и удастся устроить тебя в Перигоре: в преподавательской среде у меня есть друзья. Возможно, удастся даже договориться, чтобы тебя довезли из Парижа на машине. Пиши.

Но вот чем ты мог бы мне помочь, ведь тебе хорошо знакомы книжные магазины. Мою книгу «Путешествие мертвых», которую у меня просят многие критики, стало практически невозможно купить после развала парижского из-

дательства «Неф». В магазине *La Hune*, похоже, книгу раскупили. Может, она еще есть в *Julliard* или у Мурга на бульваре Распай? Или где-нибудь еще? Библиофилы ее не могут найти, а она лежит под спудом в каких-нибудь магазинах... Не попытаешься добыть мне два-три экземпляра? Деньги верну сразу. Но желательно покупать по нормальной цене, поскольку на черном рынке за «Путешествие мертвых» просят 150 новых франков!

Пиши о себе подробнее.

Дружески обнимаю тебя.

Ожьерас

* * *

Ле Фужер
Понедельник, 25 ноября 1968

Дорогой Пьер-Шарль!

От твоего обстоятельного письма, которое я получил дней десять назад, у меня прямо-таки дыханье перехватило – так очевидна близость нашего мировосприятия! Мы действительно духовные братья. Для нас с тобой это нежданная радость, ведь наши линии жизни могли вовсе не пересечься. Во всяком случае, для меня это огромное счастье, которое настигло меня в нужный момент, на том отрезке моей жизни, который требует от меня большого мужества.

Ведь я живу здесь жизнью узника, бывают и у меня минуты счастья, но все же я узник, который помнит, что такие, как Ганди, как Шри Ауробиндо, провели долгие годы в застенках; что для некоторых в решающий час их духовного развития застенки могут послужить необходимым этапом перед скачком вперед, к полной самореализации.

Скоро я отвечу на твои многочисленные вопросы. Сейчас я дорабатываю мое «Путешествие на Афон», и это поглощает меня почти целиком.

Все же хочу поблагодарить тебя за присланный тобой иерусалимский ладан, который свершил чудо! Я должен об этом тебе рассказать.

В тот день, когда я получил от тебя посылку, стояла хорошая погода. Я спустился в мою теплицу, развел небольшой огонь; небо голубое, прозрачное, солнечное; от ладана струится восхитительный дымок..., дверца медленно открывается..., и кого я вижу? Хосе[1], о котором у меня уже давно не было никаких вестей! Ведь Хосе исчез три месяца назад! Мой тайный ангел-хранитель, мой верный напарник, почти сын.

И это случилось в тот миг, когда я вдохнул твой ладан...

Я сразу же мысленно поблагодарил тебя, не сомневаясь, что этот иерусалимский ладан наделен чудесной властью!

1 Речь идет о молодом португальце. (Примечания Пьера-Шарля Нивьера, кроме помеченных особо.)

Хосе бедствует без работы, живет в совершенной нищете со своей глухонемой матерью в Перигё, и он решил «попытать счастья в Париже», занимаясь чем-нибудь вроде разборки писем на вокзале Аустерлиц. Можешь вообразить мою реакцию! Я представляю себе, как он мыкается в Париже, городе, способном лишь разрушить это юное, беззащитное существо!

Я вновь увидел его на днях, он не оставил своих мыслей о Париже... Мне на минуту представилось, что ты мог бы встретиться с ним в Париже, немного ему помочь. Тогда он был бы защищен! Но он совсем дикарь, согласится ли он на встречу с тобой? Он начнет таскаться по кабакам, и Бог знает, чего там может нахвататься.

Если он все же уедет в Париж, несмотря на мои протесты, и, если ты сам согласишься встретиться с ним, я попытаюсь вас свести. Но я предпочел бы, чтобы он не кидался в этот омут.

Лучше бы он остался с матерью в Перигё, там он рано или поздно найдет работу. Но мне кажется, что ему сейчас не терпится узнать, что́ взрослые, мои друзья, думают о нем, как они ему признательны за его верное служение мне в Ле Фужер. За это время Хосе пережил многое, и наша встреча оставит неизгладимый след в его судьбе.

Кроме Поля Плясе, адрес которого я тебе даю [...], прочим моим знакомым писателям недостает такта и мягкости. И еще, наверно, ты... Твое дружеское слово было бы поддержкой Хосе. У него за душой ни гроша; 1-2 тысячи франков, вложенные в твое письмо, были бы для него нелишними, но больше не присылай, только чтобы хватило на поезд до Парижа!

Что написать ему? Поблагодарить его за то, что был со мной в трудное время, страшно одинокое время моей жизни, когда я был еще слаб после тяжелой болезни. Сказать, что его дружба была для меня большой радостью. Но об этом – очень тактично..., поскольку он не хочет прослыть тем, кем он не был! Что он пять месяцев был верным другом известного писателя (Мое «Отрочество в эпоху Маршала» ему понравилось). Что ты знаешь от меня о его жизни в Марокко, на берегу моря. Что поэзия океана вдохновила его на первые полотна, написанные в Ле Фужер. И попытаться отговорить его от поездки в Париж! Пообещать ему писать время от времени, спрашивать о моих новостях – пусть он знает, что о нем кто-то думает. Дай свободу своему воображению и сердцу. В ближайшее время напишу подробнее. Твой друг Ожьерас

* * *

Приют Сен-Ром
Карсак-Айяк, 24
Вторник, 11 декабря 1968

Дорогой Пьер-Шарль!

Я обещал написать тебе подробное письмо, а в моем прошлом письме хотел лишь поблагодарить тебя за присланный ладан и рассказать о Хосе.

Прости мне эти несколько дней молчания. В Перигоре погода в начале декабря была дивной; я воспользовался случаем, чтобы поработать в моей теплице, в Ле Фужер. Окончательная доработка моего «Путешествия на Афон» шла тяжело. Теперь работа закончена, и рукопись отправлена К. Бургуа!

Три дня назад меня отправили сюда, в этот приют, вместе с нищими стариками, с деревенскими недоумками и идиотами! Это ужасно: грязь, вонь, неудобства... Хуже всего тошнотворная вонь. Я потрясен, напуган, несмотря на все мое мужество.

Я думал, что провалюсь в бездны отчаяния и не перенесу этого удара. Неровность этого письма – свидетельство того, что удар был силен. Мне все время хотелось написать тебе, ведь я считаю тебя теперь почти братом.

Я думал, что окажусь на краю ночи..., и нежданно очутился в раю! Карсак-Айяк расположен в совершенно дикой части Черного Перигора, чуть южнее Сарла. Здесь протекает Дордонь; я шел вдоль берега, и мне открылся немыслимой красоты пейзаж.

Здесь полноводная Дордонь превращается в бурный поток, проходит у подножия гигантских скал, над которыми высятся лесистые холмы. Это край островов, песчаных отмелей и пляжей, омываемых бурным потоком. Вокруг не видно ни одной фермы, полное одиночество. В это время года шум воды восхитителен! В общем, я нашел самое дивное прибежище, о каком можно лишь мечтать. Я представляю себя на берегу Ганга, вытекающего из гималайских ущелий!

Я буду жить здесь один, целые дни напролет! Уже разбил некое подобие лагеря на одном из диких пляжей. Обзаведусь спиртовкой, чтобы готовить себе горячий чай, все же зима... Того и гляди, снег выпадет.

Трагическая судьба привела меня в это место, почти в рай! *Я никогда не видел ничего более прекрасного на этой Земле*, чем это дикое ущелье, где Дордонь проносится с громоподобным шумом... Это поистине шум сотворения мира, божественный грохот!

Да, я хочу, чтобы ты прислал мне мистические православные тексты: лучшего случая для их чтения не представится! Мне понадобится много мужества, одному в этом диком ущелье, тем более, что от холода начинает ныть сердце. На самом деле, моя необычная судьба столь же восхищает меня, сколь и гнетет.

* * *

Ле Фужер, 3 января 1969

Мой дорогой Пьер-Шарль!

Твое удивительное письмо от 29 декабря было доставлено в больницу Перигё лишь за несколько минут до моего переезда в Ле Фужер.

Я с радостью вернулся в этот маленький замок в лесной глуши, где я провел счастливые, мирные дни, где я ощущал глубокую радость бытия, несмотря на невзгоды моего положения. Мне следовало бы обстоятельно ответить на все вопросы твоего поистине захватывающего письма. Ты вновь с удивительной легкостью проник в мою душу. Никто из моих лучших друзей, с которыми я знаком долгие годы, никогда в жизни не постигал сути моих проблем, безумств, мифов, с которыми я сроднился, и кажется, никто из них не знает моих достоинств и недостатков в той мере, как ты..., с которым мы всего-то и проболтали несколько часов лет десять назад!

Прости мне мой неровный слог, но я еще очень слаб. Ты спрашиваешь о Хосе? Да простит меня Бог: мои отношения с ним в Ле Фужер были отношениями Бога с Адамом в раю, до Евы, до грехопадения. Я изо дня в день создавал его, выявлял его исключительные дарования, открывал ему тайны его души в этом дивном саду, в старой теплице, которая служила нам прибежищем. Он был моим творением, и тогда у него не было выбора... Я гордился им, знакомя его с моими друзьями, которые меня навещали, а он был так счастлив играть предложенную ему роль. Кем я для него был? Как ты справедливо предполагаешь..., Учителем, который льстит его честолюбию, к которому он испытывает признательность и нежность, пребывая в полусознательном состоянии, в каком-то полусне, и счастливо смеясь... как в раю.

А этот новый Хосе, приехавший из Перигё, был волен любить или ненавидеть своего творца...

Он показался мне на этот раз очень сдержанным, навещая меня в больнице, очень будничным – а может, просто робким. По случаю нового года мы крепко обнялись со слезами на глазах. Это был свободный Хосе, который одаривал меня благородной и чистой любовью.

В какой-то миг я ощутил радость Бога, который видит человека, сотворенного свободным – и оставшегося верным своему Творцу, и пришедшего к Нему совершенно *осознанно*.

Это был поистине божественный миг! Но тут же я спешу заметить, что не «играю» в Бога, но с волнением наблюдаю, когда приоткрывается завеса тайны отношений Бога и Человека.

* * *

4 января 1969

Я вновь сажусь за письмо после очень тяжелой ночи. Вчера мне сообщили, что у меня острая сердечная недостаточность. В эту ночь мне казалось, что все разрушено в моей бедной груди. Я никого не звал на помощь, я сидел на кровати в позе лотоса и совершенно отчетливо осознавал реальность моей скорой смерти. Как печально: когда физические страдания ужасны, невозможна никакая жизнь духа. Хочется уснуть вечным сном, без страданий и без Бога, и может, хочется реинкарнировать..., но не более того. Когда боли утихают, диалог с «божественным» снова возможен. Несколько раз мне казалось, что я «ухожу без страданий», казалось, что душа моя освободилась для путешествия к Вечному Свету.

Да, мне хотелось бы ответить на каждую фразу твоего письма, такого волнующего и пылкого. Твоя дружба ни «утомительна» для меня, ни «деспотична», ты говоришь со мной твердо, и притом нежно, а это единственный язык, доступный моему пониманию.

Если говорить откровенно – а почему бы мне не исповедаться тебе, коль скоро Византия пленяет нас обоих, – мое обращение в христианство, даже в православие, не стоит откладывать на завтра! В глубине души я язычник, варвар. И язычество мое восходит к Дельфам и Элевсину. Ты пишешь: «Я жду в молчании моей души, что Бог заговорит со мной». Такое ощущение мне совершенно чуждо. Я был пленен космосом в 14 лет, я слышал Бога в шепоте ручьев, я видел его в солнце, восходящем над пустыней, я встречал его на губах прекрасных юношей. Звездное небо всегда имело надо мной неодолимую власть. Вот уже несколько лет я обнаруживаю в недрах моего сознания область яркого Света, вечного, божественного... Какое имя дать ему? Буддисты называют его Изначальным Чистым Светом! Ты же, несомненно, называешь его Иисусом Христом!

Моя миссия в этом мире и в этой жизни, возможно, состоит в том, чтобы писать глубоко религиозные тексты, несводимые к христианству, а потому способные привлечь души, от христианства безнадежно далекие.

Я убежден, что такое определение моей роли на этой земле выражает суть моих устремлений, и ничего иного от меня ожидать не следует!

*

Я снова чувствую себя очень усталым и измученным после этой тяжелой ночи, я опять еле жив.

На днях продолжу ответ на твое письмо. Помолись твоему Богу за меня, я действительно на пределе сил.

Я благодарю тебя за твое горячее участие, за твое «присутствие» рядом со мной, у моего изголовья – я его очень ощущаю.

Обнимаю тебя.

Твой духовный брат, Ф. Ожьерас

* * *

Ле Фужер, Брантом, 24
25 января 1969

Дорогой мой Пьер-Шарль!

Благодарю тебя за три книги, присланные тобой: я недавно получил их и проглотил единым духом, за два дня, не в силах сдержать слез, да и не желая их сдерживать. Эти книги затронули мою глубинную струну, которая имеет, наверно, славянское происхождение. Каждую страницу я заливал горючими слезами, к немалому удивлению двух больных, которые занимают ту же комнату, что и я. Поначалу я, из ложной стыдливости, пытался сдерживать слезы, полагая, что я смешон; потом я подумал, что в день Страшного Суда Бог простил бы мне многие заблуждения за то, что я не побоялся прилюдно рыдать при одном лишь произнесении его имени.

Конечно, пришли мне и книгу *Transfigurer le Temps*[1], которую я прочту, несомненно, с тем же волнением.

Твоя веротерпимость, позволяющая нам продолжить наш «духовный диалог», дает мне право поделиться с тобой моим глубоко личным восприятием этих трех книг. Я вижу в них, с одной стороны, технику озарения, единую во всех религиях: «Господи, помилуй» полностью соответствует буддистскому «Ом Мани Падме Хум» – эта мантра мне очень близка. С другой стороны, эти православные книги обусловлены христианским углом зрения, который мне совершенно чужд в моем нынешнем воплощении.

Мне следовало бы поскорей откликнуться, чтобы поблагодарить тебя за эти книги. И коль скоро ты неожиданно стал моим духовником, я должен объяснить тебе причины такой задержки. Наша переписка превратилась действительно в духовный диалог, я считаю себя вправе писать тебе лишь со смиренной душой, как приходят к исповедальне.

[...]

Я держу в руках твое письмо и отвечаю на него построчно. Да, я тоже рад нашему общению. Нет, я не чувствую усталости, но напротив, ощущаю приток жизненных сил, что кажется невероятным после стольких страданий, мук, одиночества и испытаний. Во мне кроется неисчерпаемый источник энергии, очевидное объяснение этому – мой непрерывный диалог с Вечностью (каким бы именем ее ни нарекали), и отнять у меня эту радость не может никто!

1 Olivier Clément, Transfigurer le temps (Преображение времени. Заметки о времени в свете православной традиции), Delachaux et Niestlé (1959).

Ф. А., в чем глубинная боль твоей души? – Ни в чем. Вопрос, как мне кажется, очень христианский, и за ним слышится: только Христос может тебе помочь. Мой склад ума, в сущности, очень первичен и не затронут христианством, неврозами и комплексами. Как и все «дикари», я страдаю всем моим существом, когда есть определенная причина быть несчастным. Но если обстоятельства стали благоприятны, я мигом обретаю радость жизни, доходящую до опьянения. Конечно, в моей натуре есть что-то ницшеанское; я убежден, что христианство может «приняться» только на почве невроза: в позднеримской империи, в натурах, сильно подверженных чувству тревоги. По крайней мере, таково мнение Ницше, все книги которого я прочел в пятнадцатилетнем возрасте с энтузиазмом, оставившим неизгладимые следы на моей жизненной философии.

Но если покопаться, может, и есть глубинная боль души? Боль той души, которая в прошлой жизни достигла весьма высокого уровня развития – и теперь воплотилась в условиях чудовищного материализма XX века. Но, может, в этом и состоит моя миссия: в одиночку карабкаться вверх по склону, не обращаясь ни в одну религию, и, тем самым, если я смогу проделать весь предначертанный мне путь до вершины, увлечь многие души на путь Возвращения к Свету. На сей счет расскажу тебе кое-что, весьма удивительное. Недели две назад мне позвонили студенты и студентки из Нантерского и Венсенского университетов... Я узнаю, что мое «Отрочество» ходит по рукам. Они скинулись всемером или ввосьмером на часовой звонок мне и записали разговор на магнитофон. Сказали, что я дал им очень много, указал выход из экзистенциалистского пессимизма, открыл им вселенную звезд и вечность. Последние страницы главы, названной «Аврора», привлекли их особое внимание. Позавчера вечером они сделали мне сюрприз, прочтя несколько страниц из книги. Это было для меня истинной радостью, первой наградой за мои труды в этом мире. Еще больше для себя они найдут в моем «Путешествии на Афон», а также в той книге, которую я пишу сейчас и которая рассказывает о моей отшельнической жизни в пещерах Перигора. Могу ли я попросить твоего Бога оставить меня в этом мире, пока я не закончу этот труд? Мои первые книги пронизаны тайным эротизмом, который не лишен смысла, но сейчас я пошел дальше.

В другой раз мы поговорим об этом Путешествии на Афон и о том, как я жил на Святой Горе.

*

Хосе. Я и не знал, что ты попросил Сущего, чтобы Хосе вернулся ко мне свободным, в ясном сознании и не зачарованным, как птенчик. Спасибо тебе за это. Ты пишешь мне, что Бог, верно, услышал тебя. Возможно. С другой стороны, не будем забывать о нашей удивительной духовной близости; можно допустить, что страстная просьба подействовала на расстоянии на существо, «настроенное на ту же длину волны», что и я..., что и ты? Не забывай, что осенью он вернулся в Ле Фужер в тот самый миг, когда я возжег твой иерусалимский

ладан! Хосе каждый день навещал меня в больнице Перигё. Мало-помалу у меня крепло ощущение, что именно ты и посылал его ко мне, *без его ведома*. Что он был твоим посланником, поскольку сам ты не мог ко мне придти.

Хосе сыграл огромную роль в моей жизни. Он открыл во мне дар Платонической Любви, чистое созвучие двух братских душ. До тех пор моей слабостью была чувственность, иногда чрезмерная. (Смотри некоторые страницы «Ученика чародея».) Любопытно, что два с половиной года назад (срок моего одиночества) я, сообразно моей быстрой эволюции, отдал мою душу и судьбу в руки Сущего со словами: «Поступай со мной по своему разумению». И у меня было все: и буддийские тексты, и индуистские, и православные, все они появлялись у меня в нужное время. Перед моими глазами всегда были дивные пейзажи, друзья тактично помогали мне пережить нужду. Я жестоко страдал и физически, и морально, но страдания никогда не превышали моих сил. Бог жестоко меня сек, так Отец сечет свое дитя, зная, сколько оно может вынести. Хосе, как ангел небесный, одарил меня своей нежностью, привязанностью, научил Чистой Любви.

Я могу привести сотню примеров. Эти два с половиной года я ощущаю, что меня ведет за руку Сущий. И твоя дружба тоже явилась вовремя, чтобы принести мне огромную радость!

Мне сейчас пришло на ум понятие кары: да, Бог наказывает меня сурово. Буддистская же точка зрения несколько иная. Когда Властители Кармы, сказал бы буддист, которые неусыпно наблюдают за душами в ходе их инкарнаций, видят душу, которая уже готова к вечному Свету, то посылают ей горести и страдания, чтобы она за несколько лет преодолела последствия дурных поступков, совершенных в прошлых воплощениях. Таким образом эта душа очень скоро будет освобождена: она раз и навсегда рассчитается со своими долгами. В самый кратчайший срок.

Да, мне наконец позволено вернуться в мою теплицу, и я провожу в ней долгие часы, ведь сейчас в Перигоре стоит прекрасная погода. Я читаю и перечитываю Молитву Сердца, и неотступно меня преследует фраза: «О, Вечный Свет, мы с Тобой едины». По правде сказать, вот уже два года с половиной года как я практикую Внутреннюю Молитву, ритмизованную на задержке дыхания. Музыкальный инструмент моего собственного изготовления, довольно примитивный, но все же усовершенствованный, с ключами для настройки, тоже приносит мне радость. К несчастью, я очень слаб. Связано ли это с болезнью сердца? Я нахожусь в полуобморочном состоянии, и мне часто кажется, что я пребываю не совсем в своем теле, а где-то поодаль от него.

Ты спрашиваешь, как обстоят дела с моими припасами. Иерусалимский ладан уже давно вернулся в небеса. У меня осталось несколько щепоток плохонького ладана, и пока что я не могу пополнить мои запасы за отсутствием денег, да и поездка в Перигё мне сейчас не по силам. Запасы чая тоже на исходе. Немного ладана, несколько пачек чая мне были бы очень кстати.

Несколько лет назад один добрый монах с Афона прислал мне пакет орешков из собственного сада и в благодарность за свою любезность просил меня не мешкая выслать ему почтой… три килограмма ружейного пороха…, в котором он нуждается, чтобы изготовить патроны для стрельбы по кабанам, опустошающим его угодья.

Ружейный порох мне не нужен, а вот чай, ладан и в особенности твои духовные советы и твое братское участие мне необходимы.

Обнимаю тебя.

Твой духовный сын, Ф. Ожьерас

* * *

Ле Фужер
14 марта 1969

Мой дорогой Пьер-Шарль!

Прости мне мое молчание, которое могло тебя встревожить. Для другого я придумал бы отговорку, но перед тобой, моим духовным отцом, я не могу покривить душой и знаю, что ты способен меня понять. Ты знаешь о сердечном приступе, который случился у меня в декабре, и Рождество, проведенное на больничной койке, заставило меня остро ощутить мои невзгоды и одиночество; ты знаешь и о том, что я смиренно принимаю волю Всевышнего. Когда его длань так тяжко опустилась на меня, он, верно, хотел на сей раз явить мне свою доброту и нежность, послав мне на несколько недель преданного друга, почти ребенка…, и если я еще чего-нибудь желал в этом мире, то только этого.

За месяц я не написал почти ни одного письма. Я жил чистой, высокой радостью. Мне порой кажется, что Бог хочет преподать мне некий урок, урок «любви в ее чистом виде», любви ангелов и душ, хочет приготовить меня к небесным радостям. Выстрадав столько физически и душевно, я не ищу более никаких чувственных удовольствий, мне нужна лишь рука друга, сыновняя улыбка, мне хочется скорее отдавать, чем брать. Мне нужно было познать муки и одиночество, чтобы открыть чистую духовную радость. Я ведь мог три года назад умереть от инфаркта. Бог отпустил мне еще несколько лет, чтобы я осознал мой единственный грех в этом мире, чрезмерную любовь к мальчикам…, тогда как душа моя желала одного: близости с ангелами. На пороге смерти я сознаю, что во мне живет чистая, сияющая душа, чуткая к страданиям ближнего.

Но, простите, какого черта Бог дал мне впервые увидеть свет в самом средоточии пошлости: в Нью-Йорке[1] 1925 года! Вспомни первые фильмы Чаплина! Моя бесчувственная, грубая мать, детство в Париже 30-х годов… Священники-садисты без малейшего понимания Священного.

Любовь с молодыми арабами на холмах Алжира была нужна, если поразмыслить, для моего духовного становления. Искал ли я «наслаждения» в любовных встречах на скалах при свете луны, положив автомат на камни и рискуя быть убитым? Конечно, нет: я искал встречи со Священным. Тут я совсем несхож с Андре Жидом.

1 Франсуа-Пьер Ожьерас родился в Рочестере, штат Нью-Йорк, 18 июля 1925 г.

В «Ученике чародея» нежные поцелуи ребенка в священных гротах не несут в себе никакого разврата, но лишь желание познать дух древних инициаций. Мои чувственные наслаждения со священником (в этой же книге), хотя и не заслуживают одобрения, все же происходят из моего желания отдаться существу, пусть распутному, но все же имеющему отношение к Священному, в силу его сана. Я признаюсь во всем этом тебе, моему духовнику, не ради отпущения грехов, а просто потому, что это правда. Сейчас, когда я духовно более развит и близок к высшему пределу, для моего счастья довольно улыбки больного ребенка, которому я подарил миг радости.

[…]

*

Но вернемся к чистым радостям, которые меня сопровождали эти дни. Неподалеку от Ле Фужер есть маленькая дикая долина, каких в Перигоре немало. Под скалами журчит ручей. Вокруг ни одной фермы, только заброшенные маисовые поля.

На прошлой неделе стояла чудесная погода, мы приходили туда ближе к вечеру. Небо было ясным, прозрачным. Пели птицы. В воздухе была разлита весна. Луна уже обозначилась над холмами. Он на спиртовке готовил мне чай, мы пили из одной чашки, потом, сидя напротив меня, он пел мне своим красивым голосом старые французские песни: «В Лотарингии гуляла», «В лесу ручей струится», «Девушки из Ля Рошели». Мой спутник – 16-летний крестьянин, он страдает астмой и слабостью сердца. Это малограмотный и простой мальчик. А на днях он был госпитализирован с серьезным сердечным приступом. Увижу ли я его снова?

И вот я опять в моей теплице, сейчас холодно и дождливо. Я вновь занимаюсь православной мистикой… под непрерывным дождем, подбрасывая щепки в мою маленькую жаровню; я окутан облаком ладана, которого у меня еще полпачки: присланный тобой ливанский ладан я стараюсь расходовать экономно. Он напоминает мне Афон и символизирует твое присутствие. Но я был бы очень тебе благодарен, если бы ты прислал мне немного чаю: мне нужно пить что-нибудь горячее, ведь часы напролет я просиживаю в неподвижности. Чай придает мне сил. Не мог бы ты выслать мне еще книг? Хотя те, что ты мне уже прислал, поистине неисчерпаемы.

К. Бургуа еще не принял моего «Путешествия на Афон» и вовсе не торопится выслать мне деньги за «Отрочество…» Если мне что-то причитается. Быть может, для публикации этого текста мне имеет смысл связаться с другими издателями, ведь он того заслуживает.

Тут мне приходит в голову, что я еще не рассказал тебе об Афоне, где прожил так долго. Но об этом в другом письме.

Братски обнимаю тебя.

Твой духовный сын, Ожьерас

* * *

Приют в г. Домм, через Сарла, 24
26 апреля 1969

Дорогой Пьер-Шарль!

Я получил твое письмо 23 числа. Прости мне мое молчание, которое, к счастью, тебя не слишком обеспокоило. Во мне иногда просыпается исследователь, и тогда я подолгу не даю о себе знать... Уже месяц как я перебрался из Ле Фужер в Домм, где я когда-то жил, здесь у меня есть пещерка. В Ле Фужер жизнь моя была немного схожа с жизнью афонских монахов: не слишком сурова и имеет свои маленькие радости. Но пришел день, я услышал некий зов и отправился к высотам, к одиночеству.

В приюте жизнь суровей. В его стенах я провожу немного времени, по девять часов ежедневно просиживаю в моей пещерке. Говорил ли я тебе о ней? Домм – это городок XVI века на утесах над Дордонью, и моя пещера нависает над тихими водами реки на высоте 150-ти метров, если не больше. Тесная пещерка в густых зарослях, в совершенно безлюдном месте.

Этот месяц я провел ужасно, в основном из-за холода и дождей. А в моей пещерке я не могу даже встать во весь рост. В ней я провел три месяца в 1967 году. Как тяжко мне было снова оказаться в этом логовище два года спустя, еще более одиноким и несчастным!

Сверху сочится вода, и тяжелые капли окропляют мне лицо и руки, будто сама Земля рыдает над моими невзгодами. И чтобы довести меня до последней грани отчаяния – хотя внутри меня всегда теплится надежда – ни одной весточки от моих друзей, которые, должно быть, разъехались на пасхальные каникулы. Ну, вообрази себе мою жизнь! По девять часов в день сижу в расселине скалы, мои плечи и спина истерзаны неровностями камня, и я тут совсем один, без огня и горячего чая!

Но я не теряю надежды. Небо меня простит: я украл несколько свечек в церкви и зажигал их в глубине моей пещеры. Их слабый огонь был для меня божественным присутствием и символом моей неусыпно бодрствующей души. Ибо спать нельзя, это одна из опасностей, которые подстерегают тебя в монашеской, и тем более в отшельнической, жизни. Помнишь, как в твоем письме: «Недостаточно отстраниться от иллюзорного мира, нужно еще, чтобы Мудрость пыталась проникнуть в Бесконечность, то есть в Абсолют, и притом не порхать мыслью от мечты к мечте, какими бы райскими они не казались».

Какой труд, какая почти физическая, созидательная работа! Я провел тяжелейший месяц, страдая от холода в моей пещере и сидя в позе лотоса, по большей части с закрытыми глазами. Всякая нечистая мысль, кажется, уже давным-давно изгнана из моего сознания. Но еще остаются: справедливый (ой ли?) гнев, глупая ненависть, нужда, страх, одиночество. Я заметил, что, когда вполголоса поешь с закрытыми глазами, слегка раскачиваясь, обретаешь глубокий внутренний покой. Я немало прожил на Афоне, и еще помню кое-какие старинные песнопения, наверно, византийские. Часы напролет я медленно пел, стараясь регулировать дыхание. Иногда мне удавалось... проникнуть в иной мир. Вернее, я прикасался к абсолюту, не имеющему образа, но явленному ярчайшим светом, восхитительным, вневременным, вечным.

Я осторожен и не обольщаюсь этими восторгами, которые еще не означают истинной мудрости; но мне кажется, что это знак тайных изменений в глубине моего существа, полной его перестройки.

Вот главное в «духовном путешествии», но я избегаю рассуждений об этом, «пусть левая рука не знает, что делает правая»... но раз уж ты мой духовник... Без Милосердия всякое устремление к Богу не только тщетно, но даже – осмелюсь сказать – постыдно. Здесь, в Ле Фужер, вокруг меня столько горя, которое нетрудно облегчить добрым словом, поступком, дружеской улыбкой! И откуда во мне этот инстинкт, влекущий меня ко всяческому страданию?

[...]

Итак, по девять часов изо дня в день в моей тесной пещере. Эту неприютную расселину в скале не облюбовала бы даже дикая свинья! И все же я защищен, вовсе не одинок и окутан благосклонным присутствием. По девять часов в день я прославляю Всевышнего. У меня нет семьи, нет друга рядом со мной, давно не получаю писем и уже не понимаю, кто я есть после стольких мытарств – а душа моя ликует! Я и за царство не отдал бы моей жизни! Я прославляю Всевышнего, «забыв» о всяком страдании и навеки утратив мое *я*... Да, я потерян, как бывает потеряно удостоверение личности, и случившееся со мной почти символично. Если я умру в этом приюте, то меня похоронят в общей могиле, а поскольку я неимущий, префектура и мэрия Домма не станут заниматься установлением места и даты моего рождения.

Знаешь, до чего я додумался, медитируя и молясь в моей пещере? Я ведь знаю, что ты хотел бы ощутить ближе мою жизнь, одинокую, жестокую и благословенную ангелами... Да, это так сложно для тебя, с твоими семейными обязанностями... но ведь желание прикоснуться к этой жизни так в тебе сильно... Не надо ни думать, ни молиться. Но... обрети мое *я*, которое обитает в этой пещере, ведь сам я почти забыл, кто я есть. Если верить в святое причастие, такое возможно. В разгар своего хлопотливого дня, застряв в автомобильной пробке в центре Парижа... ты *будешь* в моей пещере, вознесенной над долиной Дордони. Потеряв мое *я*, я могу вручить его кому захочу, искупить чужие грехи, помолиться, ощутив себя кем-то другим... И по девять часов в день ты будешь проводить в этой пещере...

Последнее время мне снова пришлось нелегко. Вот уже пять дней я прикован к приютской постели, в этом зловонии. С начала воспаления легких была сильная температура; сейчас уже лучше. Прошу тебя, пришли мне, если можешь, чаю и ладана, а еще мне хотелось бы книг по православному или буддистскому мистицизму. Тибетская Книга Мертвых у меня уже есть.

Надо ли говорить о том, какую радость приносит твоя верная дружба бедному затворнику! Нередко солидные люди, профессора, артисты стремятся завязать со мной литературную переписку... О чем мне с ними говорить? На пути, по которому меня ведет Бог, беседа возможна только с тобой... И пусть будет так.

Обнимаю тебя.

Твой духовный брат, Ф. Ожьерас

* * *

Больница в г. Домм
28 мая 1969

Мой дорогой Пьер-Шарль!

Я получил твое обстоятельное письмо, и я совершенно счастлив. А книги пришли вчера; ну, что еще могло меня так обрадовать? Пометка «срочно» на посылке с книгами показалась мне маленьким заслуженным уроком: ведь и правда, мне срочно нужно было покончить с моей мизантропией – вызванной, быть может, просто предельной усталостью. Твои книги и письмо стали для меня наградой, кризис решительно и бесповоротно оставлен позади. Тебе, моему духовнику, я должен открыться:

Этого демона ненависти я с отвращением гнал от себя прочь. Я с ним не любезничал. Он досаждал мне. Трудно было от него отделаться, тем более что он звался еще и демоном мщения... «Фигаро литерэр» только что прислало мне чек на двести франков, полагая, что «известный писатель вынужден жить в приюте в результате происков, которые мы расцениваем как покушение на элементарные права человека». Открытое письмо обществу литераторов, журналисты пишут в прокуратуру Перигора. Председатель коллегии адвокатов угрожал мне уголовным преследованием, если я пророню хотя бы слово о тех происках, жертвой которых я стал... Представляешь себе мои чувства! Какой ужас быть замешанным в эти делишки, в глупейшее судебное разбирательство. Я не находил себе места...

Тут я понял, что пришло время пустить в ход сильные средства. Я попросил здешнего садовника одолжить мне длинную веревку и направился с ней к краю пропасти, туда, где скалистые утесы Домма отвесно обрываются к реке. Я крепко привязал веревку к деревьям, сразу к двум, для большей надежности; я привязал себя к другому концу веревки и свесился над бездной, придерживаясь за крайние выступы камня. Дрожа от страха, я вступил в серьезный

разговор с моей душой: «Ты на краю бездны», сказал я ей. «И сейчас тебе так же неспокойно, как и в минуту смерти. Скажи, имеет ли нам смысл искать адвоката?» – «Ох», стонала моя душа, «скорее уйдем отсюда!» – «Потерпи еще немного! Разве эти господа из Парижа, которые за нас вступились, чем-нибудь нам помогут, когда мы предстанем перед Вечным Светом?» – «Ох», плакала моя душа, «веревка может оборваться!» – «Да ведь и жизнь может оборваться, и к тому же – в любую минуту. Мы с тобой могли разлучиться три года назад, ты ведь помнишь. Бог отпустил нам еще несколько лет... Но неужели для того, чтобы ввязаться в судебные дрязги?» – «Конечно, нет!», всхлипывала душа. – «Так ты перестанешь докучать мне своей дурацкой ненавистью?» – «Да, обещаю!» – «Кстати, а где же наше правосудие и справедливость?» – «Да вон они, на краю пропасти!» – «Ну, так и брось их в пропасть!»

Я смиренно вернулся в мою пещерку, размышляя о суровом уроке, который мне пришлось преподать моей душе, дабы освободиться от демона ненависти, оставившего с той минуты меня в покое. Когда он высовывается снова, я предлагаю ему... небольшую прогулку на скалы, и он прячется.

Знаю, что ты простишь мне применение столь грубых приемов: я ведь, по сути моей, дикарь.

Итак, я вновь обрел покой и радость. Я держу в руках твое письмо и твои книги как награду. Я отправил рукопись моего «Путешествия на Афон» критику из «Фигаро литерэр».[1] И получаю такую телеграмму: «Я в восторге от вашей рукописи. Могу ли я предложить ее в издательство «Фламмарион»?»[2]

Моя новая книга[3] будет рассказом о том, как я жил анахоретом в Домме. Но могу ли я продолжить мою исповедь, ведь ты один в состоянии меня услышать?

Этот кризис, на две недели лишивший меня радости, случился в какой-то мере из-за страшной усталости. И отчаяния. В Перигоре у меня лишь один друг, Поль Плясе, о котором я говорю в моем *Отрочестве*, в главе под названием «Аврора». Сейчас он преподает в Э..., в 50-ти километрах отсюда. Я все обещаю навестить его, но до сих пор этого не сделал. Две недели назад, в четверг, мы условились, что приедет он ко мне. Я приготовил мою пещеру к достойному приему гостя. Было ненастно, и я зажег в глубине пещеры свечи. Я с нетерпением ждал его приезда, возможности поговорить о Вечном, посвятить его в мои радости, вытащить его хотя бы на день из бездушной цивилизации, которая его разрушает и которую он ненавидит. О, святая и чистая радость встречи с другом после двухмесячного одиночества и молчания! Понятное желание говорить о Боге с другом, почти братом!

Под вечер я понял, что он не приедет, я заплакал горько, как обманутый ребенок. Я тщетно повторял себе: «Твой единственный друг это Бог, это твоя бессмертная душа»..., слезы так и текли ручьем. Началась гроза, она приближалась с каждой минутой. Шаровая молния дважды с шипением пронеслась

1 Речь идет о Жане Шалоне.

2 «Путешествие на Афон» вышло в издательстве «Фламмарион» в марте 1970 г.

3 Здесь Франсуа Ожьерас говорит о книге «Домм, или попытка оккупации».

в нескольких метрах от моей пещеры, затем разорвалась со страшным шумом, похожим на разрыв снаряда. Я сел в позу лотоса, закрыл глаза и ушел в себя со словами: к чему этот страх? Моему *я* ничто не угрожает. Гроза неистовствовала, молнии били в высокие утесы Домма. В самый разгар бури, слыша жуткие порывы ветра, я продолжал сидеть с закрытыми глазами. Буря бушевала больше часа!

Эта гроза измотала меня, тогда-то и начался мой приступ ненависти; теперь я почти уверен, что я в порядке.

Да, моя жизнь сурова, и прежде всего потому, что пробуждает во мне мое глубинное *я*, часто мне неведомое, как ты верно замечаешь в твоем письме... И все же эта жизнь анахорета таит несказанную радость!

Наутро небо было чистейшим, солнечным, божественным. А в долину спустился густой туман, настоящее море облаков, над которым поднимались вершины скалистых утесов Домма. Под ясным голубым небом казалось, что передо мной плывут острова. Сидя на пороге моей пещеры, я любовался этим зрелищем и вдруг увидел горлицу, которая вынырнула из девственно-белого моря облаков. Она была прекрасна, и мне представилось, что это душа сильными взмахами крыльев устремляется в небо. Она парила в лазури, а потом села на утес неподалеку от меня. Встрепенулась, осушая крылья, увлажненные туманом. Трижды проворковала и взмыла ввысь, к Свету..., и вскоре пропала из виду, будто поглощенная Светом!

Я закрыл глаза, и мне показалось, что и моя душа парит в лазури, устремляясь к Свету. Один необъятный миг я испытывал совершенную радость.

Как бы то ни было, я прошел суровое испытание, которое должно меня насторожить и сделать смиреннее; я должен лучше осознать всю полноту моего *я*, если намерен его обуздать и вручить Богу.

В следующем письме я подробно расскажу тебе о моих снах: они тоже сильно меня беспокоят! Меня удивляет их невероятная напряженность. Душа моя трудится беспрерывно. Мне необходимо твое братское участие.

Твой друг Ожьерас

* * *

Домм
2 июня 1969

Дорогой Пьер-Шарль!

Я похож на мореплавателя-одиночку: время от времени посылаю сигнал, который улавливаешь ты ... или кто-нибудь другой. Наше время определяется не только материализмом, как порою кажется. Вдруг получаю весточку от друзей из далекой Африки, они слышат меня, и их внимание к моей жизни пристально и дружественно. Притом ты остаешься самым близким моим другом, способным строго меня направлять. Прочие же мои друзья слишком ко мне снисходительны.

Спасибо тебе за скорую присылку трех книг, которые так меня радуют и так полезны для моих медитаций. За последний год в моем распоряжении было только три книги, которые я читал и перечитывал бесконечно: Тибетская Книга Мертвых, присланная тобой «Молитва сердца», и наконец *Her-Bach, Disciple*, труд по интерпретации египетского символизма. Ты проявляешь редкую широту взглядов, присылая мне тексты, не относящиеся к твоей религии, но мне знакома твоя достойная уважения позиция на сей счет[1].

[...]

Итак, о моих снах. В прошлом письме я обещал о них рассказать. Сознательная часть моей психики уже начинает управлять бессознательной: сны, приходящие из подсознания, участвуют в моих успехах на сознательном уровне... Мои сны становятся очень связными и логичными, это настоящие фильмы, хорошо выстроенные и более реальные, чем сама реальность; они наделены зрелым эротизмом. Как мне следует поступать? На сознательном уровне, на котором я могу действовать, я каждый день продолжаю очищение, чтобы оно спустилось и до подсознания. Извини мне эти подробности, но я знаю, что обращаюсь к мистику, хорошо понимающему все подводные рифы одиночества. В результате моих настойчивых усилий сны утратили эротизм и сделались божественно прекрасными. Я отдаю себе отчет, что сновидения не посещают человека, который достиг Пробуждения; я же еще в пути, и я вижу сны неземной красоты.

Но я должен рассказать о важном событии прошлого воскресенья, и спросить твоего совета, поскольку оно отнюдь не радует меня, а скорее пугает.

Прежде всего, эти психические явления чрезвычайной интенсивности не возникли бы в результате одних только двухмесячных медитаций в пещере, сколь бы глубокими эти медитации ни были. И я расскажу тебе историю моих духовных изменений.

Четыре года назад первый разрыв с моей супругой вынудил меня вернуться в Перигор; я был одинок и без гроша. Я нашел жуткую каторжную работу: это была поистине деревня Альберта Швейцера[2]. Мне пришлось пасти овец де-

1 Поскольку Франсуа тогда не указал названия книг, которые я присылал ему, мне трудно сказать, о чем именно он говорит. Помимо текстов по православной духовности (La Petite Philocalie, Les Récits du Pèlerin Russe, Transfigurer le Temps...), трудов, посвященных отцам-пустынникам, афонским монахам, по лишнему экземпляру которых нашлось в моей библиотеке, не припоминаю, какие именно труды по иным религиям я присылал: во всяком случае, тогда мне казалось, что любая духовная литература способна поддержать анахорета в его пещере...

Прим. перев.: La Petite Philocalie: Филокалия (добротолюбие) – сборник древних отцов церкви;

Les Récits du Pèlerin Russe – Видимо, речь идет о классическом произведении духовной литературы Откровенные рассказы русского Странника духовному своему отцу или Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника Святыя Горы Афонския инока Парфения.

2 Альберт Швейцер (1875-1965) на собственные средства построил в Габоне больничный комплекс, а рядом с ним – крупнейший в Африке лепрозорий в виде большой деревни *(прим. перев.)*.

вять месяцев кряду совсем без оплаты. Потребовался волонтер, готовый разделить кров со священником-рабочим, который был полностью парализован. Я согласился. У меня не было постели, и я спал на цементном полу, и каждую ночь раз по десять меня будил этот несчастный, который нуждался в утешении и помощи. Дни напролет я бродил по полям с моими овцами; ночи же проводил почти без сна, в услужении у человека со страждущей душой, ибо этот священник утратил веру в Бога[1].

Некоторое время спустя я впервые провел несколько месяцев в доме отдыха Ле Фужер, под Брантомом. Жил очень уединенно в моей теплице, в заброшенном огороде. Моя жизнь была одинокой, тревожной, но не слишком суровой.

Май 1967 года. Я оказался в Домме, целыми днями просиживал в моей пещере, читал священные книги. Занимался йогой, практиковался в задержке дыхания, молился; это был мой первый опыт полного одиночества.

Июль 1967 года. Меня приютила у себя в Мустье пожилая дама; я провожу дни в пещерах Мадлен над Везером. Опять одиночество, но радостное: пещеры просторны и красивы. Ежедневное чтение Бхагават-гиты и медитации над этим текстом (которым я сейчас не располагаю: книга принадлежала упомянутой даме).

1968 год. Его я целиком провел в Ле Фужер; это был счастливый год моей нежной дружбы с Хосе.

Март 1969 года. Я снова в моей пещере Домма. Вот уже третий месяц я провожу в ней по девять часов в день, в одиночестве, которое тяготит меня больше, чем два года назад. На сей раз я уверен, что стою на пороге важных перемен. Мой друг Плясе так и не приехал, несмотря на обещания; в прошлое воскресенье я чувствовал себя страшно одиноким, всеми покинутым: я перестал понимать, кто я такой...

И ты не пытайся этого понять..., но я достиг предельного отчаяния! Последнее утешение в моей печали: в глубине моей пещеры прижаться виском к шероховатому камню. Но отчего бы не принести в жертву Богу и эту последнюю точку опоры? Я дошел до того, что теперь моя единственная радость и утешение – прижаться виском к скале!

Я медленно отстраняюсь от скалы... Что дальше? Как рассказать тебе о пережитом? Я вижу себя в окружении ярких языков пламени. Мир исчез. Я был чистой радостью и светом. Полное самозабвение! Я был жив, и в то же время пребывал в чистом состоянии! Я сам был Светом, и я видел этот Свет.

1 Сдержанность этого признания объясняется, с одной стороны, деликатностью Франсуа, который никогда не стремился покрасоваться своим милосердием, а с другой... не дело ли тут в параллели, проведенной им самим (и мы тоже можем ее провести) между священником из «Ученика чародея» («Цветочницей Бабе», по определению Анджело Ринальди) и этим священником-рабочим. Если такой параллелизм уместен.

Прим. перев.: «Цветочницей Бабе» Вольтер назвал аббата де Берни, образованного либертина (он выведен в «Жюльетте» маркиза де Сада), за его цветистый поэтический стиль.

Это состояние, напугавшее меня, показалось мне бесконечно долгим. Я покинул мою пещеру, падая с ног от усталости и дрожа от страха. Я забеспокоился. Такие одинокие приключения без наставника, без Учителя, опасны. Порой у меня возникает желание обратиться в православную веру, ради святого причастия. И пусть помыслы мои чисты, в одиночестве я подвержен опасностям. Помолись обо мне, я на пределе сил.

Я счастлив, но счастье мое тревожно.

Дружески тебя обнимаю.

Ф. Ожьерас

* * *

Больница – Приют в г. Домм
23 августа 1969

Дорогой Пьер-Шарль!

Ты привык, что я иногда подолгу не даю о себе знать. Но мне следует исправить положение. В твоем последнем письме, уже чуть отчужденном, ты пишешь о своей тревоге по поводу опасностей, которым я подвергался в моем одиночестве.

Но мне требовалось продвинуться дальше в моей жизни, прежде чем продолжать диалог с тобой, моим духовником и другом... Твои тревоги напрасны! Не забывай о Божьей благодати и тайных деяниях ангелов, которые охраняют того, кто с чистым сердцем движется к Свету. К тому же, крепкое психическое здоровье уберегло меня от впадения в мистицизм сомнительного свойства. Видимо, я неудачно объяснился: когда я висел над пропастью, в этом не было ничего суицидального, не было тяги к небытию. Это был просто хороший урок, призванный утихомирить мою озлобленность на адвоката, который должен бы меньше всего меня беспокоить. Не забывай, что я жил на Афоне, где царит суровая дисциплина отцов-пустынников! На Святой Горе дьявола изгоняют палкой.

Что касается моего рассказа о том, как я прижимаюсь виском к скале в моей пещере..., как я затем отказываюсь от этой смиренной радости, последней опоры в мире: я вижу в этом жесте безграничное доверие к Богу, глубокое стремление идти к Нему, полную покорность Его воле. А в том, что этот жест отказа, продиктованный чистым сердцем, был вознагражден видением ослепительных языков пламени, нет никакой опасности. Небольшой психический сбой? Возможно! Истинная Божья благодать? Предстанем перед Всевышним, тогда и узнаем!

Я был несколько удивлен твоей фразой: «Бросай этот приют, где ты всего лишь обломок, затерянный среди других обломков...» Прилагаю статью, которая успокоит тебя на сей счет: назначенная свыше литературная судьба ведет меня моей дорогой. В то же время, жизнь в Домме позволяет мне продолжить опыт одинокой жизни, к которой я, видимо, расположен. Проходят месяцы; я

прекрасно держу удар, преодолеваю один за другим пороги: отчаяния, ненависти к врагам, тоски, печали, одиночества, гордости. Где-то я читал: «Счастлив монах, которому хорошо в его келье». Изо дня в день меня влечет моя пещера, этот тесный грот, в котором я не могу даже выпрямиться во весь рост! Я бываю опечален, когда что-то мешает мне в нее удалиться.

Вот на какой стадии моего духовного развития я нахожусь. Мое поведение – не причуда, в нем нет и намека на «художественный прием»; мой выбор окончателен.

Однако в Перигоре, этом краю крутых утесов, высящихся над стремительными потоками, вовсе нет никакой дьявольщины, как тебе, видимо, кажется: напротив, это могучий, благородный, священный край, весь распахнутый в небо, в нем до 800-х годов обитал не один отшельник.

И в то же время, в абсолютно атеистической среде мое одиночество переносить так тяжко! Как я хотел бы обосноваться на Афоне или в каком-нибудь монастыре Крита! Такая возможность существует. Я склоняюсь к тому, чтобы обратиться в православие. В начале следующего года в моем распоряжении будет 5-6 сотен франков. Почему бы не попытаться придти к Учителю?

Конечно, ты возразишь, что есть святые места и во Франции! Но меня влечет на Крит или на Афон. И я туда непременно отправлюсь. Я решился. И ты сможешь мне в этом помочь.

Пиши. Мне необходимы твои советы и твоя дружба. Если нетрудно, пришли мне немного ладана. Обнимаю тебя. Ожьерас

P.S. Нам нужно рассмотреть разные возможности, которые позволят мне, с одной стороны, покинуть этот приют, где я в некотором смысле действительно теряю время, а с другой – обрести будущее, позволяющее мне продолжить мои духовные поиски.

Отправиться в монастыри Крита, Афона? Почему бы и нет, я слышу зов.

А вот другая возможность: два-три монаха, располагающие, как и я, небольшими материальными средствами – будь то опытные монахи или неофиты – желают присоединиться ко мне в Перигоре. Здесь можно снять внаем ферму неподалеку от скал, мне известны предложения по чрезвычайно низким ценам. Мы могли бы поддерживать друг друга духовно и материально... вдали от Парижа и его окрестностей, где духовный климат очень нездоров, как тебе известно.

Не мог бы ты в твоем окружении затронуть эту тему? Представь, ты мог нас навещать иногда...

Не мог бы ты прислать мне православные, индуистские или буддистские мистические тексты? Чтение – единственное мое занятие, наряду с медитациями, молитвами... и сбором валежника, который мне необходим для разведения огня в моей пещере: в ней стало холодно этой ранней и печальной осенью. Ищу Бхагават-гиту, пока безуспешно.

* * *

Больница в г. Домм
24 сентября 1969

Дорогой Пьер-Шарль!

Благодарю тебя за твое дружеское письмо: да, отложим важные решения. Я затаился на все лето и не предпринимал решительных шагов.

Уже не один месяц «Молитва сердца» сопровождает меня днем и ночью.

Я бесконечно тебе признателен за присылку *Petite Philocalie*, с ней я тоже не расстаюсь. Я отправился к Богу один, без Учителя, на свой страх и риск, и многие твои письма выдают твое беспокойство обо мне. Как непроста моя жизнь, заполненная одинокими молитвами и медитациями в пещере, на утесах Домма!

Был ли я готов к опытам исихазма? Был ли я тайно охраняем ангелами? Безумие мне не угрожает. Мне хотелось быть уверенным в себе, и я добровольно пошел на психиатрическое обследование. Полное душевное равновесие, никакого невроза, никаких наклонностей к патологическому мистицизму.

*

Но без Учителя невозможно двигаться дальше.

Прилагаю мою недавнюю фотографию. Скажи мне: следует ли оставаться в приюте человеку с таким лицом? Разве не подобает ему перебраться на Афон или на остров Патмос?

Ты пишешь мне о неком Учителе, свободно говорящем по-французски. Будь добр, покажи мою фотографию твоим православным друзьям: пусть они решат, достоин ли я того, чтобы войти в их круг. Божьим промыслом пересеклись наши с тобой пути; ты мой вожатый, и я тебе безоглядно вверяюсь.

В январе я буду располагать суммой, необходимой для поездки на Патмос или на Афон. Я хочу обратиться в православие и стать монахом.

*

Прилагаю фотографию картины. Ее сюжет далек от православия, но эту технику я освоил на Афоне, и она сродни технике византийской живописи. В каком-нибудь греческом монастыре или на Патмосе я смогу честно зарабатывать свой хлеб копированием старых икон. А это важно, ведь в монастырях смотрят косо

на тех, кто не владеет никаким ремеслом, не умеет трудиться. На копии икон спрос есть всегда. Я ведь хочу провести на Патмосе не несколько месяцев, а обосноваться там навсегда. Разумеется, министр культуры, Мальро, снабдит меня рекомендательными письмами.

Вот как обстоят мои дела. Я не могу идти дальше без Учителя. Вверяюсь тебе. И да поможет тебе Бог.

Твой духовный брат, Ф. Ожьерас

Перевод Елены Березиной

ФРАНСУА ОЖЬЕРАС, ПОЛЬ ПЛЯСЕ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ОХОТА

Я ищу возлюбленного, и, от холма к холму, с копьями в руках, только о нем я и думаю. Когда же я увижу того, кто станет моим другом, эту уже рожденную плоть, которая находится далеко от меня и пребывает в тихих грезах. Какова охота: я загнал свою любовь. Не его ли это босой ноги отпечаток на песке медленно стирает река; не он ли это возле цветущих болот, в тени моих деревьев.

Сегодня утром, не чувство ли, что я нахожусь рядом с ним, заставило меня раздвигать листву. Мое сердце, отчего бы тебе биться так сильно, если не от сознания, что сегодня ты увидишь моего друга. Сверкающая река, скажи мне, видела ли ты его лицо; молодые зеленые травы, ласкали ли вы босые ноги того, кого я ищу.

Моя любовь наделяет тебя божественной грацией. Почему ты убегаешь; не дротики ли мои устрашили тебя. Сегодня утром, могу ли я сомневаться, ты совсем близко, я знаю. Свежесть и мягкость воздуха выдают твое присутствие за листвой и в лесной тени.

Ты ли это на островной лужайке. Восхитительные мгновения, день, благословленный небесами. Какой ты спокойный и серьезный, о, найденный и находящийся на расстоянии полета моих стрел. Умное животное, которое размышляет и мечтает, одним движением я смогу нанести тебе смертельную рану, и одной стрелы довольно, чтобы навсегда закрыть твои глаза. Мне выпало прервать твои одинокие размышления и вернуть твою душу духам Земли.

Но судья ли я тебе, пугливая тварь, которую я хотел узнать, и могу ли я желать, чтобы ты сбивала меня с толку так часто. Мои длинные стрелы, готовые нести смерть, вы не станете разрушать мое бессознательное счастье: мудрые стрелы, застыньте в моих напряженных руках.

Река, разделяющая нас, успокой свои воды. Ты, сердце, прекрати вырываться из груди; и вы, стрелы, отправляйтесь умирать на островной лужайке. Лук задрожал. Три оперенные стрелы просвистели и вонзились в двух шагах от его головы. Ты прекрасная мишень; если бы я хотел, более точным движением я швырнул бы тебя среди цветов, и, твое юное тело размякло бы ото сна, кровавый ночлег на прибрежной гальке.

Идем, малыш, ты готов. Скрыться было бы лучше, но воды объяли тебя. Почему ты поднимаешься. Останься и позволь мне приблизиться. Преисполненные нежности и трепетного удивления, мы взялись за руки: он, еще испуганный, и я, не в меньшей степени.

Он привел меня к своему острову. Это был равнинный остров, усеянный галькой; острием он рассекал течение; трава там отличалась отменной свежестью; там располагалось его скромное убежище: камни, почерневшие от огня, тряпки, разбросанные повсюду. Как юный властелин древних империй, он сидел, скрестив ноги, с легким дротиком поверх прекрасных округлых коленей. Он взял металлический чайничек, поставил его на угли, которые я раздувал собственным дыханием, и мы застыли в молчании, пока вода неторопливо закипала. Он дал мне хлеба, вина, табака и курил безмолвно. Длинные зеленые травы спускались к реке, мы вслушивались в ее журчанье.

В глиняные чашки он влил чай, с высоты, с прекрасной точностью кочевника, с улыбчивой степенностью, очаровавшей меня на островной лужайке. Воздух дрожал от счастья, все блестело на солнце перед мистерией глубоких вод, неподвижных и черных. Дивные мгновения тишины и мира. Остров священный вдали от зеленой листвы. Наш голубой дым поднимался к небу, и речные тростники, изогнутые течением, медленно выпрямлялись.

Высокая скала против света притягивала наши взоры; в белых пятнах, она поднималась над буйной растительностью, освежившейся с весной.

Пойдем, сказал он, тронув меня за плечо.

Мы перешли вброд.

В этом месте берега была длинная лужайка, полностью освещенная солнцем, перед высокими скалами с их тенью. Мы сделали отметки на земле, и наш стадион перед кукурузным полем был размечен светлыми камешками, извлеченными из реки.

Он взял свои копья, выбрал одно и с минуту взвешивал его в руке. Когда оно равновесно улеглось в пальцах, он побежал, его рука внезапно расслабилась, копье взлетело, описало кривую, спланировало и основательно погрузилось в землю. Белый камень, отмечающий этот первый бросок, уже удачный.

Я выдергиваю дротик, косо вошедший в землю. Я делаю глубокий вдох, и в моей руке поблескивает красивое древко. Копье свистит в воздухе, раздумывает над траекторией, кренится и далеко, очень далеко вонзается в самую густую траву, где служит мерой моей силы.

Он подбирает оружие, спокойно идет к деревьям, к краю площадки. Он взвешивает в руке копье из металла и дерева, оперение и острие; он бежит, и копье оставляет далеко позади мой камень, без всякой надежды для меня улучшить результат. Но, победитель, что же скрываешься ты. Юный метатель сухого дерева, я догоню тебя, и, если нужно, одного удара кулака будет довольно, чтобы заставить тебя заплакать от боли. У меня в самом деле возникло чувство борьбы с ним, с противником страстно надеющимся; наша первая встреча, и я радовался этому, не могла быть ничем, кроме ужасного соперничества между силой мира, безжалостной, и моей любовью.

Ибо я любил его, это юное животное, едва ли человеческое, этого мальчика с мудрым взглядом, в котором сверкал огонь. В нем было божественное совершенство и новая мудрость, которой я хотел насильственно овладеть. Охотник душой, я хотел, разрывая его грудь, пить кровь этого божества. Иди, беги, задыхайся поскорее; в моей широкой груди больше силы, чем в твоих длинных ногах. Малыш, я начинаю понимать твои уловки. Иди, беги, расточай свою душу; хитрость простовата, как и ты, юная головушка.

Вскоре ритм моего бега установился настолько, чтобы выдерживать его долго без усталости; мне предстояло загнать животное. Он кричит как будто от боли, все мои мышцы сминают его молодую девственную плоть; его лицо, затемненное страданием, гневом и бешенством, я придавливаю обеими руками к сухой земле. Наши дыхания хриплы, прерывисты. Из последних сил он пытается освободиться из захвата, но зажимая его бока между своих крепких бедер, я пресекаю все попытки бунта. Тогда он закрывает глаза, и великое бессилие настигает его под весом моего тела.

Струйки пота стекают вокруг его глаз, солнце в зените сжигает его нежное лицо, как будто спящее под моими ударами, его нежное лицо, по которому проходят тени облаков. Потом он приходит в себя, его губы приоткрываются навстречу вновь обретенной жизни, подо мной слегка шевелится его живот и его горячая грудь, его прекрасные глаза снова видят травы и лазурь.

Нечто вроде нежности настигло меня от того, что я чувствовал пленника под своими бедрами, тем более, что жизнь, возрождавшаяся в нем, имела очарование весны; цветы, придавленные нашими телами, благоухали, его юный запах слегка пьянил меня, и его усталость, его болезненность волновали меня. Тебя, тихого и тяжелого, с этой твоей улыбкой: тебя я любил. Ты, искреннеглазый, не догадывался ли ты, что я люблю тебя. Я был там, на нем, держа его за руки и глядя, как его боль превращается в неясную радость.

И опять в его взгляде было это пламя, будоражащее меня. Он оставался, меж тем, простым ребенком, которого я преследовал, пристально следящим за мной, готовым удрать, так же как остаться навсегда, немножко мой раб и в гораздо большей степени пугливое животное.

Идем, вставай, сказал я ему.

Мы возвратились на наш остров, он шел впереди меня; и, поскольку он был способен скрыться, чтобы не вернуться никогда, я обвязал его длинными травами; я убедился почти немедленно, что путы на лодыжках не доставляют ему неприятных ощущений, что плохое обхождение, по меньшей мере, забавляет его, ибо он смеялся, падая при каждом шаге и заставляя меня терять время, настолько, что я должен был подталкивать его ударами дротика, несильно, но достаточно интенсивно, чтобы он ощущал уколы. Он смеялся над моим видом, так же, как над собственным подчиненным положением, позволяя вести себя как теленка; он действительно легко перешел от слез к радости, довольно неловко, ибо был связан, но так чистосердечно, что мне ничего не оставалось, как в свою очередь рассмеяться от того, как его забавляют его путы. Он, ка-

залось, был не слишком озабочен своим статусом пленника, уверенный, что убежит еще до вечера, в то время как ничто не говорило о том, что он хочет меня оставить немедленно.

Наконец, мы добрались к броду. Меня все больше волновала его простота, не дураковатость, но такая совершенная естественность, что мне ничего не оставалось, как любить его. С тех пор, как я преподал ему урок, с тех пор, как я довольно серьезно наказал его, он, опьяненный полученными ударами, был как будто вне себя и в гораздо большей степени дитя, чем утром. Это младенчество пробуждало как лучшее, так и худшее в моей человеческой природе. Его покорность мешала мне; точнее, его кажущаяся готовность принять от меня все, без исключений. При этом в нем было достаточно божественного, чтобы во мне зародилось чувство бесконечных возможностей жизни, заставляя меня бояться злоупотребить своей силой.

Как бы то ни было, понятие собственности было ему совершенно чуждо. Когда мы вернулись на остров, он прибрал к рукам многочисленные вещицы из моей сумки. Разумеется, я страстно хотел познать это создание, но имел ли я право удерживать эту простую душу; освободив его от пут, предоставив ему возможность уйти, я занялся приготовлением еды. Уйдет ли он еще до ужина, оставляя меня одного. Выпив кофе, я уснул на островной лужайке.

Проснувшись, я обнаружил, что одинок пред неутомимыми водами. Солнце заходило за холмами. Собрав разбросанные вещи, воспользовавшись чрезвычайной длиной этого июньского дня, я медленно проплыл по течению и вскарабкался по тропам, поднимавшимся к моей двери.

В течение нескольких дней текущие труды немало займут меня, но все-таки не настолько, чтобы заставить забыть странную встречу. Мой дом на склоне горы состоял всего из одной комнаты; темная кладовка позволяла укрыть от непогоды, помимо дров, те рабочие инструменты и одежду, что нужны были не каждый день. Мне была необходима кузница, я решил соорудить ее снаружи, во спасение от копоти, но так, чтобы она была защищена от дождя выступом скалы. Эта работа заняла целый день. Попутно я обнаружил, что мои запасы древесного угля ничтожны, и мне следует или производить его самому или попросту поискать в заброшенных деревнях, находившихся неподалеку. Наконец, мне не хватало спичек, что и подвигло меня к решению направиться на следующий день к деревням и фермам, лежащим в руинах. Признаюсь: эти опустошенные деревни, которые я без зазрения совести разграблял, всегда вызывали во мне неудержимый восторг; мне хотелось забрать все, при том, что я должен был ограничиваться несколькими легкими предметами, которые был в состоянии унести с собой.

С наступлением ночи я поужинал на пороге дома. Зажигая лампу, я обратил внимание, что запас керосина тоже подходит к концу. Мне следовало поэтому обчистить немало деревень, если я хотел должным образом подготовиться к зиме. Мне не хватало кофе; еще мне не хватало пары крепких юных рук в помощь.

На заре я взял винтовку и патроны, зашнуровал ботинки и гетры и пересек реку. Я шел малозаметными тропами, которые вели к фермам, чьи серые каменные крыши покрывала запутанная поросль. Длинные ужи прятались в зеленых травах давно одичавших садов; кукушка в лесу вторила моему голосу, хищные птицы парили в лазури, и в цветочных полях пчелы собирали пыльцу.

Старинная тележка догнивала потихоньку; склонившись над краем колодца, я не видел ничего, кроме мути. Обрывая листья и колючие побеги, я пробрался во двор, где все оставалось на местах: орудия труда, мельничный жернов и борона, как будто обитатели попросту отправились в поля; но, когда я тронул дверь, она развалилась от простого прикосновения, в многочисленных низких комнатах в мебели гнездились птицы, груды штукатурки ссыпались с потолка, человеческие кости были разбросаны по плиточному полу. Жужжание пчел, устроившихся под кровлей, запах пыли и меда слегка пьянили меня. В железной коробке над камином я нашел, как и рассчитывал, спички, вполне пригодные к употреблению, сахар и кофе – в ящике буфета, а еще нитки, иголки и наперсток; все это я отложил в угол. Потом, беспричинно, из простого интереса я обследовал другие комнаты, вплоть до спальни, в самом конце коридора. Скромное окошко с распахнутыми ставнями пропускало луч света. Стены были побелены известью. Большая деревенская кровать из лакированного дерева в самой глубокой тени, рядом с ней – изящная колыбель. Почтовые карточки, семейные портреты, высохшие цветы украшали небольшой камин. На мраморе – гипсовая Богоматерь под стеклянным колпаком, чудом уцелевшим.

Я открыл ящики, нашел белье, что могло мне понадобиться, многочисленные простыни, которые я отложил в сторону, женскую одежду и несколько предметов туалета без особенного представления об их назначении. Взволнованный, я оставался в комнате; дневная жара и это чистое белье взбудоражили желания отшельника, коим я был; жужжание пчел почти причиняло боль. Мне казалось: запах юной женщины исходит от кровати, на которой я распростерся. Стряхнув наваждение и нагрузившись поклажей, я тронулся в обратный путь.

Когда я вернулся к себе, то настолько устал, что поужинал; я сидел на пороге, уставший от своего одиночества, уставший даже от красоты мира. Новое небо предстало моим взглядам, неизвестные звезды восходили на востоке; моя лампа притягивала странных насекомых, и я был один в этом краю стертых дорог. Не вполне один: иногда попадались чьи-то следы, некоторые фермы были разграблены; и, наконец, этот мальчик, явившийся мне на берегу реки. От нашего дня на островной лужайке мне осталось воспоминание о юном создании, вырвавшем меня из ужасного одиночества. В нем было совершенство нового мира, нарождавшегося на руинах ушедшего прошлого, невинность и, вероятно, неизвестная доселе мудрость, странная улыбка. В то время, как Разрушение состарило меня мгновенно, задолго до моих тридцати лет, этот подросток напоминал о возрождающейся жизни, совершенно цельной и полной сил. Он заслуживал, чтобы им восторгались как божеством. На самом деле, после того, как время людей прошло, я не знал, где начинается и где заканчивается божественное.

В течение нескольких дней, изгоняя из рассудка мысль о чудесном приятеле, мельком увиденном мной, я занимался своими посевами, все были немало разорены птицами и уже достигали моих плеч; эта новая весна, и в самом деле, нисколько не напоминала предыдущие; небо поразительно чистое, мощное сияние подрагивало в тихом воздухе. Растения обладали силой, на человеческой памяти неведомой. В тени листьев птицы пели так настойчиво, что я почти глох от их криков, от их призывов. Они порхали в листве, выкрикивая свою радость жизни, и обрушивались на мои поля, опустошая их, и я не знал иного способа отпугнуть их, кроме как размахивать шапкой и кричать громче, чем они.

Мне нужен был ребенок, чтобы сторожить пшеницу. Огородное пугало было бы мертвенным знаком, и идея водрузить средь полей ужасную карикатуру на человека, нависающую над одаренными природой стеблями, представилась настолько отвратительной, что я отбросил ее сразу, как только она пришла мне в голову.

Эта мысль до того испугала меня, что я поспешил вернуться к себе. Мне показалось, что чтение поможет развеять тревогу. В книгах я находил утешение, которое было мне необходимо, чтобы не впасть в отчаяние. Но в тот день самые лучшие из них не принесли мне ни мира, ни спокойствия; мысль о пугале настигала меня, хотел я того или нет. Я гнал ее вначале как мерзкую манию, но потом принял как вполне разумную; поскольку одиночество обходилось мне дорого, почему бы, в самом деле, не соорудить существо, которое составит мне компанию. Когда я набрался решительности, я постарался смастерить его из дерева, из соломы, из грубосшитой ткани и повыше моего роста. У меня не было недостатка в одежде, я даже нарядил его как женщину; наконец, предаваясь своим разнузданным инстинктам, я, против обыкновения, грубо напился.

Разбудил меня ночной холод, ибо я заснул на полу. Ужас, распростертый передо мной, заставил усомниться в прочности моего рассудка, ко мне подбиралась сильнейшая безнадежность, но тут очаровательная птичья трель вырвала меня из умопомешательства. Жизнь была здесь, настолько близко, что только от меня зависело обладание ею. Успокоившись, я заснул в лучшем расположении духа, обещая себе после доброго сна пойти на охоту. Нужно было опять увидеть леса; назавтра я раскраснеюсь от стыда, вспоминая об этом припадке, и объясню его тем, что живу уединенно.

Утром, как я и ожидал, река двигалась со свежим влажным шумом. Все пело о счастье, все звучало в спокойном воздухе: птицы, деревья и цветы. Хотя у меня и были причины отправиться на разграбление деревень, я предпочел на некоторое время воздержаться от созерцания руин, которые мне следовало забыть, они волновали меня известным способом и доводили до чистого и простого безумия. Итак, перейдя реку, я направился к полям.

Они были разбросаны по нескольким долинам таким образом, что я не мог бывать на них каждый день; эта отдаленность распыляла мои немногочисленные владения. На опушке леса рожь и пшеница вызревали под солнцем; если птицы разоряли поля, обилие урожая компенсировало ущерб. На мои три или

четыре поля было приятно смотреть; я долго оглядывал их с гордостью, к которой примешивалась смиренность из-за необычайной высоты колосьев и от того, что величина и количество зерен превосходили все надежды. Этот едва ли не божественный год, это странное возрождение до некоторой степени отвлекли мой рассудок от ужасного одиночества; действительно, речь шла о новой, сопутствующей мне силе; я наблюдал за ней, как за живым существом, развитие которого отмечал всякий раз, когда обращал взгляды в сторону полей.

В то время как климат оставался таким же, каким был он некогда в этой части Европы, эта поразительная мощь растений расцветала под небом голубым и прозрачным, по которому гулял легкий ветер. Те же ручьи под тем же небом, но в другой Франции струились у подножия самых высоких деревьев. Мне захотелось стать моложе, чтобы дольше извлекать пользу из этого божественного порыва; как бы то ни было, я шагал по тропинкам радостно и уверенно. Парили тысячи птиц, а я шел, восхищенный, под небесной лазурью, глядя вокруг. Мое поле располагалось перед длинной скалистой стеной, в незапамятные времена обтесанной водами, так что получался свод, под которым я хранил рабочие инструменты и где сам прятался от солнца. Маленький источник наполнял чашу, грубо высеченную в скале; заброшенные вязанки хвороста истлевали потихоньку и, глубже под скалой, на поверхности чрезвычайно сухой и пыльной, меня опять заставили содрогнуться отпечатки моих собственных шагов, ибо мое я нередко сводилось только к взгляду и только к неуверенному в себе уму.

В долине, когда я спустился к реке, что за восторг настиг меня! Между свежих трав легонько подрагивало воткнутое в землю копье. К середине древка были привязаны цветы. Я немедленно догадался о том, кому принадлежит это желание напомнить о себе и возбудить любопытство. Таким образом, моему другу были известны мои долины и поля. Жил ли он по эту сторону реки, хотел ли он опять увидеть меня? Что означал этот скромный знак? Сначала я хотел унести дротик с собой; потом передумал и привязал к нему початок кукурузы, чтобы друг понял, наконец, как я надеюсь на его возвращение. Возможно, он наблюдал за мной, укрывшись в листве или на вершине скалы. Я угадывал его присутствие в окружающем древесно-цветочном раю по волнению, сжимавшему мне горло, по крикам птиц, по невинности воздуха, по очарованию этого июньского утра. В реке отражались леса и скалы; голубое и девственное небо, казалось, управляло миром и заставляло стучать мое сердце. Крики птиц становились оглушительными; кто-то был здесь, между деревьев, и наблюдал за мной.

Вместо того, чтобы направиться к лесу, из чувства стыда и оттого еще, что я думал, что он за мной следует, я пошел вдоль реки. Солнце садилось в золотом сиянии, когда я вернулся домой, убежденный, что одиночество передалось и ему, и я могу рассчитывать на его возвращение.

Утром в мою дверь вонзилась стрела; сверкающая от росы, юная и свежая, длинная стрела. Он бродил, без сомнения, по соседнему лесу; мою застекленную дверь, блестевшую в первых лучах солнца всеми своими квадратиками, он видел с высоты скал и прорисовывавшихся под небом чащ по ту

сторону реки. Я решил позвать моего друга и подумал, что лучше всего будет зажечь огонь; если он, как я предполагал, видит мой порог, то поймет, что высокий столб дыма служит сигналом. В спокойном воздухе, уже пронизанном жарой, он взлетит как вопль. Он не мог не услышать или отказаться отвечать. Я был прав, ибо над лесами мгновенно взвился белый дым. Я видел его в течение часа на холмистом горизонте, он становился то темнее, то светлее, в зависимости от сортов дерева, которыми располагал мой друг. Насколько я мог понять, он устроился на скалистом хребте, окруженном лесной порослью. В спокойном воздухе его дым не распылялся; непостоянный, иногда почти невидимый, когда пламя гасло, он оставался прямым, как столб, воткнутый со стороны солнца. К полудню он стал мало-помалу исчезать, стираться под сероватым небом, дрожащим от жары; ожесточенное жужжание насекомых, меж тем, становилось оглушительным.

Когда я вернулся к себе, сознания того, что я не одинок больше в этом опустошенном краю, хватило мне для радости. Я бодро обрушивал тяжелые удары молота на кусок железа, что лежал на наковальне, пока он не принял нужную форму, тем самым я собирался заставить судьбу прислушаться к моим желаниям. Мне нужно было еще устроить загон под скалой, этим я занимался до вечера, при помощи досок, крепко вбитых в землю, и веток, все было хорошо отесано и надежно скреплено гвоздями. Черный от угля, пыли и золы, я складывал свои инструменты, когда легкий шум заставил меня повернуть голову.

Он был здесь, прямо передо мной, спокойный и улыбающийся, как ни в чем ни бывало; в то самое мгновение, когда я, увлеченный своими занятиями, успел забыть, что надеялся на его возвращение.

Он стоял, одной рукой опершись на дверь, и спокойно глядел на меня, казалось, готовый все принять от меня, ничуть не теряя при этом естественного благородства, довольно сдержанного.

Входи, сказал я ему, столь же взволнованный, сколь счастливый.

Должен ли я был показывать ему, какое значение он приобрел в моей жизни. Какой тон принять с призванным мною созданием? Мне не хотелось ни чтобы он узнал, до какой степени я испытываю в нем потребность, ни чтобы он понял, что это он наделил меня мудростью, именно тем, чего мне не хватало; и в этот первый вечер я не предложил ему стул, иначе меж нами установилось бы равенство, распространяющееся на будущее; по этим дурацким причинам я уселся на пороге, чтобы он сделал то же самое. Он и в самом деле взошел на ступеньки, и мы сидели в молчании. Как он был прост, если не считать блеска глаз, если не считать самообладания; он напоминал мне неведомые цветы, которые я видел в полях и которые не походили ни на какие из прежних, не были описаны ни в одном учебнике ботаники и чьи оттенки волновали меня всякий раз, когда я шел своими тропами.

Поскольку он решил жить со мной, не нужно ли было сначала устроить ему кровать. Когда он зажег лампу, я быстро выпилил пять или шесть досок и крепко сбил их молотком; на эту основу я положил имевшийся у меня матрас; оставив сооружение перед дверью, я отправился спать.

Я нашел его, когда он, уже проснувшись, стоял на скалистом утесе, возвышавшемся над рекой. Он улыбнулся и пошел мне навстречу. Река искрилась всеми цветами; он вошел в нее по пояс и зажатым в руке гарпуном нацелился в неторопливый косяк рыб. За отблеском света немедленно последовал плеск сражавшейся в воде форели. Точным движением он швырнул ее на скалу. В тени листвы, на границе солнечного света, поскольку вокруг него была теперь речная глубина, он прыгнул в воду и поплыл. Он бросался ко дну и возвращался к поверхности с рыбой, наколотой на острие. Я нырнул с высоты скалы и мигом взлетел к нему, подобно слишком долго сдерживаемому желанию. Он швырнул к берегу деревянный гарпун. Он встал на ноги, такой же спокойный и торжественный, улыбаясь, как всегда; спокойная радость, которую я любил больше, чем его самого и которая гармонировала с девственным миром, окружавшим нас.

Пойдем, сказал я ему, пора приниматься за работу.

Мне нужны были колья, чтобы закончить загон для скота. Ближайшие окрестности были покрыты пышной растительностью, но сколько-нибудь прямых деревьев не было, и я решил нарубить их в верховьях реки. Течение вынесло бы их на мой берег, и нам не пришлось бы слишком трудиться над доставкой. Поскольку эта работа на реке и в лесах должна была занять день или два, я загрузил в нашу лодку топоры и запас продовольствия, и мы немедленно отправились.

Мы поднимались по течению, разглядывая берега. Над скалой возвышались тополя, слишком высокие для предполагаемого загона. Мы прошли через старые сады, заросшие ежевикой. Наконец, за изгибом реки, мы заметили молодые деревья, покрывающие равнинный островок. Их светлая кора блестела на солнце; совершенно прямые и чистые, на фоне зелени они казались одним целым.

Мы вытолкнули лодку в теплоту мелководья, в подобие растительного варева, образованного длинными плавучими травами, на которых сидели голубые стрекозы, они взлетали, осторожно садились на наши руки, ноги, на водяные цветы и кружились, одинаковые и такие быстрые, что их движения неслись в бесконечность.

Мы выбрались на берег и взялись за топоры. Молодые деревья мы связывали и бросали в траву, чтобы не позволить течению их унести; такое уже случилось в начале работы, когда мы бросили в воду деревья с другой стороны острова; многие стволы таким образом пропали, увлеченные течением, и мы уже не могли вернуть их вплавь, ибо течение в том месте было быстрым. Когда пришла ночь, мы зажгли на просеке огонь и бодрствовали, наблюдая за нашими молодыми стволами, слабо поблескивавшими в полутьме.

Наутро мы сдвинули к середине реки все нарубленные деревья, они были связаны, чтобы не разбрасывало течение, и их нужно было сопровождать и направлять вплоть до наших берегов, мы вытолкнули их на мель перед нашим домом и поднялись передохнуть.

Какое-то время я занял его обтесыванием моих кольев, после того, как он снял с них кору; он уделял гораздо меньше времени своим занятиям, чем движению птиц, паривших над холмами. Небо притягивало его, он без конца бросал на него взгляды. Он оставлял меня каждое утро, чтобы вернуться только вечером, не имея других причин, кроме желания оставаться свободным. У меня на столе лежали книги, которые мне удалось спасти во время бедствия, я берег их со страстью тоскующего отшельника, не желающего отчаяться в себе самом; мне хотелось показать их ему, чтобы узнать его мнение о тех, что запомнились мне. Он взял алгебраический трактат, заявив, что вернет его только вечером. К чему мог я принудить этого мальчика, призванного мной и необходимого мне; не случится ли так, ибо одиночество будет теперь невыносимым, что я стану подчиняться его капризам и не стану делать то, что ему не нравится. Я не знал, что ему сказать. Он ушел, стало быть, и вернулся только ночью.

Теперь, когда он был со мной, все в нем раздражало меня. Понять его в достаточной степени, чтобы продолжать любить его таким, как он есть, – это, казалось, находилось за пределами моих сил. Чудесную весну, которой я так страстно желал, мне бы хотелось привязать к своему сердцу, но теперь, когда передо мной находилось ее живое воплощение, в эту минуту купавшееся в реке, я не осмеливался, неловкий пред лицом любви, совестливый и как будто исполненный почтения к таинству, которым мне нужно было всего лишь наслаждаться со стороны. Хотя в этом добровольном отстранении была доля трусости, тысяча причин, выведенных из морали, убеждали меня, что таков мой долг.

Впрочем, он отдалялся от меня. Я достаточно наблюдал за ним, чтобы знать это. Каждую лунную ночь он возвращался не раньше полуночи, пропитанный свежестью реки. Я угадывал в нем сексуальность простую, счастливую, слегка смущенную, самодостаточную. Эта девственность не была мне неприятна, но кем я был для него: прибежище, необходимое ему, мгновение в его жизни. Так я терзался в кровати, в углу комнаты, когда услышал его, возвращавшегося с реки, шаги, а потом дыхание тихое и спокойное, когда он засыпал; роскошь цветов в его волосах, перед открытой застекленной дверью.

Когда приблизилось время жатвы, я привел его в мои поля. В малейших его жестах была почти математическая точность, не вполне естественная, как казалось мне вначале, когда я с ним познакомился, но что я понял только тогда, когда заметил, насколько тщательно анализирует он встающие перед ним проблемы. Его понятливость и то счастье, которое он мне приносил, стали мучительными, ибо он исполнялся ими вдали от меня, когда я не мог быть с ним; и, в то время, как я намеревался его любить, он стал для меня источником терзаний; это доставляло мне тайное наслаждение, недостаточное, меж тем, чтобы избавить от его обеспокоенных взглядов, хотя он не терял ни спокойствия, ни охоты нырять в реку под малейшим предлогом жары и пыли. Что сказать ему: он казался первичней самого понятия ошибки и, из-за этого, находился вне всех возможных условностей. К слову, он вовсе не допускал ошибок. Это совершенство его поведения, эта манера не оставлять неоплаченных счетов день ото дня ожесточали меня, я чувствовал себя подчиненным какому-то божественному плану, существенно выше моего понимания; мне выпало попросту быть свидетелем эксперимента, который я должен был оградить от окружения более опасного, чем я сам; я не мог решиться на эту роль.

Он проводил целые дни на скалах, перед бесконечностью пространства. Его пристрастие к небу оставалось тем же, к новому небу, прозрачному и голубому, которое он любил больше, чем меня, до такой степени, что я стал испытывать ревность к этой совершенной лазури. Воздушная кристальность не менялась с весны; спокойствие неба, как я наблюдал в своих полях, становилось почти навязчивым; именно это он любил: Вечность в блеске солнца.

Физически, умственно, он не испытывал никаких серьезных затруднений; он прилагал усилия только к анализу, очень далекому от действительности, часто сводившемуся к живописным абстракциям на больших кусках ткани, размалеванных квадратами разных цветов; он опускал их в сосуды с краской и оставлял сушиться на скалах, которые, от соприкосновения со свежей краской, становились пунцовыми или цвета ночной сини. Он там пере[1]

леса были всего лишь
воды, жужжание насеко
оконечность полей стано
должал петь, чтобы замолча
гие над рекой, которая
ная, в теплом воздухе вечера, близ
превращалась в непобедимый призыв.

Он входил, я зажигал лампы.

моих книг. Если я страдал от одиночества, ничто не говорило о том, что он тоже от него страдал, или благодаря мужеству или от того, что он был слишком занят самим собой; он мог рассчитывать только на себя, и мне было бы его жаль, если бы царство ночи, которое так меня пугало, не окружало его заботой со всех сторон; крики птиц, луна, расстилающая свет на тихие леса, блеск чистых звезд: все двигалось в нужном ему направлении.

При этом он оставался довольно скромным, даже с точки зрения своих целей; он не слишком забегал вперед, как будто боялся слишком быстро к чему-то привязаться, пусть бы даже к миру, который тоже себя искал; я заставал его иногда за чем-то вроде сомнений, потом он очень быстро находил ответы на вопросы, вставшие перед ним. Я замечал его на холмах, среди зарослей, с карандашом в руке, за зарисовками. Я стал усматривать в нем врага, который был одареннее меня и должен был занять мое место. Именно, врага, не придававшего никакого значения моим мнениям, сводившего на нет все, чем была Фран

1 Последние страницы повреждены *(прим. авт.)*

лать умере
у него была мане
в молчании. Кстати, он мне б
он держал меня на расстоянии, как будто он
ки; я становился по-настоящему опасен для него; его
сотворенная из страха, и это было видно; мне это доставляло

мой единственный способ господствовать над ним хотя бы чуть-чуть, напоминать ему о себе, я дошел до того, что радовался нескольким ранам, которые он получил, не тяжелым, но чуть-чуть нарушившим его цельность, это непереносимое для меня совершенство. Чего он хотел, откуда явился он в весну, окружившую нас. Он исследовал мир и рождался для себя самого. Я без конца обнаруживал его прислушивающимся к небесным силам, он обретал в них свое обоснование, как если бы за этим было будущее. Чего ждал он от воздуха прозрачного и голубого. Что должен он был солнцу, к которому обращал свои взгляды.

В то утро я застал его перед своей дверью на нескольких цементных ступеньках, за раскладыванием в гербарии разных собранных растений и за приготовлением ужина. Не обращая на него внимания, я пошел в свое укрытие под скалой и разогрел кузницу, это было нелепейшим предприятием, затеянным в самый неподходящий момент, какой только можно было вообразить, потому что ночь приближалась. Но именно эта нелепость доставляла мне удовольствие, из-за противоречивости и глупости, и как раз это следовало сделать, чтобы заставить его беспокоиться, чтобы

Перевод Элины Войцеховской

• ДОКУМЕНТЫ •

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО

ПИСЬМА

В Ленинграде не было интернета и компьютеров, поэтому писали письма и отправляли почтой, и телефонные разговоры заказывали за несколько дней, и не всегда удавалось поговорить – иногда просто не было связи. Это на всякий случай для тех, кто родился позже. Здесь письма Аркадия из разных эпох.

Зинаида Драгомощенко

Письма из Винницы в Ленинград:

24 ноября 1967 года

Снег идёт. Тихо. День. Вчера получил два твоих письма. Сравнить можно разве что с исцелением, которому не верят, как я не верю, что получил и читаю второй день.

Полторы недели ты молчала, я невесть что думал и придумывал. Сейчас все стало на свои места. Только что-то изменилось. Появилась ты, и я понимаю почему так. За две недели многое прошло, но и что-то пришло. Я решил работать. Иначе ничего не смогу сделать. Институт и я не выигрывают от соприкосновения. Я решил, что снова настало время и окончательно, делать и делать. Грузить машины, писать в газете, светить в театре. Но главное это. Все остальное теряет смысл. И я, дай Бог, переведусь на заочный. Там видно будет. Я понял, что ты несешь больше уверенности, чем все мои выводы и заключения. Ты крепкий индеец, и я о тебе тебе самой расскажу, и ты узнаешь, как много всего ты держишь своими руками.

Я думал однажды о любви и понял, что существует нечто другое, стоящее где-то от этого понятия, дальше или ближе. Что-то несоизмеримо выше, честнее и печальнее. Толком не знаю. Может быть ты знаешь. Наверное, кто-то догадывается. Но дело не в этом. Падает снег. Морозит. Падает снег. Я помню начало зимы прошлого года. В этом году тоже падает снег. Слушай, в вашем Ленинграде так не будет идти снег. Что-то не получается писать. Но я обещаю тебе все рассказать.

Ястребиный Глаз, тебя хочу видеть. Очень. Хочу видеть днем, утром, вечером, ночью. Ты выходишь из трамвая, и все мне завидуют. А ты сурово идешь, Монтогимо!

Вот пришел на телеграф. Присутствие людей днем не раздражает. Напротив, я рад что вижу их. Знаешь, Монтогимо, скоро из армии придет один парень. Это мудрый и спокойный парень. Я рад и жду его. Смотри, как много я жду. Тебя, друга, работы.

Неизвестно, где что кончается и что начинается. Где затихает стих и начинаешься ты.

И как-то незаметно, внезапно все становится работой, а потом я говорю с другом, и неведомо почему появляешься ты. Я согласен с таким кругом. Мой индеец, ты снова получишь от меня письмо. Вздорное и какое-то неоконченное.

Наконец Женя принес конверты. И я чуть отошел. Голова не вертится. Мы еще долго вчера сидели. Я стихи вчера сочинял на рисунках. Хотели послать. Жалко стало. Перепечатаю – пошлю. Я там столько вздора намолол, когда адресовал их тебе, что спасу нет. На дворе не был. Лежал до полудня и представлял, как ты ходишь где-то.

Я так рад, что ты есть! Может и стихи поэтому получились. Милая, ты пиши только.

Целую АТД

P.S. Ты по-прежнему пахнешь листьями?

4 ноября 1968 года

Вот окончилась вся суматоха. А дальше ни в какую! Сегодня весь день напролет спал. Что-то помню у Фицджеральда, вроде бы так: “а в наше-то время остается лишь сон, а что еще?” Вот видишь и кредо готово. Аккуратно пишу? Правда? По-моему – впервые. И все потому, что решил долго писать (видишь, какой большой лист!) и торопиться некуда, да и тебе, впрочем, тоже не нужно спешить. Да?

Писем от тебя не получаю. Виню почту. Как обычно. Ведь мы знаем, как долго идут письма и как мгновенно они читаются и вновь читаются, и снова читаются. Поздно. Петухи кричат. Белых ночей и в помине нет. Наверно, я поэтому сплю днем. А ночью, ночью не видно – ночь или день. Дел, казалось бы, много ночью. Не увидать. Ну вот и наш двор начинает появляться. Кто-то говорит чересчур громко.

Я завтра звонить иду. Телефон нашел. И тебя не видать. Выдумываю тут на бумаге что-то. Зина, милая, наверное, самое лучшее о чем я могу вспомнить за год, два, это как мы с тобой что-то покупали. Самое радостное. Так, наверное.... Твою голову так хорошо вижу!

Лист кончился уже. Я бы ничего. Так где-то, что-то. Бог знает что. Мне просто страшно от этого. Ленинград потерял конкретность, город, два, три города – где-то.

Набрался мужества и решил еще чего-то дописать. Ты же знаешь, как они – эти письма, потом и смотреть не хочется. Сегодня хотел звонить – ничего не получилось. Чего-то делаю. Пишу, но трудно. Никак не могу лишить себя бессмысленных, ненужных полностью каких-то разговоров со всеми, кто приехал. Открывают мне ходульные истины. Фу, черт, я злюсь, выходит. Ефим Кучер о тебе вспоминает часто. Селихов адреса добивается. Ну, а потому как ты запретила, кукиш ему, а не адрес.

Уже поздно. Но почему я никогда, то есть почти совсем никогда, не пишу тебе днем или утром? Ничего не читаю. Читать нечего. Вот как.

Хожу. Дышу. Вот тебе и вся Винница. Так же, как, очевидно и Ленинград.

Слышь, я никогда себя не жалею. Но не в такой степени как встречался, после, потом. Машины пошли. Утро. Поцеловать тебя так хочется.

Арк. Т. Д.

13 ноября 1968 года

Ну вот, все отлично. Дерева под рукой предостаточно, и остается стучать днем и ночью. Засыпаю и колочу изо всех сил. И еще, грешным делом, в головушку приходит дерзкая дума – ”а не начать ли писать заново?“ И опять приходится колотить по деревянным частям интерьера. Дожди идут у нас, однако, они меня меньше всего трогают, как и все остальные детали поздней осени. Нашел у Хемингуэя чудесный эпиграф. Остается меньшее – придумать, куда бы его воткнуть. И все как обычно.

С работы пока не выгнали. Мама хороша только тогда, когда о ней думаешь, родной город тоже и пр. Статью про Ильенку еще пишу, много приходится проверять. Как “Золотая пуля?” Погляжу завтра же. Завтра, завтра то, другое, третье. И еще сохранилось чувство, что завтра надо будет шататься по гастрономам. А по сему еще не соскучился, а всего лишь радуюсь, раскрыв рот, уподобившись первокласснику после кинофильма про войну.

Аркадий и Зинаида Драгомощенко. Ленинград, 1975. Фотография Бориса Смелова

Вот “Rolling stones” слушал, сплошной наркотик и Индия. Никого не видел и не хочу видеть.

Люблю тебя, ослик. Люблю тебя, змея подколодная. А? Ух!

С чем и остаюсь.
АТД

29 марта 1969 года

Все мои попытки заняться литературой после одиннадцати часов вечера кончаются тем, что пишу тебе опять письмо. И почти каждый раз, когда я уже закладываю лист, когда заканчиваю первую фразу – всё забываю. Чем это объяснить?

Вспомнил: у меня нет ни одной твоей фотографии! Наверное, потому, что ты сама не хочешь. Сколько раз я собирался “сымать” тебя! Я вспомнил об этом сегодня утром.

Ночью ты мне приснилась. Уж очень красивой ты была! В широком то ли костюме, то ли платье, на котором разворачивался очень крупный орнамент. Платье становилось все шире и шире. Ты стояла у стены. Таких стен много в Ленинграде. Глухие высокие стены. А во дворе ещё не сошёл снег. Потом все стало еще просторней, снега еще больше, и мы очутились во дворе Никольского собора... Я себя не видел и только слышал, как ты ко мне обращалась. На колокольне качались колокола, а я пытался поймать звук. Я видел блестящие от рук веревки, они невольно дергались в ритм.

– В солнечные ветреные дни они не звонят, – сказала ты.

– Сейчас нет ветра, – сказал я.

– Нет. Посмотри! – (твое платье наполнилось мягким красным цветом) – Такое бывает только в ветреные дни, когда очень сильный ветер. Жаль, что ты не можешь испытать этого!

– Останови свое платье! – закричал я и увидел себя. Я был раздет, но не чувствовал холода. Я был бос, но снег не трогал моих ног. Я стоял у дерева, но дерево не жгло мою спину. Ветра не было.

По двору шла ты. Платья на тебе не было. Я схватился за дерево от боли. Только во снах бывает такая тоскливая боль! Кора наощупь оказалась совершенно мягкой, и оскомина села на мои пальцы. Я знал, что лишил тебя платья, что не мог сделать иначе, но я не мог смотреть на твои ступни в снегу.

И начали вдруг бить в колокола. Стаи звона слетались к нам. Я не жалел, что оставил тебя без платья! Да и снега не было. Не было Никольского собора, не было дерева, хранившего меня. Но появилось твое лицо. Оно было так прекрасно. Звона становилось больше.

Я проснулся. Мама вытирала бокалы. Это был счастливый сон. Суббота.

Да, вот тебе улочка Винницы. Не теряй ее.
Аркадий

15 апреля 1969 года

Ты сегодня была ослепительно красива. Поговорили. Повесили трубки. Нас отключили. Тебя от меня, а меня от тебя. И вечер сегодня такой плавный, будто бес, заснятый рапидом (движется, но медленно). Вечер по каплям перетекает в ночь. Ты сегодня была такой любимой, спокойной и нахмуренной, как вечер.

А к нам приехал зоопарк. И я сегодня смотрел тигров, пантер. Я забыл о зверях. Я сам, как зверь, вынюхивал что-то. Пустой рынок, грязные, засаленные и пьяные калеки, женщины с разбитыми лицами и руками, к которым прилипла яичная скорлупа, облезлые дворняги. А вдобавок площадь без снега, без зелени и редкие посетители зоопарка. Убогий зверинец, где леопард болен проказой, а слон у намалеванной пальмы елозит хоботом по полу своей клетки. Знаешь, что напомнило мне это?

Все это напомнило детство, воскресную безысходность! Воскресенье нашего детства! Тупое душное солнце. Лавки жестянщиков. Евреи в мятых шляпах. И семьи, что приехали из сел, да и прижились в городе. Семечки, и кто-то дразнит обезьяну зеркальцем, пуская зайчики в глаза. Господи, такая мерзость. Воскресенье облепленное яичной скорлупой и мутный запах водки. Пустота, именуемая небом. Прости, но я был этим поражен. А до этого дожди! Хорошие дожди. Ты сегодня говорила, как дождь шел. Несколько теплых сонных капель. Ты мой критик. Да? Писательская жена. Тоже красиво.

Покойной ночи. Как скучаю по тебе! Целую тебя. Приходится довольствоваться этим.

Твой Аркадий.

Ленинград, 1969

Письма, отправленные
во время первой поездки в США:

3 февраля 1988 год

Финляндия
аэропорт

12:35
Родная моя, очень люблю и, кажется, уже начал скучать, хотя скучать здесь невозможно. *Всё* это я, оказывается, знал, и теперь происходит воспоминание. Я безошибочно вписываюсь и читаю все “новые” системы знаков. Как будто вчера я сидел с сигаретой и со стаканом апельсинового сока в огромном зале в ожидании посадки, сплошь набитом, однако очень просторном. Будто всегда я жил здесь, в Хельсинки и там же гулял по Nord Esplanaden и т. д.

Граница пролегает только в самом человеке. В этом я убедился, проезжая “границу”, которая оказалась деревянным (или бетонным) столбом, раскрашенным в красную и чёрную полосу. Однако, спустя двадцать минут, я убедился в том, что пересёк некую заповедную черту, увидев несколько домов… Здесь следует начать разговор о русском чувстве “формы”, о геометрии и ощущении пространства, которое я ощутил вполне.

Вчера Юкка показал мне город, после чего сам заключил, что я увидел то, что разным людям не удаётся увидеть и за месяц. Мы сразу же устремились в редакцию журнала, где меня принялись фотографировать для интервью. Я тут же получил заказ на очерк об Америке. Ну и т. д.

Вечер был посвящён театру, а затем, в честь моего приезда, устроили party в самом модном (как они говорят) ресторане богемы, который к моему изумлению оказался на вокзале. Это чудесное место во всех отношениях. Самый настоящий Jugendstil со всеми клюквами, историями, которым положено произрастать на подобной ниве. И седой пианист с настольной лампой, и свободный овощной стол. Я не хочу об этом говорить. Вообще, я не хочу говорить о магазинах. Это действительно страшно! Бедная моя собака, в первый день это свело бы тебя с ума. И цены! Цены!

Кажется, подали мой сарай с крыльями.

Да, вечер закончили у Юкки. Я чувствую себя прекрасно. Посмотрим, что будет дальше. Словом, здесь возникли связи? и это приятно. Поразительно, что мне удалось проехать с бумагами… Да, Юкка будет меня встречать. И это хорошо.

Целую, целую тебя, Остапа и вот уже скучаю…
Атд.

А это письмо для всех… так оно было помечено Аркадием.

5 февраля 1988 года

USA
California, San Diego

7:00
Мои милые друзья!

Вот моё первое утро в San Diego… Я сижу на веранде, точнее, на террасе дома Дональда, внизу небольшой сад, газон, несколько апельсиновых деревьев. Довольно холодно. А вчера…

Вчера десятичасовой полёт в самолёте битком набитом пьяными финнами, вчера аэропорт, встреча с Лин, Стефаном, Дональдом, Джудит, а затем Лос-Анджелес, побережье *океана*, закат, ужин в кафе писателей на набережной. Всё слегка напоминает и людьми, и кукольными домами Ялту, но не настоящую, а ту, которая может иногда присниться – словно из смутной сказки, которую покинули дети или же дети, которой постарели.

Да, это всё так, как мы представляли. Это город, который тянется по побережью на три часа езды. Лос-Анджелес незаметно перетекает в такой же город, но с другим названием. И эти следующие один за другим города, словно нанизаны на нитку freeway…

Ужин был чудесен. Какое-то легкое мясо (огромные порции), красное вино. Закат. Район, куда мы сразу же поехали в поисках “того самого местечка”, называется Новая Венеция. Населён он той самой толпой всё тех же изрядно постаревших хиппи, каких-то иных людей, каждого из которых отличает погружённость в своё занятие.

Конечно же, вот чёрный парень на роликах танцует перед магнитофоном, который он поставил на середине этой улицы, набережной, эспланады или как-то ещё… Вот два создания, один из которых так мне напомнил Нестеровского, что я покрылся холодным потом… Красивые ли здесь люди? Безобразные? Всё, к сожалению, здесь *иное*.

Мы шли, болтая, вдоль лавок, увешанных футболками, джинсами, каким-то немыслимым барахлом. Постепенно зажигались огни. Океан слал берегу каждые 20 секунд волну. Мимо прошли два бич-боя с досками и в чёрных специальных костюмах (океан, увы, весьма прохладен). Загорелись огни в “истинных пиццериях”, “китайских императорских кафе”, в “министерстве питания”, и одновременно гасли в домах, где расположились конторы ясновидящих, хиромантов и прорицателей. Однако, что сразу же остановило мою и без того ленивую и разбитую вдребезги 10-часовым лётом мысль-ощущение, что люди эти, даже размахивая руками, никак не в силах выбраться из “себя”, что ли… Словно они бесконечно идут по кругу, шевеля безумно губами, словно они пытаются сложить изо льда некое имя, но лёд этот (из той извечной сказки) тает,

течёт грязной водой между пальцами. И тени от пальм меркнут. Солнце уходит. И сразу же очень темно и одновременно чудовищно светло – столько света на кв.м обрушивается.

Мы проезжали гигантские кварталы, ослепительно белые от этого света, кварталы, где продаются машины всю ночь... Машины... Об этом писали. Я не намерен повторяться. Но это уже симбиоз.

А теперь я ем апельсин. Дональд проснулся. На проводах, дальше, во дворах других домов, расположилась стая попугаев.

Лин будет здесь в понедельник. Субботу и воскресенье я провожу в той самой пустыне. Ну вот, уже завтра. А затем — университет.

Милая моя, родная, у меня всё смешалось в голове — фрукты: "киви", земляничное тайава, огромные дикие попугаи зеленые, как трава; русский, английский и всё остальное. Прости, что так сумбурно, хаотично. Но, видно, нужно время, чтобы вся эта лавина "иного" смогла обрести некую внятную форму.

P.S. Я не отправил тебе письмо с борта Дугласа — уж очень оно идиотское!

Целую, люблю — А.

16:00

Только что вернулся из университета. Низкие ступеньки, идущие к корпусам, образуют ряд солнечных, дремотных патио, внутренних как бы дворов. Повсюду эвкалипты (не привычные нам, а особенные, лимонные, солнце, прекрасные толпы студентов. Университет – это множество чудесных зданий, сходящихся к центру, где кафе, где торгуют поющие (в самом деле) девушки в широкополых шляпах. Сообщение между корпусами – "skiboards" и только.

Познакомился с Марселем, французом, другом Деррида, — читает здесь курс современной философии. Так вот и он разводит руками: "Вы понимаете что-либо здесь? – спрашивает. – Я второй раз, второй раз шесть месяцев и до сих пор не могу привыкнуть".

Постирал носки, ибо купил себе чудные белые кроссовки и джинсы. Ну, а теперь звонок от Родфора, приглашают в греческий ресторан с непременным видом на океан. Кстати, креветки здесь величиной с ладонь. Их жарят в оливковом масле. Дональд, покуда, грузит пикап спальными мешками, топорами, водой, дровами и т. д.

Помнишь "Эмманюэль"? Вот эти "колокольчики" здесь висят повсюду... Сон.

Очень скучаю по тебе, родная Зинусинька. Люблю — Атд.

"Это очень странно, кривая времени" (из письма). Это письмо в компьютере Аркадия я нашла только в 2018 году, к сожалению.

12 февраля 2008 год

Да. Наверное, это моя жизнь, какой ты ее застала изначально. Осторожность, одиночество и открытый в любопытстве рот. В данный момент какие-то онирические перья давнишних жизней. Что позволяет начать так: "да, это моя жизнь". Это – постель, мой несовершенный notebook, вино, лучше vino, sigareta, но пусть это будет сигарета и ветер. Я забыл, как по аглицки "сквозняк"... наверное, если не ошибаюсь, draft, – теперь понятно, почему я начинаю сначала.

Но это отнюдь никакие там стрижи, хотя можно было бы начать именно с быстрых черновиков воздуха. В чем нет никакой нужды. Моя жизнь с тобой была написана набело с самого начала. Что предполагает, вероятно, последнее длинное тебе письмо.

Говорить о любви бесконечно – бессмысленно. Вообще, говорить о чем бы то ни было постоянно с угрюмой равномерностью каторжника – смехотворно. Но поскольку это последнее длинное письмо тебе и отчасти о тебе, значит и обо мне, ... никак не разобрать, что написано в тетради. А там было о тебе, о тебе и еще о чем-то, поверь, что имело отношение к тебе. Но и о том, что моя жизнь – смотри... как стали медленно перебирать клавиши пальцы... И я знаю почему. Потому что, говоря столь откровенно "о себе", я как бы никогда не говорил о тебе. Но что я могу сказать о тебе?

Что тебя люблю? это не о тебе, это только о том странном ожидании тебя. И, вероятно, что-то, как я "ощущаю" слово "люблю", тебе не нужно. А слово "ощущаю" не нужно мне.

Наверное, так — моя жизнь. И ты, какой ты ее застала изначально.

Уже ни об осторожности, ни о тоске и угольном мешке одиночества говорить не приходится. Я в нем был. Я там пробыл некоторое время и не скажу, чтобы что-то изменилось там, во всяком случае во мне, да? Это очень странно, кривая времени. Но я люблю тебя, даже потому, что в этот, абсолютно не-под-отчетный час (или как там писать это... забыл), неважно, словом – другое, то, что, looking away, я возвращаюсь к твоим словам о том, кто, собственно, с кем говорит. Я говорю с тобой. Никогда, клянусь, я ни с кем не "говорил". Странные события, если бы я верил мистикам, – в том числе Карла из Швеции, который, засыпая на моем диване, сказал – "я твой шведский сын"... Многое другое. Например, черные листья, которые так и остались висеть вниз головой. Ты, которую я так люблю, как никого на свете. Покойной ночи. Я люблю тебя.

МАРУСЯ КЛИМОВА

РУССКИЕ НОЧИ

* * *

В самом слове «победа» есть нечто будничное и серое. Красивым может быть только поражение! Название Ватерлоо облагорожено проигрышем Наполеона, к которому он долго и упорно шел. А есть еще Порт-Артур, Цусима и Перекоп. Все писатели, хоть как-то связанные с французским коллаборационизмом, до сих пор сохраняют свою эстетическую притягательность, вне зависимости от масштаба их таланта и количества созданных ими произведений, тогда как причастность к движению Сопротивления является своего рода клеймом скуки, от которого даже наиболее одаренным и плодовитым авторам так и не удалось потом до конца избавиться. Возьмем известную песню «Я люблю тебя, жизнь», заменим всего одно слово, и из навевающей сон бодяги сразу получается нечто осмысленное и бодрое: «Я люблю тебя, смерть».

Кто станет читать произведение, озаглавленное: «Библиофил», «Славянофил», «Филолог», «Философ» и «Жизнелюб»? А роман «Некрофил» можно даже писать, особо не напрягаясь – все равно им будут все восхищаться, и для этого достаточно уже одного названия...

* * *

Люди слишком загружены своими делами и проблемами личной жизни, чтобы вдаваться в тонкости, связанные с вопросами культуры, искусства и духовности. Я, к примеру, тоже просто пользуюсь компьютером и мобильным телефоном, не заглядывая в их механизм и не разбирая их на детали. На это мне элементарно никакой жизни не хватит.

Так и с литературой. Самые занятые на производстве и по хозяйству индивиды ставят себе на полку томики Пушкина и Толстого, а те, кто хочет казаться более посвященными и элегантными, выбирают что-нибудь менее известное или даже иностранное и не переводившееся на русский. И если вдруг приглянувшийся им автор оказывается вовсе не утонченным эстетом и интеллектуалом, знакомством с творчеством которого стоило бы особенно гордиться, то это значит, что в какой-то момент они случайно ткнули рукой не в то место и

вытащили не совсем то, что хотели. Или же им попались какие-то статьи, где их избранник характеризовался с лучшей стороны, и в целом он, действительно, на многих производит благоприятное впечатление, однако при ближайшем рассмотрении все-таки выясняется, что он несколько туповат и, по сути, ничем не лучше тех же Толстого и Пушкина. То есть тем, кто выбрал именно этого автора в качестве украшения своего интерьера, не повезло, так как им, как и большинству людей, было некогда углубляться в детали. А виноват исключительно сам писатель, который не потрудился стать таким, каким бы его хотели видеть сделавшие на него ставку люди. Как-никак литература является главным делом его жизни, и ссылки на занятость и нехватку времени в его случае уже не могут служить серьезным оправданием. И получается, что он своей простотой и недоразвитостью всех невольно подставил...

То же самое и с Богом. Когда те или иные личности о нем говорят, то примерно понятно, что они имеют в виду, кого хотели бы видеть на этом месте и т.п. Однако, если в ситуации с книгами и другими произведениями искусства у каждого человека еще имеется шанс сделать более-менее правильный выбор, вытащив удачный лотерейный билет, поскольку писателей, режиссеров и художников в мире много, и они достаточно разные, то Бог как бы один на всех. Поэтому особенно выбирать тут нечего, и все упирается именно в него.

С этой точки зрения, мне кажется, человечеству просто ужасно с Богом не повезло, и здесь уже ничего сделать нельзя. А сами люди в этом совершенно не виноваты. Притом что у Бога вроде бы вообще нет никаких других занятий, кроме как быть Богом. И времени у него до фига – целая вечность. Вот что странно!

* * *

Чисто теоретически я не исключаю, что люди отличаются друг от друга, как плохо настроенные и полностью расстроенные музыкальные инструменты, например. Именно такими тонкими различиями между ними, возможно, и занимаются психологи. Просто мой мозг устроен таким образом, что подобных нюансов мне различать не дано. Поэтому многие, возможно, считают меня совершенно не восприимчивой к чужим страданиям. Да и к мыслям тоже.

Если попробовать взглянуть на себя со стороны, то я, скорее всего, должна казаться им такой же тупой и грубой, как они – мне. Поэтому мы взаимно совершенно не обращаем друг на друга внимания. Получается абсолютная зеркальная симметрия.

Ты как бы идешь по лабиринту, где в конце каждого туннеля стоит слегка повернутое вбок зеркало, которое создает дополнительную иллюзию ложных поворотов и проходов, и их число удваивается или же утраивается, хотя, на самом деле, все куда проще. Такая система, ко всему прочему, позволяет сэкономить на труде строителей и материале при возведении подобных сооружений – но это так, к слову, тут главное заключается в другом.

Греки обожали всякие лабиринты, чтобы передать, насколько сложно устроен этот мир, в котором приходится блуждать человеку на пути, не помню уже к чему, к счастью, наверное, или же к истине. Правда, я не уверена, что у них тогда уже имелись зеркала. Иначе, зачем Нарциссу было лежать на берегу и любоваться на свое отражение в воде, если он мог с комфортом сидеть в кресле перед зеркалом? Скорее всего, он так бы и сделал, думаю. По своему складу он вряд ли бы стал валяться на сырой земле под ветром и дождем. Так вот, ты идешь по лабиринту и постоянно натыкаешься на собственные отражения, которые слега искажены, практически незаметно, небольшим отклонением каждого из зеркал. Поэтому тебя все время что-то не устраивает, и новые повороты и ходы манят вдаль. И наконец, ты встречаешься с зеркалом, которое смотрит прямо на тебя, безо всяких подвохов и смещений. Для всех блуждавших по такому лабиринту дебилов – это тупик, крах всех их надежд и мечтаний о счастье и истине. А ты, подобно Нарциссу, застываешь на месте, зачарованная собственной красотой и совершенством. Здорово я придумала!

* * *

Ницше не понимали самые близкие друзья. А я изъясняюсь на языке, доступном даже выжившим из ума пенсионерам и умственно отсталым подросткам. Но мои книги им не нравятся, а Ницше они уважают.

Ницше хоть и свихнулся, но все равно, похоже, был умнее меня.

* * *

Майкл Джексон перенес множество пластических операций, говорят, даже сменил кожу, чтобы сделаться более привлекательным. И в результате, подорвал здоровье и преждевременно умер. То есть фактически пожертвовал собой ради красоты! Те же модели отказываются от еды, чтобы выглядеть стройнее. Вот сейчас, я слышала, какой-то человек хочет пересадить себе голову, чтобы стать умнее...

Если поискать, то на свете найдется достаточно много примеров высокой духовности, на которые подрастающее поколение могло бы равняться.

* * *

Для оперных певцов интеллект не особенно важен. Наоборот, когда зрители видят на сцене субъекта с красным носом, который ничем, кроме выпивки, не интересуется и в обычной жизни двух слов толком связать не в состоянии, то звучание его голоса даже приобретает для них дополнительную глубину и выразительность. Поскольку он изливается как бы непосредственно из самой

природы, а лишенный способностей и знаний исполнитель тут, в сущности, ни при чем и просто стоит и открывает рот, выступая в качестве медиума, если так можно выразиться.

Писателям в этом отношении гораздо сложнее. Ясно, что постоянно выставляющий напоказ свою начитанность и образованность индивид вызывает у окружающих скуку, так как в его книгах можно найти только то, что уже кем-то было когда-то написано, и все это понимают. Однако расслабиться и просто водить рукой по бумаге в литературе тоже нельзя, потому что сами собой легко и непринужденно, как голос, слова не польются и в связные предложения не выстроятся – необходимо, чтобы в них присутствовал хоть какой-то смысл. Так что просто быть олигофренами, как певцы, у поэтов и, тем более, у авторов больших по размеру прозаических книг не выйдет.

И получается, что, с одной стороны, писателю нужно производить на читателей такое же впечатление, как и оперные певцы, чтобы они сразу видели: подобный тип с двумя извилинами в мозгу сам ничего интересного сочинить не способен, и открывая его книги, ощущали, будто они общаются не с ним, а со звездами, деревьями и облаками. Вступают в контакт с мирозданием короче. И в то же время, значительность момента подобного соприкосновения с явлениями космического масштаба тоже должна как-то быть обозначена, не может же природа в литературе просто мычать и издавать бессмысленные и бессвязные звуки, если в той же опере из нее льются такие красивые и волнующие голоса. Вот в этом и заключается главная трудность, с которой обычно приходится сталкиваться писателю.

* * *

Баба вчера в метро шла по вагону вслед за огромным гусем и через каждые два метра повторяла: «Помогите на лечение лапки». Я сначала почему-то подумала, что «Лапкой» зовут гуся, но потом до меня дошло, что речь, видимо, все же идет об одной из его ножек. Однако гусь совершенно не хромал, а безмятежно помахивал крыльями и гордо шествовал впереди просительницы. Да и она тоже не вопила, не гнусавила и, вообще, не пыталась придать своему голосу особо противное звучание, как это обычно делают нищие, особенно детишки, а говорила совершенно спокойным бодрым голосом. И одета она была вполне прилично, в обычную куртку розового цвета, по лицу у нее блуждала жизнерадостная улыбка, и весь вид излучал спокойствие и уверенность в себе. И тем не менее, многие пассажиры протягивали ей бабки, причем куда охотнее, я заметила, чем всяким безногим, безруким и трясущимся инвалидам. Даже я не удержалась и отсыпала всю имевшуюся в кошельке мелочь.

А когда она уже выходила, я вдруг представила себе, что вот сейчас она закончит свой обход, купит на вырученные деньги бутылку французского коньяка, заколет гуся, приготовит из него какое-нибудь изысканное блюдо и съест.

Лучше всего это сделать в полном одиночестве, сидя у себя дома у окна, при свете луны и под негромкую классическую музыку. Не знаю даже, какая мелодия тут больше бы подошла, я не такая уж меломанка, но, может быть, под седьмую симфонию Шостаковича, которую слушали жители блокадного Ленинграда. В любом случае, это было бы прекрасным завершением всего этого импровизированного ритуала со множеством случайно вовлеченных в процесс участников, выступивших в качестве его невольных спонсоров. Я бы на ее месте именно так и поступила.

Но, пожалуй, она все же слишком простовата для подобной акции. Даже если она и сожрет гуся, то, скорее всего, тупо, вместе с рассуждающими о политике и работе чавкающими собутыльниками или, еще хуже, кучей верещащих голодных детишек. А себя я с трудом представляю спокойно идущей по вагону с улыбкой на лице и протянутой для милостыни рукой. Даже предвкушение будущего удовольствия вряд ли заставит меня полностью отринуть все условности, пока я к такому все-таки не готова...

В этой жизни, к сожалению, нет полной гармонии. Человеческое бытие как будто постоянно раскалывается на две половины, в одной из которых практически всегда торжествуют грубая реальность и добро, а другая, где царствует красота, больше принадлежит миру снов, фантазий и искусства.

* * *

Деньги – это совсем неплохо люди придумали. Можно грабить банк, а потом идти покупать себе мороженое или что тебе еще нравится. А при натуральном обмене пришлось бы мочить именно продавцов. Мороженым и другими сладостями и вкусными вещами вообще тогда никто не захотел бы торговать. Или же вокруг лотков с таким товарами пришлось бы выставлять охрану, как в ювелирных магазинах.

* * *

Не знаю, почему всем так не нравится феодализм. Лично я бы не отказалось жить в замке, где бы меня обслуживали десятки слуг и придворных. Ходила бы на балы, покупала себе всякие нарядные платья и маскарадные костюмы, а так, лежала целыми днями в постели и смотрела триллеры прямо на большом экране, потому что у меня был бы собственный раб-механик, который за каждый неудачный фильм получал от двадцати до пятидесяти розог в зависимости от степени огорчения, которое я пережила по его вине. И это было бы даже гуманно. Благодаря таким мерам он, наверняка, постепенно начал прекрасно разбираться в кино, мог бы публиковать в СМИ обзоры всяких новинок, защитить диссертацию и стать известным киноведом. А, может быть, со временем из него и вовсе вырос бы новый Аристотель. Мне не жалко. Скорее все-

го, я о его замечательной карьере вообще бы ничего не знала, а на то, что он получает за свои статьи прибавку к жалованью, смотрела бы сквозь пальцы. Не такая уж я и злая, на самом деле...

Да даже не в замке, жить в собственном особняке в черте города тоже неплохо. Пары сотен крепостных мне бы вполне хватило, думаю. Но пусть лучше будет тысяча, на случай кризиса и других финансовых затруднений. Управляющий переводил бы мне бабки прямо на карточку, а я в собственное имение, скорее всего, даже летом не ездила, на фига оно мне сдалось, в мире есть места и поинтересней. А помимо путешествий я, наверное, тоже в основном вела лежачий образ жизни, наподобие Обломова. И все бы со мной нянчились и удивлялись, какой я чистый и совершенно неприспособленный для этой жизни человек, не то что некоторые. И те личности, которым приходилось бы кривить душой и выслуживаться перед начальством, чтобы прокормить свое многочисленное семейство, ужасно бы перекашивались и тряслись от злобы при одном звуке моего имени, но ничего предпринять не могли. Потому что я все равно была бы гораздо лучше и неприспособленнее их, и все вокруг это знали и про меня только и долдонили.

И что в этом плохого? Я имею в виду такое устроение общества, когда ты можешь лежать целыми днями и ничего не делать.

* * *

Вспомнила сегодня, что был еще такой писатель Антуан де Сент-Экзюпери. И когда советские люди слышали его имя, они прямо кончали. Потому что у большинства других авторов, которых тогда переводили с французского, фамилии звучали крайне неблагозвучно. Все полки в библиотеках буквально ломились от Барбюса и Арагона. И это еще ничего, потому что рядом с ними, как правило, отсвечивал еще и Ив Гандон.

А когда читатели открывали томик Экзюпери, они думали что соприкасаются с чем-то в высшей степени изысканным: не хуже Пруста, маркиза де Сада, Шодерло де Лакло и Гюисманса. Иначе его популярность в те годы объяснить, мне кажется, просто невозможно. Потому что писал он, насколько я помню, что-то типа «Мы в ответе за тех, кого приручили» и прочий бред.

Вот как много значит для писателя красивое имя! Но тут все сводится исключительно к везению. Сам человек, даже когда берет себе псевдоним, обычно не в состоянии предусмотреть, какое впечатление будет производить на читателей его имя при переводе на иностранный язык. Если он сочиняет детективы, как Жапризо, то и ладно, и так сойдет. Но чтобы писать о любви к людям, надо быть, как минимум, Антуаном де Сент-Экзюпери.

Разве это пример не показывает, что даже в такой, в общем-то, банальной ситуации красота все равно оказывается важнее добра!

* * *

В десятом классе мне очень нравился Оскар Уайльд. Особенно меня впечатляла вся эта темная история с его заточением в тюрьму. Причины, по которым он там оказался, от меня немного ускользали, об этом факте в предисловии к советскому изданию его произведений упоминалось как-то вскользь, там что-то явно не договаривалось, но все равно он стал жертвой ханжеской обывательской морали, это я понимала. И в тюрьме он не начал доставать окружающих своими нечеловеческими душераздирающими мучениями, как это делали тогда советские поэты, постоянно долбившие о своем пребывании на войне, а написал изящную декадентскую поэму о приговоренном к смерти и не менее красивую книгу под романтическим названием «De profundis». Короче говоря, Уайльд представлялся мне таким прекрасным немного холодным цветком типа лилии, который грубо вырвали из почвы, унесли далеко от родного пруда или сада, где он когда-то расцвел, и поставили в грубую глиняную вазу. Но и там он не утратил полностью своих изысканных очертаний, а тихо и незаметно увял, до конца своих дней продолжая радовать глаза абсолютно всех людей, включая и тех, кто так несправедливо и жестоко с ним поступил...

Однако потом многие мои знакомые, среди которых встречались дипломированные филологи и литературоведы, с чьим мнением мне было сложно не считаться, периодически стали подбрасывать мне идею, что это совершенно несущественный автор, который у себя на родине в Англии практически забыт, а в остальной Европе его сейчас и вовсе никто не знает, поскольку там имеются писатели гораздо круче. И только обделенные достижениями мировой цивилизации советские школьники вынуждены были довольствоваться тем, что случайно попало в их тщательно отгороженный от реального пространства мирок. Как это и произошло с двухтомником Уайльда, которого Чуковский переводил еще до революции, а потом, воспользовавшись своими связями, издал в советские времена. Другим же авторам, с которыми Уайльд не выдержал бы конкуренции, просто не повезло, у них не нашлось столь же влиятельных покровителей, поэтому их сочинения так и остались неизвестны наивным юным читательницам, вроде меня, родившимся в СССР...

Подобные аргументы, надо признать, серьезно поколебали во мне уверенность, что кумир моей юности был в полной мере наделен всеми достоинствами, которые я ему приписывала. И постепенно, отчасти даже незаметно для самой себя, я стала все сильнее склоняться к мысли, что все это, действительно, был не более, чем оптический обман, нечто вроде миража, какие иногда посещают заблудившихся в пустыне путешественников и туристов. Тем более, что именно такую пустыню в части своего духовного устроения больше всего и напоминал в свое время Советский Союз, а в дальнейшем я действительно открыла для себя много новых интересных персонажей, почти полностью заслонивших собой Уайльда. Хотя в душе симпатия к нему у меня все-таки сохранялась или, скорее, даже тлела, подобно слабому огоньку, который в любой

момент мог окончательно угаснуть. Не исключено, что именно так бы, в конце концов, и произошло, если бы, однажды оказавшись в Париже, я не посетила кладбище Пер-Лашез, где совершенно случайно натолкнулась на величественную могильную плиту, расположенную вертикально и существенно превосходившую своими размерами большинство надгробий других похороненных на этом кладбище литераторов, а также видных политических и религиозных деятелей. А подойдя ближе, я увидела, что она не только утопает в цветах, но и вся покрыта следами поцелуев в виде запечатлевшихся на ней отпечатков губной помады. Это была могила Оскара Уайльда. И все сразу снова встало на свои места. Я своими глазами убедилась, что он является вполне значимой фигурой и для европейской публики, и в юности я вовсе не заблуждалась на его счет, а это просто всякие недобросовестные личности и завистники специально пытались потом сбить меня с толку...

Это я все говорю к тому, что в своей жизни любому человеку, чтобы не заблудиться, обязательно нужно хотя бы однажды натолкнуться на какой-нибудь полностью осязаемый, желательно материальный, предмет, опираясь на который он сможет понять или же восстановить для себя истинные пропорции этого мира. Как это и произошло в моем случае с надгробием Уайльда. Одних чисто духовных прозрений и догадок недостаточно.

* * *

Вот так посмотришь, идей у людей особых нет, стиля – тоже, но что-то общее все же имеется. И что же их тогда объединяет? Дискурс. Здорово кто-то придумал! Я бы сама, наверное, никогда не догадалась, а просто считала, что вижу какие-то жалкие кучки.

* * *

Отчуждение – тоже неплохое слово, хотя и сомнительного происхождения. В нем запечатлен процесс, как человек постепенно становится чужим для окружающих.

Отдаляться от людей, испытывать неприязнь, вызывать недоумение, ловить на себе косые взгляды, ощущать глубину падения, чувствовать усталость, замыкаться в себе, быть холодным и равнодушным... Что может быть лучше? Все образы и понятия, указывающие на путь к одиночеству, прекрасны!

* * *

Одно из самых неприятных свойств литературы – это мудрость. Философы хотя бы просто умные, что тоже, конечно, не свидетельствует об их высоком IQ, но они, по крайней мере, держатся в тени и никому особо не мозолят глаза. А

как ни наткнешься на цитату какого-нибудь популярного автора, то обязательно познакомишься с очередным глубокомысленным наблюдением над жизнью и собой. После чего у тебя остается ощущение, будто ты поела дерьма. И такие изречения, ненавязчиво раскрывающие тебе нечто важное, до чего ты без посторонней помощи никогда бы, естественно, не додумалась, преследуют тебя в метро, на стенах домов, в коридоре налоговой инспекции, в интернете, да буквально везде. Всюду писатели успели побывать, сунуть свой нос, проявить осведомленность и что-нибудь полезное посоветовать. Лучшим в себе я обязан книгам, кто не работает, тот не ест, кто не хочет работать клоуном у пидарасов, будет работать пидарасом у клоунов, ученье – свет, и т.п. Всю свою жизнь ты фактически проводишь в мире мудрых мыслей, можно сказать, и в конце концов это так начинает остоебенивать, что ты уже просто перестаешь понимать, зачем кто-то еще сегодня покупает книги. Достаточно одной фразы где-нибудь на рекламном щите, мне кажется, чтобы навсегда утратить интерес к творчеству того, кому она принадлежит. А таких авторов, кто бы еще не засветился в подобном качестве, сегодня можно уже пересчитать по пальцам...

Понятно, почему люди так обожают личностей, изрекших наконец какую-нибудь очевидную для всех глупость типа «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», сразу провозглашают его гением и готовы скакать за таким дебилом, задрав штаны. Им кажется, что вот, наконец, они встретили индивида, который сказал хоть что-то оригинальное и необычное, спасителя человечества. Но не тут-то было. Вскоре выясняется, что он тоже призывает всех «учиться, учиться и учиться».

* * *

На Дону судят патологоанатома больницы РЖД, который взорвал сослуживицу «Справочником врача» и застрелил бомжа.

Превращаясь в слова, жизнь становится забавной. Что бы люди делали без слов? Не представляю. Просто тупо взрывали друг друга телефонными книгами, и все.

И Северная Корея для многих так притягательна, потому что там очень весело. Правда, когда бытие вокруг совсем превращается в лубок, то немного начинаешь уставать. Хочется чего-нибудь трагического, побыть в одиночестве, совершить путешествие на край ночи, послушать песни Мальдорора, разнообразия, короче. Нельзя же постоянно только хихикать.

* * *

В Москве обезврежена группа из двух десятков мошенников, выдававших себя за экстрасенсов. Пишут, что они орудовали слаженно, роли более четко распределены и т.п.

Замечательно, конечно. А сколько во всем мире личностей, называющих себя писателями! При этом многие действуют в сговоре с издателями и получают за тиражи своих книг неплохие бабки, а некоторых еще и премиями награждают. И никто ими не интересуется, все считают, будто так и надо.

* * *

Сегодня в магазине косметики, куда я часто захожу, обнаружились хорошие скидки на финскую косметику Люмене, да еще и куча всяких акций. И я там довольно долго проторчала, рассматривая разные блески для губ, тушь для ресниц, крем-пудру и карандаши для бровей и век. Один мне ужасно понравился: такого приятного серо-стального цвета, как раз то, что мне нужно и подходит к моим теням для век. Но к нему, как назло, были прилеплены скотчем наклейка «Тестер» и красный ярлычок. Других таких я там не нашла – ярко-голубой годился разве что для Мальвины в кукольном театре, а светло-коричневый и вовсе на поверку оказался розовым. Поэтому я решила, что, плевать, куплю себе этот тестер, к тому же, он был очень мало использован и совершенно новый на вид. Однако слонявшаяся все это время в зале без дела девица, когда я к ней обратилась, заявила, что тестеры они не продают, а отсылают назад производителям, которые предоставляет их им для ознакомления. Я не стала спорить, а вернулась к стеллажу и там незаметно отодрала от карандаша наклейку и красный ярлык, засунула их себе в карман, а потом сделала вид, будто продолжаю, рассматривать стоящие на других полках флаконы и тюбики, а сама тем временем тщательно стирала пальцем с карандаша густо покрывавшие его следы клейкой ленты. А чтобы мое длительное пребывание в магазине не вызвало там ни у кого подозрений, я решила приобрести себе еще английский шампунь с кондиционером и маску для волос. В принципе, они мне были не особенно нужны, но и не помешают. Хотя главной моей целью был все же именно тестер, подлежавший возврату производителю, а эти товары я взяла главным образом для прикрытия. В какой-то момент я хотела добавить к ним еще и туалетную воду, мыло и зубную пасту, но во время остановилась: не скупать же весь магазин ради какого-то карандаша...

За кассой стояла та же самая девка, с которой я беседовала в торговом зале. Пока я проделывала все эти манипуляции, она успела сменить там свою напарницу, и та теперь дефилировала по магазину вместо нее. Подобная рокировка меня, естественно, не обрадовала. Не исключено, что, несмотря на все предпринятые мной меры предосторожности, она все же заподозрила что-то неладное и специально заняла теперь эту позицию у выхода, чтобы проконтролировать мои действия и не допустить выноса тестера из магазина. Но я все равно протянула ей свои покупки, в том числе и карандаш, стараясь держаться и говорить как можно более уверено. В конце концов, я ничем особенно не рисковала, так как собиралась все честно оплатить, хотя запросто могла положить себе этот карандаш в карман, и никто бы ничего, скорее всего,

не заметил. Еще лучше было бы запихнуть его себе в рукав, например, тогда бы они ничего не нашли, даже если бы вдруг решили меня обыскать. Но я так делать не стала, поскольку подвергать себя дополнительному риску из-за копеечной безделушки было бы с моей стороны крайне глупо, тем более, что имелся куда более безопасный и надежный способ достижения моей цели.

Девица за кассой с сомнением поглядела на меня и поинтересовалась: «Это, что, другой?» «Да, – невозмутимо ответила я, - случайно нашла последний». Она поднесла штрих-код к сканеру – и тут я пережила еще одно не самое приятное мгновение, поскольку на всякий случай подменила на тестере еще и колпачок со штрих-кодом, сняв его с голубого карандаша, и теперь это вполне могло обнаружиться, вдруг у них там карандаши в компьютере сортировались строго по цветам... Но все прошло гладко. Кассирша ничего не заметила и выбила чек, а я, заплатив требуемую сумму, довольная вышла из магазина.

Если бы все сорвалось, то ничего страшного тоже, естественно, не. Хотя было бы немного обидно осознавать, что Наполеон, к примеру, или же Гитлер покоряли целые континенты, а ты оказалась не в состоянии за собственные бабки приобрести приглянувшуюся тебе вещь только потому, что какие-то дауны обещали вернуть ее производителю. А так, у меня в сумке лежал карандаш нужного мне оттенка, и удача все еще не отвернулась от меня.

* * *

Традиционно в сочинениях философов и классиков литературы этот мир бывает представлен несколько более сложным, чем он есть на самом деле. Поэтому, изучая их произведения в школе и ВУЗах, многие люди часто сталкиваются в дальнейшем с определенными проблемами. Подобную коллизию, в частности, подробно описал Грибоедов в пьесе под характерным названием «Горе от ума». Ее главный герой превосходит окружающих по уровню развития, и в результате терпит полное фиаско как в личной жизни, получая отказ от своей возлюбленной, так и в плане карьеры. И в финале с воплями «Служить бы рад, прислуживаться тошно!» и «Карету, мне карету!» отправляется в неизвестном направлении в поисках утешения своим оскорбленным чувствам и обманутым желаниям.

И все потому, что он в детстве и юности слишком много уделял внимания образованию, интересовался Лейбницем, Спинозой, а, возможно, и Платоном. И если бы не они, его судьба могла сложиться куда более благополучно. В пьесе Грибоедова про это напрямую ничего не говорится, но я думаю, что причина его неудач заключается именно в расхождении между культурой и жизнью, которую я упомянула вначале.

Тем не менее, в наши дни сформировалась еще и другая, не менее многочисленная группа людей, которые, наблюдая за героем Грибоедова и аналогичными типажами вокруг себя, видя, как те мучаются и постоянно терпят неудачи, постепенно пришли к выводу, что книг читать не стоит совсем, да и вообще как-то особо напрягаться тоже. Им и так все вокруг совершенно понятно, и по-

тому они со всеми встретившимися в жизни задачами могут справиться без труда, не прикладывая для этого практически никаких усилий.

Иными словами, Чацкому окружающие его люди казались недоумками, а в результате он сам оказался глупее их. А такого рода личности, наоборот, везде встречают тех, кто превосходит их по образованности, начитанности и способностям, и поэтому уверены, что в конечном итоге окажутся удачливее, чем они. Еще бы, раз Чацкого постигло горе от ума, то их обязательно ожидает счастье от глупости. Это же логично...

Однако, они совершено не учитывают, что теоретически горе возможно не только от ума. Хотя бы просто по законам комбинаторики: если тупо перебрать все варианты, то нельзя исключить и горе от глупости, например. Да и счастье способно стать следствием ума. Самые элементарные подсчеты показывают, что каждый из этих исходов может ожидать любого человека где-то с вероятностью один к четырем. Поэтому делать ставку исключительно на умственную отсталость я бы лично не стала, даже если бы совсем не читала книг и нигде не училась. Точно так же, я считаю, и для гениев в этой жизни тоже еще далеко не все потеряно.

С этой точки зрения личности, полагающие, будто глупость и недоразвитость полностью гарантируют человеку достижение успеха в жизни, на мой взгляд, настроены чересчур романтично и, можно сказать, воспринимают окружающую реальность в розовом свете. В принципе, я понимаю, откуда у них взялись такие иллюзии. Однако в действительности этот мир устроен куда более жестко и прозаично.

* * *

В уродах раздражает все, даже их красота!

* * *

Возможно, это звучит несколько дико, но сложнее всего в жизни ни во что особенно не углубляться, ничего толком не знать и не воспринимать всерьез. Несмотря на все испытания и соблазны, оставаться легкомысленной и поверхностной...

Этот мир по своему устроению больше всего напоминает мне болото. Стоит только сделать шаг в сторону, остановиться и чересчур долго на чем-либо задержать свое внимание, как ты рискуешь навсегда там увязнуть.

* * *

Недалеко от моего дома в маленьком продуктовом магазинчике работает даун, ну, может, не совсем от рождения, но похож. Чрезвычайно старательный, вежливый и исполнительный, слегка, правда, заторможенный, но в целом хозяева должны быть им довольны. Сегодня утром я опять его видела. Обычно он расставляет товары в зале, а на сей раз сидел на кассе и весь прямо рассыпался в поздравлениях. Очень трогательно!

Я даже подумала, что напрасно сотрудники советской разведки, которым был посвящен фильм «Мертвый сезон», помешали в свое время немецким ученым довести до конца разработку психотропного оружия массового поражения, превращавшего людей в таких вот безобидных и довольных жизнью существ. Возможно, уже сегодня весь мир был бы населен милыми, кроткими и приветливыми особями, а не сумасшедшими отморозками, число которых сейчас стало множиться просто в геометрической прогрессии. У человечества был реальный шанс стать счастливее и лучше, но оно его, похоже, окончательно упустило.

* * *

Казалось бы, если людей совсем не волнует красота, то их могла бы привлекать истина, или же хотя бы добро. Но, увы... Большая часть населения Земли живет исключительно, чтобы есть. Фрейд, считавший, будто человечеством движет эрос, выглядит в наши дни старомодным романтиком.

* * *

Забавно, что глухота считается олицетворением тупости, тогда как слепым, наоборот, обычно приписывают сверхъестественные качества типа способности предвидеть будущее и т.п. И, наверное, в этом что-то есть. После потери зрения у человека, действительно, должно обостряться восприятие окружающего мира другими органами, в том числе и интуицией. Он ведь как будто погружается в ночь. Все логично.

И все равно, несмотря на очевидность этой метафоры, иногда бывает не так просто понять, с кем ты имеешь дело: со слепыми или глухими.

Для этого, в частности, и существует искусство. Я, например, в последнее время все чаще ощущаю себя кем-то вроде Кейджа, исполняющего свое известное произведение «4’33» на концерте для глухих.

* * *

Гений подобен одинокому гранитному утесу в открытом море, о который в брызги разбиваются волны человеческих суждений и оценок.

Но это вовсе не означает, что Цветаева, к примеру, называвшая себя бренной морской пеной, была начисто лишена способностей. Просто поэты часто жертвуют смыслом ради рифм и красоты образа. И это, в сущности, не так плохо. Гораздо хуже было бы, если бы они поступали наоборот.

* * *

В Советском Союзе не было ни императора, ни дворцов, да даже и колоний, а только добровольно вошедшие в его состав республики. И, тем не менее, постоянно приходится слышать, будто он был империей. Получается, что перечисленные выше характеристики, как принято говорить в лингвистике, не являются дифференциальными. В смысле, в различных говорах «а», к примеру, произносится по-разному, но, если скривить губы посильнее, то выйдет уже «о». Так и Советский Союз – это империя, но типа такой фонемы, которая употребляется где-нибудь в крайне отдаленных от крупных столичных городов областях.

Развивая эту аналогию можно обнаружить множество схожих явлений и в других сферах человеческой деятельности. В той же литературе полно писателей, у которых нет ни способностей, ни ума, ни чувства прекрасного, но они все равно называются писателями, а не обычными людьми. Из чего видно, что все эти качества вовсе не являются определяющими и существенными для данной профессии.

* * *

Все в жизни подчиняется строгим законам жанра. Грабители нападают на инкассаторов, полицейские их ловят, прокуроры обвиняют, а адвокаты, защищают...

С этой точки зрения, порой бывает достаточно сложно определить, кто раздражает сильнее: автор детектива, чересчур углубившийся в психологию своих персонажей и философские рассуждения, или гений, взявшийся за сочинение триллера, пусть даже и из лучших побуждений, желая поправить свое пошатнувшееся финансовое положении и помочь больной маме.

Именно по этой причине, видимо, в потоке абсурдных и совершенно диких новостей, на которые сегодня каждый день приходится натыкаться практически любому индивиду, самое отталкивающее впечатление на меня производят кривляющиеся дипломаты. Убийства, насилия, грабежи и катастрофы меркнут на фоне какого-нибудь незначительного официального заявления, сделанного

в легкомысленной, игривой, непосредственной или же хамской манере. Когда я про них читаю, то не могу избавиться от ощущения, что такие факты потрясают основы этого мира гораздо хуже всех бомб и землетрясений вместе взятых.

* * *

Проснувшись сегодня около шести утра, я по привычке заглянула в телефон и обнаружила на экране отсутствие значка вайфая. А поскольку с подобной ситуацией я уже несколько раз сталкивалась и тоже накануне праздников, то передо мной сходу замаячила перспектива провести без интернета, как минимум, ближайшие четыре дня, а может, и больше. Плюс все эти звонки провайдеру, ожидание мастеров, которые обещают, но приходят с третьего раза... Короче, настроение у меня серьезнейшим образом испортилось. Однако в десять, когда я пробудилась во второй раз, никаких проблем со связью уже не было. И если бы я не протянула руку к телефону несколько часов назад, то этот сбой остался бы мной вообще незамеченным. Вот как вредно просыпаться не вовремя!

А представим себе какого-нибудь крестьянина-старообрядца, к примеру, который где-нибудь в 1910-м году по своим религиозным соображениям поселился в одиночестве в глухой тайге, питался грибами и ягодами, и так провел большую часть жизни вдали от людей, вернувшись к цивилизации где-то в середине 60-х, получил минимальную пенсию от государства и спокойно дожил остаток своих дней уже в обычном селе. Все войны, революции и прочие неприятности благополучно его не коснулись, он вообще про них ничего бы не слышал и узнал только уже после своего возвращения к людям в самых общих чертах. А так, его жизнь прошла на свежем воздухе под пение птичек, по утрам он ходил на озеро купаться и ловить рыбку, днем загорал, а вечером ложился в мягкую постельку из соломы, любуясь на сияющие в небе звезды и Луну. Чем плохо? Тоже своего рода аналог безмятежного и приятного сна, когда человек погрузился в него в нужный момент и так же удачно проснулся. Не исключено, что подобные случаи были и в реальности, просто я про них не знаю. Но чисто теоретически такое вполне возможно.

Конечно, он не посмотрел бы фильм «Психо», допустим, не прочитал бы «Смерть в кредит», не побывал бы в Амстердаме и Венеции... Но все эти явления были тогда не доступны и другим гражданам СССР, так что и в этом смысле он в своей жизни ничего особенно интересного бы не пропустил.

* * *

Важно еще не путать аморальность с грубостью. Некоторые личности с двумя извилинами, подобно шулерам в карточной игре, не прочь смешать два этих понятия, представив дело так, будто все возмущаются их презрением к общепринятым нормам поведения, а не тупостью.

Возьмем того типа, который заявил на собрании СП, по-моему, что «Пастернака не читал», а осуждает. Сами по себе непосредственность и парадоксальность этого высказывания вовсе еще не свидетельствуют, что его автор был гением. Хотя объективности ради следует признать, что рожденный им афоризм потенциально мог бы остаться в веках и пережить все сочинения Пастернака, если бы тот там также не был упомянут. Все бы ссылались на него самого, так как люди для того и придумали фамилии, чтобы лучше ориентироваться в пространстве и времени, в том числе и запоминать подобные изречения. Тогда как два имени в одном месте сбивают человека с толку и вносят лишнюю путаницу. Поэтому я, например, сегодня уже не помню, кто это сказал.

Вот и получается, что этот даун только поспособствовал популяризации творчества и без того достаточно известного на тот момент поэта, дав ему шанс сохраниться в памяти потомков на более долгий срок.

* * *

Носила сегодня свою кошку Лукрецию в ветеринарную лечебницу на стерилизацию. В пустом коридоре сидит пенсионерка и типичный даун – в смысле, хроник – лет двадцати, видимо, ее сын, с кошкой на руках, которую, по всем признакам, они принесли усыплять. Мамаша рыдает, кошка мяукает, сынок в обшарпанном пиджаке и стоптанных ботинках ее гладит, тоже заливается слезами и причитает: «Прощай, Оксаночка, что же мы будем без тебя делать и т.п.» Ужас! Более душераздирающее зрелище трудно себе представить.

Дауны, я давно заметила, и сами почти такие же трогательные, как коты, даже живут, по-моему, не как обычные люди, а где-то около тридцати лет. А тут еще вся эта атмосфера... К счастью, почти сразу за мной пришла еще одна баба в бриллиантовых серьгах и норковом манто с прикольной собачкой с огромной головой и коротким мускулистым туловищем и заняла очередь на прививку, которая ей потребовалась для выезда за границу. Собачка начала прыгать и скакать, и своим безмятежным тявканьем немного смягчила общий трагизм ситуации.

* * *

Чтение репертуара театров – одно из самых гнетущих занятий: Чехов, Островский, Шекспир, Достоевский, Артур Миллер, Теннесси Уильямс, Вампилов, Мольер, Гоголь, Брэдбери, Булгаков, Ремарк...Как будто попадаешь в заброшенное и неприбранное помещение, которое не проветривалось уже несколько десятков лет. Крайне тяжело сделать над собой усилие и заставить себя посетить хотя бы одну из попавшихся на глаза постановок. Даже если вдруг и захочется куда-то вдруг сходить с целью примерить на себя новое платье, например.

И люди, как и театры, тоже существуют по отдельности. Каждый сам арендует для себя и ближайшего окружения помещение, устраивает свои маленькие спектакли, подбирает исполнителей, декорации и костюмы, используя сюжеты, приглянувшихся ему авторов. Но стоит их хотя бы раз собрать всех вместе, то однажды промелькнувшая перед глазами картина способна навсегда отбить желание к кому-либо из них приближаться и, тем более, с кем-то встречаться.

* * *

Для чего в наши дни нужна любовь? В детективных сериалах, скажем, чтобы связать воедино сюжетные ходы и сохранить интригу, она вполне может пригодиться. Всяко лучше откровенных подтасовок и передергиваний, к которым сценаристам в противном случае приходится прибегать. Сама по себе жизнь слишком бесформенна и напоминает бессмысленное нагромождение фактов, внятные причинно-следственные связи в ней вообще отсутствуют, поэтому просто позаимствованных из судебных хроник описаний грабежей и убийств для создания зрелищного кино недостаточно. А так, прокурорша в порыве чувств передает в нужный момент главарю банды в тюрьму пистолет, или же кто-то, наоборот, из ревности кропает на него донос – и почти зашедшее в тупик повествование продолжается, охладевшие к фильму зрители возвращаются к телевизору, рейтинг растет, можно рассчитывать на финансирование нового сезона...

Важно, чтобы влюблен в кого-то был только один персонаж, не больше, и его пылкие эмоции не мешали остальным торговать наркотиками и отмывать добытые преступным путем бабки. А когда любовь используется просто для расширения аудитории и привлечения к просмотру домохозяек, то есть в сценах с сюсюкающими друг с дружкой даунами, затягивающих время и тормозящих действие, то от нее реально начинает тошнить. Именно поэтому такое вроде бы возвышенное и безобидное чувство сегодня все и ненавидят.

Что касается Бога, то я, честно говоря, с трудом представляю, куда его сейчас можно запихнуть и с какой целью использовать. Чтобы происходящее на экране не погрузилось в атмосферу полного маразма и торжества духовности. Разве что в триллеры? Маньякам, в принципе, все равно чем руководствоваться и ради чего мочить баб. Там и Бог вполне сойдет. Кроме того, все же знают, что «Бог – это любовь», к примеру. Так что в несколько ином качестве, но он уже в фильмах с более-менее осмысленным сюжетом, можно считать, присутствует. И этого, на мой взгляд, вполне достаточно.

* * *

В самом слове «добро» уже есть что-то затхлое, жалкое и заплесневелое. Сразу вспоминаются комоды и коробки с тряпьем, выставленные на улицу при переезде на другую квартиру. Что называется, нажитое непосильным трудом. Если долго смотреть, можно разрыдаться, и утешает только то, что его владельцы решили куда-нибудь свалить, а не обосноваться рядом с тобой.

Зато «зло» блестит и переливается в холодном свете Луны, подобно бриллиантам из ограбленного ювелирного магазина. От солнечного света и взгляда посторонних оно тщательно скрыто, но в одиночестве им можно любоваться вечно.

* * *

На нем был надет темный костюм в строгом стиле с серым галстуком. В похожем костюме выступал на съезде Трудовой партии КНДР ее первый президент Ким Ир Сен... В левой руке он держал букет белых роз, а на среднем пальце правой руки, которую он поднял, чтобы поправить слегка растрепавшиеся на ветру длинные волосы, тускло поблескивал массивный серебряный перстень с тиснениями в виде таинственных иероглифов...

Практически каждое утро теперь, читая новости, я как будто совершаю маленькое путешествие в страну Поэзии.

* * *

Уже и не верится, а ведь совсем недавно в Петербурге могла появиться прекраснейшая башня, выше Петропавловки и Исаакиевского собора, которую было бы видно практически из любой точки города. И сейчас, сидя у окна, я бы на нее любовалась. Когда теперь снова кто-то сможет что-то подобное возвести? Чтобы все так удачно совпало? Через десять лет автомобили и самолеты перейдут на солнечные батарейки, и нефть станет никому на фиг не нужна. Вот это и называется упущенными возможностями.

Индейцы в перьях с кирками и лопатами - и те оставили после себя величественные пирамиды. А о современных людях, у которых имеются подъемные краны и бульдозеры, потомкам будут напоминать разве что плывущие по небу белоснежные облака, олицетворяющие их нравственную чистоту и возвышенную духовность.

* * *

Одни люди, я заметила, достаточно много внимания и времени уделяют еде, одежде, украшениям, прическам, косметике и прочим мелочам. А другие больше сосредоточены на вечном или же, выражаясь философским языком, трансцендентном. Причем обе эти тенденции можно наблюдать как на бытовом уровне, так и в более отвлеченных сферах – в той же культуре, например, среди писателей и художников.

В русской литературе самая символическая сцена, в которой четко обозначено такое противопоставление, на мой взгляд, представлена на страницах романа «Война и мир», где раненый князь Болконский лежит после сражения под дубом, смотрит на небеса и размышляет о тщеславном мельтешении императора Наполеона. Толстой прекрасно зафиксировал все тончайшие нюансы душевных переживаний индивида со средними способностями, когда тот сталкивается с кем-то, кто его во всех отношениях превосходит. Удивительно, но русский классик даже не скрывает симпатий к своему персонажу. В религиозной литературе также полно аналогичных рассуждений и умозаключений на тему иллюзорного характера и суетности всех посюсторонних человеческих желаний и устремлений, принадлежащих разного рода святым отцам, церковным писателям и мыслителям. А самым ярким и выразительным жестом подобного нетерпеливого стремления покинуть этот мир и погрузиться в некий надвременной рай, в частности, являются экстатические акты самосожжения и самоподрыва...

И в этом нет ничего удивительного. Образно выражаясь, у наиболее одаренных индивидов и остальных людей прямо противоположные векторы, в которых они в течение своей жизни движутся и развиваются. Первые о потустороннем и вечном знают все, и поэтому их больше интересует, что происходит здесь и сейчас, а последние, наоборот, преисполнены надежды, что смогут обрести нечто новое, важное и приятное для себя именно в другом измерении.

И вовсе не обязательно, как мне кажется, считать, что кто-то явился в этот мир в качестве посланника небес и т.п., как часто приходится слышать про особо выделяющихся на общем фоне творцов искусства. Хотя в качестве метафоры такой образ и не лишен смысла. Но даже если отбросить всякую мистику, у них, все равно, лучше, чем у обычных людей, развито воображение, поэтому они и оказываются способны более-менее реально понять и прочувствовать, что из себя представляет так называемая вечность, а те – нет. Все логично.

* * *

Поехала сегодня в ИКЕЮ в надежде найти там трубочки для канноли и зашла в Ашан. Давно не видела такого скопления дегенератов, причем всех возрастов и видов, какие только можно себе представить. Ощущение, что это какой-то специализированный магазин, получающий налоговые льготы за обслуживание умственно-отсталых клиентов. Сразу у входа крошечный мальчик протянул ручку к темным очкам и попытался их надеть, но тут же к нему подскочила разъяренная мамаша и с истошным криком: «Прекрати примерять! Это же бабьи, бабьи, девчачьи, очки!» – сорвала их у него прямо с носа. Внучек дошкольного возраста гоняет по центру зала один из выставленных на продажу мячей, и далеко не всем покупателям удается увернуться от его прицельных ударов, а сопровождающая его бабушка полностью сосредоточилась на перебирании детских маечек с таким видом, будто так и надо, пока он сам, наконец, зафигачив мячик в дальний угол, с воплями к ней не подбежал и не начал трясти ее за рукав. Чуть дальше две жирные бабы выбирают формы для запекания, обмениваются мнениями, какая подешевле. Обе бесформенные, приземистые, в грязных балахонах вместо платьев, с жидкими сальными свисающими до плеч волосами, со смазанными физиономиями, словно вылепленными из корявых клубней картофеля, где глаз вообще не видно, а какие-то затерявшиеся в складках обвисшей кожи щелки. О запахе, который ударил мне в нос, когда я к ним приблизилась, я даже не говорю. Та, что помладше, является точной копией старшей и толкает перед собой сидячую коляску с таким же вонючим сынком в засаленном ядовито-зеленом комбинезоне. Если бы я встретила их отдельно, то не сомневалась бы, что это мамаша с дочкой. Но там вокруг собралась целая куча их близнецов, которые все вместе производят впечатление огромного дружного семейства, выбравшегося на выходные за покупками... И что самое главное, вокруг только родители с детишками, мужики с бабами и старухи с внучатами – двух девушек вместе или двух парней я там не видела. И это понятно: нормальные люди в такие места не ходят.

Потом зашла выпить кофе в кафе при ИКЕЕ. А когда собралась уходить, какой-то приземистый краснорожий и прыщавый тип в униформе вдруг стал, шепелявя, вопить мне вслед: «Женшшина, женшшина!». Я сделала вид, что не слышу, тогда он побежал за мной, продолжая кричать. Пришлось остановиться. Оказывается, он решил проверить у меня сумку, так как ему якобы позвонили из ИКЕИ и попросили это сделать, хотя я там даже еще не была. О чем я ему и сообщила, а он уставился, как баран, и не знает, что сказать. К такому он не подготовился. Я, кстати, еще при входе обратила внимание, как он стоит с перекошенной физиономией, будто дерьма поел. И ему, видимо, не понравилось, как я на него посмотрела, поэтому он и решил до меня доебаться. Ну, да ладно. Ему все равно не удалось испортить мне настроение, потому что оно и так уже было хуже некуда.

В последнее время я заметила: в автобусе, магазине, на улице, в метро - телевизор я не включаю, но и там, наверняка, тоже, да вообще где угодно, хоть в космосе - люди не вызывают у меня никаких чувств, кроме тошноты. Поэтому, в сущности, даже не важно: улыбаются они тебе, пытаются говорить что-то приятное или хамят. Так что это от них не зависит.

А на обратном пути краем глаза заметила из автобуса вывеску универсама «Верный» и стала мучительно вспоминать название корабля, на котором служил Кэрель. Но, как выяснилось, оно полностью выветрилось у меня из головы. Дома посмотрела: «...благодаря присутствию на его узких улочках беспечных моряков и, наконец, благодаря туману и дождю Брест не производит гнетущего впечатления. Здесь и разворачивается действие книги, и мы начинаем наш рассказ в тот момент, когда сторожевой корабль «Мститель» уже третий день стоит на рейде. Его окружают военные корабли : «Пантера», «Победитель», «Грозный», а также «Ришелье», «Беарн», «Дюнкерк» и другие. Подобные названия уже встречались в прошлом. На стенах часовни при церкви Сент-Ив в Ля Рошели висели картинки, изображающие пропавшие или спасенные корабли :»Шалунья», «Сапфир», «Фея», «Любимая». Эти корабли не оказали никакого влияния на воображение Кэреля, видевшего их иногда в детстве, тем не менее, мы считаем своим долгом отметить их существование». Ничего общего, короче.

* * *

Все философы, да и писатели тоже, по моим наблюдениям, если и достигли какого-то материального благополучия, то исключительно благодаря своей сообразительности. К содержанию опубликованных ими книг это обычно не имеет абсолютно никакого отношения.

В этом смысле Декарт, сказавший «я мыслю, следовательно, существую», был совершенно прав. Иначе большинство из них просто умерли бы от голода.

* * *

Когда люди нарушают нормы, потому что они такие крутые – это одно. Но куда чаще они просто не в состоянии играть по правилам.

В этом отношении современный мир больше всего напоминает мне абстрактную живопись, где картины тех, кто не умеет рисовать, сливаются с произведениями гениев в одно бесформенное пятно.

Народу это непонятно. Поэтому человечеству сегодня срочно нужны эксперты. Если бы обратились ко мне, например, я бы без труда отделила одних от других.

* * *

В обучении на филфаке ЛГУ имеются свои достоинства. Сидя в аудитории, можно было смотреть на Неву. Или же в перерыве выйти на набережную покурить... Физиономия какого-нибудь Лотмана не заслоняла собой хороший вид, и поэтому сегодня не портит приятных воспоминаний.

* * *

Стоило бы стать космонавтом, допустим, чтобы плюнуть на человечество с настоящей высоты, когда ты не сомневаешься, что видишь под собой весь земной шар целиком и у тебя, действительно, имеется подобная возможность. Если бы изобретатели, конструкторы и инженеры в качестве конечной задачи покорения Вселенной ставили такую цель, я бы, пожалуй, пошла в летное училище. И тогда выражение «первая женщина-космонавт», например, звучало бы даже круче, чем «enfant terrible» или «цветок зла». Такой профессией можно было бы гордиться. И параллельно, кстати, ничто не мешало бы тем же ученым проводить все исследования, какие осуществляются сейчас – важно, чтобы было четко обозначено главное. Остальное ведь вовсе не обязательно афишировать...

А так, сегодня у человека, в сущности, нет альтернатив литературе. Только писатель с высоты своей духовности способен реально оплевывать людей и другие явления окружающего мира. Тогда как само слово «космонавт» фактически является синонимом «олигофрена». Об учителях, врачах, геологах, шахтерах, священниках и политиках я даже не говорю.

* * *

Скачала фильм про Поллока, но досмотрела только до половины. Остановилась на сцене, где он катается по разостланному на земле холсту и разбрызгивает краску из распылителя, а его подружка восторженно восклицает, что это открытие. В смысле, совершенно новый творческий метод.... Забавно, что приблизительно в то же время Селин, если верить литературоведам, желая добиться экспрессивной выразительности своих текстов, тщательно расставлял каждую точку в хаотично разбросанных по странице многоточиях, по несколько раз все переделывая и переписывая. Получается, что он, в отличие от американского абстракциониста, вводил своих читателей в заблуждение. И им двигали вовсе не эмоции, а холодный расчет.

С другой стороны, граф Монте-Кристо, к примеру, когда выбрался из тюрьмы, не стал кидаться на тех, кто его туда засадил, с кулаками, а заранее продумал подробный план мести и потом строго ему следовал. Но это вовсе не

значит, что он не испытывал к ним злобы. Поэтому я бы, пожалуй, предпочла, чтобы и Поллок ползал по расчерченному при помощи циркуля и линейки полотну с пипеткой и, прицеливаясь, выдавливал капельки краски в нужных местах, а после, надев очки, или же с лупой в руках их внимательно разглядывал, подчищая резинкой лишние шероховатости. Такой подход к творчеству мне ближе. И свидетельствует о глубине переполняющих художника чувств.

* * *

Политологи – зло. Стоит только где-нибудь в мире случиться серьезным событиям, типа попытки государственного переворота, как они наперебой начинают выяснять, кому это выгодно.

Существует красота, да та же истина, наконец. И люди призваны им служить. При чем здесь чьи-то интересы?

Допустим, человек жертвует собой ради прекрасного. А эти специалисты с университетскими дипломами с умным видом приписывают ему, будто он является игрушкой в руках иностранных держав. Это же дебилизм!

* * *

Для белого человека все негры на одно лицо. Обаме нужно было стать президентом огромной страны, чтобы его начали узнавать в широких массах. А возглавлявшему менее значительное государство императору Бокассе потребовалось еще и есть людей.

Примерно так же обыватели воспринимают деятелей культуры. Ван Гог отрезал себе ухо, Гоген бросил бизнес и уехал на остров, Достоевский побывал на каторге, граф Толстой пахал и ходил в лаптях... Тяжелее всего в этом смысле приходится философам. Если Ницше еще как-то сумел обратить на себя внимание, во многом благодаря безумию и психушке, а Хайдеггер успел засветиться в нацистском мундире, то личности вроде Фуко, Лакана, Деррида и Жижека, в сущности, так и остались где-то на уровне недоразвитых дикарей, на которых подавляющее большинство населения Земли не обращает никакого внимания. При этом, что интересно, они сами считают себя чрезвычайно умными и начитанными. Парадокс.

* * *

Представим себе выходца из деревни, оказавшегося в большом городе. Весь его облик, комичная прическа, мятые брюки, пиджак с чужого плеча и стоптанные ботинки напоминают о его прежнем окружении. Да даже если он купит

себе новые тряпки, все равно какие-то характерные привычки, типа плевков на тротуар и громкого чавканья за едой, будут его еще долго выдавать. А свой провинциальный прононс он, скорее всего, сохранит до глубокой старости.

Вот и в случае с писателем происходит примерно то же самое. Если человек одинок, то и на его книгах, чему бы они ни были посвящены, будет лежать печать пустоты и тишины. Поскольку это его естественная среда обитания. Ничто не отвлекает читателей от того, что он пишет, никаких следов прошлого и иных посторонних шумов. Это я и называю чистотой стиля.

* * *

Апофеоз бессмысленности... Тоже неплохое название для книги. Мне бы подошло.

Это я просто перебирала сейчас одну из полок у себя на даче и наткнулась на том с «Апофеозом беспочвенности». Оказывается, в феврале Шестову исполнилось сто пятьдесят. Не представляю, честно говоря, себя в стране, где живут и свободно публикуются такие мыслители. Сегодня подобное кажется абсолютно нереальным.

Философы должны ходить в серых пиджаках, защищать диссертации и заседать на ученых советах. Лосев, Бахтин, этот, как его, Мамардашвили – вот предел. А личности вроде Шестова – это как-то уж слишком хорошо. Причем настолько, что даже немного пугает. Потому что за всем чересчур хорошим на головы людей обязательно обрушиваются потоки дерьма, и их жизнь становится невыносимой. Как это и случилось в России. И происходит так, вероятно, по закону сохранения энергии, который имеет универсальное значение и распространяется не только на физические объекты, но и на социум. Наподобие того как после сильного опьянения наступает похмелье, например. По этой причине всего чересчур хорошего, особенно в культуре, мне кажется, следует избегать. Или же хотя бы маскировать, чтобы слишком не бросалось в глаза...

* * *

Тупость – это большая роскошь, если подумать. Как и уродство, впрочем. Советские писатели, находившиеся под защитой государства и спецслужб, могли себе такое позволить. На их содержание тратились колоссальные бабки. А судьба гения тяжела.

* * *

В принципе, нет никакого смысла называть людей дебилами. Они и так ими являются.

* * *

По дороге на дачу вчера, выйдя из автобуса, нашла в луже бумажку в пятьсот рублей. Пока шла до дома, она у меня подсохла в руке. В результате два пакета финского сыра в нарезке по полкило обошлись мне в каких-то восемьдесят рублей, практически даром. А еще говорят, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Вся эта народная мудрость, типа «кто не работает, тот не ест», – полная хуйня. Много раз уже в этом убеждалась.

* * *

Обожаю разглядывать огромные рулоны разноцветных тканей. Всегда приятно прикоснуться к бархату или вельвету, погладить шелк, попробовать наощупь хрустящую переливающуюся тафту, потрогать лен, жаккард, помять в руках габардин или кашемир, представляя, какие прекрасные пышные струящиеся юбки, шали и платья могут получиться из этих материалов. Однако шитье меня совершенно не привлекает. В молодости, правда, я иногда пробовала что-то себе соорудить сама. Из-за отсутствия приличных тряпок в продаже у большинства баб тогда имелись собственные швейные машинки, которые в то время тоже являлись огромным дефицитом. Была такая и у меня, а точнее даже целых две: сначала антикварная, фирмы «Зингер», приобретенная мной по случайному объявлению с рук, а затем и автоматическая с ножным приводом «Веритас», о какой многие в те годы могли только мечтать. Помню, я проявляла чудеса изворотливости, чтобы раздобыть пользовавшийся громадной популярностью в массах журнал «Бурда», к которому обычно прилагались более-менее приличные выкройки, и пыталась изготавливать себе по ним изысканнейшие наряды. Как-то я сшила себе широкое платье-рубаху и явилась в нем в университет. И меня там даже стали спрашивать, где мне удалось купить такую супер-модную вещь. А когда мамаша отдала мне пятиметровый отрез ткани для наматрасников, очень красивого ярко-синего цвета, в тонкую полоску с цветочками, я превратила его в летний прикид, причем даже вполне затейливого фасона. На улице, по крайне мере, от меня никто не шарахался. Сама мама, правда, увидев меня в нем, пришла в ужас. Однако дальше юбок и относительно простых прямых конструкций я не продвинулась. На пиджаки у меня уже элементарно не хватало терпения.

А в самом конце 80-х, когда я уже окончательно убедилась, что мне такие подвиги не по плечу, я как-то все же решила сшить себе куртку из подаренного мне подругой куска замши. И для этого поехала к портнихе, которую также нашла по объявлению в газете, по-моему, или же мне ее кто-то рекомендовал – уже не помню сейчас точно. Она жила в двадцати минутах езды на автобусе

от метро «Ладожская», в жуткой обшарпанной многоэтажке с осыпающимися стенами и завешенными серым бельем лоджиями. Поднявшись на самый верх в дребезжащем лифте с обугленными и исписанными разнообразными выразительными надписями стенками я позвонила в обитую вонючим и разрезанным в нескольких местах дермантином дверь. Портниха оказалась белесой бабой крошечного роста, где-то мне по плечо. Увидев меня, она ужасно обрадовалась, засуетилась, бросилась подавать мне тапки, заискивающе повторяя буквально на каждое мое слово: «Понимаю вас... понимаю вас...». Но главное, что за свои услуги она попросила совсем немного. Но сильнее всего меня поразило огромное количество живности, заполнявшей ее двухкомнатную квартиру. Пятеро детишек дошкольного возраста, огромная мохнатая собака с торчащими на боках клоками шерсти, истошно мяукавшая на шкафу кошка, и еще, когда она повела меня во вторую комнату, служившую ей примерочной, я заметила там две довольно громоздкие клетки: в одной суетилось какое-то существо типа хомяка, а во второй скакала в специально устроенном колесе серая облезлая белка. Пока она снимала с меня мерки, ей периодически приходилось убегать то на кухню, то в коридор, то в соседнюю комнату, реагируя на доносившиеся оттуда вопли. Сама же она была не такая уж и старая, лет тридцать пять, не больше. Куртку я себе в конце концов все же у нее сшила. И моя парижская знакомая, принадлежащая, кстати, к древнему роду герцога Мальборо, и очень этим гордившаяся, увидев ее на мне, помню, даже воскликнула: «О, как прекрасно у вас в России шьют. И так дешево!».

Однако после этого визита я почувствовала настолько непреодолимое отвращение к шитью, что мне до сих пор даже думать не хочется, что когда-нибудь снова придется чем-либо подобным заниматься, что-то шить самой. От обеих своих швейных машинок я тоже вскоре избавилась: антикварную вынесла на помойку, а автоматическую просто отдала.

Что касается литературы, то, может быть, порой мне и бывает лень переносить на бумагу какие-то свои мысли. Но не могу сказать, чтобы она вызывала у меня такое же отвращение, как шитье. Притом что большинство писателей, как мне кажется, только для того в этом мире и существуют, чтобы отбить у других всякое желание ею заниматься. Так что это даже немного странно. В смысле, что я до сих пор что-то иногда зачем-то записываю. И многие слова, в принципе, тоже чем-то напоминают ткани, бархат и шелк. Их точно так же приятно бывает перебирать в уме. Часто, просыпаясь по утрам, я этим и занимаюсь. Вычурность, очарование, страх, расставание, падение, холод, лепет, крах, безысходность, одиночество, бред, лед, ужас, фатум, галлюцинации, цианид, мучения, низость, жестокость, глумление, отчаяние... Они помогают мне поднять настроение и заряжают бодростью на весь день.

* * *

Не только художники, музыканты и писатели, но учителя, врачи, инженеры, химики – все хотят быть гениями! Да даже работники сельского хозяйства. Просто пашешь и сваливаешь выращенное зерно в амбары, а дальше приезжают специальные представители магазинов на грузовиках и выкладывают тебе бабки. Чтобы ты мог заниматься своим трудом и не о чем не волновался. Спокойно спал, не забивая себе голову всякой ерундой. Тем более, для философов это важно. Они обдумывает серьезнейшие мысли, сосредоточены на решении животрепещущих для человечества проблем. Ясно, что им должны за это прилично платить.

И я бы тоже хотела просыпаться по утрам, садиться к окну рядом с кошкой и заносить в блокнотик свои впечатления, фиксировать разные любопытные наблюдения и детали. Закапал дождик, прохожие достали зонтики, асфальт заблестел... Типа записок на подоконнике. Или даже лучше – у изголовья, чтобы вообще не вставать.

Жили же когда-то люди! И почему сейчас стало все так паршиво?!

* * *

Вчера вечером шла по Гороховой и обратила внимание, что приближается полнолуние. Огромный слегка срезанный слева шар повис над Театром юных зрителей... У Луны есть удивительное свойство: она никогда не надоедает. То правым боком поворачивается, то левым, как ни посмотришь - все время меняет форму, иногда скрывается за облаками, а то и вовсе куда-то исчезает. Притом что с точки зрения профессиональных астрономов такой эффект достигается не таким уж большим набором средств. Требуется просто источник света и некий круглый предмет на его пути. В сущности, все очарование Луны является чистой иллюзией, результатом нечаянных перемещений безжизненных теней. Тем не менее, какие-нибудь негры в Африке, не знакомые с достижениями современной науки, при ее виде и вовсе впадают в экстаз, скачут в восторге по ночам через костры и даже приносят ей в жертву своих детишек. И я их отчасти понимаю...

Что касается людей, то они куда более скучны и утомительны. Притом что потенциально в их распоряжении имеется огромнейший арсенал возможностей для создания всяких забавных трюков и фокусов. Просто не сопоставимый с тем, что есть у Луны. Взять то же телевидение. Там задействована целая куча обслуживающего персонала, операторы с новейшими камерами, сотрудники, которые следят за прожекторами, специалисты по звуку с микрофонами, парикмахеры, костюмеры, редакторы, режиссеры, плюс те, кто у них на подхвате. Однако личности, отсвечивающие на экране телевизоров, отличаются

удивительным однообразием. Человек только открывает рот, а ты уже заранее знаешь, что он скажет, можно даже не слушать. В кино и литературе наблюдается примерно та же картина.

Чем это объяснить? Мне кажется, что люди постоянно чего-то слишком хотят, к чему-то стремятся, чем-то не удовлетворены. И поэтому все время вопят, суетятся, таращат глаза и стараются кого-то в чем-то убедить. Субъективно каждый индивид, возможно, мечтает о своем и жаждет заполучить нечто редкое и необычное, однако со стороны это так не воспринимается. И чем сильнее переполняющие человека желания бросаются в глаза, тем скучнее за ним наблюдать. Короче, людям, на мой взгляд, явно не хватает холода и равнодушия, какими в избытке наделена Луна. Они какие-то слишком живые, что ли, – я бы, пожалуй, даже так сказала. В этом, по-моему, все дело.

* * *

Зашла еще сегодня в банк, в названии которого меня привлекло несколько согласных букв подряд. Что-то типа «Сбмт», по-моему. Просто чтобы спросить, могут ли они поменять пятьсот евро на более мелкие купюры. Девка у входа отправила меня к кассиру за стеклянной перегородкой. А там, о ужас, сидит баба в резиновых шлепанцах огромного размера и мужских носках, доходящих ей аж до колена, пятка которых болтается чуть ли не у середины икры. Про ее лицо, комплекцию и возраст я даже говорить не буду. Все люди, в конце концов, представляют собой результат случайного сочетания генов, которое от них не зависит. Но туфли-то более-менее приличные можно себе купить. Не обязательно на шпильках, как у фотомоделей, но какие-нибудь простые и удобные типа фирмы «Rieker», да хотя бы белорусские, наконец. Если ты заботишься именно о комфорте, а не только об экономии. И сейчас, кстати, неплохие скидки на летнюю обувь, раз уж речь идет об альтернативе шлепанцам. Тем более, что на юбку и жакет у нее бабок хватило. Они, по крайней мере, не бросаются в глаза, особенно если сначала посмотришь на ноги, а потом уже на остальные части тела, включая туловище. Или же когда ты все время имеешь дело с деньгами, подсчитываешь набегающие проценты, всякие дебеты и кредиты, то потом у тебя на уровне инстинктов вырабатывается такая жадность, что уже невозможно расстаться с лишней тысячей, чтобы обуться? А она, как я потом поняла, рассчитывает на то, что можно просто прятать ноги под стол, и их там никто не заметит. У нее в голове видимо, созрел такой хитроумный план, когда она наблюдала, как умеют экономить на мелочах их наиболее богатые и успешные вкладчики. И это я просто слишком резко вошла, и она не успела на меня вовремя среагировать...

Короче, по поводу размена бабок я от нее так ничего и не узнала. Поскольку, по ее словам, они работают только с клиентами. Вот если бы я открыла у них счет, тогда бы она все мне объяснила. В том числе и вернут ли мне потом вложенные пятьсот евро нужными мне купюрами, или я получу назад все ту же лиловую бумажку.

* * *

На обратном пути с дачи сегодня, пока я стояла на недавно сгоревшей дотла остановке, краем глаза случайно заметила сидевшую на ящике среди горсток пепла и кусков обугливавшихся досок пенсионерку в поношенных белых кроссовках и кирпичной курточке, которая с трагическим выражением лица читала книгу «Ева Браун. Жизнь и судьба». В коричневой обложке, что характерно.

Эта картина, явившаяся мне в самом конце сезона и ставшая наиболее волнующим впечатлением за время всех моих поездок за город в этом году, невольно заставила меня на мгновение почувствовать себя героиней немецкой романтической драмы. Когда в финале одного из актов она застывает в недоумении от внезапно открывшегося ей тайного смысла поведения окружающих ее людей, являющихся жалкими игрушками в руках злого рока. Перед тем как занавес опустится на сцену, и будет произведена полная смена декораций.

* * *

Сегодня, когда я шла по проселочной дороге, подняла кленовый лист. И вот он совсем скрюченный, почти свернулся в трубочку, потемнел и с дырочками, покрылся грязью со всех сторон, но и в таком виде в нем есть нечто милое. Некое очарование увядания. Или, бывает, возьмешь в руки какого-нибудь жучка или бабочку – в них тоже присутствует что-то трогательное, как они трепещут крылышками и пищат... Это я к тому, что, если подумать, то я совсем не требовательна и всегда готова в любых явлениях органической природы найти свои плюсы, ко всем живым существам отношусь с пониманием.

Но люди все равно представляются мне полными дегенератами. В них, по-моему, вообще отсутствуют какие-либо черты или качества, которые способны кого-либо тронуть или, тем более, на что-то возвышенное вдохновить. Когда я смотрю на них, то практически сразу впадаю в депрессию. А если ты с кем-то поговоришь, то после тебя и вовсе вполне реально может стошнить. Они не вызывают у меня никаких чувств, кроме глубочайшего отвращения или, может, еще желания плюнуть в физиономию и дать в лоб. Абсолютный мрак, короче. И это при всей моей невзыскательности и снисходительности. Вот что странно.

* * *

Так и не поняла, о каком боге идет речь, кто во что верит, а какие-то личности уже начали выступать за запреты абортов. Начитались новостей, судя по всему, узнали, что так в других странах ведут себя наиболее сознательные граждане, называющие себя религиозными.

Всегда думала, что все эти газеты, интернет и прочие веяния прогресса – зло. И только засоряют людям мозги.

* * *

Когда какой-нибудь индивид стремится к прекрасному, допустим, то он сразу становится всем понятен. Пусть в красоте и есть какая-то загадка, но сама-то она всегда на поверхности, и ее все видят. Будь то картины, стихи или просто одежда...

А если для людей все сводится исключительно к жратве, то они обычно оказываются скрыты от глаз окружающих абсолютно непроницаемой завесой тайны. Никто не может поверить, что человек способен удовлетвориться столь прозаичными и обыденными вещами, как завтрак, обед и ужин. И больше ему ничего не надо. Особенно всех ставит в тупик подобный расклад, когда речь идет об известных писателях, художниках, музыкантах, политиках и высокопоставленных священнослужителях, добившихся значительных достижений в своих областях. Все предполагают, что уж их-то в первую очередь должно интересовать нечто возвышенное или хотя бы необычное.

В этом и заключается главная сложность жизни.

* * *

Искала рецепт печенья из овсянки, а попала на сайт с цитатами Гераклита. Просто стала набирать еще и «геркулес»... Но раз так получилось, заодно и их посмотрела. Отдельные забавные наблюдения там есть, но в целом я гораздо умнее, конечно. Единственное, он на порядок больше раскручен. Плюс, еще и из Древней Греции, а это тоже сразу дает преимущество представителю творческих профессий в глазах разных даунов. Там же жили Платон, Аристотель, Гомер, Диоген, Софокл и Плутарх. И любой субъект с похожей фамилией, указывающей на его происхождение, в глазах обывателей естественным образом вписывается в такой ряд, даже если он ничего из себя не представляет. Они их, скорее всего, вообще не различают.

А если человек еще и писал о глобальных проблемах бытия, как Гераклит, то тем более. Многие умственно отсталые личности, я заметила, не только писателей путают, но и время с пространством тоже. Им кажется, что в ту далекую эпоху люди находились ближе к самому началу мира, и поэтому лучше разбираются в том, как он устроен. Чисто по аналогии с ситуацией, когда кто-то остался в отправной точке пути, а другие от нее отдалились на значительное расстояние. Можно подумать, что вид горы, повернутой позднее землетрясением в другую сторону, допустим, или же отсутствие появившегося тысячу лет спустя озера каким-либо образом способны приблизить тебя к разгадке смысла жизни. Австралопитеки и питекантропы, имевшие счастье встречаться с мамонтами и динозаврами, не считаются же сейчас мудрецами. Они-то еще сильнее были приближены к истине, если уж на то пошло... А раз Гераклит, несмотря на свою отдаленность от истоков человеческой истории, их по уровню развития сумел превзойти, то нет ничего удивительного и в том, что и я продвинулась дальше него.

Возьмем хотя бы такое его суждение: «Война – отец всех вещей, отец всего». Просто для примера. С общим смыслом я полностью согласна. Я и сама нечто подобное уже много раз писала. Но что значит «война – отец»? Я понимаю, что человеку не хочется говорить «мать», так как для него важно, чтобы в столь значимом размышлении про все вещи и вообще про все присутствовало мужское начало. Типа мужчины умнее женщин. Ну, тогда придумай что-нибудь. Сформулируй свою мысль иначе. Сейчас подобным образом выражаются только сохранившие близость к первобытному бытию чукчи. Я бы так никогда не сказала.

* * *

Самолеты летают, да и птицы тоже... А Ньютон говорил о какой-то силе земного притяжения. Многих людей это удивляет. Но я все равно думаю, что он прав.

Толпе я всегда предпочитаю гения. Просто чувствую какое-то духовное родство, что ли.

* * *

Чем уродливее рассуждение о красоте, тем ближе оно к истине.

Вот, чтение Гераклита не прошло для меня даром.

* * *

Помню, на юбилей Фасбиндера, кажется, мне попалась в руки газета сразу с несколькими интервью отечественных режиссеров. Где они и так расписывали, и этак, как они его все любят, ценят и восхищаются. Каждый по-своему, конечно, но в целом общий пафос был именно такой. После чего я даже немного удивилась про себя, почему же в их собственных фильмах нет никаких следов влияния этого режиссера, раз они все его прекрасно понимают и считают таким выдающимся. Не очень понятно все-таки. Могли бы и сами сделать нечто равновеликое, поскольку идея гениальности, судя по их же словам, опять-таки, им всем вовсе не чужда. В чем тут дело? Скорее всего, они просто еще не успели снять свои шедевры из-за экономического кризиса или по каким-то другим не менее уважительным причинам, – подумала тогда я. Условия человеческого существования в наши дни настолько тяжелы, что творческим личностям часто бывает просто некогда заняться тем, что им по-настоящему интересно.

Однако сегодня я так уже не считаю. Этот мир устроен вполне гармонично. И по-своему даже хорошо, что людям постоянно не хватает времени на красоту. Иначе все уроды и бездарные придурки принарядились бы, насочиняли гениальных стихов и наснимали выдающихся фильмов. И вот тогда, действительно, все смешалось бы в кучу, и наступил полный хаос. А так, все просто и очевидно. Даже и напрягаться особо не надо, чтобы разглядеть, кто есть кто.

Я слышала недавно, что физики установили, будто времени не существует. И это странно. Пример искусства, на мой взгляд, как раз и свидетельствует об обратном. Не слова, не камни и не краски, как часто думают непосвященные простачки, а именно время является материалом для гения, из которого он и создает свои вечные произведения.

* * *

Сильнее всего на свете я ненавижу писателей и литературу! Разве что дети и школа вызывают у меня еще большее отвращение... А многие люди даже и не скрывают, что обожают сидеть за письменным столом и любовно выводить каждую буковку, чтобы запечатлеть на бумаге все тонкости своих душевных переживаний. Плюс, они еще постоянно трутся на различных заседаниях, собраниях и презентациях, где встречаются со своими коллегами по перу...

Я, естественно, по возможности стараюсь ничего такого не делать. И отношусь к подобным мероприятиям как неизбежному злу. Но книги-то у меня выходят. И формально я также отношусь к писателям. Не думаю, что со стороны остальные тонкости кого-то особенно волнуют. Все химики для меня, допустим, на одно лицо, вне зависимости от того, вызывают или нет у них энтузиазм пробирки и микроскопы, с какими им обычно приходится иметь дело. Само собой, я в курсе, что Менделееву его таблица привиделась во сне, но другие детали от меня, точно, ускользают.

И теперь представим, что я подхожу к памятнику Пушкину, например. Или же останавливаюсь возле портрета Толстого. Или просто в кадре вместе со мной случайно запечатлелся какой-нибудь тип из местного отделения СП. Во всех перечисленных ситуациях людям будет казаться, что они видят перед собой двух писателей. А то, что внутри я на этих субъектов совершенно не похожа, никого не волнует. Разумеется, речь в данном случае не об индивидуальных различиях стиля, не о содержании книг и даже не о степени известности, а исключительно о глобальном определении на самом высоком уроне логической категоризации. Есть крупные зайцы, зайчата, серые, белые, бабочки и вовсе бывают абсолютно непохожими по размерам и расцветкам, змеи, грибы, деревья... Вот и в данном случае речь идет о том, что всех определяют одним словом: писатель.

Однако в том же языке встречается еще и такие явления, как омоним и антоним. Когда слова звучат одинаково, а означают совершенно не связанные между собой вещи или же произносятся по-разному, но отсылают к противоположным понятиям. Типа «коса» как орудие труда и «коса» как часть прически. Или же «война и мир» и «жизнь и смерть».

Все это я говорю к тому, что если взять меня и поставить рядом с любым писателем, то получится абсолютно уникальный и, по-моему, совершенно не известный науке случай. В современной литературе я присутствую в качестве омонимического антонима всем остальным ее творцам. Это Лермонтов в свое время мог просто написать, что ему скучно и грустно, и некому подать руку. А чувства, которые я испытываю в окружении других авторов романов, повестей и стихов можно передать только при помощи такого сложного словосочетания. Я и они – это лед и пламя, небо и земля, прямая и кривая, белое и черное... А называется все одинаково. Вот что обидно!

* * *

Самое прекрасное, что дала миру русская литература – это идея лишнего человека. Когда индивид настолько превосходит окружающих, что ему становится скучно с ними общаться и за ними наблюдать. И поэтому он закрывается у себя в комнатке с задернутыми окнами, как тот же Обломов, к примеру, и целыми днями лежит на диване или просто удаляется в свое имение за город, чтобы никого не видеть и не встречать. А слуги ходят за него в магазин и приносят ему продукты, чтобы он мог поддерживать себя в определенном жизненном тонусе и проводить остаток дней в состоянии легкого забытья, типа алкогольного опьянения, только без похмельного синдрома. Все-таки понимать, что ты лучше и выше других, куда предпочтительнее, чем ощущать себя нижним звеном эволюции, где-то на уровне обезьян, даже если у тебя все есть, и ты достиг высокого положения в обществе.

Между тем, русские императоры и другие аристократы девятнадцатого века, которые занимались вполне активной деятельностью, тоже жили в величественных дворцах и носили эффектные красивые мундиры. Так что превзойти их по уровню развития тогда были в состоянии только отдельные редкие индивидуумы. Сегодня же фактически любой человек средних способностей, ну, может быть, чуть выше, просто более-менее начитанный, уже автоматически начинает чувствовать себя лишним и может спокойно ловить кайф. Причем для этого ему даже не нужно никуда уединяться, а достаточно включить телевизор, например, или же просто продолжать ходить на службу – всюду, где бы он ни оказался, дополнительное удовольствие от жизни ему гарантировано.

И тут я вижу определенную проблему для общества. Если все же мыслить в государственном масштабе. Люди так устроены, что всегда тянутся к чему-то хорошему. Никому не хочется провести свою жизнь в унынии и полном дерьме. Вот многие сейчас и врубились, как это приятно – осознавать себя лишними. Поэтому их число сегодня столь значительно и возросло. Но если так дальше пойдет, то скоро вообще никто не захочет зарабатывать бабки, продвигаться по службе и заседать в правительстве. Все начнут стремиться исключительно

вниз, чтобы акцентировать свою дистанцию от несчастных даунов, в силу своей наивности и недостаточной образованности очутившихся вверху социальной иерархии. Однако слуг-то сейчас у большинства населения нет. И это в конечном счете может стать серьезным препятствием для развития страны в целом.

* * *

Древние римляне практически все позаимствовали у греков. Даже Юлий Цезарь подражал Александру Македонскому. И все равно они гораздо эстетичнее своих предшественников. В этом отношении они мне даже чем-то напоминают Луну, которая тоже на порядок прекраснее и романтичнее Солнца.

Поучительный пример для гения: не иметь ничего своего, быть холодным и не слишком ярким, чтобы блистать только в темноте.

* * *

Идеал главы государства для меня – Людвиг Баварский. Худший поэт – Сергей Михалков. И это все, что я думаю о политике.

* * *

Раза два в неделю я встречаю живущего у меня за стеной пианиста. Приземистый, белесый, с огромной бородавкой на носу и бараньим взглядом водянистых бесцветных глаз. И одет он всегда в нечто бесформенное, какое-то подобие непромокаемого серого пуховика, делающего его похожим на мешок, с презервативом на голове. Даже не алкоголик, а типичный дегенерат. Я с ним не здороваюсь, а просто прохожу мимо, стараясь смотреть под ноги, чтобы не портить себе настроение. Никогда бы не подумала, что подобный субъект практически целыми днями играет на рояле. Причем репертуар у него исключительно классический: от Лунной сонаты до Чайковского. Только один раз, насколько я помню, после того как он на лестнице громко выяснял отношения со своей соседкой по коммунальной квартире, до меня донеслись торжествующие аккорды Мурки. Но это длилось минут пять, не больше, а затем снова полилась плавная мелодия вальса Шопена...

То, что у писателей обычно бывают гнусные физиономии, я знаю. На их облик накладывает отпечаток их творчество. Получается своеобразный символизм, когда внешний вид индивида отсылает к вполне конкретному означаемому. Это и избавляет тебя от необходимости открывать их книги. Или же крестьяне пашут землю, кидают в нее семена, а потом дожидаются, пока те прорастут и принесут плоды. И таким образом проникаются мудростью природы. Что, опять-таки, можно заметить со стороны. Хотя бы по тому, как они,

даже оказавшись в городе, неторопливо перемещаются и никуда не спешат, не суетятся, так как знают, что многое в этом мире от них не зависит. Растения же сами в основном тянутся вверх, а от человека требуется просто их поливать иногда. Но общий результат в целом уже все равно предопределен: что посеешь, то и пожнешь.

А этот дебил даже не композитор, судя по всему. Если бы его тупой вид являлся результатом его собственных сочинений, как в случае с писателями, это я бы еще могла понять. Но он же просто исполняет музыку признанных мастеров прошлого, прошедших тщательный отбор через сито времени. Только самые лучшие и проверенные образцы классического искусства, вошедшие в золотой фонд человечества. Штокхаузена, к примеру, и других сомнительных персонажей я никогда не слышала. Даже Стравинский в его репертуаре отсутствует – исключительно произведения девятнадцатого века и ранее. Тот же Моцарт достаточно часто звучит. Причем упражняется он практически целыми днями, а иногда и вовсе с раннего утра до глубокой ночи не отрывается от клавиш, извлекая из них волшебные чарующие звуки. И тем не менее, никаких следов постоянного соприкосновения с прекрасным его внешний облик на себе не несет: ни лицо, ни одежда.

Чисто теоретически я понимаю, что у любого правила практически всегда имеются исключения. Но все равно, регулярные встречи с этим типом ужасно сбивают меня с толку и разрушают стройную картину мира, которая за долгие годы успела выстроиться у меня в мозгу.

* * *

Сегодня проснулась среди ночи и вспомнила, как читала когда-то «Русские ночи» князя Одоевского. Сидя в тесной комнатке отдела редких книг Публичной библиотеки, склонившись над внушительным фолиантом. Само содержание этой книги у меня сейчас уже полностью выветрилось из головы, зато процесс чтения четко запечатлелся в мозгу. Единственное, почему-то у меня осталось ощущение, будто я читала ее при тусклом свете свечи – чего, конечно, быть не могло. Там на каждом столе стояли лампы, а верхний свет был, по-моему, вырублен. Видимо, это из-за старинного шрифта и пожелтевшей бумаги, может, еще из-за специфического запаха, какой обычно излучают старые книги. Если вскрыть могилу или склеп, допустим, то оттуда должно ударить в лицо сыростью и леденящим душу холодом. Я сама при подобных актах не присутствовала, но просто мне так кажется. А когда открываешь букинистический том, ощущаешь аромат расплавленного воска. Особенно если речь идет о сочинении с таким названием. В Ленинграде в то время все были зациклены на встрече и проводах белых ночей, а нормальные темные тоже уже фактически стали антикварiатом. Русские ночи, князь – ясно, почему у меня теперь возникло чувство, будто я читала эту книгу при свечах. Фрейд вряд ли занимался изучением такого рода феноменов, но я и сама способна со своими глюками иногда разобраться.

Удивительно другое. Как можно так отчетливо помнить все обстоятельства чтения книги и полностью забыть, о чем в ней написано?! Поневоле начинаешь думать, что носители информации в отдельных случаях все же имеют определенное значение. Притом что все эти вздохи по поводу неизбежного исчезновения бумажных изданий в будущем у меня всегда вызывали улыбку. Но тут, правда, дело не только в бумаге. Если бы мне это произведение попалось не то что в электронном, а хотя бы даже в переизданном виде, то сегодня я бы о нем уже никогда не вспомнила, скорее всего. Ни ночью, ни днем, ни при каких иных обстоятельствах. Ничего бы, точно, не осталось у меня в голове. А так, встреча с князем Одоевским и его сочинением, как ни крути, но обогатила мой внутренний мир. И возможно, оказала на мое собственное творчество серьезнейшее влияние, следы которого исследователям следующего столетия, думаю, будет крайне сложно обнаружить.

* * *

Практически все лучшие люди закончили свои дни в нищете. Верлен, Барбе д'Оревильи, Лотреамон, да тот же Селин тоже вынужден был подрабатывать в старости врачом для бедных. Примеров можно найти уйму, и они, в общем-то, у всех на слуху.

А если человек заработал хотя бы миллион долларов, то он на сто процентов является олигофреном. Исключений я тоже пока ни разу еще не встречала. Да уже в школе общая тенденция достаточно отчетливо прослеживается: чем хуже человек учится, тем богаче он потом становится. И это тоже все прекрасно знают. Причем я называю тут условную цифру. Скорее всего, речь идет о суммах даже меньше миллиона. При желании можно было бы, мне кажется, провести статистические исследования и установить четкую шкалу, связав интеллектуальный уровень каждого индивида с его материальным положением. Жаль, что этого пока никто не сделал.

Впрочем, я не исключаю, что попытки разобраться в этом вопросе кем-то уже предпринимались. Но тут, видимо, все проблема в тех же бабках, которые требуются для масштабных опросов, приобретения компьютерной техники и создания специальных программ. А их неизменно удается раздобыть исключительно даунам, опять-таки.

Допустим, реальный порог идиотизма равен пятистам тысячам долларов. И на его точное вычисление тоже требуется такая же сумма. В результате, как только нужное количество денег накапливается на счете какой-нибудь научной организации, взявшейся все подсчитать, они автоматически оказываются в распоряжении субъекта, возглавляющего эту контору, который таким образом роковую черту сам тоже уже переступает, а значит, является дебилом. Ясно, что ждать каких-либо серьезных научных открытий от тех, кто находится у него в подчинении, бесполезно. Получается своего рода парадоксальный тупик, из-за которого, думаю, человечество так и не сумело до сих пор продвинуться в данном направлении.

Так что пусть будет миллион. Можно пока остановиться на такой условной цифре. Услышал, что упоминается миллионер, сразу понимаешь, о ком говорят. В языке же нет специальных слов для обозначения обладателей пятисот тысяч и более мелких купюр. По-своему это даже удобно – не нужно ничего изобретать.

* * *

У режиссеров часто нет средств на масштабные съемки, но им все равно порой удается создавать гениальные фильмы. Так и в жизни: отталкивающая наружность является свидетельством ограниченных умственных способностей, а не отсутствия возможности повлиять на свой внешний вид.

Это я к тому, что тупость того или иного индивида заслуживает сочувствия, а уродство – нет.

* * *

Морозы и розы – на первый взгляд, абсолютно несопоставимые явления физического мира. Но стоит только упомянуть одно из них, как стразу приходит на ум другое.

Так и некоторые люди. Практически по любому поводу изрекают какую-нибудь банальность. И при этом искренне верят, что говорят нечто необычное и парадоксальное. А все потому, что совершенно не разбираются в поэзии.

* * *

Глядя на спортсменов, как они прыгают, скачут, поднимают тяжести, ловко скользят по льду под бодрую музыку, на их гладкие мускулистые тела и энергичную жестикуляцию, поневоле проникаешься сознанием, что люди уродливы не по отдельности, а именно как биологический вид.

И только какие-нибудь отщепенцы, вроде лежащего на диване в темной комнате, заросшего недельной щетиной Обломова или же сгорбленного припорошенного снегом алкоголика на скамейке, и другие похожие субъекты, про которых часто приходится слышать, что они уже практически утратили человеческий облик, не лишены определенной эстетической привлекательности. И то, если к ним особенно не приближаться и не вступать в разговор. При непосредственном контакте даже это слабое очарование с большой вероятностью тоже бесследно улетучится.

* * *

Уже в самом слове «дебил» присутствует оттенок некой субъективной оценки. Поэтому не исключено, что подобное впечатление от того или иного индивида возникает в сознании людей, когда они бессознательно пытаются выдать желаемое за действительное. Просто им что-то не нравится или невыгодно, вот они и обзывают тех, кто их раздражает, таким вот нехорошим словом. Так, в частности, поступал Салтыков-Щедрин, который целый город запросто мог назвать Глуповым и населить исключительно идиотами. Из-за чего чтение его книг представляется мне совершенно непознавательным и даже вредным. Не хотелось бы прожить свою жизнь в мире иллюзий, так и не узнав истинную ценность окружающих явлений.

Я это понимаю. И все равно буквально на каждом шагу в последнее время мне попадаются именно дебилы. Вот что странно. И больше всего меня как раз и пугает то, что они, возможно, настоящие и не являются продуктом моего воображения.

* * *

Предположим, я иду по улице и вижу сидящего на скамейке бомжа. Ну, там, припорошенного снежком, и вообще вся его сгорбленная фигура свидетельствует, как ему нелегко живется. Я достаю телефон и фотографирую его. И что, мне потом за мой снимок должны будут заплатить? Да мне такое и в голову никогда не придет. А некоторые особо пронырливые личности называют себя фотографами и получают за подобную фигню неплохие бабки. Щелкнул, и готово! И больше можешь вообще ничего не делать: ходи в кино, покупай себе жратву и лежи на диване. Писатели хотя бы водят рукой по бумаге. А фотографы даже на этом уровне не напрягаются. Просто нажимают на кнопку, и все. И потом выябываются: мол, посмотрите, как тонко схвачено выражение отчаяния на лице данного субъекта...

Представляю, как должно быть обидно художникам, которым, чтобы того же алкоголика на скамейке запечатлеть, приходится приобретать холсты, краски и после неделями вырисовывать каждую детальку. И еще неизвестно, окупятся ли затем их затраты. Фотографам же при современном уровне техники ни специальная бумага не нужна, ни химикаты, ни растворители – совсем ничего не требуется. Если снимок не удался, можно просто его стереть из памяти и забыть. Достаточно один раз занять деньги у мамаши, купить себе более-менее приличную камеру, и ты фактически гарантируешь себе безбедное существование на всю оставшуюся жизнь. Главное, пролезть и вбить в сознание окружающих, что ты фотограф, а не просто человек с фотоаппаратом в руках. И вот для этого, само собой, нужно обладать особой наглостью. В таком плане, я согласна, фотографы на порядок превосходят представителей всех других творческих профессий. Подобным уникумом нужно родиться. Обычному индивиду фотографом никогда не стать.

И что меня еще удивляет. Ленин разоблачал капиталистов, которые, по его мнению, утаивают прибавочную стоимость товаров, созданных руками пролетариев, кладут ее себе в карман и таким образом живут за чужой счет. Деятельность священников тоже у многих вызывает серьезные сомнения. А фотографов до сих пор никакой Маркс еще ни разу, по-моему, ни в чем не уличил. Они спокойно разъезжают по курортам, прекрасно питаются, носят дорогие тряпки, и на это никто не обращает внимания. Наоборот, люди толпами посещают их выставки и искренне верят, будто приобщаются к чему-то прекрасному и обогащают свой внутренний мир.

Сегодня утром я поняла, что больше всего на свете я ненавижу фотографов!

* * *

Люди и так уродливы. А теперь, я смотрю, большинство обзавелись еще и мировоззрением. Вместо того, чтобы приобрести себе какой-нибудь более-менее приличный прикид. Раньше человек тебя раздражал своим видом, но отныне тебя просто не устраивает его точка зрения на важные события в мире. А в остальном он больше ничем не отличается от тебя. Так, что ли?

Подобный подход позволяет сэкономить бабки. Я правильно поняла?

* * *

Вчера в гардеробе поликлиники ВТО седая баба лет пятидесяти с землистым, как у трупа, лицом и в небрежно накинутой поверх белого халата норковой шубе, проходя мимо, громко спросила сидевшую рядом со мной пенсионерку: «А вы были на Айвазовском?». Та вздрогнула, выронила из рук бахилы, которые как раз собиралась натягивать на сапоги, и растерянно покачала головой. «Ну, так сходите. Чего ж вы ждете!?» – продолжила любительница живописи начальственным тоном, но почему-то уже глядя на меня. Из-за чего я невольно подумала, что ее рекомендация относится и ко мне. Правда, ответа она дожидаться не стала и уже через секунду скрылась за входной дверью.

Не могу сказать, что всю ночь потом меня мучили кошмары, типа кораблекрушения, или мне на голову обрушивался бы девятый вал. Но, проснувшись сегодня утром, я вдруг отчетливо представила, как мог бы выглядеть для меня Ад. Выставочные залы, все сплошь увешанные полотнами Айвазовского и Репина. И я обречена по ним вечно бродить, затерявшись в безмятежно щебечущей толпе счастливых посетителей музея

* * *

Как-то незаметно для себя я снова стала посещать музеи. И даже театры... Так можно и книги опять начать читать, если полностью перестать себя контролировать. Высокая духовность, в сущности, и представляет собой состояние максимальной неразборчивости и расслабленности. Не случайно ведь и в монастырь люди обычно уходят на старости лет, когда приближаются к маразму. Достаточно просто заглянуть в статистику и окинуть взглядом общую картину. Все сразу встает на свои места.

* * *

Шла сейчас по Невскому. Вокруг бродит столько жутиков, что как-то даже лень их описывать. Толстой говорил, что счастливые семьи похожи друг на друга, тогда как несчастные уникальны и мучаются каждая на свой манер. А вот с красотой и уродством все в точности наоборот. В этом плане люди в последнее время стали напоминать мне коряги в лесу. Поднимешь одну, вроде на ней много всяких причудливых изгибов, и форма необычная, а оглянешься по сторонам – там целые кучи точно таких же.

* * *

Трудно привыкнуть, что красивое и романтичное имя Нарцисс сегодня постоянно используют в применении к абсолютно непривлекательным личностям. Интересно, кто первый до такого додумался? Фрейд? На мой взгляд, так разного рода уроды просто усвоили, что Нарцисс был красавцем, и делают вид, будто тоже собой любуются. Чтобы убедить окружающих в своей неотразимости. А простачки в лице психоаналитиков на это ведутся.

* * *

Хорошо быть йогом. Посидел денек со скрещенными ногами, закатив глаза, и погружаешься в приятнейшее состояние. Или православные – всего-то несколько месяцев в году нужно не есть мясо, зато потом целую вечность будешь прохлаждаться в раю. Суфии, я видела, скачут на одной ноге... Человечество, если копнуть поглубже, изобрело множество совсем несложных и доступных каждому путей к счастью, но меня они почему-то абсолютно не привлекают.

В этом плане я, наверное, как парус у Лермонтова. Примерно такое же впечатление произвожу на высокодуховных личностей, когда они на меня глядят. Хожу по магазинам, смотрю сериалы, сплю до двенадцати и занимаюсь всякой ерундой, как будто в этом есть какой-то смысл.

* * *

В принципе, если бы тупые личности начали ценить прекрасное, то красота стала бы свидетельством ума ее обладателей и утратила свое очарование. А пока дебилы восторгаются уродством, все вполне гармонично. Наиболее сообразительные субъекты сами наряжаются в страшные тряпки и стараются создавать как можно более отталкивающие скульптуры, картины и музыку.

* * *

Если сравнить жизнь с карточной игрой, то Бог – это типа козырного туза. Так, видимо, изначально было задумано людьми и до сих пор принято считать по негласно существующим в этом мире правилам. Как ни крути, но он, и вправду, самый важный среди персонажей, с какими приходится сталкиваться человеку. А кто еще? Начальники, великие люди, знаменитости, влиятельные мыслители, миллионеры, всякие там феи, духи, русалки, водяные, если говорить о потустороннем пространстве, – все ниже его рангом. Это факт.

Вот почему, когда общаешься с религиозным индивидом и начинаешь ему объяснять значение какого-нибудь литературного произведения, к примеру, а он с тобой не согласен и вдруг ссылается на Бога, то получается, что тебе такой аргумент фактически нечем крыть. При этом твой оппонент может быть тупым, как пробка. Довольно нелепая ситуация, по-моему. Но с ней постоянно приходится сталкиваться людям. Причем главный козырь, как правило, оказывается на руках именно у даунов: без образования, без способностей, даже без бабок порой. Обидно, но деться тут некуда.

Присутствие Бога делает и без того непростое человеческое существование еще более тяжелым и абсурдным.

* * *

Меня всегда поражало, что большинство писателей, причем достаточно известных, практически ничем не отличаются от банальных обывателей. Но если подумать, то плотники, допустим, строгают доски, забивают гвозди и могут делать это довольно хорошо. Вполне способны починить стул. Никого же не удивляет, что они часто не блещут умом. Вот и писатели тоже выпускают хорошие книги, пишут «крепкую прозу», как любят говорить критики, за что получают премии и признание публики, а сами остаются дебилами. Вполне логично, в принципе.

Единственное, тут сбивает с толку, что речь идет о словах, то есть о чем-то нематериальном, а не о дереве или камнях. Плюс, в своих произведениях авторы вроде бы запечатлевают собственные мысли и чувства. Но надо понимать, что для них все это не более, чем материал, из которого они делают качественные романы, повести и рассказы. Точно так же, как столяры скола-

чивают шкафы из кусков фанеры, а строители возводят дома из кирпичей. Их цель, чтобы у потребителей в лице читателей не возникло потом к ним серьезных претензий, и те остались довольны. И тогда сразу все встает на свои места.

Писателю приходит в голову утром после пробуждения какая-нибудь гениальная мысль, предположим, или при виде картины в музее он переживает тончайшее чувство, и потом он садится за стол, достает их, если так можно выразиться, из памяти, где они у него отложились, и вплетает в ткань своего повествования. Как ткач поступает с нитками за станком, или же узбеки, которые вяжут вручную ковры. Вот и все. Только недавно до меня это дошло.

* * *

Все связанное с войной за последнее столетие, кстати, стало на редкость уродливым. Чего стоят одни противогазы. Или танки? Уж их-то могли бы сделать похожими на слонов, приклеить свисающие по бокам уши хотя бы... Но эстетика сегодня никого не волнует.

* * *

Моя жизнь чем-то еще похожа на дорогу среди лесов, гор и равнин, проложенную по земной поверхности в виде огромного эллипса так, что все повороты на ней практически неуловимы для человеческого глаза. Ну, за исключением разве что пары небольших отрезков, где кривизна становится заметна чуть больше. И вот я бреду по ней уже по сотому кругу, наверное. Вечно возвращаясь в исходную точку, так сказать, как завещал великий Ницше. И периодически у меня перед носом возникают разного рода дауны, пребывающие в искреннем убеждении, будто они движутся по прямой и идут впереди меня.

* * *

Зашла тут в магазин авторской одежды. На витрине висит красивое льняное пальто. Жутко дорогое, правда, но я все равно попросила его примерить. И девка, ростом мне где-то ниже плеча, наверное, не совсем карлица, но близко к тому, вдруг заявила: «Это пальто для высоких». И даже попыталась измерить меня взглядом с головы до ног. Для чего ей пришлось слегка приподняться на цыпочки, однако это телодвижение у нее вышло довольно неуклюжим: она пошатнулась и вцепилась двумя руками в стоявшую рядом вешалку с одеждой, которая вся затряслась и едва не повалилась на пол вместе с ней.

Боже мой! Каких только извращенцев не встретишь сегодня! В магазине, на улице, в телевизоре, в интернете, на даче, в поле, поезде, автобусе, самолете... Везде и всюду. Они подстерегают тебя на каждом шагу и не позволяют расслабиться даже на секунду. Кажется, ты уже ко всему привыкла и ничего нового не ждешь. Но тут тебя огорошивают чем-то таким, чего ты никогда и представить себе не могла. В самых своих изощренных фантазиях. На вид, кстати, эта маньячка из магазина вполне ухоженная и одета достаточно прилично. Но ведь и Чикатило тоже, говорят, производил на окружающих впечатление интеллигентного человека, работал учителем, носил очки и имел жену и двоих детей, мальчика и девочку...

Не знаю, может, ей просто лень было карабкаться на витрину. И она решила так меня отшить и ничего лучшего не придумала. Но, все равно как-то странно. Мне до сих пор немного не по себе, когда я о ней думаю. Магазин довольно тесный, все кругом завалено тряпьем, и мы там находились с ней вдвоем, больше никого поблизости не было. Не особенно приятно вспоминать, что, осматривая там вещи, ты какое-то время стояла спиной к сумасшедшей, которая находилась всего в метре от тебя...

В такие моменты крайне важно не подавать виду, что ты что-то заметила, не проявлять никаких признаков волнения, не дергаться и не совершать резких телодвижений, а стараться действовать предельно методично и размеренно. Психи в этом плане, я слышала, ведут себя в точности, как собаки без хозяев на улице. Стоит им почувствовать, что ты их опасаешься, как они запросто могут на тебя накинуться и укусить. Так что пальто я все-таки примерила. А после, воспользовавшись моментом, когда эта ебанашка полезла вешать его назад на витрину, я, не ускоряя шага, стараясь держаться предельно невозмутимо и уверенно, приблизилась к двери и вышла, наконец, на улицу. Хотя окончательно я успокоилась, только отойдя еще метров на пятьдесят и убедившись, что за мной никто не гонится.

* * *

Иногда так хочется дать кому-нибудь в лоб. Просто настроение такое с утра... А ведь даже это элементарное, в сущности, желание и то не так легко осуществить. Что же говорить о более глобальных замыслах! И дело даже не в том, что тебе тоже могут в ответ посадить фингал под глазом, можно всегда найти какого-нибудь хлюпика и на нем реализоваться. Но ведь и он способен заявить на тебя в полицию, а это еще хуже, чем синяк на лице.

В будущем, надеюсь, ученые создадут специальных киборгов, полностью похожих на людей, но с пометками на одежде или в особых колпаках, чтобы случайно не ошибиться. Встретишь такого и можешь смело стукнуть его по башке и спокойно идти себе дальше, не опасаясь последствий. Мелочь, казалось бы, а приятно. На душе сразу станет легче.

Если бы коммунисты догадались включить такой пункт в свою программу построения идеального общества , у них наверняка стало бы на порядок больше сторонников. Я бы и сама, возможно, иначе к ним относилась. А то «от каждого по способностям, и каждому по потребностям» – как-то уж слиш

плывчато звучит. Наводит на мысль, что речь опять идет о жратве и тряпках. Тезис о потребностях стоило бы конкретизировать, добавив туда хотя бы киборгов для битья.

* * *

Сегодня, кстати, день памяти Людвига Баварского. И на улице пасмурно, тучи сгущаются. Вся природа грустит...

В такие моменты понимаешь, что есть не только Бог, которому буквально все кругом подчинено: типа гром прогремел, и каждый начинает лихорадочно креститься, преисполнившись мистического ужаса. А бывают еще и мгновения, какие-то слабые проблески, по крайней мере, когда облака, дождь, печальные крики чаек за окном напоминают о чем-то волнующем и прекрасном. Как будто ты сидишь в душном зале на бесконечно затянувшемся однообразном представлении с плохими актерами, с которого тебе, как в страшном сне, никак не удается ускользнуть, но вдруг легкий ветерок случайно пошевелил тяжелую пыльную штору на окне, и оттуда повеяло свежим воздухом, а в просвете мелькнули ... нет, не солнечный свет даже, не синева небес, а холодный изящный полукруг месяца и звезды в темноте.

* * *

Трупы и скелеты не чувствуют разницы между жизнью и смертью. Для них это обычное состояние, так как они пребывают уже по ту сторону всех различий и ощущений. С точки зрения медицины и биологии это объективная реальность. Но иногда отдельные личности используют такой образ для обозначения особой душевной черствости и невосприимчивости к чужим страданиям того или иного субъекта, еще не покинувшего мир шевелящихся и дышащих существ. «Его душа омертвела», «его взгляд безжизненно пуст», «от него веет могильным холодом» – говорят они. На языке искусствоведов подобный перенос естественнонаучных представлений в сферу достаточно трудно уловимых отвлеченных понятий и представлений называется метафорой.

Формально это так. Но возьмем уродство. Разве это не эстетическая смерть? По всем внешним признакам такое сопоставление тоже подпадает под приведенное выше определение метафоры. Однако отвлеченной и бесплотной она является исключительно для обычных индивидов, которые в метафорическом смысле в данном случае сами фактически представляют собой мертвецов, тогда как для гения – это реальность. Он один знает, что роковую черту можно переступить только раз. И все потому, что ему гораздо ближе мир покойников, чем живых.

Люди посещают музеи, смотрят фильмы, покупают книги и искренне верят, что поэты, режиссеры и художники существуют исключительно, чтобы описывать наиболее сложные и драматичные моменты их бытия, для чего у них са-

мих просто не хватает слов, способностей, средств или мастерства. А на самом деле они имеют дело с призраками, блуждающими в мире метафор и символов, которые давно утратили всякий интерес к человеческим переживаниям, мыслям и чувствам.

* * *

Все-таки скука – одно из самых прекрасных и возвышенных человеческих чувств. Даже не знаю, с чем ее можно сопоставить. Может быть, с каким-нибудь изящным перстнем с редким драгоценным камнем производства позапрошлого века, каких уже сегодня не встретишь ни у кого на руке, а только где-нибудь за стеклом в Эрмитаже, на который специально приходят полюбоваться сотни посетителей, приехавшие не только из самых отдаленных уголков России, но и из-за рубежа. Но даже это сравнение не способно передать всей важности этого чувства.

Стоит только несколько раз повторить слово «скука», сказав, например, как наскучила тебе жизнь, окружающий мир, населяющие его люди, природа, дома, небо, машины – и все пространство вокруг, как по волшебству, наполняется красотой. Разве это не удивительно?!

Санкт-Петербург, 2015-2017

ПАВЕЛ ЧЕРНОМОРСКИЙ

ПИСЬМА СОНЕ ЛУРЬЕ

Мы с Павлом Черноморским не были близкими друзьями, – просто учились в одной школе, петербургской классической гимназии, у нас был общий круг общения и учителя. Я училась в седьмом или восьмом классе, когда он окончил школу и был одним из самых ярких и способных выпускников. Некоторое время он, студент истфака, читал нам историю французской революции и рассказывал так, словно она происходила у него на глазах. Мои одноклассники реагировали вяло, и было видно, наше безразличие к событиям Термидора бесило его чуть ли не до слез.

В то время он бывал у нас дома. Помню, как он сидит у нас на кухне, очень красивый и страшно довольный собой, в новых шмотках из секонд-хенда, – красной рубашке и ядовитого цвета галстуке, который он только немного прожег утюгом – и рассказывает мне что-то о клубах, в которых бывает.

Потом он уехал работать в Москву. Потом у него начались проблемы, он перестал быть всеобщим любимцем и пропал из виду.

В последний раз мы виделись, когда он работал редактором на петербургском «Пятом канале», готовил фильм про Коминтерн.

Спустя какое-то время наш общий знакомый написал, что Паша под следствием по обвинению в краже. Ему дали три с половиной года. Когда он попал в тюрьму, мы начали переписываться. Он отправился в зону чуть ли не добровольно, надеясь «переменить участь», но оказавшись там, сразу стал думать, как выбраться поскорее, делал все, что мог, чтобы освободиться досрочно. В результате все равно отсидел полный срок и вышел сильно постаревшим, потеряв зрение на одном глазу.

А через полтора года он снова попал под следствие, не ждал снисхождения, но неожиданно отделался условным сроком. Спустя несколько дней умер у себя дома в Пушкине. В его квартире мне запомнилась дурацкая деталь – нераспутанный комок старых галстуков, доставшихся ему в наследство от умершего родственника. Видимо, он собирался надевать их, чтобы поскорее «трудоустроиться», что было важно в его положении.

Его письма из колонии адресованы не столько мне лично, сколько нашему общему кругу, urbi et orbi. Он присылал артефакты с зоны и старался в жанре включенного наблюдения развлечь нас рассказами о тюремных порядках и односидельцах. В этом смысле письма стали единственной доступной ему фор-

мой самовыражения, больше он ничего написать не успел. Сложенные вместе, они составляют рассказ с грустным финалом. Поэтому мне показалось, что их следует опубликовать.

Сонька, привет! Я опять в новом лагере, Плесецк. Часть нашей зоны отправили в Салехард, мне повезло, остался в Архангельской области. Все от вас получил, большое спасибо и за деньги, и за еду. Начальник отряда пошел навстречу, выдал посылку и письмо за час до этапа, хоть не голодали особо по этапу в Архангельске и на пересылке. Так все нормально, сразу из карантина и новой зоны пишу вам, чтобы вы знали, где я нахожусь. Деньги тоже получил, но тут в Плесецке вообще не работает ни один оператор связи, так что я 3000 р. положил на свой личный счет, буду, когда появится бухгалтер, покупать тут еду в ларьке. Леша пишет, что просил тебя и Петю держать со мной связь. Если будете посылать еще посылки, шлите обязательно чай и сигареты, деньги Леше скажи слать не надо, дорогие журналы тоже не покупайте, незачем это, чтоб меня тут зэки принимали за представителя золотой молодежи, а мальчик Владик, которому я их давал читать, остался на Шангасе и 15 апреля освободится и поедет работать литейщиком на верфь в Северодвинск (я теперь в натуре как Пазолини, таких друзей социально близких у меня никогда не было еще). Но с посылками это на ваше усмотрение, если будет желание и возможность – чай, сигареты, еда тут нужны. Письма же пишите обязательно мне.

Тут режим жестче, чем там, где мы были. Это Скорлахта, бывший строгий режим, – камеры, датчики движения, колючка, локалки, карантин находится в помещении бывшего БУРа. Дисциплина железная, за любые нарушения – ШИЗО и крест на перспективе УДО (досрочное освобождение). С УДО дела здесь впрочем лучше, чем там, где я был, так что думать насчет ходатайства по-прежнему стоит. Я ближе к лету напишу подробнее. Я буду в этом плане сам думать и советоваться с ментами, когда выйду в зону. Надеюсь, найду работу, хотя с этим тут туго.

Такие дела.

Есть к тебе большая просьба. Мне Митя Волчек прислал в ИК 24 открытку через своего друга, который живет в Твери. Открытка шла очень долго и дошла до меня уже в ИК 17, на Шангасе. Пожалуйста, напиши ему в ЖЖ (Волчеку) или по e-mail, что Павел открытку с Кокто получил. Написал Мите письмо, в марте послал Боченкову в Тверь. Дошло ли оно? Павел будет рад получить письмо от Мити, но по новому адресу, который он сообщает. Напиши ему, пожалуйста, Соня, я не уверен, что та моя почта до него дошла, да? А напрямую с ним не связаться, он в Праге.

Мой же новый адрес такой:

164279, Архангельская область, Плесецкий район, поселок Унд-Озеро, ИК-22, Черноморскому П.Б.

Ваш ПЧ Плесецк, ИК 22, 11.04.11

* * *

Соня, привет!

На неделе получил твое июльское письмо и сразу решил написать ответ. Спасибо вообще, родная, что пишете. Не представляешь, насколько это тут важно, совершенно невозможно жить вне информационного поля, если есть к нему привычка. Так у меня все ок. Кажется, в этой колонии мы зависли надолго, 90%, что отсюда и освобожусь, дай бог не в 2013 году. Все в норме, в июле работал на картошке, сейчас тут жара, горит вокруг лагерей тайга, и меня поставили пожарным сторожем на участке за зоной в ночь. Днем сплю на бараке, в ночь сторожу, в 0.00 хожу на отметку в зону. Читаю, тут озеро рядом с избушкой моей, рыба, вода. Спартанский санаторий такой. Это плюс, что мне дали такую работу, – выход за забор. Значит, есть доверие и это хорошо для УДО. Еще меня начальник поставил председателем Совета Коллектива Колонии, – это «актив», «красные» или как тут говорят «козлы», опять же большой плюс для УДО. Пишу заметки в газету ФСИН, веду протоколы собраний СКК, это номинальный пост, но важно. Администрация абсолютно адекватная, – начальник – даргинец, кажется, или лезгин, мой непосредственный начальник – кабардинец, отрядник – азербайджанец обрусевший. Единственно, это бывший строгий режим, оттуда и сотрудники, с режимом жестко. Поймали с сигаретой в бараке – ШИЗО 15 суток, а это крест на УДО, водка – злостное нарушение режима и едешь на общий режим в Обухово. Вот мегрелы мои довыкаблучивались, сейчас все в том направлении уехали, один (который при задержании сказал, что его зовут Шота Руставели и в Бутырской тюрьме как Руставели месяц сидел) сидит сейчас в ПКТ. Шени цховреба, шени гза *(твоя жизнь, твой путь)*. Я никому же не мешаю, ничего не нарушаю. Читаю, пишу, сторожу. Домой хочу страшно, даже ТВ не смотрю, Питер видеть невыносимо. Приятельствую тут с евреем-мошенником, азером-угонщиком и джавахетинским армянином из Ахалкалаки, курд еще один старый есть и интеллигентный карманник 48 лет, который учился и кололся эфедрином 25 лет назад с Никитой Михайловским и Машей Авербах, и ЛЯ помнит по Сайгону вместе с человеком по имени Чарный, который был фарцовщиком и потом, как этот говорит, умер от передозировки морфина. Этот старый сейчас в ШИЗО попал. Так же с общением тут напряг, 80% первоходы либо колхозники, либо молодые наркоманы из Питера, Москвы, Нижнего, первоходы. Тут на мой взгляд совершенно нормально, если не лезть в блудни, многие ноют, но по мне лучше уж в тайге, чем в Питере на Металлке или в Обухово <где дуплят как чертей и все маршируют под музыку – *зачеркнуто*>. Меня никто не трогает по крайней мере.

Так же, особенно по утрам, мысли в голову лезут невеселые. Только спустя два года под стражей до меня стала доходить общая картина создавшегося положения. Если без романтического флера. Впрочем, черт с ним со всем. Насчет перспектив после освобождения, ни на чью помощь в 32 года я естественно

не рассчитываю. Мне Ф. в 1998 году в красках описал мою перспективу при продолжении такой жизни. Так и вышло, вплоть до деталей. Я единственно понять не могу, почему другие могли нормально жить, а я нет. Видимо, конечно, 80% бифуркации – это наркотики. Но не только. Вот Б. же нормально сейчас живет, да? Видимо, в моем случае еще психические какие-то отклонения. Мне тут прислали письмо из синагоги грузинских евреев в Парке Победы, их после посадки Мирилашвили выжали всех с Лермонтовского проспекта чуть ли не с ОМОНОм, они свой центр в Московском районе открыли, сейчас там в основном зубные врачи из фирмы «Меди», пассионарии все уехали в Израиль. Описали подробно, как можно после погашения судимости уехать на ПНЖ. Впрочем, will see.

(..) Про мать все понятно, – это страшно конечно, родить в 37 лет без мужа ребенка, вложить в него на 200% и вырастить, как тут урки говорят, «чертопляса и хуеплета». Мать сейчас в лагерь под Приозерском поехала от института Бехтерева, она там дружит с их главным врачом Зобневым уже лет 10. Мать плачет, конечно, так-то, но пишет, что во всем надо плюсы видеть. Вот папаша мой отсидел в дикие времена 10 лет в Челябинске и Свердловске, и при прочей своей веселой жизни, – водка, бабы и пр. дожил до 87 лет. (..)

Что еще? Я дал жж-координаты его и Коли своему приятелю из Северодвинска, Владик зовут. Он может появиться в ЖЖ от моего имени, я его из вида не теряю. Если что экстренное он напишет Леше в ЖЖ, от умеет пользоваться интернетом, я ему иногда с вахты звоню.

По делу теперь. Спасибо, что идею с ходатайством вы поддержали. Мать сказала и ты пишешь, что СВ обещал составить бумагу. Искренне признателен за понимание и буду очень обязан, если он это сделает. Это будет плюс для Суда. Писать надо ему именно в той стилистике, что я говорил, коротко по делу и без риторических излишеств. Не бомж, не рецидивист, работал нормально, может нормально социализироваться и сейчас после лагеря. На то, что был наркоман упирать не надо, тем более что я с 2001 по 2008 не кололся. Излишеств не надо, набросок текста. (..)

Насчет Москвы – тут если только действовать через Митю Ольшанского или Волчека. С Митей – дело такое. Я ему сразу осенью написал письмо с ИК 24, ответа не получил, не знаю, дошло ли оно даже. Звонить поэтому не хочу, телефона его у меня нету. Митя милый человек, но так-то трепло, интеллигентик из хорошей семьи и пр., хотя интонационно я никого так не понимаю близко как его, так он мой кровный брат, в чем-то двойник с поправкой на Москву. Если ты или Коля спросите его в ЖЖ или по почте email дошло ли мне письмо, я буду обязан, да.

С Митей ситуация другая, он сам написал на ИК-17 и спросил от своего имени и от имени ряда людей (Волчек I mean), чем он может помочь. Я его другу в Тверь написал письмо, ответ пока не получал. Волчек человек ответственный, в его письме упоминался также и Тимофеевский. Тимофеевский при всех своих минусах имеет один плюс, он помогает в натуре многим людям если может,

я его два года близко наблюдал, знаю. В 2000 году он многое мог, думаю, сейчас ситуация изменилась в худшую сторону, но не катастрофически. Тем более, ничего сверхъестественного не надо, нужно ходатайство, которое просто поможет мне по закону уйти по УДО в краю, где уйти по УДО сложно. От кого, - не знаю. От кого угодно, работал бы я в Питере на заводе, просил бы на заводе. Если Вы сможете, постарайся-таки найти Волчека (...).

Я тут точно решил уже, что буду подавать документы в лагере на УДО в самом начале октября 2011 года, когда будет полгода моего пребывания в этой колонии с тем, чтобы к декабрю выйти на Суд, и до нового года дай бог скажем быть дома. (..) То есть если в сентябре появится бумага от Б. или скажем от А.Л. то вы ее сюда пошлите, – обе бумаги или одну. Как слать? Номер факса один у Вас есть, но лучше просто взять вначале ходатайства на бумаге и послать их в сентябре сюда заказным письмом, так, как ты посылала мне в марте деньги от Леши. Просто заказное письмо. Оно дойдет 100% и мне его тут выдадут официально в штабе и подошьют к личному делу. Потом, когда дело в октябре пойдет в суд, можно будет продублировать его туда и сюда по факсу или email. Сюда в зону слать факсом не надо, почта точно дойдет, я уверен, и так лишний геморрой. Где-то к сентябрю или в начале сентября числа до 20-го сентября можно это послать было бы мне. Должен признаться, что мне крайне неудобно педалировать в письмах к тебе эту тему с ходатайствами, учитывая все обстоятельства и то, что мы никогда не были близкими друзьями. (..)

Письмо с ходатайствами шлите то есть в сентябре на адрес зоны заказным письмом. Насчет посылки, – буду признателен, – как и писал, – главное сигареты, чай, конфеты, тушенка. Обязательно прессу пришлите, не глянец, – любое внятное чтиво, можно газету, которую делает АЖУР, «Тайный советник», Times, Новую, Коммерсант не надо, – дрянь, читать не возможно уже. Сигареты Петр 1. Денег не надо. Если есть какая-то книжка хорошая, – пошлите, пожалуйста, хотя тут терпимая библиотека, есть Алданов, Апдайк, классика вся. Такие дела – новости. Если посылку будете слать, можно в письмо прямо в коробку положить, дойдет. Если Леша пару строчек через тебя напишет, буду рад. Слону большой привет.

Вот такие дела. Спасибо, что не забываете. ЛЯ огромный привет и здоровья. Всем, кто помнит, привет. Мать моя, если что, в курсе всех моих дел.

Обнимаю. Ваш Павел.

24.07.2011 Письмо твое шло меньше недели, так что почта работает нормально. Напиши обязательно, дошло ли это письмо.

Мой адрес: 164279, Архангельская область, Плесецкий район, поселок Ундозеро, ИК 22, Черноморскому Павлу Борисовичу

Внизу приписка по-грузински «Папуна жид»

Образец ходатайства:

Ассоциация выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (для смеха, просто par example) ходатайствует перед Плисецким ФРС Архангельской области об условно-досрочном освобождении осуждении Черноморского Павла Борисовича. Осужденный Черноморский П.Б. (ст.158.2, ст. 158.1 УК РФ, срок три года и шесть месяцев лишения свободы, начало срока 05.12. 2009, конец срока 28.03.2013) в настоящий момент отбывает назначенное ему наказание в Исправительной Колонии № 22 УФСИН РФ по Архангельской области. К настоящему моменту Черноморский П.Б. отбыл более половины от назначенного ему Судом наказания. Согласно ст. 79 УК РФ он имеет право рассчитывать на условно досрочное освобождение.

Черноморский П.Б. окончил Санкт-Петербургскую Классическую Гимназию и исторический факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. С первого курса университета работал в петербургской и московской прессе, имел ряд публикаций в зарубежных изданиях. В 2000-2004 гг работал в информационном департаменте Фонда Эффективной политики (г. Москва), с 2004-2008 был штатным корреспондентом Телерадиокомпании «Петербург-Пятый Канал». Неоднократно награждался за профессиональные успехи. Является признанным специалистом в области политической и культурной журналистики. Без сомнения, в случае условно-досрочного освобождения Черноморский П.Б. будет полезен обществу и обеспечен достойной работой. Проживать будет по месту официальной регистрации в городе Санкт-Петербурге. Жилплощадью обеспечен.

До декабря 2008 года Черноморский П.Б. не только не был судим, но даже не имел административных взысканий. Совершил преступления средней тяжести, вину на суде признал полностью, в содеянном раскаялся. Ранее наказания не отбывал, правом на Условно-досрочное освобождение не пользовался. Имеет тяжелое заболевание (гепатит С, энцефалопатия), является единственным кормильцем престарелой матери-инвалида. В исправительной колонии был трудоустроен, серьезных нарушений режима не допускал, имеет поощрения от администрации исправительных учреждений.

* * *

Соня, привет!

Только на днях говорил с тобой и матерью по телефону, – главное насчет ходатайства вроде сказал, – но завтра тут освобождается надежный человек с наших краев, он кинет письмо «по зеленой», чтобы не через цензуру и оперов. Так все на самом на самом деле нормально и думаю с УДО сможет выгореть. Сами ходатайства стоит писать именно в той лаконичной форме, что я написал в черновике, без элоквенции, – по сути и все. Про наркоманию писать не надо, конечно. Именно в том духе, что я написал, чтобы они поняли, что я не «черт закатай вату», а имею еще какие-то шансы принести пользу urbi et orbi. Менты тут в принципе абсолютно адекватные люди, хозяин нормальный мужик, кроме того я положительно характеризуюсь, работаю сторожем, являюсь председателем актива и прочее. Еще тут начальник оперчасти и зам по воспитательной работе (парни – 24 и 23 года) учатся заочно в каком-то Курском экономическом институте и я ночью в сторожке своей за них пишу экзаменационные тесты по инновационному менеджменту и маркетологии (пригодился опыт ИД «Карьера-Капитал»), – главное теперь чтобы эти тесты правильно все решить ☺ Меня тут совершенно не крепят, лояльно относятся, хотя так режим жесткий – это Скарлахта, бывшая зона строгого режима, менты все оттуда. Постарайтесь пожалуйста послать ходатайства в первой декаде сентября, чтобы они дошли числа до 20-25, и я сразу и их и материны бумаги подам на комиссию, чтоб не тянуть время. Как слать я говорил – заказным письмом официально на адрес зоны и копию факсом в Плесецкий районный суд. Короче, буду ждать, как пошлете, сообщи моей маме, что письмо вышло, я буду его ждать уже. Вообще спасибо тебе и Леше, что с ней поддерживаете связь. Тут в общем нормально так, главный и абсолютный минус, который делает перспективу звонка в 2013 пугающей, – дыра таежная, ни связи, ни врача, ничего. Жопа тут в этом плане. Так все в норме, Леше послал вчера письмо, не знаю общаетесь ли вы с ним. Коле привет, если он щас в Питере.

Да, курьезное насчет УДО...Не помню, писал ли я тебе или Леше про своего приятеля с ИК 24 и ИК 17 Амбако Кварацхелия, – барсеточника из Москвы, у которого мама кандидат наук-врач, оба брата сидят в Мурманске и в Минусинске, а сестра в Баку балерина. Мегрел 26 лет, – при задержании назвался Шота Руставели, а в вологодской пересылке устроил драку по поводу войны 2008 года, – «Цхинвал – грузинский город». Это вообще из романа господин, я тебе клянусь. Ему за грабеж (ст.161.2) дали поселок, а освободится он, думаю, с особого режима, с ЕПКТВ в Онеге. Он еще в ИК 24 начал злостно нарушать режим, в конце концов перережимили, отправили с поселения на общий режим в Вельск в ИК 14. Он там в карантине уже начал скандалить с администрацией и отказывался выходить на обязательные работы в рамках статьи 106 УИК РФ, так как такие работы неприемлемы и не согласуются с воровским законом. Опять сел в ШИЗО прямо с карантина весной, взял там безвылазно 120 суток, и летом вышел ненадолго опять в карантин, где встретил Платона Лебедева. Платона из Москвы летом этапировали отбывать наказание в ИК 14, раньше где-то на северах он тоже сидел, когда их с Ходором осудили. Потом там долгая история, Амбако опять закрыли под крышу, а Платона увезли в Вельск в суд, – у Платона 159.4, УДО с половины срока как раз подошло. Сейчас грузина все-таки подняли в лагерь, он сидит в БУРе, где сидят отрицательные элементы, но там есть неофициально сотовая связь и я ему звоню с таксофона (тут трубы не ловят), когда вечером выхожу сторожить в свой домик. А Платон сидит в обычном бараке, ничего не нарушает, рассказывает, как в 22 года спекулировал турпутевками в Москве и раздает бомжам в бараке дорогие сигареты. Платон написал заявление, чтобы идти работать, положительный господин. Но по УДО не уйдет, хотя у него 4 детей и гепатит Ц в стадии цирроза (непонятно откуда – наркотики???). Поехал Платон в районный суд в Вельск, –

вернулся, штанов от робы на прикроватной тумбочке нет, – спиздили. Потерял штаны, – взыскание. Дал кому-то из зэков кусок курицы из передачи, – взыскание. Заметили щетину 3 миллиметра, – нарушение режима, – взыскание. Так ему короче выводят эти взыскания все, чтобы кончилось изолятором и не было УДО. Не знаю, пишут ли у вас газеты обо всей этой канители с ним. Если нет – может, ЛЯ или кому в ЖЖ будет интересно. У нас тут из прессы только газета УФСИН «Покаяние» и телевизор в бараке сломался сейчас. Со слов Кварацхелия, Ходорковского самого тоже после добавки вывезли не в Читу, где он сидел, а в Сегежу на общий режим в ИК7, в Карелию. Вообще и Вельск и Сегежа – это режимные лагеря, «красные», в Сегеже (у нас тут есть перережимленные оттуда) довольно жестко было раньше, в Вельске спокойно, но я эту историю пишу, чтобы было понятно, как в нашей стране работает это поганое УДО. Но я слава Богу отнюдь не Платон Лебедев, так что hope у меня шансов будет больше ☺. Такие вот дела.

В общем, как договорились, буду ждать письмо. Спасибо большое, что вообще не забываете, искренне. Леше привет и благодарность за книги и хлеб насущный. СВ и Тимофеевского я при удобном случае буду рад сам искренне поблагодарить. Тимофеевский вообще при всех прочих всегда был мне очевиден как человек (я даже не знаю, как сформулировать), понимающий некоторые вещи абсолютного характера, лежащие вне идеологии и прочей хуйни. Жизнь вообще проще устроена мне кажется, чем мы раньше думали, – вот Шура это понимал всегда, и отсюда некоторые элементы, которые мне, Леше, может даже и ЛЯ отчасти прочим рефлексирующим «левым» казались в его модусе сомнительными. Это все чушь – может быть? Ладно, сложно по этому поводу думать письменно в комнатной форме.

Такие дела. Всем привет. Пять утра, пора мне идти отмечаться в пожарную часть.

Ваш ПЧ

27.08.2011 Ундозеро Скарлахта.

P.S. Посылаю сувенир, – это

1) Статья из газеты «Покаяние» про местную малолетку, где сидел Владик Бурыкин, про которого я рассказывал Коле

2) тот самый Кварацхелия Амбако Надариевич, 1985 г.р., – когда его с Шангаса увозили, он карточку эту вместе с прочим оставил. Это в Москве, когда его в Бутырский замок закрывали, карточка с учетного листа вещевого довольствия зк. Он несколько недель в СИЗО и сидел не как Кварацхелия, а как Руставели.

* * *

Соня, привет! Пишу коротко, так как тут опять проблемы со связью, – не позвонить. Еще в сентябре получил все ходатайства, спасибо большое. Две недели назад была у меня комиссия в зоне по поводу УДО (еще до самого Суда, – рассматривает начальник колонии и его замы), начальник мне советовал подождать подавать заявления пока до нового года, так как у меня в деле появились какие-то взыскания еще с Питера с СИЗО, о которых я не знал даже, и мало поощрений, а мой начальник по части воспитательной работы и актива ИК сейчас в отпуске. Я решил пока не спешить и до нового года отложить подачу документов, благо все эти бумажки не устареют точно. В январе точно подам все. Важный момент, – если есть ходатайство от СВ в электронном виде, там надо исправить две ошибки в файле, – Плесецкий суд, а не Плисецкий, а начальника имя Тагирмирзе, а не Тагимирзе. Если есть возможность это исправить, – сделайте пожалуйста. Это не катастрофически, но желательно. На имя начальника слать больше не надо, у меня все тут уже, а в Суд факс пускай лежит, его надо будет направить, когда все мои документы уйдут с проходной характеристикой от ИК. Это я сообщу, когда надо. Так все нормально, кроме того, что полгода не могу решить вопрос с глазом – 30 лагерей в области, на всех один окулист, и тот в отпуске. Написал жалобу в надзорные органы. Работаю сейчас библиотекарем, библиотека 8500 книг, делаю каталог тематический. Грузин нет, еврей один тут есть из Питера, но он с элементами сумасшествия. Приятельствую с армянином из Джавахетии, лезгином из Москвы, боксером Витей со строгого режима и интеллигентным рецидивистом из Сайгона, карманником. Больше особо не с кем общаться. Леша вроде в Москве? Если есть с ним связь, – сообщи ему коротко мои новости, пускай напишет. Вообще, скажи ему пожалуйста, что я был бы очень рад если бы он приехал бы сюда на свидание (Коля и Саша собирались год назад, но это как обычно). Это абсолютно возможно, из Москвы и из Питера ходит поезд на Архангельск, остановка Плесецк, оттуда до зоны тоже есть транспорт. Ничего везти не надо, ни еды ничего. И Леше и особенно А. будет тут много интересно в тайге с социологической точке зрения. Это абсолютно реально, займет у низ 3-4 дня с дорогой. Пускай напишет, в общем, и сообщит номер, я бы позвонил и все сообщил бы, как и что. Правда, Леше было бы интересно ☺ Я же признаться за два года тоже ошалел уже среди спецконтингента. Я надеялся вас увидеть до Нового года, но теперь увы, как я и боялся, перспектива УДО все отодвигается, в Питер же досиживать не выбраться. Такие дела. Мать я особо в курс не посвящаю, чтобы не нервировать. Впрочем, не унываю.

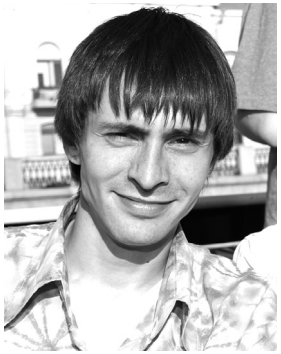
Так все нормально. Леше пожалуйста сообщи, что я зиму точно буду здесь, ничего особо не надо чай, сигареты пошлет – буду обязан, приедет сам, – буду рад. Пускай сообщит свой адрес, куда ему сейчас писать вообще, куда звонить. Коле привет, ЛЯ и РЕ.

Пишите. Ваш Павел. Адрес мой прежний.

17.10.2011

Внизу печать «Библиотека ИК-24 ОУХД2»

* * *



Соня, Коля, привет!

Решил коротко написать из больницы в Архангельске, куда все-таки вывезли спустя семь месяцев после того, как левый глаз перестал видеть. Вчера пытался позвонить Леше, не получилось поговорить. Пишу коротко, так как сейчас света тут временно нет.

1) Все бумаги по УДО получил, спасибо большое. Леша в Москве встретился еще с Шурой, Шура тоже дал бумагу, но я ее в колонии получить не успел, 7 ноября вывезли на пересылку на Иксе, а потом столыпиным в Архангельскую. Приеду, получу. Шуре огромное спасибо, он даже сказал, что если надо будет – приедет на Суд. Но с УДО сразу же после получения бумаг и их подачи возникли проблемы. Получил прямо как Платон Лебедев, выговор с занесением в дело, за то, что днем лежал в библиотеке на кушетке. Это не катастрофа, но стопор. Надо гасить его поощрением, три месяца. Жду до декабря, так как выговор был 22 сентября. Дали еще отрицательную характеристику, – непонятно, как это согласуется с тем, что я активист и председатель Совета Коллектива Колонии. Видимо, я зря начал активную жизнь по красной части, много чего делаю для колонии и нужен тут как человек с образованием, – зря стал заочно «учиться» в Курском экономическом институте (я вам писал). Так вот. Но катастрофы никакой нет, думаю, все-таки смогу уйти до 2013 года. Как прежде и говорили, факс от СВ надо будет послать в Плесецкий Суд, когда мои документы с той или иной характеристикой уйдут в Суд из лагеря. Это я сообщу.

2) С глазом, если откровенно, плохо. Оттуда не везли долго, потому что не было мест в больнице – мест и врача, а в лагере нет ни врача-окулиста, ни оборудования. Написал в октябре жалобу, вывезли сразу. Тут окулист сказал, – разрыв 90% сетчатки на левом глазу, операция невозможна, смысла нет, поздно и вообще. Короче, левый глаз теперь не видит. Инвалидность не дадут, так как на другом глазу зрение идеальное. Травм, правда, не было, – это все случилось в марте 2011 года в ИК 17 еще, – видимо, на нервной почве плюс генетика от мамы, у нее такая же ерунда с глазами, но с детства. У меня до тюрьмы все было нормально. Теперь вот так. Я матери пока все как есть не говорил, – чтобы не психовала, а то еще помчится в 70 лет сюда, в тайгу – легко ☺

Так все терпимо, - пишу, читаю, за полгода уже привык с одним глазом, глаз левый видит только свет и ноет, когда меняется погода. Внешне ничего не заметно, ни бельма, ни пятен нет. Тут в областной тюремной больнице окулист обещал вывезти меня под конвоем для консультации в вольный глазной центр. Посмотрим, я все бумажки от врачей буду требовать на руки и с ними поеду

в колонию, потому что вообще вся эта история – подсудное дело и повод для искового заявления на УФСИН. Я судиться ни с кем не хочу, я хочу уйти по УДО и лечиться в Питере или хоть в Израиле на ПМЖ. Приеду в зону, пойду откровенно говорить с начальником. Посмотрим, что скажет.

К тебе, Соня есть в этом плане одна просьба. Я прошу послать сразу как получишь письмо email на адрес колонии. В письме, в теме написать «начальнику ИК 22 майору Джафарову». Будет замечательно, если просто с воли поинтересуются, – 1) почему Черноморский П.Б. в ИК 22 характеризуется отрицательно? – конкретно что именно он нарушает в ИК, почему ему дали отрицательную характеристику для предоставления на УДО 2) Также написать, что Черноморский был вывезен в областную больницу УФСИН и там ему окулист Семенов сказал, что у Черноморского 50% потеря зрения в результате разрыва сетчатки. Почему Черноморского не могли вывезти в больницу с марта 2011 года и не везли в районную больницу в Плесецк, как того требует закон и УИК РФ для режима колонии-поселения. Можно коротко упомянуть, что Черноморский работал с 1997 по 2008 год, и что зрение необходимо ему как работнику сферы СМИ. Без истерики, коротко, максимально корректно и интеллигентно сформулировать два эти вопроса и все. Они обязаны ответить, может ЛЯ поможет как-то это сформулировать «в словах». Представиться можно, – что спрашивают друзья и коллеги Черноморского. Письмо по email можно отправить с любого адреса, хоть с mail.ru, но лучше всего отправить с адреса какого-то СМИ и подписать письмо каким-то СМИ. (..) Можно ли это? Напиши, пожалуйста, такое письмо и отправьте его сразу как получите это письмо из больницы. Никакой ругани, два вопроса и все. Они обязаны ответить, а мне в колонии такое письмо не повредит, когда я пойду говорить с хозяином по поводу УДО. Сделайте это, очень прошу.

Адрес колонии такой – ik22@ufsin29.ru, майору Джафарову Т.Г. У мамы (не надо ей говорить, что с глазом на самом деле) есть телефон дежурной части колонии, а еще есть контакты колонии на сайте УФСИН. Постарайтесь, пожалуйста, сделать этот запрос по почте или по телефону на имя начальника колонии. Если честно, тут никакого ГУЛАГа и Освенцима нет, правда. Не бьют, не издеваются, не вымогают деньги, кормят терпимо, ко мне менты вообще лояльны и с симпатией относятся at large. Но это Россия и тайга. Всем на все наплевать. Умер, закопали у забора, забыли – все. Имамат Шамиля у полярного круга. Такие дела.

Больше ничего не надо. Всего хватает пока. Думаю, числа 27 ноября меня вернут на зону, потому что лечиться, в общем, уже поздно. Писать если мне будете, – пишите уже на адрес ИК, а не на больницу в Архангельске, ок? Я хотел вам в ноябре позвонить, но когда уезжал с зоны на Иксу, там был отключен таксофон опять. Как появится возможность, сразу позвоню. Может, Леша выберется сюда на свидание, не знаю. Так все нормально, родные, не волнуйтесь.

Постарайтесь email послать! – это важно. Страшно по всем скучаю, школа что-то снится каждый день. Просыпаюсь в палате, рядом два сифилитика

со строгого режима, три вичевых (ВИЧ) с особого режима (хорошие, кстати, мужики, – сидят всю жизнь) и по радио – Владимирский централ. Смешно даже – как в романе. Впрочем, все что не случается, – все к лучшему. Обязательно пошлите email или позвоните в зону.

Пишите.

Спасибо за все. Обнимаю. Всем привет. Ваш Павел ☺

15.11.2011
Архангельск, ОБ УФСИН

* * *

Соня, привет! Сегодня ко мне в больницу приходила дама из управления ФСИН по области, я с ней беседовал, – она из пресс-центра ФСИН, сказала, что мои коллеги с воли интересуются моей ситуацией. Спасибо большое, что отреагировали. Я так понял, что вы написали по email, как я просил. Они из управления уже звонили в лагерь, узнавали, где я, – так что там тоже в курсе, и это движение с воли мне только в плюс. Эта дама также спрашивала, почему мне дали в ИК отрицательную характеристику, – я объяснил, – она сказала, что все это поправимо. Короче, приеду, – уверен, начальник меня сразу вызовет, и я после нового года сразу подам на УДО, как подам, сообщу, чтобы вы продублировали факс от СВ в суд. Все новости сообщу через мать.

С глазом ситуация такая – левый глаз не видит, но сетчатка целая, сделали рентген. Было весной кровоизлияние в глаз на почве кариеса и слабых сосудов головного мозга (энцефалопатия?). Везли в больницу семь месяцев, поэтому кровь засохла и остались шварты на глазном дне. Тут это ничего не решить, надо на воле думать. Сейчас вырвали все верхние зубы (тут не протезируют, к сожалению), кровотечения в глазное дно уже нет. Стоматолог тут хороший и, в общем, нормально все. Проверили на другие болезни – ничего нет, кроме хронического гепатита С, который у меня с 1997 года в память о клубе Тоннель и Мише Бьютифуле, которого уже нет на свете и которого обессмертил Ярослав Могутин в форме малой прозы (см. «Смерть Миши Бьютифула», – «Митин журнал»).

Думаю, Новый год я уже буду встречать в колонии, уеду отсюда числа 19 или 24.

Так все нормально. Перевели с отделения инфекции на хирургию. Матери я регулярно звоню отсюда. Тут еще сидит один кутаисский со строгого режима, и еврей один из Питера за кокаин, – с ними общаюсь. Приезжал мой друг Кварацхелия с ЕПКТ, но я его не застал. Так что вот про Платона много интересного. Еще раз спасибо, что не забываете. Буду держать вас в курсе. Большой привет ЛЯ и всем, кто помнит.

Ваш Павел. 15.12. 2011, Архангельск

* * *

Соня, привет! На днях разговаривал по телефону с матерью, она сказала, что поддерживает с тобой связь. Решил коротко написать, хотя в целом все по-прежнему. Так все нормально. В июне должны вывезти на пару недель в Архангельск в больницу, – на курс уколов в связи с глазом. Уже пришла разнарядка на этап, поеду отдохну. Так с глазом все по-прежнему, надо будет на воле серьезно заниматься, дай бог восстановится зрение, хотя я уже привык с одним глазом за год, внешне это никак не заметно и сетчатка цела.

С УДО все движется в нужном направлении, взысканий новых нет, поощрения выписываются, – сделал газету к 12 апреля, посадил у клуба цветы, провел викторину ко дню Победы. Тут ускорять бесполезно – все делается как делается, система... Думаю, удастся-таки что-то оставить по УДО, уйду не звонком – где-то к осени. Сидел бы в Питере, был бы уже давно дома, впрочем, у нас там есть свои прелести. А так мы в прекрасное объединение лагерное попали – не бьют, не издеваются, тайга конечно, но зато на свежем воздухе и без ненужных соблазнов. Администрация адекватная, ко мне все лояльны, работаю в библиотеке сейчас, в помещении клуба – по сути это как квартира, летом вообще замечательно, зимой холодновато. Зарплата – 500 р. в месяц, но в целом хватает. Мама регулярно шлет посылки и деньги со сдачи квартиры, в общем, не голодаем. Коллектив вокруг меня тоже нормальный, живем и едим вчетвером, – я, Толик из Питера, завхоз отряда, 36 лет, третья ходка за грабеж, здоровый, добряк такой толстый, мы с ним еще на Лебедева вместе в камере сидели. Спортсмен еще был один перережимленный со строгого (вымогательство) – он у нас был завхоз клуба, неделю назад освободился. Сейчас вместо него завхоз будет Мага Кусуев, уроженец села Семашки Ачхой-Мартановского района, этапировали из Грозного, был учителем физкультуры в селе, поссорился с соседом ментом-кадыровцем, схватили, в Грозном в ментовке пытали током, вменили 208 ст. (участие в бандитизме), посадили. Сейчас начальник колонии у нас аварец, нормальный абсолютно, прежний был лезгин (Джафаров), его на строгий перевели работать на соседнюю зону. Еще четвертый у нас мальчик Антоша из Москвы, 21 год – продал в клубе таблетку экстази операм, четвертый год уже сидит. Так и живем, дружно, спокойно, – больше в зоне общаться особо не с кем, – а с чехом-физруком и Толиком-завхозом к нам сюда в клуб ни одна гнида жало не запиливает. В этом плане вообще замечательно. Так сейчас вообще контингент унылый – поеду на больничку, там много интересных людей. Друг мой Кварацхелия (я про него писал) все никак не успокоится, из Вельска с зоны, где сидит Лебедев, его вывезли как злостного нарушителя на ЕПКТ («крытая») в Онегу, там в основном одни грузины и сидят, короче, он попал в свою среду. Когда уезжал, раздарил все свои вещи, последнее, что до меня о нем доходило – начал писать там в Онеге в камере песни и стихи. В общем, это будущий Джаба Иоселиани, видимо, – ярчайшее впечатление за 30 лет моей жизни. Дай Б-г ему здоровья.

Времени свободного у меня сейчас более чем достаточно, – приходится придумывать, чем бы заняться. Читать систематически, увы, не удается, – хотя тут хорошая библиотека, еще передали в дар из Архангельска 90 книг по истории области – тут все, от поморско-русского словаря до сборника Бродского о селе Норенское. Рядом на озере село староверов, и много чего интересного, видимо, осталось по деревням – тут сильная была в Каргополе иконописная школа 16 века, жаль, нет контакта с местными жителями, это было бы интересно с исторической точки зрения и вообще. К слову, если интересно узнать, где я сижу, – есть роман Виктора Доценко «Побег для Бешеного». Как я узнал, Доценко этот в самой зоне на Скарлахте (ИК 22) сидел, тут до 2007 года был строгий режим, чернющая зона с ворами и блатными, и там в романе отчасти прежний быт описан, хотя сейчас все иначе, контингент другой, все по уставу. Но так и спокойнее. А так, – в книге Доценко правильно все описано. Почитайте, если интересно.

Новости до нас доходят в основном искаженные телевидением. Мать еще шлет мне газеты – «Новую» и «Новое время» плюс газеты из еврейской общины – но там все как по ТВ с разницей наоборот. Что там в Москве происходит? Ясно, что выросло совершенно новое поколение, – твоего и позже года рождения, абсолютно не готовое функционировать в рамках властного дискурса, так сказать. Образование есть, запросы есть, коммуникации работают, амбиции есть – а ограничиваться жизнью в интернете или идти в шныри к ментам и мажорам не хочется, да? Плюс власть еще абсолютная размазня, не готова сдерживать общество реальными тисками, нужным уровнем насилия (Путин ни хрена не Лукашенко). Думаю, вся эта конструкция рухнет до конца 2020 года, еще при Путине. В 2001 году издана была Модестом Колеровым брошюрка с моей статьей «Когда наступит месяц Жерминаль», – приятно, что все так и происходит, хотя тут дело не в моей прозорливости, а в том, что правильно понимаешь законы жизни, – спасибо ЛЯ и диалектике. Поживем – увидим. Может быть, эта волна, которая неизбежно и вынесет кого-нибудь из нас, – в сущности, это наше время пришло. И не важно в какой сфере. <Я смотрю на Навального и понимаю, что я полный мудак, видимо, да. – *Зачеркнуто>/*. Ну ничего, при прочем и этот опыт можно повернуть на себя. Will see. Как говорит Кварацхелия – чеми цховреба, чеми гза.

Да, в «Новой» весной прочел, что ЛЯ заметали с митинга в ментовку весной. Еще по ТВ сказали, что Дуня Смирнова в очередной раз вышла замуж, – очень удачно и по большой любви. Искренне и глубоко приятно, что Шура Тимофеевский проявляет к моей ситуации через Лешу большой интерес, – бумаги прислал, послал еще в ИК 17 посылку, хотел приехать на суд по УДО. Я даже и не ожидал, – он наверное думает, что я тут живу в аду, – это не так, все на удивление нормально, тюрьма не так страшна. Думаю на днях написать письмо Диме Быкову, – он, я так понимаю, стал очень активен, да и вообще стоит оживлять социальные связи в перспективе скорого освобождения из-под стражи. Думаю, он меня помнит.

Что делать после 2013 г., признаться, представляю с трудом. Тут в тайге строить какие-то планы, где даже телефона нет, бесполезно – можно рисовать себе какие угодно воздушные замки, все это ни о чем. Профессии нет. Диплома нет. Здоровья нет. Есть как тут говорится «дьявол» тридцати двух лет, мать-старушка, отрывочные знания, квартира в Питере, судимости, вполне себе дикая биография, вероятно еще более дикий образ в глазах orbis и в качестве последнего шанса на крайняк – перспектива отъезда в Израиль, если совсем будет туго, чего бы не хотелось. Просить никого ни о чем не буду принципиально и никогда. Приеду, пристроюсь хоть куда – благо не ленивый. Это уже сугубо мое будет дело. Еще важный плюс от всей этой истории – я до подсадки совершенно не чувствовал себя взрослым человеком – то ли из-за наркотика, то ли из-за других дел, то ли вообще из-за мельтешбы по жизни. Сейчас думаю, хоть в этом плане прогресс, – думаю, я сильно изменился. Армии не было, Colby College не было, была тюрьма. Так вот.

Страшно скучаю по Питеру. Не думал, что такое со мной возможно. Показывают по ТВ Адмиралтейство, Невский, Университет весной, – я специально отхожу, а то зарыдаю, подумают – ебнутый. Ни на какую дичь не тянет совершенно. Может, это временно, он неизбежности, – надеюсь – навсегда. Тут у большинства людей моего возраста дети – у меня ни хрена, кроме мамы 1941 г.р. (...)

Мать мне сказала, что ты спрашивала, послать ли сюда какую-то литературу. Это было бы замечательно, Коля посылал Сноб, можно газеты, можно что-то на языке. Если есть у вас какие-то новые фильмы (может есть фильм ЛЯ и Константинова, где К. работала?), документальные или художественные, любые доступные для широких слоев общества, их можно тоже посылать в посылке (в колонии это разрешено, любые фильмы, кроме порнографии). Может, валяются какие-то фильмы – пошлите. Книг не надо. Лекарств, денег не надо, в этом плане все нормально. Если будете посылать что-то – фильмы, СМИ, можно музыку хоть (ДВД и CD разрешены), можно в посылку положить сигареты и кофе. Тут с этим напряженка бывает, сами много курим, а еще надо давать сигареты обиженному за уборку туалета, вынос мусора и пр. Больше не надо ничего, мать шлет все что надо, а если что экстренное, я обращаюсь к Леше, он выручает. Есть фотографии – твои, Коли, других – хоть из сети распечатайте из ЖЖ, мне было бы очень приятно, я Лешу тоже просил прислать. Если будете слать, – шлите на адрес зоны, даже если меня увезут временно на больничку, ничто никуда не денется, я попрошу администрацию ничего не отправлять назад, приеду через пару недель и все получу. «Сеанс» свежий есть? Пошлите несколько номеров. Может еще что-то интересное стало выходить новое??

Вот, собственно, и все. Жду от вас новостей. Всем привет большой, кто помнит. ЛЯ привет, РЕ. Всех обнимаю.

Так все нормально. Как в Once upon in America:

– Что же ты делал все это время, Дэйвид Аронсон?

– Рано ложился спать.

Обнимаю. Ваш Павел.

Адрес: 164279, Архангельская область, Плесецкий р-н, поселок Ундозеро, ИК 22, Черноморскому Павлу Борисовичу (4 отр)

P.S. Будет что экстренное, сообщу через мать.

6.06. 2012

* * *

Сонька, привет. Посылку получил, спасибо большое, – весь «Сеанс» прочел. Жаль, не прислали фотографии. За сигареты спасибо. Пишу по делу. У меня назначен суд по УДО на 4 сентября. Плюсы – скоро, мать наняла адвоката, все погашено и есть сверху поощрения. Минус – говорят, судья плохой, может докопаться. Бумаги, которые делали ты и Шура уже в суде, но по мнению адвоката имеет смысл продублировать факсом ходатайство от школы. Просто послать факс в суд до 4 сентября, идеально числа 1-го. Тот старый нормальный, но он год назад писан, может, вопросы будут у прокурора, мол, устарело и лучше слать факсом. Я тебе в июле сказал, что не надо. Тут подумал серьезно, посоветовался, думаю, стоит послать-таки, благо это не повредит и это несложно, надеюсь. В конце августа или до 4.09 это стоит сделать, коли получится. В старый текст я внес правку минимальную, там поменялся адрес и факс суда за год, и имя моего судьи указал тоже. Если получится, сделайте это пожалуйста.

Сама бумага составлена правильно и в правке не нуждается. Сделай, пожалуйста, если сможешь. Если не получится, впрочем, не катастрофа.

Так у меня все нормально. Если УДО пройду 4.09, через 10 суток (пока решение вступит в законную силу), 15.09 меня выпустят с зоны, то есть числа 17 я буду в Питере. Жить буду пока в Пушкине. С матерью у нас сейчас идет обстоятельная переписка по этому поводу. С Лешей обязательно встречусь, как только он приедет в Питер. За фильмы большое спасибо. Сегодня утром смотрели «Мюнхен» с осужденным Кусуевым Магомедом (это уроженец Ачхой-Мартана). Мой друг, мы с ним вдвоем живем в помещении клуба ИК, он завхоз, я библиотекарь. Замечательный мужик, 1982 г.р, но у меня чувство, что он лет на 15 меня старше. Самый порядочный человек в зоне, но антисемит, как почти все чехи. О евреях, впрочем, представление фольклорное вполне. Я тут хожу в кипе, которую мне прислали из синагоги, мне ни слова не говорят. Я мать просил прислать «Хаджи-мурата», он вроде не читал, но это абсолютно про него там написано, а я типа как русский офицер Бутлер. У него тейп разбросан по всей России и за ее пределами, и в плане еды мы теперь совершенно не нуждаемся, слава Аллаху. ЛЯ был прав – «один вайнах в семье, и можно ничего не бояться». Вообще, книжная история, потом расскажу. Слушаем, короче, песни про то, что «сильней волка шакал не будет никогда». Отличный парень.

Если удастся послать факс, сообщи моей матери. Она со мной на связи. Будешь писать, пошли фотографии. Такие дела. Надеюсь, в сентябре буду дома. Если не получится, черт с ним, осталось не так много.

Спасибо за все. Обнимаю. Ваш Павел

P.S. Завтра мне 33 года. Жизнь удалась.

Факс суда (8-81832) 7-12-67, судье Куйкину Р.А.

9.08.2012

Скарлахта

Выйдя из тюрьмы, Паша вскоре уехал в реабилитационный центр при монастыре в Кимрах. В январе 2014 умерла его мама. В июне я была в отъезде, мои родители получили от него письмо. К нему был приложен вырезанный из книжки отрывок из романа «Инсургент».[1]

Соня, привет!

Пишу очень коротко и тебе, так как ничьего адреса больше не помню. Я с 1.04. в Крестах, под следствием. Приехал из Кимр 31 марта, через три часа арестовали. Подробности опускаю, это не суть важно. Статья тяжкая – от трех до десяти лет. Я вину не признаю, в деле миллион нарушений, адвокат у меня есть, суд будет в июле и может затянуться. Я настроился лет на пять, больше вряд ли дадут, но есть рецидив и условного срока не будет. Ничего не надо, писать не буду никому, доеду до зоны, если будет связь, появлюсь в ФБ. Так все в порядке. (..) На суде могут по требованию адвоката послать повестку людям, которые знают меня не только как уголовника, могут кого-то вызвать из бывших коллег, но это процентов десять, не более. (...) Так все в норме. Читаю в сотый раз «Былое и думы», где кусок про Крутицкие казармы для меня – лучшая из русских проз. Жизнь моя однообразна, но при этом наполнена приключениями. Радует меня лишь то, что я наследую некоторой традиции экстремальной, и живу не только в баре «Продукты» и на просторах фейсбука. Жить я буду в любом случае долго. Обнимаю всех Ваш Павел. Шуре большой привет, я извиняюсь, что так вышло. Обнимаю его. 11.06.2014, Кресты

Дальше был суд, на котором совершенно неожиданно для всех, в том числе и для самого ПЧ, ему дали условный срок. Спустя дней десять после освобождения он перестал выходить на связь, хотя до этого звонил и писал каж-

1 «И если они все-таки захотят отведать этой жизни, значит, они только на то и годны, чтобы быть завсегдатаями кабаков да добычей для Мазаса. К тридцати годам их крепко схватит в свои лапы мания самоубийства или другое безумие, больничная сиделка или тюремный сторож, и если они не умрут преждевременно, то своевременно покроют себя позором.
Я не стану их жалеть! Разве не сорвал я бинты со своих ран, чтобы показать им, какие опустошения производят в человеческом сердце десять лет потерянной молодости!» Ж. Валлес «Инсургент», 1891.

дый день. Мы с маминой подругой поехали в Пушкин и обнаружили его дома мертвым. Явился участковый, прикинул, нельзя ли на нас повесить это дело, а потом, увидев на полках книги моего отца, спросил, не можем ли мы ему помочь с написанием рефератов. Паша бы мог – он же отучился в Курском экономическом.

АЛЕКСАНДР МАРКИН

ИЗ ДНЕВНИКА 2018–2017

Будь проклят тот день, когда я узнал, что практически все актеры в гей-порно наркоманы или сидят на стероидах или гетеросексуалы, дающие в жопу и сосущие хуи за деньги (gay 4 pay)! И все же – смотреть, как они „играют“, бесконечно лучше, чем ебаться самому...

6.08.18

<наблюдения за природой>

Из-за жары из насекомых в живых остались только сверчки, саранча и мухи – все остальные (бабочки, большие жуки) высыхают прямо в полете. Видел вчера на асфальте полсотни мертвых пчел, не долетевших до фонтанчика на автобусной остановке. *Господи!* кто же знал, что это мы, а не наши дети, попадем в фильмы Р. Эммериха и в фильм «Земная кора».

Впрочем, что вся наша жизнь, как не плохой фильм-катастрофа с третьесортными актерами и пафосным финалом!

26.07.18

Пенсионерка зажгла в молельной комнате свечи, одна из которых упала на стол, что стало причиной возгорания. Пламя быстро распространилось по комнате. Родные вызвали пожарных, которые оперативно справились с огнем. В результате происшествия молельная комната обгорела и закоптилась, пострадали иконы, личные вещи хозяев дома. Зажженные в ритуальных целях свечи регулярно становятся причиной пожаров в домах россиян. Подобный инцидент, в частности, случился в середине июля в Абакане. Местная жительница зажгла свечу перед иконой в своей квартире, после чего ушла из дома по делам. В ее отсутствие произошло возгорание, от которого серьезно пострадали квартира и имущество женщины. Еще один случай такого рода произошел весной 2018-го в Белгороде. 80-летняя местная жительница решила помолиться и зажгла перед иконой свечу, которая упала и спровоцировала возгорание.

Справиться с огнем женщина не смогла, в результате пожара выгорело полторы комнаты в квартире. По свидетельству очевидцев, пламя вырывалось из окна квартиры на несколько метров.

1.07.18

Пьяным возвращался от М домой; в Gr-r снял бармена из модного бара с крепким задом и татуировками рисунков Жана Кокто на плече, груди, руках и ноге, и с северным медведем на боку <...> Пока он спал, хотел сфотографировать медведя, и выложить его в инстаграм, но в последний момент передумал. <...>

Бармен грек, оч. смеялся, когда учил меня своей невыговариемой фамилии, но по старой памяти, я теперь подозреваю у себя все возможные болезни, передающиеся половым путем, но будет повод навестить каждый раз пристально смотрящего мне в глаза кожника, интересующегося новыми методами лечения появившихся в результате злоупотребления анаболическими стероидами угревой сыпи на спине у мужчин. Посмотрим, как он будет зажимать меня в коленях, и гладить по щеке, рассматривая мою перхоть, когда я скажу ему, что у меня на хую, кажется, выскочил шанкр.

+ + +

Наш спецкор решила выяснить, как устроена педофилия.

4.06.2018

S.R. крайне эгоцентричен: он любит, принимая йогическую позу, выразительно кончать самому себе на лицо, после чего кровь не сразу снова приливает к мозгу, и в этом состоянии самопричиненного помрачения он все время что-нибудь у меня забывает; вчера он оставил у меня свои наушники, я перепутал их со своими, взял в поход в горы, а когда возвращался домой, встретил S.R. в ночном автобусе – – – и вернул их ему без всех этих обычных опусканий в почтовый ящик, встреч в центре города у красного фонарного столба etc.

25.04.2018

<За счет моей страховой компании> психиатр обсуждает со мной практически все, кроме, собственно, моего душевного состояния. Сегодня за час мы успели обсудить RAF, В. Брандта, мюзикл Hair, «Историю любви», цифровую съемку, невоспитанных детей в автобусе, немецких студентов 1980-х и 90-х, Фиделя Кастро, приказавшего сбивать американские пассажирские? самолеты, и, наконец, дошли до моих медикаментов; я признался, что у меня уже несколько лет лежат нетронутые пачки риталина; мне их вернуть?

– Ни в коем случае, лучше продайте коллегам.

18.04.2018

Мать позвонила во втором часу ночи, я приготовился к очередному страшному и подумал, что умер мой столетний дедушка *Тимофей Федорович*, доживший до преклонного возраста благодаря спорту, ежедневной ебле и водке, но оказалось, что матери нужен совет, чем накормить завтра участников отчетно-выборного собрания совета ветеранов района Строгино.

Например, любой работник московской мэрии знает, что ветеранов и пенсионеров лучше всего накормить отравой, чтобы не тратить на них государственные деньги, или какими-нибудь фантастическими обещаниями: каждый пенсионер получит к 2030 году мешок картошки. Такому русские люди охотно верят. <...>

В последний день в Париже вдруг вспомнили с матерью соседку тётю Тамару, у которой дочка работала «интердевочкой» – вышла замуж за итальянца, приехавшего на экскурсию в Москву в первые годы перестройки – он забрал ее в Пизу. Когда мать вернулась из Парижа в Строгино, оказалось, что Тамара в тот день, когда мы о ней неожиданно вспомнили, умерла, и так я поверил в существование тонких миров.

11.04.2018

На соседней улице опять полицейские машины, скорая помощь, снайперы – все в темноте и тишине под расцветающими магнолиями.

2.04.2018

Купола российского Православного центра в Париже напоминают обожравшихся жирных попов, или, скорее, набухшие животы мух цеце, которые вотвот разродятся тысячами заразных яиц.

<...> В Париже на второй день мать заболела, и всю неделю, почти не выходя из отеля, я провел у ее постели. <...> Забастовка железнодорожные работников. С трудом, отстояв шесть часов в очереди, прорвались на поезд до Франкфурта, чтобы на франко-немецкой границе пересесть в электричку до Базеля.

25.03.2018

Ездили со студентами в Люксембург; выставка *The Family of Men* производит сильное впечатление, в последнем зале нахлынули слезы – великая сила искусства! Первое, что видишь на выставке – огромная фотография трехлетней девочки, лежащей голой жопой кверху в листве; фотографию уже собираются убрать в запасники, чтобы не возбуждать местных педофилов и феминисток, правда, не знают, как это сделать так, чтобы не нарушить целостность объекта всемирного наследия ЮНЕСКО.

5.03.2018

За завтраком, замерзая, разговаривали с Т. о том, сколько кокаина, гормональных препаратов, антибиотиков, менструальной крови и говна санитарные инспекторы находят в якобы «чистой» воде из-под крана. Т. каждый день изучает публикуемую французским правительством в интернете карту загрязнения водопроводной воды фекальными остатками. <Сегодня говна в воде почти не было.>

25.02.2018

Женщина на протяжении многих лет боролась с артритом, посттравматическим стрессовым расстройством, клаустрофобией и агорафобией. Её состояние ухудшалось, и женщина почувствовала, как болезнь одолевает ее; она сидела на диване, готовясь к самоубийству, как вдруг трехногая борзая с силой толкнула ее лапой <...>

10.02.2018

В Цюрихском зоопарке в полдень пингвинов парадом проводят мимо вольеров, за ними, как зомби идут, открыв рты, дошкольники и тётки с младенцами на руках; медведей от посетителей отделяет лишь канава, да и львы тоже, если бы не были тупыми, могли бы переплыть огромный ров с холодной водой перед хилым заборчиком и наброситься на глазеющих на них детей. Впрочем, в любом зоопарке все время мечтаешь, чтобы всех детей поскорей скормили хищникам. В самом далеком углу – избушка с гигантскими галапагосскими черепахами, которые с утра до вечера только и делают, что ебутся, приводя в недоумение малышей.

25.01.2018

Когда секретарша психиатра достала из сейфа ключ от комнаты с лекарствами, поймал себя на мысли, что ее можно было бы завалить, взять ключ и набрать себе всего, чего жаждет измученная душа <...>

17.01.2018

Озлобившийся мальчик и не доверяющая людям собака очень похожи безотрадностью своей жизни.

8.01.2018

Летели в Ниццу через центр урагана; я тысячу раз попрощался со своей никчемной жизнью;

<...> На автобусной остановке пидовка *фром лондон* с пакетом из Tesco и огромным чемоданом прильнула к швейцарскому бизнесмену, с которым они сблизились в самолете в предчувствии близкой и неминуемой гибели: водитель экспресса на Канны не помог ему погрузить чемодан в багаж! *Мозерфакер! Хи маст до ит фо 33 евро. Ай хейт факин френч сошиализм ит из дифферент ин лондон.* Бизнесмен, на котором не было лица, со всем соглашался. <...> В отличие от меня, соотечественники времени даром не теряют. <...> Трясся от страха еще несколько часов после приземления.

3.01.2018

До нас дошел ураган с прекрасным немецким именем «Бурглинда»; тропический ливень, тропические температуры, совершенно непонятно, как выйти из дома в этот ужас

28.12.2017

Интересно, почему по-французски устрица называются hui-tre, если обычно ее ассоциируют с пиздой?

10.12.2017

Сначала с рейса на Цюрих, еще в Москве, полицейские вывели трех пьяных мужиков, потом стали шмонать ручную кладь, чтобы найти бутылки этих мужиков; все это задержало вылет на час; когда уже подлетали к Цюриху, за

пять минут до посадки, в бизнес классе *русская тёлка* в норковой шубе, которой было мало шампанского, устроила дебош с рукоприкладством и поцарапала бортпроводника; пилот принял мужественное решение посадить самолет в немецком аэропорту, над которым мы пролетали в тот момент, и сдать хулиганку полиции; никогда не думал, что за семь с половиной минут можно снизиться с 11 000 км до посадочной полосы! За тёлкой в норковой шубе приехал спецназ; когда ее вели в полицейскую машину с решетками на окнах, она остановилась, вытащила из сумочки пачку банкнот и протянула ее полицейским; на следующее утро я прочитал <в бесплатной газете>, что заплатив штраф в 10 000 евро наличными, она хотела было вернуться в наш самолет, но пилот отказался ее везти.

6.12.2017

Московская квартира – это мир, в котором безраздельно властвует смерть. Тамара из Ниццы приехала делать новый загранпаспорт, выпила кофе, села перед телевизором и умерла; муж сослуживицы, покупавший новый джип раз в три года, пошел в туалет и умер на унитазе. Какая прекрасная быстрая смерть, не надо мучиться годами, пусть бы у всех просто отрывался тромб. У Валентины Михайловны дочка наклонилась над костром и случайно вдохнула уголек, который прожег ей легкое, она умирает в больнице, а Валентина Михайловна упала в обморок на митинге в честь начала контрнаступления советских войск под Москвой у стелы на «Аллее героев», когда депутат вспоминал Зою Космодемьянскую и ее подвиг. Валентину Михайловну очень жалко, у нее уже давно умер муж, а зятя распилило насмерть электропилой на даче, кто-то ее, скорее всего сглазил – ей бы надо поехать на экскурсию по Святым местам Истринского района.

2.11.2017

Бесплатная газета написала, что нельзя чистить зубы в совместном (туалет+ванная) санузле, так как если унитаз в одном помещении с раковиной, то микрочастицы говна будут оседать на зубной щетке. Что же делать, что же делать, чтобы не растирать говно на зубах в маленькой квартире? (На кухне тоже чистить нельзя, там повсюду бактерии на губках для мытья посуды.)

13.10.2017

Сегодня прокатился в машине Porsche вроде бы той самой модели, в которой недавно сгорел смазливый голливудский актер, оставивший без наследства свою малолетнюю любовницу-школьницу; была бы моя воля, я бы тоже в этой машине сдох: в ней уютно, как в матке.

9.10.2017

Врач-кожник, выжигая мои папилломы на подбородке, ни с того ни с сего, смотря мне в глаза, спросил, с кем у меня бывает оральный секс, с женщинами или с мужчинами, если с мужчинами, как часто мне при этом кончают на лицо. Мои ноги были зажаты его коленями, было страшно, но я ответил правду.

29.08.2017

Число умирающих людей растет. Но число крематориев остается прежним.

27.08.2017

Пока за завтраком переживал из-за *космического облака спирта*, оказалось, что в Италии бунтуют беженцы, в Швейцарии оползень смыл деревню вместе со всеми жителями, в Италии, Юго-восточной Азии и Южной Америке землетрясения с человеческими жертвами, на Монблане ледник тает с такой скоростью, что за неделю туристы находят там по дюжине потерявшихся и замороженных в прошлом веке трупов, судам в Антарктике больше не нужны ледоколы, а на западной границе Российской Федерации проходит самое массовое учение советских войск, от которого Прибалтика, Скандинавия и Германия уже наложили в штаны.

<как Л.Б.>

7.08.2017

С-l провел меня в спецхран местного Музея дизайна, который в начале 1980-х основали энтузиастки, собиравшие на цюрихских помойках стулья; за тридцать с небольшим лет музей превратился в гигантскую барахолку, уходящую в глубь земли. Теперь здесь хранятся целые коллекции парижских ателье XIX в., архив Баленсиаги, тонны посуды, купленные за бесценок после банкротства Swiss Air пижамы для пассажиров бизнес-класса, самолетные кресла, ящики с неоткупоренным шампанским в фирменных бутылках; купленные <чтобы никто, кроме музея, больше не мог репродуцировать> патенты, технологии по производству дизайнерских предметов, формы для литья, трафареты орнаментов; тысячи вещей, известных мне только по каталогам Art Nouveau, которые, если надеть резиновые перчатки, можно даже потрогать.

Никогда еще объекты желания не были так близко! к тому же постоянно думаешь о том, каким приятным может быть фистинг.

22.07.2017

После каждой нашей ебли, R-о на следующий день выкладывает селфи из спортзального туалета. <...>

Сегодня утром в автобусе ехал мужик с грязными расцарапанными руками. Он вез баллон со сжатым газом. Как человек, в отличие от большинства жителей Швейцарии, имеющий представление о терактах в общественном транспорте, я разрывался между желанием выскочить из автобуса на следующей же остановке и стоическим хладнокровием, и почти уже смирился с идеей, что меня, как человека, сидящего к баллону ближе всего, будут опознавать по ошметкам. Рядом ехала старушка <из дома престарелых на соседней улице, я все время встречаю ее в магазине>, и у нее в глазах тоже был неподдельный ужас, но потом она, чтобы не выдавать себя, надела солнцезащитные очки.

15.07.2017

Увидел на распродаже однотонные трусы, которые мне понравились, но они продавались только в паре с уродливыми трусами в клеточку. Тогда я взял две упаковки, спрятался в примерочной кабинке, и сделал из двух упаковок этих трусов одну упаковку трусов в клеточку, и одну – однотонных, которую и пробил.

Надеюсь, никто ничего не заметил, и меня не депортируют за это ужасное преступление.

<как М.К.>

25.06.2017

<наблюдения за природой>

Цаплю, которая живет на кукурузном поле у теннисного клуба, вороны принимают за свою! Зимой и весной поле постоянно перекапывают, жирные швейцарские черви оказываются на поверхности, и вороны с цаплей всегда сыты; Господи! Ради тучной жизни даже животные готовы оставить свои привычные места обитания и водиться с чужаками.

14.06.2017

<наблюдения за природой>

Пока сидели с С-ı›ом у меня в палисаднике и ужинали, в сумерках сначала дрозды пытались выклевать мой салат, потом пришла кошка и стала на меня смотреть, а когда кошка ушла в кусты, из кустов появились гигантского размера барсуки прошагали мимо, принюхиваясь к столу. Кто ж знал, что в городе может быть такое разнообразие биологических видов?

После этого моя воображаемая пизда дала сбой, и я написал R-о, что приеду к нему через час-другой ебаться.

28.05.2017

Мелодрама!

Вечером 18 мая соперник подкараулил молодого сержанта в Дзержинском районе и набросился на него с кулаками.

Пока двое сообщников удерживали военнослужащего, мужчина избивал его. Смертельным стал удар кирпичом по голове.

После этого сообщники вывезли тело в Городищенский район, сняли с убитого одежду и закопали тело недалеко от дороги.

Дальше подозреваемый переоделся в форму убитого, по телефону сержанта назначил девушке свидание и попросил спуститься к подъезду.

Преступник надел противогаз и отправился к девушке под видом ее парня. При встрече мужчина сразу набросился на несчастную и стал ее избивать. Волгоградка поверила, что ее избивает любимый.

Подозреваемый скрылся, а девушка принялась звонить своему знакомому и жаловаться на экс-возлюбленного. Примчался подозреваемый к ней уже в гражданской одежде и принялся утешать.

\+ + +

Спасавшийся от пожара медвежонок погиб под колесами поезда.

19.05.2017

Ездили со студентами в Гётеанум; ведьминский дом; в книжном магазине продается жуткая оккультная литература; цветные окна светятся сатанинскими символами, а на полянке, посреди антропософской рощи, где развеяли прах Р. Штайнера, его жены и поэта Моргенштерна (урны долгое время были выставлены для поклонения, но С. Прокофьев-*племянник* приказал все развеять), устраивают эвритимические танцы. Отеплительная станция и стекольные мастерские, стоящие рядом, похожи на замысловатый хуй с яйцами. <...>

15.05.2017

Всем вокруг плохо, и я сам – едва мне показалось, будто после многолетней терапии и антидепрессантов мне стало лучше, –снова провалился в черную дыру отчаяния, когда под проливным дождем возвращался домой вчера вечером. Только R-о всегда в хорошем настроении, потому что стероиды разрушают его мозг. *No brain no sadness.*

8.05.2017

Возвращался с работы, у дома две полицейские машины; из дома выводят рыдающего мужика, побитого, с опухшим багровым лицом, в руках бумажная сумка с вещами. И как же защемило сердце! <то ли от жалости, то ли от страха, что в доме таился преступник, а я и не догадывался.>

2.05.2017

Вечером поехали с S. на экскурсию по швейцарской тюрьме, которую разрисовал П. Пепперштейн. Кроме фресок Пепперштейна, показали парашу, кипятильник и тюремный фитнес-центр. Директор тюрьмы с лицом морковного цвета сказал, что заключенные – парни в соку: им надо постоянно заниматься спортом, чтобы к вечеру они утомились и не ласкались друг к другу. <...>

30.04.2017

Ебля с R-о сделала меня <наверное, только в моих фантазиях> желанным для всех и каждого; привлекательными людей делает не физическое совершенство, а физические недостатки.

24.04.2017

У R-о есть французский бульдог и 6 тысяч подписчиков в инстаграме; он фитнес-модель, *инстаграм-инфлюенсер*, владелец парикмахерской, гей-эскорт, с меня он, правда, никогда не берет денег и даже сам платит мне за Uber <удивительно, сколько у одного человека может быть занятий>; он весь день шлет мне по WhatsApp сердечки, мне это ужасно льстит, но я не отвечаю и весь день думаю о T-s. T-s игнорирует меня уже два месяца, хотя я регулярно вижу его машину, когда хожу в магазин. Недавно он под покровом ночи, в тот самый момент, когда я перед открытыми окнами, громко смеясь, рассказывал друзьям о его *white trash family in Eastern Germany*, оставил у меня на столе в палисаднике сумку с моими вещами, и оказалось, что самые невзрачные отношения <самые глубокие>.

19.04.2017

В Париже можно сношаться с парнями, которые даже и не посмотрят на тебя в Шлирене. Всю ночь китайское телевидение. После конкурса песни санитаров домов престарелых, *когда мы становимся старыми / наши веки тяжелеют и мы все время хотим спать*, началась передача, в которой ведущие сравнивали китайский город Кристальную столицу с европейским городом Алмазной столицей. В Кристальной столице самый большой в мире музей камней и рынок кристаллов, куда свозят самоцветы со всего мира; в Алмазной столице евреи ограняют алмазы, чтобы они блестели, и каждый китайский турист должен оттуда привезти себе домой алмаз. Алмазы добывают в Индии, и индийские раджи сияют как солнце, так как их одежда сделана полностью из алмазов. В Алмазной столице едят мидий с чипсами. Мидии – это источник витаминов, они повышают потенцию и сохраняют молодость, вкус у них довольно специфический, не каждому китайцу такое понравится, но их легко и дешево разводить, в Китае нужно создавать фермы и разводить мидий, но чипсы лучше не есть, чтобы сохранить стройную фигуру. В Кристальной столице разводят черную волосатую свинью, мясо которой нежное, словно снег. Когда был голод и всех животных истребили, добрые духи спрятали черную свинью от демонов, и она смогла выжить. Совершенно непонятно, зачем разводить европейских розовых свиней, когда есть черная волосатая свинья <...>

16.04.2017

Господи, мог бы я 10 лет назад, когда я так любил А. Брукнера, Ф. Шиллера, *das Jahr der Seele* и Жана Поля, представить, что моими целями в жизни будет хорошо пожрать, прибавить пару сантиметров к бицепсу за лето и отсосать банкиру-практиканту в туалете на трамвайной остановке? С другой стороны, хорошо, что однажды юность со всеми ее заблуждениями летит в пизду!

5.04.2017

До середины 1960-х в Цюрихе под угрозой штрафа и тюрьмы было запрещено жить в гражданском браке, и молодые стали перебираться на окраины, селиться в соседних малогабаритных квартирах, для них начали строить страшные многоквартирные высотки, в которые сейчас напихали эмигрантов и беженцев. <Фуко всегда ближе, чем мы думаем.>

4.04.2017

Вчера из окна трамвая видел, как под цветущими магнолиями укладывали на носилки молодую женщину, не подававшую признаков жизни. Господи! Наверное, я в жизни не видел ничего красивей!

28.03.2017

Когда я обедал в студенческой столовой, понял, что меня *все* бросают потому, что я не брею лобок, хотя и, когда я его брил, никто долго не задерживался.

27.03.2017

– я часто непроизвольно плачу, но при этом уже несколько лет не блевал, таким образом очищение не полно.

15.03.2017

Международный чемпион по бодибилдингу из нашего спортзала, <обычно> громче всех кряхтевший, приседая со штангой, пошел в пятницу в подпольный публичный дом к румынским проституткам. Находясь под действием кокаина и анаболических стероидов, он выпрыгнул из окна второго этажа и из-за своего веса сам себя раздавил насмерть. Его вдова <бразильянка> уже дала интервью бесплатной газете, в котором сообщила, что Господь может теперь забрать и её. Когда гигантский портрет чемпиона снимали со стены, в зале играл DJ, от громкой музыки которого не спасают даже наушники.

7.03.2017

В поисках идеального надгробия <матери нужен образец, чтобы поставить памятник отцу> обошли все местные кладбища; выяснилось, что в Шлирене («внизу») люди живут примерно на двадцать лет меньше, чем на Цюрихберге («наверху»). 70–75 лет «внизу» против 90-100 «наверху». Существуют целые семьи, не доживающие до 60 лет «внизу», и целые семьи, доживающие до 105 «наверху». Мать заставляла меня позировать у клумб с «красивыми цветами», у венков и у свежевырытой могилы. <...> На одной из свежих могил я увидел имя А.К.

Я встречался с ней и разговаривал у общих знакомых, сталкивался в библиотеке; на лестнице в университете; потом общие знакомые переехали, много лет ничего, кроме того, что её карьера шла в гору; и вдруг деревянный крест, ты наверху, она под тобой, и умерла день в день в возрасте писателя, про которого написала диссертацию.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Артур Аристакисян (1961) – кинорежиссер («Ладони» (1993), «Место на земле» (2000)). Проза публиковалась в МЖ 64 и 67. Живет в Москве.

Аркадий Драгомощенко (1946–2012). Книги «Тень черепахи» (2104), «Великое однообразие любви» (2016), «Почерк» (2016) и др. Публикации в МЖ №№ 1, 6, 18, 36, 65, 66 и др. В 1993 году в издательстве «Митин журнал» вышла книга стихов «Ксении», в 1999 – роман «Китайское солнце».

Маруся Климова (1961). Книги «Голубая кровь» («Митин Журнал», 1998), «Домик в Буа-Коломб» («Митин журнал», 1998), «Морские рассказы» («Митин журнал», 1999), «Белокурые бестии» (2001), «Моя история русской литературы» (2004), «Моя теория литературы» (2009), Безумная мгла (2013), Профиль Гельдерлина на ноге английского поэта (2016). В ее переводах изданы романы «Смерть в кредит», «Из замка в замок», «Ригодон» и «Север» Л.-Ф. Селина, «Проституция», «Эдем. Эдем. Эдем» и «Книга» П. Гийота, «Керель» Ж. Жене, «Не все так безоблачно» Ф. Жибо, «Лесбийское тело» М. Виттиг, «Пизда Ирены» Л. Арагона (МЖ-57), П. Луиса «Дамский остров» (МЖ-57), Ж. Батая «История глаза» (МЖ-58) и др. Живет в Петербурге.

Кирилл Куталов (1974) учился в Историко-архивном и Литературном институте, публиковался в интернете, а также в журналах «Знамя», «Топос», GQ. Живет в Москве.

Александр Маркин (1974). В издательстве Kolonna Publications вышли книги «Дневник 2002–2006», «Дневник 2006–2011» и «Дневник 2011–2015». Живет в Цюрихе.

Павел Никулин (1988). С 20 лет работает журналистом. Интересуется радикальной политикой, экстремизмом и терроризмом. Издает альманах *moloko plus*. При написании стихов вдохновляется криминальными сводками и обвинительными заключениями. Живет в Москве.

Франсуа Ожьерас (1925–1971). В издательсве Kolonna Publications в 2018 году вышли книги «Путешествие мертвых» и «Старик и мальчик». Полное собрание сочинений готовится.

Павел Пепперштейн (1966). Книги « Мифогенная любовь каст» (2002), «Военные рассказы», 2006, «Свастика и Пентагон», 2006, «Весна», 2010, *«Эпоха аттракционов», 2017, «Предатель ада», 2018.* Живет в Москве.

Андрей Чернов (1966–2017) – программист, деятель контркультуры, создатель ресурса «Алистер Кроули по-русски». Участвовал в подготовке книг издательства Kolonna Publications (сочинения Алистера Кроули и Антонена Арто).

Павел Черноморский (1979–2014). Работал журналистом (1996–2001), в сфере политического пиара (2001–2003), корреспондентом «Радио Свобода» (2002–2004) и на телевидении. Соавтор сценариев документальных телефильмов «1956. Детонатор Пикассо» и «Павел Филонов. Последний коммунист» (2004–2006). Публикации: «Эксперт», «Карьера-Капитал», «Лимонка», «Ведомости», «Критическая масса», «Глобалрус.ру», «Интернет.ру», «Русский журнал» и др.

Лида Юсупова (1963) живет в Белизе, Канаде и России. Книги стихов «Ирасалимль» (1995), «Ритуал С-4» (2013), «Dead Dad» (Kolonna Publications, 2016) и прозы «У любви четыре руки» (совместно с Маргаритой Меклиной, 2008). Публикации в антологии «Освобожденный Улисс», журналах и альманахах «Тритон», «Urbi», «Воздух», «Двоеточие» и других. Если бы она родилась не в СССР, у нее была бы совсем другая жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОЕ

Артур Аристакисян. Ашот 5

Лида Юсупова. Победы в Великой Отечественной войне. Кровоизлияния крови. Холодный канал 21

Андрей Чернов. Шоколад. Судьба изобретателя. Эротическая кибersказка. Вампиры сознания. Радиодонесение 47

Павел Пепперштейн. Всё 59

Кирилл Куталов. Обол 105

Павел Никулин. Мент 141

ДОСЬЕ

Алина Попова. «Кто знает Франсуа Ожьераса? Никто...» 151

Франсуа Ожьерас. Узник своих грез. Свадьба с Западом *(перевод В. Нугатова).* Варвары Запада *(перевод Э. Войцеховской).* Письма Ж. Буайе, Г. Миллеру, М. Юрсенар, в издательство «Миньюи», Жоэлю Пиктону, Гастону Криэлю, Этьемблю, Пьеру-Шарлю Нивьеру *(перевод Е. Березиной)* 167

Франсуа Ожьерас и Поль Плясе. Фантастическая охота *(перевод Э. Войцеховской)* 259

ДОКУМЕНТЫ

Аркадий Драгомощенко. Письма *(публикация З. Драгомощенко)* 271

Маруся Климова. Русские ночи 281

Павел Черноморский. Письма Соне Лурье 325

Александр Маркин. Из дневника 345

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS/
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Франсуа Ожьерас

ПУТЕШЕСТВИЕ МЕРТВЫХ

Путешествие отважного молодого человека по французской Африке 1950-х годов, от горных пастбищ Алжира к океану в Агадире и к великой реке Сенегал. «Последним полем экспериментов Запада» называл Африку Франсуа Ожьерас, презиравший европейскую цивилизацию и считавший себя человеком будущего, дикарем, отказавшимся от законов, обычаев и мнений заурядных людей. Он не расставался с пистолетом и любил молодых пастухов, проституток в портовых борделях, своего дядю – полуслепого мистика Марселя Ожьераса и безмятежных алжирских овец.

Франсуа Ожьерас

СТАРИК И МАЛЬЧИК

Оазис Эль-Голеа в песках Алжира. Здесь открыл этнографический музей полковник французской армии Марсель Ожьерас. Его юный племянник Франсуа приехал в 1945 году навестить дядю и стал его любовником. История их отношений описана в книге «Старик и мальчик», которая вышла в 1949 году под псевдонимом Абдалла Шаамба. Этой повестью юноши-дикаря восхищались Андре Жид, Пол Боулз, Клод Мориак и другие великие писатели.

Эрве Гибер

ИЗ-ЗА ВАС Я ПОВЕРИЛ В ПРИЗРАКОВ

Толпы зрителей собираются на трибунах. Скоро начнется коррида. Но только вместо быка – плюющийся ядом мальчик, а вместо тореадора – инфантеро. 25 июня 1783 г. маркиз де Сад написал жене: «Из-за вас я поверил в призраков, и теперь желают они воплотиться».

Эрве Гибер

Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Очень странные ощущения, когда открываешь посреди ночи глаза и видишь стоящего рядом лакея – в домашнем халате или пижаме, которую я носил, когда был молод, или же голого, с накинутой на плечи меховой шубой, которую я заказал себе, когда ездил в Москву, – лакей смотрит во мраке, не говоря ни слова, сверля меня взглядом поблескивающих желтых глаз.

Эрве Гибер

ЦИТОМЕГАЛОВИРУС

„Цитомегаловирус “ был опубликован в январе 1992 года, всего через несколько недель после смерти Эрве Гибера в больнице, куда его доставили из-за попытки самоубийства. „Слова побеждают все!“, – говорил писатель. Его дневник это подтверждает
.

Эрве Гибер

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы?

Эрве Гибер

МОИ РОДИТЕЛИ

Почему двоюродная бабка Луиза перевернула вверх дном квартиру своей сестры Сюзанны? Какие документы она пыталась отыскать, и что было в сожженных письмах? Правда ли, что в них говорилось о постыдном проступке матери Эрве Гибера? Зачем его отец срочно покинул Ниццу, бросив свой ветеринарный кабинет, парусник, зеленый форд, двух лошадей и невесту? К какому шантажу прибегают родители маленького Эрве, дабы заполучить семейные реликвии? И где спрятано золото, которое то закапывают, то выкапывают, не в силах расстаться с ним? – Для родителей нет ничего страшнее неудержимой тяги сына к поискам истины.

Эрве Гибер

ПОРОК

Гибер показывает нам странные предметы – вибрирующее кресло, вакуумную машину, щипцы для завивки ресниц, эфирную маску, ортопедический воротник – и ведет в волнующий мир: мы попадаем в турецкие бани, зоологические галереи, зверинец, кабинет таксидермиста, открывая для себя видения и страхи писателя и фотографа. Книга, задуманная и написанная в конце 70-х годов, была опубликована незадолго до смерти писателя.

Эрве Гибер

ПРИЧУДЫ АРТУРА

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преображения и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

Эрве Гибер

ГАНГСТЕРЫ

Эрве Гибер написал «Гангстеров», когда уже был болен неизлечимой болезнью. Он ни разу не упоминает ее, но повествование наполнено страхом смерти. Критик газеты Le Monde назвал эту книгу «трактатом о боли».

Эрве Гибер

СМЕРТЬ НАПОКАЗ

Язык и член – полны жизни – оголены, у них нет кожи. Язык – говорит, мокнет в слюне, ест, сосет, входит внутрь и выходит. Член – его едят, он сам ест и льет свое семя. Излияния слов, слюны, спермы. Гомосексуальное тело – анально-фаллическое письмо. Именно тело, конечно же, говорит, пишет, исследуя себя и вписывая себя в текст. Устраивает представления, впадает в истерику, занимается садомазохизмом. Говорит о желании и оргазмах. Раскрывается, рвется, буравится. Описывает свои органы и заставляет играть их, словно музыкальные инструменты. Состоять в садомазохистских отношениях с письмом, – посредством его – вскрывать, препарировать собственно тело и препарировать самое письмо.

Марсель Жуандо

ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний философ Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге «Школа мальчиков» собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

Марсель Жуандо

НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА

Гетеросексуальность – это коммерция, индустрия; гомосексуальность – искусство. Древние греки запрещали гомосексуализм рабам. Что до меня, я хотел бы, чтобы он был дозволен лишь мудрецам.

Марсель Жуандо

МОЙ БЕСТИАРИЙ

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета. Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

Марсель Жуандо

ЛЮБИТЕЛЬ НЕОСТОРОЖНОСТИ

«Липсе сидел на обочине дороги, видом и облачением подобный ангелу. Земля была нежной, как ласка, и неподвижная улыбка моего друга меня успокоила. Я прижался головой к его сердцу. И тут же его руки превратились в огромный волшебный лес, где я увидел странных птиц и огненных хищников – львов и тигров, которые смотрели на меня с любовью и восхищением, словно я был местным божеством. Я позвал Липсе, и лес ответил мне его шепотом; каждый листок знал мое имя».

Рене Кревель

ТРУДНАЯ СМЕРТЬ

В 1925 году на вопрос сюрреалистической анкеты о самоубийстве Рене Кревель ответил «Это, возможно, самый верный и совершенный выход». Пьер Дюмон, герой его знаменитого романа «Трудная смерть» (1926), тоже не находит другого выхода. Он страстно влюблен в американского композитора Артура Браггла, а тот делает вид, что Пьер ему наскучил.

Гертруда Стайн

ИДА

10 декабря 1936 года Эдуард VIII подписал отречение от престола ради того, чтобы жениться на Уоллис Симпсон. Известие об этом стало мировой сенсацией. История британского короля и его возлюбленной привлекла внимание Гертруды Стайн. Она решила написать роман «Ида», героиней которого стала бы Уоллис Симпсон. Но постепенно замысел книги менялся. Ида все меньше походила на герцогиню Виндзорскую. Она путешествовала по Америке, перебираясь из одного штата в другой, заводила собак, встречала разнообразных мужчин, порой выходила замуж и наконец обрела Эндрю, своего короля.

Эркюлин Барбен

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Герард Реве

КНИГА ФИОЛЕТОВОГО И СМЕРТИ

Живописная деревня во Франции. В ожидании похорон юного соседа писатель Герард Реве вспоминает прошлое: немецкую оккупацию, пребывание в психиатрической клинике, знакомство с милыми мальчиками и старыми негодяями. «Книга Фиолетового и Смерти» должна сделать все остальные книги излишними, за исключением Библии.

Гертруда Стайн

АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиографию каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

Герард Реве

ПО ДОРОГЕ К КОНЦУ

Романы в письмах Герарда Реве (1923–2006) стали настоящей сенсацией. Никто еще из голландских писателей не решался так откровенно говорить о себе, своих страстях и тайнах. Перед выходом первой книги, «По дороге к концу» (1963) Реве публично признался в своей гомосексуальности. Второй роман в письмах, «Ближе к Тебе», сделал Реве знаменитым. За пассаж, в котором он описывает пришествие Иисуса Христа в виде серого Осла, с которым автор хотел бы совокупиться, Реве был обвинен в богохульстве, а сенатор Алгра подал на него в суд. На так называемом «Ослином процессе» Реве защищался сам, написав блестящую речь, и все обвинения с него были сняты. Две книги, впервые публикующиеся в русском переводе, сыграли в жизни Герарда Реве решающую роль и стали подлинным событием литературы XX столетия.

Кэти Акер

ЭВРИДИКА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Главными темами текстов, собранных в этой книге, – от исповеди «Политика» (1972), написанной, когда Кэти Акер работала в секс-шоу на 42-ой улице в Нью-Йорке, до драмы «Эвридика в подземном царстве» (1997), завершенной незадолго до смерти писательницы от неизлечимой болезни, – остаются чувственность, язык, насилие, принуждение, власть. Письмо, безумие, власть, насилие, тело. Чувственность, язык, тело, власть, безумие.

Джордж Сильвестр Вирек

ДОМ ВАМПИРА

Первый американский декадент Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) впервые приходит к русскому читателю с романом «Дом вампира» (1907). В книгу включены записи разговоров Вирека с Адольфом Гитлером, Зигмундом Фрейдом, Магнусом Хиршфельдом, материалы о его отношениях с лордом Альфредом Дугласом и Алистером Кроули.

Александр Ильянен

БУТИК VANITY

Светящееся здание «Бутика Vanity» теперь открыто для посещения. Пустующие этажи романа-с-ключом и романа-без-вранья, нового романа и петербургской повести Александр Ильянен заполняет прозой высокой концентрации, прекрасной ясности, хирургической точности – и давно забытого образца. Чтобы оценить возможности этой эфирной скорописи, не нужны навыки дешифровщика: так мог бы писать какой-нибудь пушкин-007 – обезьяна, тигр и француз в одном прозрачном флаконе. Книга удостоена премии Андрея Белого за 2007 год.

Эдвард Морган Форстер

ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Британский писатель Эдвард Морган Форстер (1879–1970) был одним из создателей «александрийского мифа» XX века. Его усилиями египетский город, живущий торговлей «хлопком, луком и яйцами», в котором, казалось бы, не осталось ничего от города Александра, Клеопатры и Антиноя, превратился в одну из важных тем европейской литературы. Форстер разглядел в скучной улице Розетт, безуспешно пытающейся подражать парижским бульварам, Канопскую дорогу города Александра Великого, а в обитателях городского дна – персонажей александрийской поэзии.

Хуан Гойтисоло

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Образ репья, растоптанного сапогами российских солдат, сначала отправленных воевать в Чечню царем, потом Ельциным, потом Путиным – часто возникает в моей повести, я пишу об абсурдности и нескончаемости варварства. Зверства побеждают прогресс, в этом смысле в обществе немногое меняется, а жестокости гражданской войны в Испании повторяются во всех войнах. Возможно, нас следует назвать бесчеловечной расой?

Джеймс Парди

Я – ИЛАЙДЖА ТРАШ

Престарелая, но прекрасная наследница нефтяного состояния уговаривает истекающего кровью чернокожего юношу следить за объектом ее желаний – девяностолетним Илайджей Трашем, актером ослепительной красоты. Однако ветреный Илайджа любит только одно существо – своего немого правнука. Впервые на русском языке – сюрреалистический роман великого американского прозаика.

Жиль Себан

ДОМОДОССОЛА. САМОУБИЙСТВО ЖАНА ЖЕНЕ

Жизнь Жене напоминает комическую сценку, душераздирающую и наводящую ужас, – что-то вроде циркового номера, по окончании которого клоуны выходят за ограду шапито, влезают в автофургон и с фатальным лязгом захлопывают двери, а затем, даже не сняв грим, нажимают на курок и вышибают себе мозги.

Ладислав Клима

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ

Пятеро гимназистов, сдав экзамены на аттестат зрелости, встречаются в пивной, и каждый провозглашает свой жизненный идеал. Один клянется посвятить жизнь науке, другой – женщинам, третий видит смысл жизни в деньгах, четвертый наблюдает в себе ростки поэтической гениальности. А пятый – по имени Нездешний – утверждает, что эти мечты и идеалы не стоят и ломаного гроша - как и весь земной мир с его «добродетелями» и «ценностями». И именно его пророчества сбываются спустя 30 лет...

Герард Реве

ПИСЬМА СИМОНУ К.

Единственное – это Искусство. Я имею в виду, это единственное, что дает удовлетворение. Телесная любовь, вино, – они подавляют всё. Искусство дает опору ввиду своей полнейшей никчемности. И Церковь, конечно, покуда она не имеет смысла и не ввязывается в общественные перебранки, в которых до сих пор с безошибочной уверенностью отдавала предпочтение убийцам, гангстерам и черни.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести *в Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Перелётный кабак», Мансуровский, 10

в Санкт-Петербурге:
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)

через Интернет:
«Ozon» ozon.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

в Украине:
«Либра» librabook.com.ua

По вопросам оптовых продаж наших книг обращайтесь
в Книготорговую компанию «Медленные книги»:
www.slowbooks.ru; тел.: (499) 258-45-03
Национальный книжный дистрибьютор –
«Книжный Клуб 36,6», тел. (495) 926-45-44
Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

МИТИН ЖУРНАЛ №70
KOLONNA PUBLICATIONS
Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301